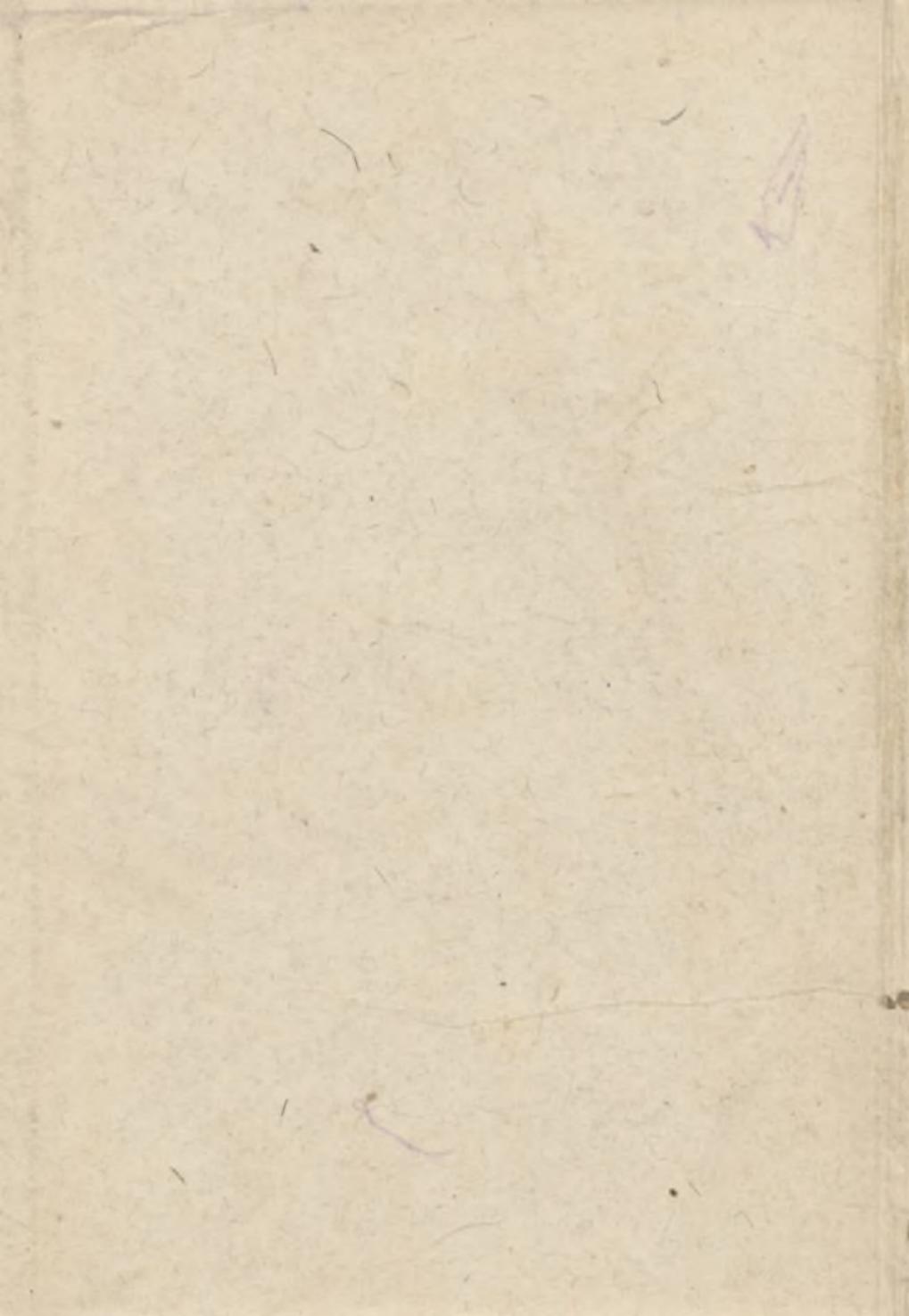

Шевченко.

—
Кобзарь
—

115

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

КОБЗАРЬ.

(Съ портретомъ).

ИЗДАНИЕ
К. М. ГАМАЛЪЯ,
Приобрѣтенное Ф. А. Іогансономъ.

Цѣна 35 коп.

КІ Е ВЪ.

Тип. Г. т Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4.
1894.

090902

Дозволено Цензурою. Москва, 25 Ноября 1893 года.

M. Kukuzhev

ОГЛАВЪ

	Стр.
Антоцию Сови	540
А иумо знову виршувать	321
Бувае, иноди старый	335
Бувае, въ неволи иноди згадаю	467
Було роб'ю що, чи гуляю	432
Варчакъ	824
Вечиръ	278
Видима	511
Витеръ въ гаи нагынае	254
Витре буйный, витре буйный	248
Во Іудеи, во дні оны	539
Въ неволи, въ самоти немае	473
Въ неволи тяжко, хоча й воли	283
Въ ночи к ожеледь и ирка	550
Въ Путинви гради въ-ранци рано.	549
Гайдамаки	74
Гамалія	23
Готово! Парусъ роспістыли	347
Дви частини зъ поэмъ „Іванъ Гусъ“	225
Ливчя любе, чорнобрыве	512
Добро, у кого йе господа.	337
Доля	503
До мертвыхъ и живыхъ, и ненарожденыхъ земляківъ моихъ, въ України и не въ України сущихъ, мое дружнє посланіе	191
До Основьяненка	185
До сестры	208

	Стр.
Ляхамъ	528
Лыкери.	544
Л.	552
Лилея	264
Маркевичу И.	242
Мынаютъ дни, мынаютъ почи	253
Моимъ соузникамъ	282
Мепи однаково, чи буду	311
Мени тринадцатый мынавъ	312
Мы въ купочда колымъ рослы	341
Мы въ оссны такы похожи	345
Мовъ за подушне, осгупыны	357
Маты покрытка	368
Марына	374
Мижъ скаламы, нещасе злодій.	403
Мы заспивалы, розійшлись	457
Мени здається—я не знаю	469
Москалева крыница	474
Муза	510
Марку Вовчку	532
И. Я. Макарову.	551
Мынулы лита молодыи	553
Мій Боже мылый! якъ то мало	553
Наймычка	163
Невольницъ	199
На вичину память Котляревскому	243
На що мени чорни бровы.	249
Не хочу я женитыся.	255
Не женыся на багатій, бо выжне эъ хаты	257
Не завидуй багатому, багатый не мае.	258
„Не кыдай матери!” казалы	278
Не спалося; а пичь, якъ море	283
Не для людей и не для славы	328
На батька бисового трачу	334
Не знаю, якъ теперь лянь живутъ	350
На Рэздво	363

	Стр.
Неначе степомъ чумаки	355
На Вкрапиу	358
Не такъ тіи вороги	372
На великденъ ва соломи	424
Не тополю высокую	425
На улицы ивесесело	426
На городи коло броду	430
Не вернулся изъ походу	431
Неначе праведныхъ дитей	441
Иу що бѣ, здавалося, слова	471
Неофигы	489
Не нарикаю я на Бога	552
Не журюся я, а не слыться	558
Пазаръ Стодоля.	563
Надъ Днепровою сагою	545
Ой стричечка до стричечки	277
Ой одна я, одна.	—
Однъ у другого пытаемъ	286
Огни горлть, музика грае	322
Ой гляну я, подывлюся	335
Ой чого ты почоршило	411
Ой слду я индъ хатою	430
Ой люли, люли, моя дытине	433
Ой ие пытуся пыва, меды	434
Ой ишла я у ярь за водою	436
Ой умеръ старый батько.	424
Ой я свого человека	438
Ой выгострю товариша	443
Ой маю, маю я оченята	536
Ой диброво, темный гаю	542
Перебендя	5
Прычина	29
Послание славному Н. И. Шафарыкови.	223
Пустка	283
Пустка	271
Не-мадъ полемъ иде	279

	Стр.
По улиці вигорѣ вів	423
Породыла мене мати	429
Полюбилася я	431
Петрусь	460
Писня	536
Подражаніе Сербському	543
П. С.	373
Плачъ Ярославны	548
Русалка	262
Радуйся, ныво неполиталя	534
Рослы у купоцци, зрослы	546
Сыти	417
Самому тудно. А де-жъ дитись	286
Сонце заходить; горы чорніють	287
Сопъ	314
Сонъ	530
Сонъ	182
Сотинкъ	385
Слава	523
Сестри	537
Тарасова пітъ	11
Тополя	15
Тече вода въ суне море	247
Тяжко въ свити жити	250
Три шляхи	270
То такъ и я теперъ пишу	288
Та не дай, Господи, никому	322
Тумантъ, туманъ долиною	441
Тытаривна	450
Тытаривна-Немеривна	554
Тече вода зъ-инде явора	577
Утоплена	235
У Вильни, городи преславнимъ	258
У Бога за дверымъ лежала сокира	347
У недиленъку та ранесенъко	435
У тыси Катерини	420

	Стр.
Удовиця	422
У недиленъку у святую	412
Уточтала стежечку	439
У перетыку ходыла	440
Хустына	37
Хустына	272
Хиба самому написать	338
Хатына.	458
Чыгрынъ	185
Черныця Марьяна	63
Чого мени тяжко, чого мени нудно	253
Чи мы ще зайдемося знову	88
Чернець	330
Чи то недоля та неволя	336
Чума	418
Чи не покинуть намъ пебого	560
Шпатка	415
Якъ-бы зострилися мы знову	361
Якъ маю я журнтыся	36
Якъ-бы тоби довелося	364
Якъ бы мени, мамо, памысто	427
Якъ-бы мени черевыкы.	—
Якъ-бы вы зналы, панычи.	448
Икъ-бы зъ кымъ систы хлиба зъисты.	555
Икъ-бы то ты, Богдане пыяный	538

— ♫ До 1844 року. ♪ —

умы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вамы!
На що стали на папери
Сумнымы рядамы?
Чомъ васъ витеръ не розвіявъ
Въ степу, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не приспало,
Якъ свою дытыну?

Бо васъ лыхо па свитъ на смихъ породило,
Нолывали слёзы... чомъ не затопылы,
Не вынеслы въ море, не размылы въ поли?
Не пытали бъ люде, що въ мене болить,
Не пытали бъ, за що проклынаю долю,
Чого нужу свитомъ?... „Ничого робыть,“
Не сказали бъ на смихъ...

Квиты мои, диты!

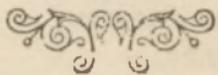
На-що жъ васъ кохавъ я, на-що доглядавъ?
Чы заплаче серце одно на всимъ свити,
Якъ я зъ вамы плакавъ? Може и вгадавъ...

Może, найдеться дивоче
 Серце, кари очи,
 Що заплачутъ на си думы—
 Я бильше не хочу.
 Одну слёзу зъ очей карыхъ—
 И панъ надъ панамы!
 Думы мои, думы мои,
 Лыхо мени зъ вамы!
 За карыи оченята,
 За чорныи бровы
 Серде рвалося, сміялось,
 Вылывало мову,
 Вылывало, якъ умило;
 За темныйи ночи,
 За вышневый садъ зеленый,
 За ласкы дивочи...
 За степы, та за могылы,
 Що на Украини,
 Серде млило: не хотило
 Спивать на чужыни;
 Не хотилось въ снигу, въ лиси,
 Козацьку громаду
 Зъ булавамы, зъ бунчукамы
 Збирать на пораду...
 Нехай дуппи козацькии
 Въ Украини витають—
 Тамъ шыроко, тамъ весело
 Одъ краю до краю,
 Якъ та воля, що мынулась;
 Дніпръ шырокий—море,
 Степъ и степъ, ревуть порогы,
 И могылы-горы;
 Тамъ родылась, гарцовала

Козацькая воля;
 Тамъ шляхтою, татарамы
 Засивала поле,
 Засивала трупомъ поле,
 Покы не остыло...
 Лягла спочить... а тымъ часомъ
 Выросла могыла,
 А надъ нею орелъ чорный
 Сторожемъ литае,
 И про неи добрымъ людямъ
 Кобзари снивають,
 Все снивають, якъ діяллось,
 Слини пеборакы,—
 Бо дотепни... А я... а я
 Тилько вмію плакать,
 Тилько слёзы за Вкраину...
 А слова—немае...
 А за лыхо.... Та цуръ ему!
 Хто его не знає!...
 А надто той, іщо дывиться
 На людей дупюю—
 Пекло ему на симъ свити,
 А на тимъ...

Журбою
 Не наклычу соби доли,
 Колы такъ не маю.
 Нехай злыдни жывуть тры дни—
 Я ихъ заховаю,
 Заховаю змію люту
 Коло своего сердя,
 Щобъ ворогы не бачили,
 Якъ лыхо сміється.
 Нехай думка, якъ той воронъ,
 Литае, та кряче,

А серденько соловейкомъ
 Щебече, та плаче
 Нышкомъ--люде не побачуть,
 То й не засміться...
 Не втырайте-жъ мои слезы,
 Нехай соби льються,
 Чуже поле поливають
 Що-дпи и що-ночи,
 Покы попы не засыплють
 Чужымъ пискомъ очи...
 Оттаке-то... а що робить!
 Журба не поможе.
 Хто-жъ сыроти завидуе—
 Карай того, Боже!
 Думы мои, думы мои,
 Квиты мои, диты!
 Выроставъ васъ, доглядавъ васъ—
 Де жъ мени васъ диты?
 Въ Украину идить, диты,
 Въ пашу Украину,
 По-нидъ-тынню, сыротамы,
 А я—тутъ загину.
 Тамъ найдете щыре серце
 И слово ласкаве,
 Тамъ найдете щыру правду,
 А ще, може, й славу...
 Прывитай же, моя ненъко,
 Моя Украино,
 Моихъ дигокъ иерозумныхъ,
 Якъ свою дытыну.

П е р е б е н д я.

(Е. П. Гребенкъ).

Сребедня—старый, слишь,
Хто его не зпае?
Винъ усюды вештаеться
Та на кобзи грае.
А хто грае, того знаютъ
И дякуютъ люде:
Винъ имъ тугу розгапяе,
Хоть самъ свитомъ нудыть.
По-шидъ-тынню сиромаха
И дпюе, й ночуе;
Нема ему въ свити хаты;
Недоля жартуе
Надъ старою головою,
А ему байдуже;
Сяде соби, заспивае:
„Ой не шумы, муже!“
Заспивае, та й згадае,
Що винъ сыротына,
Пожурыться, посумуе,
Сыдячы пидъ тыномъ.
Оттакий-то Перебендя,
Старый та хымерный!
Заспивае про Чалого—
На „Горлыцю“ зверпе;
Зъ дивчатамы на выгони—
„Грыця“ та веснянку,
А у шынку зъ парубкамы—
„Сербына“, „Шынкарку“;

Зъ жонатымъ на бенкети
 (Де свекруха злая)—
 Про тополю, лыху долю,
 А потимъ—„У гаю“.
 На базари—про Лазаря,
 Або, щобъ те знали,
 Тяжко·важко заспивае,
 Якъ Сичъ руйнувалы.
 Оттакый-то Перебедня,
 Старый та хымерный!
 Заспивае, засміється,
 А на слезы зверне.

Витеръ віе·повивае,
 По полю гуляе.
 На могили кобзарь сидить
 Та на кобзи грае.
 Кругомъ его—стенъ, якъ море
 Широке, синie;
 За могилою могила,
 А тамъ—тилько мріe.
 Сивый усь, стару чурины
 Витеръ розвивае;
 То приляже та послуха,
 Якъ кобзарь спивае,
 Якъ серце сміється, слипи очи плачуть...
 Послуха, повіе...

Старий заховавсь
 Въ степу на могили, щобъ никто не бачивъ,
 Щобъ витеръ по полю слова розмахавъ,
 Щобъ люде не чули: бо то Боже слово,
 То серде по воли зъ Богомъ розмовля,
 То серде щебече Господнюю славу,

А думка край свита на хмари гуля.
 Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
 Ажъ небо блакытне шырокымъ бье;
 Сиочыне на сонци, его запытае,
 Де воно ночуе, якъ воно встае;
 Послухае моря, що воно говорыть;
 Сыта чорну гору: чого ты нима?
 И знову на небо, бо на земли горе,
 Бо на ій, шырокій, куточка нема
 Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
 Що море говорыть, де сонце ночуе.
 Ёго на симъ свити никто не прыйма!
 Одынъ винъ мижъ нымы, якъ сонце высоке.
 Ёго знаютъ люде, бо носить земля;
 А якъ-бы почулы, що винъ, одынокий,
 Спива на могыли, зъ моремъ розмовля,—
 На Божее слово воны бъ насміялысь,
 Дурнымъ бы назвалы, одъ себе бъ прогналы.
 „Нехай по-надъ моремъ“, сказали бъ, „гуля!“

Добре есы, мій кобзарю,
 Добре, батьку, робышъ,
 Що спиваты-розмовляты
 На могылу ходышъ!
 Ходы соби, мій голубе,
 Нокы не заснуло
 Твое серце, та выспивуй,
 Щобъ люде не чулы.
 А щобъ тебе не цуралысь,
 Потурай имъ, брате!
 „Скачи, враже, якъ панъ каже:
 На те винъ багатый“.

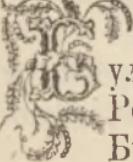
Оттакый-то Перебеня,
Старый та хымерный!
Заспивае весильнои,
А на журбу зверне.

Иванъ Пидкова.

(В. П. Штернбергъ).

I.

 уло колысь—въ Украини
Ревилы гарматы;
Було колысь—Запорозци
Вмили пануваты.
Панувалы, добувалы
И славу, и волю;
Мынулося—осталыся
Могилы на поли!
Высокии ти могилы,
Де лягло спочты
Козацькее биле тило,
Въ кытайку повыте.
Высокии ти могилы
Чорніютъ, якъ горы,
Та про волю нынекомъ въ поли
Зъ витрамы говорять.

Свидокъ славы дидовщины
 Зъ витромъ розмовляе,
 А внукъ госу несе въ росу,
 За нымы спивае.

Було колысь—въ Украини
 Лыхо танцовало,
 Журба въ пынку медъ, горилку
 Поставцемъ кружала.
 Було колысь добре жыты
 Нашій Украини...
 А згадаймо! може, серде
 Хочъ трохы спочыне

II.

Чорна хмара зъ-за Лыману
 Небо, сонце крье.
 Сыне море звирюкою
 То стогне, то вые.
 Дніпра гырло затопыло.
 „А путе, хлопъята,
 На байдакы! Море грае—
 Ходимъ погуляты!“

Высыпалы Запорозци—
 Лыманъ човны вкрылы.
 „Грай же, море!“ заспивали,—
 Запинялись хвыли!
 Кругомъ хвыли, якъ ти горы:
 Ни земли, ни пеба.
 Серде мліе, а козакамъ
 Того тилько й треба,

Плыуть соби та спивають!
 Рыбалка литае...
 А попереду отаманъ
 Веде, куды знае.
 Похожае вздовжъ байдака,
 Гасне люлька въ роти;
 Поглядае сюды, туды—
 Де-то буть роботи?
 Закрутывши чорни усы,
 За ухо чупричу,
 Пиднявъ шапку,—човни стали.
 „Нехай ворогъ гыне!
 Не въ Сынопу, отаманы,
 Панове-молодцы,
 А у Царыградъ, до султана
 Пойдемо въ гости!“
 — „Добре, батьку-отамане!“
 Кругомъ заревило.
 „Спасыби вамъ!“
 Надивъ шапку.
 Знову закинило
 Сыне море; вздовжъ байдака
 Знову похожае
 Панъ отаманъ, та на хвилю
 Мовчки поглядае.

Тарасова пичъ

(П. И. Мартосу).

На роспутти кобзарь сидыть
 Та на кобзи грае;
 Кругомъ хлопци та дивчата,
 Якъ макъ процвитае.
 Грае кобзарь, выспивуе,
 Вымовля словамъ,
 Якъ москали, орда, ляхы
 Былись зъ козакамы;
 Якъ збиралась громадонъка
 Въ недиленъку въ-ранци;
 Якъ ховалы козачепъка
 Въ зеленимъ байраци.
 Грае кобзарь, выспивуе—
 Ажъ лыхо сміється...

„Встae хmара зъ-за Лыману,
 А другая зъ поля;
 Зажурылась Украина—
 Така іи доля!
 Зажурылась, заплакала,
 Якъ мала дытына.
 Нихто іи не рятue...
 Козачество гыне;
 Гыне слава, батькивиця;
 Немае де дитысь;
 Выростаютъ пехрещени
 Козацъки диты;
 Кохаются невинчани;

Безъ попа ховаютъ;
 Запродана жыдамъ вира,
 Въ церкву не пускаютъ!
 Якъ та галичъ поле крые,
 Ляхы, уніяты
 Налитаютъ,—нема кому
 Порадоньки даты.
 Обизвався Налывайко—
 Не стало Кравчины!
 Обизвавсь козакъ Павлюга —
 За иею полынуvtъ!
 Обизвавсь Тарасъ Трясило
 Гиркымы слезамы:
 „Бидна моя Украино,
 Стоптана Ляхамы!“

Обизвавсь Тарасъ Трясило
 Виру ритоваты,
 Обизвався орелъ сзыый,
 Та й давъ ляхамъ знаты!
 Обизвався панъ Трясило:
 „А годи журыться!
 А ходимъ лышъ, паныбраты,
 Зъ полякамы быться“!
 Вже не тры дни, не тры ноchi
 Бъеться панъ Трясило.
 Одъ Лымана до Трубайла
 Труномъ поле крылось.
 Изнемигся козаченько,
 Тяжко зажурывся,
 А поганый Конецъпольский
 Дуже звеселывся;
 Зибравъ шляхту всю до-купы,
 Та й цу частоваты.

Зибравъ Тарасъ козаченькивъ—
Порады прохаты:
„Отаманы, товарыши,
Браты мои, диты!
„Дайте мени порадоньку,
„Що будемъ робыты?
„Бенкетують вражи ляхи
„Наше безголовье“.

— „Нехай соби бенкетують,
„Нехай на здоровье!
„Нехай кляти бенкетують,
„Поки сонце зайде,
„А ничъ-маты дасть пораду—
„Козакъ ляха знайде“.

„Лягло сонце за горою
Зирки засиялы,
А козакы, якъ та хмара,
Ляхивъ обступалы.
Якъ ставъ мисяцъ середъ неба.
Ревнула гармата;
Прокынулись ляшки-панки—
Никуды втикали!
Прокынулись ляшки-панки
Та и не човставали:
Зийчло сонце—ляшки-панки
Покотомъ лежали.

Червоною гадюкою
Чесе Альта висти,

Побѣ летилы крюкы зъ поля
Ляпкивъ-папкивъ йисты.
Налетили черни крюкы
Вельможныхъ будыты;
Зибралося казачество
Богу помолытсь.
Закрякалы черни крюкы,
Выймаючи очи;
Заспивалы козаченъкы
Писню тіи ночи,—
Тіи ночи кривавои,
Що славною стала
Тарасови, козачеству,
Ляхивъ що прыснала.
„Надъ ричкою, въ чистимъ полѣ
Могыла черніе;
Де кровъ текла козацькая,
Трава зеленіе.
Сидить воронъ на могыли
Та зъ голоду кряче...

Умовъ кобзарь сумуючи:
Щось руки не грають,
Кругомъ хлопци та дивчата
Слизоньки втырають.
Пиповъ кобзарь по улыци—
Зъ журбы якъ заграе!—
Кругомъ хлопци наўпрысяде
А винъ вымовляе:
„Нехай буде оттакечки!
Сыдить диты у заличку,
А я зъ журбы та до шыпку

А тамъ пайзу свою жинку,
Найду жинку, почастую,
Зъ вороженъкивъ покепкую".

ТОПОЛЯ.

(П. С. Петровской).

То дуброви витеръ вые,
Гулае по полю,
Край дороги гне тополю
До самого долу.
Станъ высокій, лыстъ широкай—
На що зеленіе?
Кругомъ поле, якъ те море
Широке, синie.
Чумакъ иде, подывыться,
Та й голову схылить;
Чабанъ въ ранци зъ социлкою
Слде на могыли,
Подывыться—сердце ные:
Кругомъ ни былны!
Одна, одна, якъ сырота
На чужыни, гыне!

Хто жъ выкохавъ тонку, гнучку
Въ степу погыбаты?
Постривайте, все розскажу.
Слухайте жъ дивчата!

Полюбила чорнобрыва
 Козака дивчына,
 Полюбила — не спынила,
 Пишовъ та й загынувъ.
 Якъ-бы знала, що покыне —
 Була бъ не любыла;
 Якъ-бы знала, що загыне,—
 Була бъ не пустыла;
 Якъ-бы знала, не ходыла бъ
 Пизно за водою,
 Не стояла бъ до пивночи
 Зъ мылымъ пидъ вербою;
 Якъ-бы знала!...

И то лыхо—
 Попереду знаты,
 Що намъ въ свити зостринеться...
 Не знайте, дивчата!
 Не пытайте свою долю!...
 Само сердце знае,
 Кого любыть... нехай въяне,
 Покы закопаютъ!
 Бо не довго, чорнобрыви,
 Кари оченята,
 Биле лычко червопіе,
 Не довго, дивчата!
 До полудня, та й завъяне,
 Бровы полыняютъ...
 Кохайтесь жъ, любитеся,
 Якъ серденько знае.

Защебече соловейко
 Въ лузи на калыни,—

Заспивае козаченько,
 Ходя по долыни.
 Выспивуе, поки выйде
 Чорнобрыва зъ хаты;
 А винъ іи запытае:
 Чы не была маты?“
 Стануть соби, обіймутсья,—
 Спива соловейко;
 Послухають, розійдуться,—
 Обое раденьки.
 Нихто того не побачить,
 Нихто не спытае:
 „Де ты була, що робыла?“
 Сама соби знае.
 Любилася, кохалася,
 А серденько млило:
 Воно чуло недоленъку,
 А сказать не вмило.
 Не сказало,—осталася,
 День и ничъ воркуе,
 Якъ голубка безъ голуба.

Не щебече соловейко
 Въ лузи надъ водою,
 Не спивае чорнобрыва,
 Стоя пидъ вербою;
 Не спивае,—якъ сырота,
 Билымъ свитомъ нудыть.
 Безъ мылого батько, маты—
 Якъ чужкии люде;
 Безъ мылого сонце свитыть—
 Якъ ворогъ сміється;
 Безъ мылого скризъ могила...

А серденько бьеться!
 Минувъ и рикъ; минувъ другой—
 Козака нема;
 Сохне вона, якъ квиточка,—
 Нихто не пытае.
 „Чого въяненій, моя доню?“
 Маты не спытала.
 За старого, багатого
 Нышечкомъ еднала.
 „Иды, доню!“ каже маты:
 „Не викъ дивуваты.
 Винъ багатый, одынокий—
 Будешъ пануваты“.
 — „Не хочу я пануваты,
 Не пиду я, мамо!
 Рушникамы, що прыдбала,
 Спусти мене въ яму.
 Нехай попы заспивають,
 А дружки заплачуть;
 Легше мени въ труни лежать,
 А низъ его бачыть“.

Не слухала стара маты,
 Робыла, що знала,
 Все бачила чорнобрыва,
 Сохла и мовчала.
 Нипила въ ночи до ворожки,
 Щобъ поворожити,
 Чы довго ій на симъ свити
 Безъ мылого жыты?
 „Бабусенько, голубонько,
 Серце мое, ненько!
 Скажы мени щыру правду,

Де милый серденько?
 Чы жывъ, здоровъ, чы винъ любыть,
 Чы забувъ, покынувъ?
 Скажы жъ мени, де мій милый?
 Край свита полыни!
 Бабусенько, голубопенько,
 Скажы, колы знаешъ!
 Бо виддае мене маты
 За старого замижъ.
 Любыть его, моя сыза,—
 Серце не навчыты.
 Пишла бъ же я утонылась—
 Жаль душу згубыты.
 Колы не живъ чернобрывый,
 Зробы, моя пташко,
 Щобъ до дому не вернуласъ...
 Тяжко мени, тяжко!
 Тамъ старый жде зъ старостамы...
 Скажы жъ мою долю“.
 — „Добре, доню; спочынь трошки...
 Чыны жъ мою волю.
 Сама колысь дивувала,
 Тее лыхо знаю;
 Минулося, навчылася—
 Людямъ помогаю.
 Твою долю, моя доню,
 Позаторникъ знала,
 Позаторикъ и зиллячка
 Для того прыдбала“.

 Пишла стара, мовъ каламарь
 Достала зъ полыци.
 „Ось на тоби сего дыва!

Пиды до крыныци;
 Покы пивни не спивали,
 Умылся водою,
 Выпый трошки сего зилля—
 Все лыхо загоить.
 Выпьенгъ,—бижы, яко мога;
 Що-бъ тамъ ни кричало,
 Не оглянъся, покы станешъ
 Ажъ тамъ, де прощалась.
 Одпочынешъ; а якъ стане
 Мисядь середъ неба,
 Выпый ще разъ; не прыйиде—
 Въ-трете выпить треба.
 За першый разъ, якъ за той рикъ,
 Будешъ ты такою;
 А за другой—середъ стеноу
 Тупие кинъ ногою.
 Колы жывый козаченько,
 То заразъ прыбуде.
 А за третій... моя доню,
 Не пытай, що буде.
 Та ще, чуешь, не хрестыся,
 Бо все пиде въ воду.
 Теперъ же йды; подзывся
 На торишнюю вроду".

Взяла зилля, поклонылась:
 „Спасыби, бабусю!“
 Выйшла зъ хаты: „Чы йты, чы ни?
 Ни, вже не вернуся!“
 Нипила, вмылась, напылася—
 Мовъ не своя стала;

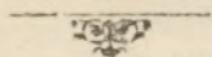
Въ-друге, въ-трете, та, мовъ сонна,
Въ стени заснивала:

„Плавай, плавай, лебедопъко,
По синему морю,
Росты, росты, тополенько,
Все вгору, та въ гору!
Росты тонка та высока
До самой хмара,
Спятай Бога, чы дижду я,
Чы не дижду пары?
Росты, росты, подывыся
За синее море:
По тимъ боци—моя доля,
По симъ боци—горе.
Тамъ десь мылый чернобрывый
По полю гуляе,
А я плачу, лита трачу,
Его выглядаю.
Скажи ему, мое сердце,
Що сміются люде;
Скажи ему, що загиу,
Колы не прыбude.
Дама хоче мене маты
Въ землю заховаты...
А хто жъ іп головопъку
Буде доглядаты?
Хто догляне, розпытае,
На старисти поможе?
Мамо моя, доле моя!
Боже мылый, Боже!
Подывыся, тополенько,
Якъ нема—заплачешъ

До схидъ сонця ранисилько,
 Щеубъ пихто не бачывъ.
 Росты жъ, серце тополенько,
 Все въ гору, та вгору;
 Плавай, плавай, лебедонько,
 По синему морю!,,

Таку писню чорнобрыва
 Въ стешу заспивала.
 Зилля дыва паробыло—
 Тополею стала.
 Не вернулася до-дому,
 Не диждала пары;
 Тонка, тонка та высока—
 До самои хмары.

По діброви витеръ вые,
 Гулле по полю,
 Край дорогы гне тоцюю
 До самого долу.

ГЛАМАЛІЯ.

„Ой нема, нема ни витру, ни хвили
Изъ нашои Украини!
Чы тамъ раду радять, якъ па турка статы,
Не чуемо па чужыни“.
„Ой, повій, повій, вітре, черезъ море
Та зъ Великого Лугу,
Супы наши слезы, заглушы кайданы,
Розвій нашу тугу!“

„Ой заграй, заграй, синесеньке море,
Та пидъ тымы байдакамы,
Що плывуть козакы, тилько мріють шапки,
Та на сей бикъ за намы“.

„Ой Боже нашъ, Боже! хочъ и не за намы,
Несы Ты ихъ зъ Украини:
Почуемо славу, гозацькую славу,
Почуемо, та й загмнемъ“.

Оттакъ у Скутари козакы спигалы;
Спивалы сердегы, а жезы лылыш;
Лылыш козацьки, тугу домовлялы.
Босфоръ ажъ затрясся, бо зъ-роду не чувъ
Козацького плачу; застогнавт широкий,
И пікурою, сирый бугай, стрепенувъ
И хвилю, ревучы, далеко-далеко
У синее море на ребрахъ пославъ.
И море ревнуло, Босфорову мову
У Лиманъ погнало, а Лиманъ Дніпрови
Тую журбу-мову на хвили подавъ.

Зареготався дидъ нашъ дужый,
Ажъ пина зъ уса потекла.

„Чы снышъ, чы чуешь, брате Луже?
Хортыце сестро?“

Загула

Хортыця зъ Лугомъ: „Чую, чую!“

И Дніпръ укрылы байдакы,
И заспивали козакы:

„У туркени, по тимъ боци,
Хата на помости.

Гай, гай! море, грай!
Ревы, скели ламай!
Пойдемо въ гости“.

„У туркени у кышени
Таляры, дукаты,
Не кышени трусьть,
Йидемъ ризать, палить,
Бративъ вызволяты!

„У туркени янычары
И баша на лави.
Гой ты, вороги!
Мы не маемъ ваты!“
Наша й воля слава!

Плыуть соби, спиваочы.
Море витеръ чуе.
Понереду Гамалія
Байдакомъ керуе.
— Гамалію, серце мліе:
Сказылося море!

Не злякае! и сковалысь
За хвили—за горы.

Дримае въ хареми—въ раю Византія,
И Скутарь дримае; Босфоръ клыкотыѣ
Неначе скаженый; то стогне, то выс:
Ему Византію хочеться збудыть.

„Не буды, Босфоре: буде тоби горе!
Твои били ребра пискомъ занесу,
У мулъ поховаю (реве сине море).
Хиба ты не знаешъ, якынъ я несу
Гостей до султана?“

Такъ море спыняло
(Любыло завзятыхъ чубатыхъ славянъ).
Босфоръ скаменувся. Туркеня дримала,
Дримавъ у Хареми ледачий султанъ
Тилько у Скутари, въ склепу, не дримаютъ
Козакы сердегы. Чого воны ждутъ?
По-своему Бога въ кайданахъ благаютъ,
А хзыли на тей бикъ идуть та ревутъ.

„О, мылый Боже Украины!
Не чай пропасты на чужыни,
Въ неволи вольнымъ козакамъ!
И соромъ тутъ, и соромъ тамъ—
Вставать зъ чужои дсмовыны,
На судъ Твій праведный прыйты
Въ гализахъ руки прынесты,
И передъ всими у кайданахъ
Стать козакови...“

Рижъ и бый!
Мордуй невицу бусурмана!“

Крычать за муромъ. Хто такый?...“
 Гамалію, серце мліе:
 Скутарь скаженіе!

„Рижте, бытѣ!“ на фортеци
 Крычть Гамалія.

Реве гарматами Скутара,
 Ревуть, лютують ворогы;
 Козацтво претъся безъ вагы—
 И покотылись япичары.
 Гамалія по Скутари—
 По пеклу гулле;
 Самъ хурдыгу розбывае,
 Кайданы ламае.

„Вылитайте сири птахи,
 На базаръ до паю!“
 Стрепенулись соколята,
 Бо давно не чулы
 Хрещенои тїи мовы.

И ничъ стрепенулась:
 Не бачыла, стара маты,
 Козацькои платы.
 Не лякайся, подывися
 На бенкетъ козачый.
 Темно всюды, якъ у будень,
 А свято чымале
 Не злодіі зъ Гамаліемъ
 Йидять мовчки сало
 Безъ шаплыка. „Засвитымо!“
 До самои хмари
 Зъ щоглистымы кораблямы
 Палае Скутара.

Византія пробуркаласъ
Вытрыщае очи;
Переплыва па помогу,
Зубамы скрекоче.

Реве, лютуе Византія,
Рукамы берегъ достае;
Достала, зыкнула, встас—
И па пожахъ въ крови ниміє
Скутарь, мовъ некло те, палае;
Черезъ базары кровъ тече,
Босфоръ широкій долывае.
Неначе штахы чорни въ гаи,
Козацтво смилыво литае.
Нихто на свити не втече!
Огонь запеклыхъ не пече:
Руйнують муры, срибло-злото
Несуть шапкамы козакы
И насыпають байдакы.
Горыть Скутарь, стыха робота,
И хлопци сходяться; зійшлись,
Люльки зъ пожару закурылы,
На байдакы,—та й потяглы,
Рвучы червони горы-хвили.
Плынуть соби, нибы зъ дому,
Такъ будимъ гуляютъ,
Та, звычайне Запорозци,
Плывучы спивають:

„Нашъ отаманъ Гамалія,
Отаманъ завзятый,
Забравъ хлопцівъ та й пойихавъ
По морю гуляты,—

По морю гуляты,
 Славы добуваты,
 Изъ турецькои неволи
 Бративъ вызволаты.
 Ой прыхихавъ Гамалія
 Ажъ у ту Скутару,—
 Сыдять браты Запорозци,
 Дожыдають кары.
 Ой ікъ крыкнувъ Гамалія:
 „Браты, будемъ жыты,—
 Будемъ жыты, вино пыты,
 Янычара быты,
 А курени кылымамы,
 Оксамитомъ крыты!“
 Вылиталы Запорозци
 На ланъ жыто жаты;
 Жыто жалы, въ копы клалы,
 Гуртомъ заспивалы:
 „Слава тоби Гамаліе,
 На весь свитъ великий,—
 На весь свитъ великий,
 На всю Украину,
 Що не давъ ты товарыству
 Згынуть на чужыни!“

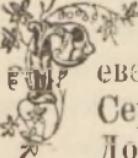
Плыуть спиваочы; плыве
 Позадъ завзятый Гамалія:
 Орель орлять мовъ стереже;
 Изъ Дарданеливъ вигерь віе,
 А не женеться Византія.
 Вона боиться, щобъ сернець
 Не засвітивъ Галату знову,
 Або гетьманъ Иванъ Пидковъ,

Не кликнувъ въ морѣ на ралець.
 Плыуть соби, а изъ-за хвили
 Сонце хвилю червоныть,
 Передъ пымы море мыло
 Гомонить ч кликотыть.

Гамаліе, витеръ ыѣ...
 Ось-ось наше море!...
 И сковалыся за хвили—
 За рожеви горы.

ПРЫЧИНА.

eve та стогне Дніпръ широкый,
 Сердитый витеръ завыва,
 До-долу вербы гие высоки,
 Горами хвилю пидійма.
 И близдный мисяць на ту пору
 Изъ хмары де-де выглядавъ,
 Непаче човенъ въ синимъ мори,
 То вырыпавъ, то потоцавъ.
 Ще трети пивни не спивали,
 Нихте нигде не гомонивъ.
 Сычъ іт гаю переклыкальсь,
 Та ясень разъ-у-разъ скрышивъ.

Въ таку добу иидъ горою,
 Биля того гаю,
 Що чорніе надъ водою,
 Щось биле блукае.
 Можетъ выйшла русалонька
 Матери шукаты,
 А може жде козаченька,
 Щобъ залоскотаты.
 Не русалонька блукае:
 То дивчина ходить,
 Й сама пе зна (бо прычинна),
 Що такее робыть
 Такъ ворожка поробыла,
 Щобъ меншie скучала,
 Щобъ, бачъ, ходя о-пивночи
 Спала й выглядала
 Козаченька молодого.
 Що торикъ покинувъ
 Обицався вернутыся.
 Та, мабуть, і згинувъ!
 Не кытайкою покрылъсъ
 Козацькы очи.
 Не вымылы биле лычко
 Слизоньки дивочи:
 Орель выйнявъ кари очи
 На чужому поли,
 Биле тило вовкы зъилы.—
 Така ёго доля.
 Дарма що ничъ, дивчинонька
 Ёго выглядает.
 Не вернеться чорнобрывый
 Та й не прывитае,
 Не розплете довгу косу,

Хустку не завъяже,
Не на лижко, въ домовыну
Сиротою ляже!

Така іи доля... О, Боже мій мылый!
За що жъ Ты караешъ іи молоду?
За те, що такъ щыро вона полюбыла
Козацькыи очи?... Просты сыроту!
Кого жъ ій любыты? ни батька, ни неньки;
Одна, якъ та пташка въ далекимъ краю.
Пошли жъ Ты ій долю—вона молоденька—
Бо люде чужкии іи засміють.
Чы выниа жъ голубка, що голуба любить?
Чы выненъ той голубъ, що сокиль убывъ?
Сумуе, воркуе, билымъ свитомъ нудить,
Лигае, шукае, дума—заблудывъ.
Щастлива голубка: высоко литае,
Полыне до Бога—мылого пытать.
Кого жъ сыротына, кого запытае,
И хто ій розскаже, и хто тее знае,
Де мылый ночує: чы въ темному гаю,
Чы въ быстримъ Дунаю коня напува,
Чы, може, зъ другою, другую кохае,
Іи чориобриву уже забува?
Якъ-бы то далыся орлыныи крыла.
За синимъ бы моремъ мылого знайшла,
Жывого бъ любыла, другу бъ задушыла.
А до пежывого у яму бъ лягla!
Не такъ серце любить, щобъ зъ кымъ подилыть!
Не такъ воно хоче, якъ Богъ намъ дае:
Воно жыть не хоче, не хоче журыться.
Журысь!" каже думка,—жалю завдае

О, Боже мій мылый! така Твоя золя,
Таке іи щастя, така іи доля!

Вона все ходыть, зъ усть ии пары.
Шырокый Дніпръ не гомоныть,
Розбывши витеръ чорни хмары,
Лигъ бия моря одпочыть,
А зъ неба мисяць такъ и сле;
И надъ водою, и надъ гаемъ,
Кругомъ, якъ въ уси, все мовчыть...
А жъ гулькъ—зъ Дніпра повырынали
Малы диты сміочысь.
„Ходимо гриться!“ закричали.
„Зійшло вже сонце(“ (Голи скризь,
Зъ осокы косы, бо дивчата)

„Чы вси вы тута?“ клыче маты:
„Ходимъ шукаты вечерять.
Пограемось, погуляймо,
Та писеньку заспиваймо.

„Ухъ! ухъ!
Соломьяній духъ, духъ!
Мене маты породыла,
Нехрещену положыла.
Мисяченъку!
Нашъ голубонъку!
Ходы до нась вечеряты
У нась козакъ въ очерсти,
Въ очерсти, въ осоди,
Срибный перстъ на руци,
Молоденъкий, чорнобровый;
Знайшли вчора у діброви.

Свиты довше въ чистимъ поли,
 Щобъ нагулятысь доволи.
 Покы видьмы ще литаютъ,
 Покы пивни не спивають,
 Посвity намъ... Онъ щось ходыть!
 Онъ пидъ дубомъ щось тамъ робыть.
 Ухъ! ухъ!

Соломъяный духъ, духъ!
 Мене маты породыла,
 Нехрещену положыла“.

Зареготалысь нехрещени
 Гай обизвався; галасъ, зыкъ,
 Орда мовъ риже Мовъ скажени,
 Легять до дуба. Ничышыркъ! .

Схаменулысь нехрещени..
 Дывляться—мелькае,
 Щось лизе вверхъ по стовбуру
 До самого краю
 Отто-жъ тая дивчинонька
 Що сонна блудыла.
 Оттаку-то ій прычыну
 Ворожба зробыла!
 На самый верхъ, на гилечци
 Стала... въ серце коле!
 Подывылась на вси бокы,
 Та й лизе до-долу
 Кругомъ дуба русалоньки
 Мовчкы дожыдалы;
 Ваялы іи, сердешнью,
 Та й залоскоталы
 Довго-довго дывувалысь

На іи уроду...
 Трети пивни— „кукурику!“ ---
 Шелеснулы въ воду
 Защебетавъ жайворонокъ
 У гору летючи;
 Закувала зозуленъка.
 На дубу сидючи;
 Защебетавъ соловейко—
 Пишла луна гаемъ;
 Червоніе за горою,
 Плугатырь спивае.
 Чорніе гай надъ водою,
 Де ляхы ходылы;
 Засынилы по-надъ Дніпромъ
 Высоки могилы;
 Пишовъ шелестъ по діброви;
 Шепчуть густы лозы...
 А дивчына сныть пидъ дубомъ,
 Пры бытій дорози
 Знать, добре сныть, що не чуе,
 Якъ куе зозуля
 Що не личыть, чы довго жыть...
 Знать, добре заснула.

А тымъ часомъ изъ діброви
 Козакъ выйизжае;
 Пидъ нымъ коныкъ вороненъкій
 Насылу ступае.
 „Издемигся, товарышу!
 Сёгодни спочынемъ,
 Блызъко хата, де дивчына
 Ворота одчыпты.
 А може вже одчынила

Не мени, другому...
 Швыдче, коню, швыдче, коню,
 Проспишай до-дому!“
 Утомылся воронецький,
 Иде, спотыкнеться,—
 Коло серця козацького
 Якъ гадына в'ється,
 „Ось и дубъ той кучерявый..
 Вона! Боже мылый!
 Бачъ, заснула выглядавши
 Моя сизокрила!“
 Кинувъ коята до неи.
 „Боже Ты мій Боже!“
 Кличе іи та цилуе...
 Ни, вже не поможе!
 „За що жъ вони розлучили
 Мене изъ тобою?“
 Зареготовавъ, розигрався,—
 Та въ дубъ головою!

Идуть дивчата въ поле жаты
 Та знай спивають идучи,
 Якъ провожала сына маты,
 Якъ бывсь татарынь у-ночи.
 Идутъ—пидъ дубомъ зеленецькимъ
 Кинь замордований стоить,
 А биля ёго—молодецький
 Козакъ та дивчына лежыть.
 Цикави (нигде правды диты)
 Пидкралыся, щобъ излякатъ;
 Колы подывляться, що вбытый,—
 Зъ перепелоху ну втикатъ,—

Збралыся подруженьки,—
 Слизоньки втырают;
 Збиралыся товарыши,—
 Та ямы копают;
 Прышлы попы зъ корогвами,
 Задзвонылы дзвоны
 Поховалы громадою,
 Якъ слицть, по закону.
 Насыпалы край дороги
 Дви могилы въ жыти.
 Нема кому запытаты,
 За що ихъ убыто?
 Посадылы надъ козакомъ
 Івиръ та ялыпу,
 А въ головахъ у дивчыны
 Червону калыну.
 Прылитае зозуленька
 Надъ нымы куваты;
 Прылитае соловейко
 Що-ничъ щебетаты;
 Выспивуе та щебече,
 Покы мисяць зайде,
 Покы тыи русалоньки
 Зъ Днепра гритысь выйдут.—

ХУСТЫНА *).

недилю не гуляла—
На шовкъ заробляла,
Та хустыну вышивала,
Вышываочы спивала:

„Хустыночка мережана,
Вышывана!
Выгантую—подарую,
А винъ мене поцилуе...
Хустыно моя
Малеваная!...
А я косу розплитаю,
Зъ дружыною похожаю...
Доленько моя....
Здывуются въ-ранци люде,
Що въ сыроты хустка буде—
Мережана,
Малевана“.

Оттакъ вона вышивала
И въ виконце поглядала,
Чы не ревутъ круторогы?
Чы не йде чумакъ зъ дорогы?
Иде чумакъ зъ-за Лыману

*) „Хустына“ знайшлась міжь бумагами Александра Олексіевича Корсуня, що въ 1840 р. видавъ український збирникъ „Свінъ“. Вона мала друковатись у другій книжці того-жъ збирника. Бильшъ якъ черезъ 40 літъ пися того, якъ ії написано, вона впершо була надрукована у кіївському збирнику „Луна“ 1881 р.

Зъ чужымъ добромъ, безталанный,
Чужи волы поганяе,
Поганяючи спивае:

„Доле моя, доле!
Чомъ ты не такая,
Якъ доля чужая?
Чы я пью-гуляю,
Чы до тебе дориженьки
У степу не знаю?
Чы до тебе свои дары
Я не посылаю?
Е у мене дары—
Очи мои кари;
Молодую мою силу
Багачи купылы.....
Може дивчыну безъ мене
Зъ инишымъ одружылы
Навчы-жъ мене, доле,
Гуляты навчы“.

Та й заплакавъ сиромаха,
Степомъ идучы...
Ой заплакавъ сивый пугачъ
Въ степу на могыли—
Зажурылысь чумаченьки,
Тяжко зажурылысь:
„Благословы, отамане,
Коло села статы,
Та повезимъ товарыша
Въ село прычащаты“.

Сповидалы, прычащалы,
Й ворожокъ пытали,
Не помогло!.. Зъ незциленнымъ
Въ дорогу рушалы.

Чы то нудъга невсыпуша
 Ёго зъ нигъ звалыла?
 Чы то люде наробылы
 Ёму молодому,
 Ішо прывезлы ёго зъ Дону
 На вози до дому?
 Благавъ Бога, щобъ дивчыну
 Хочъ свою побачыть,
 Не доблагавъ!.. Поховалы,
 Нихто й не заплаче....
 Поставылы громадою
 Хрестъ надъ сыротою,
 Та й розійшлысь... Якъ былина,
 Якъ листъ за водою,
 Шиповъ козакъ зъ сёго свиту,—
 Все забравъ зъ собою...—
 А де-жъ тая малёвана—
 Шытая хустына?
 А де-жъ тая веселая
 Дивчына-дытына?
 На новому хрести хустку
 Витеръ развивае,
 А дивчына у черныцяхъ
 Косу розплитае....

КАТЕРИНА.

*(Василію Андреевичу Жуковскому на память 22-го Апрѣля
1838 года).*

охайтесь, чорнобриви,
 Та не зъ москалями,
 Во москали—чужи люде,
 Робить лыхо зъ вами.
 Москаль любить жартуючи,
 Жартуючи кыне;
 Ииде въ свою Московицу,
 А дивчина гыне...
 Якъ-бы сама, ще бъ ничего,
 А то и стара маты,
 Що родыла па свитъ Божий,
 Мусыть погыбаты.
 Серце въяне спиваючи,
 Колы знає за-що;
 Люде сердця пе спытаютъ,
 А скажуть „ледащо!“
 Кохайтесь жъ, чорнобриви,
 Та не зъ москалями,
 Во москали—чужи люде,
 Сміються надъ вами.
 Не слухала Катерина
 Ни батька, ни пеньки,
 Полюбила москалька,
 Якъ знало серденъко.
 Полюбила молодого,
 Въ садочокъ ходыла,
 Покы себе, свою долю
 Тамъ занапастыла.

Клыче маты вечеряты,
 А донька не чуе:
 Де жартую эъ москалькомъ,
 Тамъ и заночуе.
 Не дви ночи кари очи
 Любо цилувала,
 Покы слава па все село
 Недобрая стала.
 Нехай соби тыи люде
 Що хотять говорять:
 Вона любыть, то й не чуе,
 Що вкрадося горе.
 Прыйшли висти недобрли—
 Въ походъ затрубылы;
 Пишовъ москаль въ Туреччину;
 Катрусью накрылы.
 Не счулася, та й байдуже,
 Що коса покрыта:
 За мылого, якъ спиваты,
 Любо й потужыты.
 Обищався чернобрывый,
 Колы не загыне,
 Обищався вернутся.
 Тоди Катерина
 Буде соби московкою,
 Забудеться горе;
 А покы-що, нехай люде
 Що хотять говорять.
 Не журьться Катерина—
 Слизоньки втырае,
 Що дивчата на улыди
 Безъ неи спивають,
 Не журьться Катерина—

Вмыется слёзою,
 Визьме видра о-пивъ-ночи,
 Пиде за водою,
 Щобъ ворогы не бачылы;
 Прыйде до крыныци,
 Стапе соби пидъ калыну,
 Заспивае „Грыця“.
 Выспивуе, вымовляе,
 Ажъ калына плаче.
 Вернулася—и раденька,
 Що никто небачывъ.
 Не журыться Катерына
 И гадкы не мае—
 У новенькій хустыночци
 Въ викно выглядает.
 Выглядает Катерына...
 Мынуло пивъ року—
 Занудыло коло сердца,
 Закололо въ боку.
 Нездужае Катерына,
 Ледве-ледве дыше...
 Вычуняла, та въ запичку
 Дытыну колыше.
 А жиночки лыхо дзвопять,
 Матери глузуютъ,
 Що москали вертаются
 Та въ вен почують:
 Въ тебе лочка чорпобрыва,
 Та ще ѹ пе едина,
 А муштруе у запичку
 Московського сына.
 Чорпобрывого прыдбала..
 Мабуть, сама вчыла...“

Бодай же васъ, цокотухи,
 Та злыдни побылы,
 Якъ ту матиръ, що вамъ на смихъ
 Сына породыла.

Катерыно, серце мое!
 Лышенько зъ тобою!
 Де ты въ свити подинешся
 Зъ малымъ сыротою?
 Хто спытае, прывитае,
 Безъ мылого въ свити?
 Батько, маты—чужи люде,
 Тяжко зъ нымы жыты!

Вычуяла Катерына,
 Одсуне кватырку,
 Поглядае на улыцю,
 Колыше дытынку;
 Поглядае—нема, нема...
 Чы то жъ и не буде?
 Нишла бъ въ садокъ поплакаты,
 Такъ дывляться люде.
 Зайде сонце—Катерына
 По садочку ходыть,
 На рученькахъ носить сына,
 Очыци поводыть:
 „Оттутъ зъ муштры выглядала,
 Оттутъ розмовляла,
 А тамъ... а тамъ... сыну, сыну!“
 Та й не доказала.

Зеленіютъ по садочку
 Черешни та вышни;

Якъ и перше выходыла,
 Катерина выйшла.
 Выйшла, та вже не спивае,
 Якъ перше спивала,
 Якъ москаля молодого
 Въ вышныкъ дожыдала.
 Не спивае чорнобрыва,
 Кляне свою долю.
 А тымъ часомъ вороженьки
 Чынить свою волю —
 Кують речи недобрыи.
 Шо мае робыты?
 Якъ бы мылый чорнобрывый,
 Умивъ бы спынты...
 Такъ далеко чорнобрывый,
 Не чуе, не бачить,
 Якъ ворогы сміются ій,
 Якъ Катруся плаче
 Може вбитый чорнобрывый
 За тыхимъ Дупаемъ;
 А може—вже въ Московщини
 Другую кохае!
 Ни, чорпявый не убытый,
 Винъ жывый, здоровый...
 А де жъ пайде таки очи,
 Таки чорни бровы?
 На край свита, въ Московщини,
 По тымъ боци моря,—
 Нема нигде Катерины;
 Та здалась на горе!...
 Вмила маты бровы даты,
 Кари оченята.
 Та не вмила па спмъ свити

Щастя-доли даты.
 А безъ доли бише лычко —
 Якъ квитка на поли:
 Пече сонце, гойда витеръ,
 Рве всякий по воли.
 Умывай же бише лычко
 Дрибными слёзамы,
 Бо вернулись москалыки
 Иными шляхами.

II.

Сыдить батько кинець стола,
 На руку схыльвся.
 Не дывыться па свитъ Божый:
 Тяжко зајурывся.
 Коло ёго стара маты
 Сыдить на ослони,
 За слёзамы ледве-ледве
 Вымовле дони:
 „Що весилля, доню моя?
 А де жъ твоя пара?
 Де свитылки зъ друженъкамы,
 Старосты, бояре?
 Въ Московщини, доню моя!
 Иды жъ ихъ шукаты;
 Та не кажы добрымъ людямъ,
 Що е въ тебе маты.
 Броклятый часъ-годыноинка,
 Що ты народылась!
 Якъ-бы зналъ, до схидъ сонца
 Була бъ упала...

Здалась тоди бъ ты гадыни,
 Теперь — москалеви...
 Доню моя, доню моя,
 Цвите мій рожевый!
 Якъ ягидку, якъ итапечку,
 Кохала, ростыла
 На лышенько.. Доню моя,
 Що ты наробыла?...
 Оддячыла!... Иды жъ, шукай
 У Москви свекрухи.
 Не слухала моихъ ричей,
 То іи послухай.
 Иды, допю, найды іи,
 Найды, прывитайся,
 Будь щаслива въ чужыхъ людяхъ,
 До насъ не вертайся!
 Не вертайся, дытя мое,
 Зъ далекого краю...
 А хто жъ мою головоньку
 Безъ тебе сковае?
 Хто заплаче надо мною,
 Якъ ридна дытына?
 Хто посадыть на могыли
 Червону калыпу?
 Хто безъ тебе гришну душу
 Помынаты буде?
 Доню моя, доню моя,
 Дытя мое любе!
 Иды одъ нась.. "

Ледве-ледве
 Поблагословыла:

„Богъ зъ тобою!“ та, якъ мертвa,
На дилъ повалылась...

Обизвався старый батько:
„Чого ждепъ, небого?“
Зарыдала Катерына,
Та бухъ ёму въ ногы:
„Просты мени, мій батечку,
Що я наробила!
Просты мени, мій голубе,
Мій соколе мылый!“
— „Нехай тебе Богъ прощае
Та добрыи люде;
Молысь Богу та йды соби, —
Мени легше буде.“

Ледве встала, поклонылась,
Выйшла мовчки зъ хаты —
Осталыся сыротамы
Старый батько й маты.
Пишла въ садокъ у вышневый,
Богу помолылась,
Взяла земли пидъ вышнею,
На хрестъ почепыла;
Промовыла: „Не вернуся!
Въ далекому краю
Въ чужу землю чужи люде
Мене заховають;
А своеи ся крыхотка
Надо мною ляже
Та про долю, мое горе,
Чужымъ людямъ скаже...
Не розсказуй, голубонько,

Де бъ пе заховалы,
 Щобъ гришпои на симъ свити
 Люде не займалы.
 Ты не скажешъ... ось хто скаже,
 Що я ёго маты!
 Боже ты мій!... лыхо мое!
 Де мени сковатысь?
 Заховаюсь, дытя мое,
 Сама пидъ водою,
 А ты грихъ мій спокутуешь
 Въ людяхъ сыротою,
 Безбатченкомъ!..“

Пишла селомъ,
 Плаче Катерына;
 На голови хустыночка,
 На рукахъ дытына
 Выйшла зъ села—серце мліе;
 Назадъ подывылась,
 Покывала головою,
 Та й заголосыла.
 Якъ тополя, стала въ поли
 При бытій дорози;
 Якъ роса та до схидъ сонця,
 Покапалы слёзы.
 За слёзамы, за гиркымы
 И свита не бачыть,
 Тилько сыпа прыгортает,
 Цилуе та плаче.
 А воно, якъ янголятко,
 Ничого не знае,
 Маленькымы ручыцамы
 Пазухы шукае.

Сило сонце, зъ-за дібровы
 Небо червоніе;
 Утерлася, повернулась,
 Пишила... тилько мріє.

Въ сели довго говорылы
 Де-чого багато,
 Та не чулы вже тихъ ричей
 Ни батько, ни маты...

Оттаке-то на симъ свити
 Роблять людямъ люде!
 Того въяжутъ, того рижуть,
 Той самъ себе губыть...
 А за вищо? Святый знае!
 Свитъ, бачтесь, широкий,
 Та нема де прыхылтысь
 Въ свити одынокимъ.
 Тому доля запродала
 Одъ краю до краю,
 А другому оставыла
 Те, де заховаютъ.
 Де жъ ти люде, де жъ ти добри,
 ПЦо сердце збиралось
 Зъ нымы жыты, ихъ любыты?
 Пропалы, пропалы!

Есть на свити доля,
 А хто іи знае?
 Есть на свити воля,
 А хто іи мае?
 Есть люде па свити--
 Срибломъ-злотомъ слють,
 Здаеться, панують,

А доли не знают,—
 Ни доли, ни воли!
 Зъ пудьгою та зъ горемъ
 Жупанъ надиваютъ,
 А плакаты—соромъ.
 Возьмить срибло-злото
 Та будьте багати,
 А я визьму слёзы—
 Лыхо выливаты;
 Затоплю недолю
 Дрибнымы слёзамы,
 Затопчу неволю
 Босымы ногамы!
 Тоди я веселый,
 Тоди я багатый,
 Якъ буде серденько
 По воли гуляты!

III.

Крычать совы, спыть диброва,
 Зиропъки сіяютъ,
 Но-надъ шляхомъ, щырыцею,
 Ховрапъки гуляютъ.
 Спочывають добри люде;
 Що кого втомыло:
 Кого—щаствия, кого—слёзы,—
 Все ничка покрыла.
 Всихъ покрыла темнисинъка,
 Якъ диточокъ маты;
 Де жъ Катрусию прыгорнула?
 Чы въ лиси, чы въ хати?

Чы на поли, пидъ копою
 Сына забавляе,
 Чы въ диброви, зъ-пидъ колоды
 Вовка выглядает?
 Бодай же васъ, черни брови,
 Никому не маты,
 Колы за васъ таке лыхо
 Треба одбуваты!
 А що дальше спиткаеться?
 Буде лыхо, буде!
 Зостринуться жовти писки
 И чужбы люде;
 Зостринеться зима лута...
 А той чы зострине,
 Що пизнае Катерыну,
 Прывитае сына?
 Зъ нымъ забула бъ чернобрыва
 Шляхы, писки, горе;
 Винъ, якъ маты, прывитае,
 Якъ братъ, заговорыть...

Побачымо, почуемо...
 А покы—спочыну,
 Та тымъ часомъ розпытаю
 Шляхъ на Московщыну.
 Далекій шляхъ, паныбрать;
 Знаю ёго, знаю!
 Ажъ на серди нохолоне,
 Якъ ёго згадаю.
 Попомирявъ и я колысь---
 Щобъ ёго не мирять!...
 Розсказавъ бы про те лыхо,
 Та чы-то жъ повинстви!

„Бреше,“ скажуть, „сякий-такий!
 (Звычайно, не въ очи),
 А такъ тилько псуе мову
 Та людей морочиТЬ.“
 Правда ваша, правда, люде!
 Та й на-що те знаты,
 Що слёзамы передъ вамы
 Буду выливаты?
 На що воно? У всякого
 И своего чымало...
 Цурь же ёму!... А тымъ часомъ
 Кете лышь кресало
 Та тютюну, щобъ, знаете,
 Дома не журились.
 А то лыхо розказувать,
 Щобъ брыдке прыснися!
 Нехай ёго лыхий визьме!
 Лучче помиркую,
 Де-то мої Катерина
 Зъ Ивасемъ мандруе.

За Кывомъ, та за Дніпромъ,
 Но-пидъ темнимъ гаемъ,
 Идуть шляхемъ чумаченьки,
 „Шугача“ синваютъ.
 Иде шляхомъ молодыци,
 Мусыть буты зъ прощи.
 Чого жъ смутна, невесела,
 Заплакани очи?
 У латаній свитыночки,
 На плечахъ торбына,
 Въ руци ципокъ, а на другій
 Заснула дытина.

Зострилася зъ чумакамы,
 Закрыла дытыну,
 Пытается: „Люде добри!
 Де пляхъ въ Московщицу?“
 — „Въ Московщицу? отце й самый.
 Далеко, небого?“
 — „Въ саму Москву. Хрыста рады,
 Дайте на дорогу!“
 Бере шага, ажъ трусыться:
 Тяжко ёго браты!...
 Та й на-вищо?.. А дытына?
 Вона жъ ёто маты!
 Заплакала, пишла шляхомъ,
 Въ Броварахъ спочила,
 Та сынови зъ гиркого
 Медяныкъ купыла.
 Довго довго, сердешная,
 Все йшла та пытала,
 Було й таке пще пиль тыномъ
 Зъ сынотъ ночувала..
 Бачъ, на що здалыся кари оченята:
 Щобъ пидъ чужымъ тыномъ слёзы выливаты!
 Ото же то дывиться та кайтесь, дивчата,
 Щобъ не довелося москаля шукать,
 Щобъ не ловелося, якъ Катря шукае...
 Тоди не пытаите за-що люде лаютъ,
 За-що не пускають въ хату ночуватъ.

Не пытаите чернобрыви.
 Бо люде не знаютъ,
 Кого Богъ кара на свити,
 То й воны карають...
 Люде гнутъся, якъ ти лозы,

Куды витеръ віе.
 Сыротыни сонце свитыть
 (Свитыть, та не гріє) —
 Люде бъ сонце застуныты,
 Якъ-бы малы сылу,
 Щобъ сыроти не свитыло,
 Слёзы не сушыло.
 А за-вищо, Боже мылый!
 За-що свитомъ нудыть?
 Що зробыла вона людямъ,
 Чого хотять люде?
 Щобъ плакала!... Сердце мое!
 Не плачъ, Катерино,
 Не показуй людямъ слёзы,
 Терни до загыну!
 А щобъ лычко не марцило
 Зъ чорными бровамы —
 До схидъ сонця, въ темнимъ лиси
 Умыйся слёзамы.
 Умыешся — не побачять,
 То й не засміються;
 А сердечко одпочыне,
 Покы слёзы льються.

Де жъ Катруся блудыть?
 По-пидъ-тынню почувала,
 Раненько вставала,
 Поспишала въ Московынну;
 Ажъ гулькъ — зима впала.
 Свыше полемъ завирюха,
 Иде Катерина
 У лычакахъ — лыхо тяжке! —
 И въ одній сывыни.

Иде Катря, шкандыбае;
 Дывыться—щось мріе...
 Лыбонь идуть москалыки...
 Лыхо!... серце мліе...
 Полетила, зострилася,
 Пыта: „Чы немае
 Мого Івана чорнявого?“
 А ти: „Мы не знаемъ.“
 И, звычайне, якъ москали,
 Сміються, жартують:
 „Ай да баба! ай да наши!
 Каво не надують!“
 Подывылась Катерына:
 „И вы, бачу, люде!
 Не плачь, сынку, мое лыхо!
 Що буде, то й буде.
 Пиду дальшпе—бильшъ ходыла. .
 А може й „астрину;
 Оддамъ тебе мій голубе,
 А сама—загыну!“
 Резе, стогне хуртовына.
 Котыть, верне полемъ;
 Стоить Катря середъ поля,
 Даля слёзамъ волю.
 Утомылась завирюха.
 Де-де позихае;
 Іще бъ плакала Катерына,
 Та слизъ бильшъ не мае.
 Подывылась па дытыпу:
 Умыте слёзою,
 Червопіе, якъ квіточка
 Въ ранци пидъ росою.
 Усміхнулась Катерына,

Тяжко усміхнулася:
 Коло серця — якъ гадына
 Чорна повернулась.
 Кругомъ мовчкы подивилася;
 Бачыть — лисъ чорніе,
 А пидъ лисомъ, край дороги,
 Лыбонь куринъ мріє.
 „Ходимъ, сыпу, смеркаеться,
 Колы пустять въ хату!
 А не пустять го й на-двори
 Будемъ почувати.
 Пидъ хатою заночуемъ,
 Сыну мій Иване!
 Де жъ ты будепъ почувати,
 Якъ мене не стане?
 Зъ собакамы, мій сыночку,
 Кохайся на-двори!
 Собакы зли, покусають,
 Та не заговорять,
 Не розскажуть сміючыся...
 Зъ псаамы йисты й пыты! ..
 Бидна моя головонька,
 Що мени робыты?“

IV.

Реве, свыще, завирюха
 Но лису завыло;
 Якъ те море, биле поле
 Снигомъ покотылось.
 Выйшовъ зъ хаты карбивнычий,

Щобъ лисъ оглядиты,
Та де тоби! таке лыхо,
Що не выдно й свита.
„Еге, бачу, яка фукга!

Цуръ же ёму въ лисомъ!
Питы въ хату... Що тамъ таке?
Отъ ихъ до-сто-биса!
Недобра ихъ розносыла,
Мовъ справди за диломъ.
Нычыпоре! дывысь лышень,
Яки побилили!“

— „Що, москали?... Де москали?“
„Що ты? схаменыся!“

— „Де москали лебедыки?“
„Та онъ, подывыся.“
Полетила Катерына
И не одяглася.

„Мабуть, добре Московицна
Въ тямку ій далася!
Бо у-ночи тилько й знае,
Що москаля кличе.“

Черезъ пеньки, заметамы,
Летыть, ледве дыше
Боса стала середъ шляху,
Втерлась рукавамы.

А москали ій назустричь,
Якъ одынъ верхамы.

„Лыха моє! доле моя!“

До ихъ.. колы гляне—
Попереду старшый йиде.

„Любый мій Иване!
Серце мое кохапее!
Де ты таъжъ барывся?“

Та до ёго... за стремена...
 А винъ—подыывся,
 Та шпорамы коня въ бокы.
 „Чого жъ утикаешъ?
 Хыба забувъ Катерыну?
 Хыба не пизнаешъ?
 Подывыся, мій голубе,
 Подывысь на мене:
 Я Катруся твоя люба.
 На-що рвешъ стремена?“
 А винъ коня поганяе,
 Нибы-то й не бачыть.
 „Постривай же, мій голубе!
 Дывысь—я не плачу.
 Ты не пизнавъ мене, Иване?
 Серце подывыся,
 Ій же Богу, я Катруся!“
 — „Дура, атважися!
 Вазьмите прочь безумную!“
 — „Боже мій! Иване!
 И ты мене покидаешь!...
 А ты жъ прысягався!“
 — „Вазьмите прочь! Что жъ вы стали?“
 — „Кого? мене взяты?
 За-що жъ, скажы, мій голубе?
 Кому хочъ оддаты
 Свою Катрю, що для тебе
 Сына породыла?
 Мій батечку мій братику!
 Хотъ гы не цурайся!
 Наймычкою тоби стану...
 Зъ другою кохайся
 Зъ цилымъ свитомъ .. Я забуду,

Що колись кохалась,
 Що одъ тебе сына мала,
 Покрыткою стала...
 Покрыткою... який соромъ!
 И за-що я гыну!
 Покынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сыпа.
 Не покынешь?... Сердце мое,
 Не втижай одъ мене...
 Я вѣнесу тоби сыпа.“
 Кынула стремена
 Та въ хатыну. Вертается,
 Несе ёму сына.
 Неспояшта, заплакана
 Сердешна дытына.
 „Ось-де воно, подывыся!
 Де жъ ты? Заховався?
 Утикъ!... нема!... Сына, сына
 Батько одцурався!
 Боже ты мій!... Дытя мое!
 Де динусь зъ тобою?
 Москалыки! голубчики!
 Возьмить за собою;
 Не цурайтесь, лебедыки:
 Воно сыротына,
 Возьмить ёго... та отдайте
 Старшому за сына.
 Возьмить ёго.. бо покыну,
 Якъ батько покынувъ,—
 Бодай ёго не кыдала
 Лыхая годына!
 Грихомъ тебе на свитъ Божій
 Маты породыла;

Выростай же па смихъ людямъ!“
 На шляхъ положыла:
 „Оставайся шукать батька,
 А я вжѣ шукала!“
 Та въ лисъ зъ пилху, якъ пависна!
 А дытя осталось,
 Плаче бидне.. А москалямъ
 Байдуже,—мыпулы.
 Вопо й добрѣ; та на лыхо
 Лиснычи почулы.

Бига Катря боса лисомъ,
 Бига та голосыть;
 То проклына своего Йвана,
 То плаче, то просыть.
 Выбигае на возлисся;
 Кругомъ подывылась,
 Та въ яръ.. бижыть... середъ ставу
 Мовчкы опынилась.
 „Праймы, Боже, мою душу,
 А ты—мое тило!“
 Шубовстъ въ воду!... По-пидъ лёдомъ
 Геть загуркотило.
 Чорнобрыва Катерина
 Найшла, що шукала.
 Дунувъ витеръ по-надъ ставомъ—
 И слиду не стало.

То не витеръ, то не буйный,
 Що дуба ламае;
 То не лыхо, то не тяжке,

Що маты вмирае;
 Не сыроты мали диты,
 Що неинку сховалы:
 Імъ зосталась добра слава,
 Могила зосталась.
 Засміються злые люде
 Малій сыротыни;
 Вилье слёзы на могилу—
 Серденко спочыне,
 А тому, тому па свити,
 Що ёму зосталось,
 Кого батько и не бачивъ,
 Маты одцуралась?
 Що зосталось байстрюкови?
 Хто зъ пымъ заговорыть?
 Ни родыны, ни хатыны—
 Шляхи, писки, горе...
 Панське лычко, чорни бровы...
 На-що? Щобъ пизналы!
 Змалювала, не сховала...
 Бодай полынялы!

V.

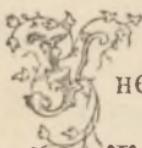
Ишовъ кобзарь до Кыива
 Та сивъ спочываты.
 Торбынкамы обвишаный
 Его новожатый.
 Мале дытя коло ёго
 На сонци куняе,
 А тымъ часомъ старый кобзарь
 „Исуса“ спивае.

Хто йде, йиде—не мына:
Хто—бублыкъ, хто—гроши;
Хто старому, а дивчата—
Шажокъ михономи.
Задывляться чорноброви—
И босе, и голе:
„Дала,“ кажуть, „бровенята.
Та не дала доли!“

Йиде шляхомъ до Кыива
Берлынъ шестернею,
А въ берлыни господыня
Зъ паномъ и семьею;
Опынывся проты старцивъ—
Курява лягае.
Побигъ Ивась, бо зъ виконця
Рукою махае.
Дае гроши Ивасеви,
Дывується пани
А панъ глянувъ... одвернувся...
Низнавъ, препоганый,
Низнавъ тыи кари очи,
Чорни бровенята...
Низнавъ батько своего сына,
Та не хоче взяты.
Пыта пани, якъ зоветься?
„Ивась.“—„Какой милай!“
Берлынъ рушывъ, а Ивася
Курява покрыла...
Поличылы, що досталы,
Всталы сиромахы,
Помолылсысь на схидъ сопця,
Пишлы по-надъ шляхомъ.

ЧЕРНЫЦЯ МАРЬЯНА.

(Частьна поемы.)

недилю на выгони
 Дивчата гулялы,
 Жартувалы зъ пар бкамы,
 Де-яки спиваалы
 Про досвитки, вечорныци,
 Та якъ была маты,
 Шобъ зъ козакомъ не стояла...
 Звычайно—дивчата,
 То про свое все й спивають,
 Яка про що знае.
 Ажъ ось, зъ хлопцемъ старый слипецъ
 Въ село шкандыбас;
 Въ рукахъ чоботы; но плечахъ
 Латана торбына
 У старого. А дытына,
 Сердешна дытына,
 Обидрана, ледве-ледве
 Несе ноженята...
 Безталанный сынъ Катруси!
 „Дывитъся, дивчата,
 Кобзарь иде, кобзарь иде!“
 Та вси, яко мога,
 Хлопцивъ кынулы,—побиглы
 Зостричать слипого.
 „Диду-сердце, голубчику!
 Заграй намъ що·небудъ:
 Я шага дамъ; я—черешень;

Я папою медомъ;
А тымъ часомъ одпочынешъ,
А мы потанцюемъ.
Заграй же намъ яку-небудь!“
— „Чую, люби, чую!
Спасыби вамъ, мои квity,
За слово ласкаве.
Загравъ бы вамъ, та бачыте—
Справы нема, справы.
Учора бувъ на базари—
Кобза зопсувалась,
Розвалылась...“

,А струны?
— „Тилько тры осталось.“
„Та хочъ на трёхъ яку небудь!“
— „На трёхъ? Охъ, дивчата!
И на одній колысь-то гравъ,
Та ба, вже не грatty!
Постривайте жъ, мои люби.
Трошки одпочыну..
Сядьмо, хлопче!“

Посидалы.
Розвязавъ торбылу;
Выйнявъ кобзу; разивъ зо-два
Ударывъ по рваныхъ...
„Що бъ вамъ загратъ?... Постривайте...
Черныцю Марьяну...
Чы чувалы, чы не чулы?...
Слухайте жъ, дивчата,
Та кайтесь...“

Давно колысь

Була соби маты;
 Бувъ и батько, та не стало.
 Осталась вдовою,
 Та й не молодою,—
 Изъ воламы, изъ возамы,
 Зъ малою дочкою.
 Росла дочка Марьяна,
 А выросла, якъ панна,—
 Чорнобрыва, уродльва,
 Хочъ за пана гетьмана.
 Стала маты гадаты
 Та зята еднаты,
 А Марьяна не до пана
 Выходыла стояты,—
 Не до пана товстого,
 Усатого, старого,
 До Петруся, еъ гаю, въ лузи,
 „Цо-вечора святого.
 Розмовляла, жартувала,
 Обнимала, млила,
 Въ раю жыла... а иноди
 Плакала, нимила.
 „Чого плачешь, моя пташко?“
 Петро запытайе.
 Вона гляне, усмихнеться:
 „И сама не знаю!“
 — „Може, думаешь, покыну?
 Ни, моя рыбчыно!
 Буду ходыть, буду любыть,
 Покы не загыну.
 Хыба було колы въ свити,
 Щобъ ти, що кохалысь,
 Розійшлыся, не взялышся,—

Жывымы осталысь?“
— „Ты жартуешъ, мій голубе!
 Ты чувъ, що спивають...
То кобзари выгадують;
 Бо слипи, не знаютъ,
Бо не бачать, що е бровы,
 Чорни й кари очи,
И высокый станъ козачый,
 И гнучкий дивочый;
Що е косы, чорни косы,
 Козацька чупрына,
Що на мову на Петрову
 Въ глухій домовыни
Усмихнуся... скажу ёму:
 — Орле сизокрылый!
Люблю тебе й на тимъ свити,
 Якъ на симъ любыла.
Отакъ, сердце, обнимемось,
 Отакъ поцилую!
Нехай вкупи заховають...
 Умру—не почую...
Не почую...“
 Обнялышся,
 Обнялышся, зомлилы.
Отакъ воны любылышся,
 Отакъ и хотили,
Щобъ на той свитъ переступыть;
 Та не по ихъ стало...
Цо-вечора сходылышся,
 И маты не знала,
Де Марьяна до пивночи,
 Зъ кымъ вона гуляла.
„Воно мале, що дытына,

Ничого не знае.“
 Угадала стара маты,
 Та не все вгадала:
 Знать, забула, що мынуло,
 Чы не дивувала?

Угадала маты... Марьяна—дытына,
 Не знала, якъ треба на симъ свити жыть,
 Думала, ни люде, а ни домовына
 Зъ Петромъ не рознятъ—умила любыть.
 Думала, що тилько кобзари спивають,
 Бо, слипи, не бачить карыхъ оченятъ...
 Що тилько лякають молодыхъ дивчатъ...
 Лякають, дивчата, нравдою лякають.
 И я васъ лякаю, бо те лыхо знаю...
 Бодай на симъ свити николы не знать
 Того, що я знаю!... Мынуло, дивчата,—
 Серце не заснуло—я васъ не забувъ;
 Люблю васъ и доси, якъ диточокъ маты;
 Буду вамъ спиваты, покы не загыну..
 Тоди, мои люби, якъ мене не стане,
 Згадайте про мене, про мою Марьяну,—
 Я вамъ зъ того свита серцемъ усмихнусь...
 Усмихнусь...“

Та й заплакавъ.

Дывылись дивчата,
 Не пытали, чого плаче,
 Та й на що пытаты?
 Мынулося—помагало
 Ласкаве дивоче
 Щыре слово...

„Выбачайте...
 (Утеръ слипи очи)
 Выбачайте, мои люби!

Нехотя журюся...
 Такъ отъ, бачыте, Марьяна
 Зъ убогымъ Петрусемъ
 Що-вечора розмовляла,
 А маты не знала.
 Дывувалась: „Що се таке
 „Марьяну спиткало?
 „Чы не прыстрить? Сяде шыты —
 „Не те выпывае;
 Замисть „Грыця“, задумавшись,
 „Петруся“ спивае;
 „Часомъ сонна розмовляе,
 „Подушку цилуе...“
 Маты спершу сміялася:
 Думала — жартуе;
 Потимъ бачыть, що не жарты,
 Та й каже Марьяни:
 „Треба буде старостивъ ждаты,
 „Та, може, й одъ пана.
 „Ты вже выросла — пивроку,
 „Уже й дивувала;
 „Я, вже думаю, що... бачыть,
 (Насылу сказала)
 „Що вже й замижъ, колы тее...“
 — „А за кого, мамо?“
 — „Хто вподоба, то й оддамъ“.

Спивае Марьяна:
 „Мынулася твоя доля,
 „На-викы мынула..,
 „Чомъ ты вчора, якъ вернулась,
 „На-викъ не заснула?
 „Було бъ легче въ домовни

„Одынокій спаты.
 „Тоди, може бъ, надъ тобою
 „Заплакала маты.
 „Теперь маты не заплаче,
 „Та й не заспивае;
 „А лыха ще буде, буде,
 „Покы заховаютъ!“

Отаке-то, мои люби,
 Бува на симъ свити:
 Одна дочка у матери,
 Та й тай тяжко жыты..

По садочку похожае,
 Слизонькы втырае;
 Поглядае на сопечко —
 Пече, а не сле.
 Стоить соби середъ неба,
 Мовъ смietься зъ неи.
 Воно не зна, що Марьяна
 Рада бъ пидъ землею
 Заховаться одъ матери,
 Щобъ не почуть знову
 Тіи мовы, що вже чула,
 Проклтой мовы.
 Воно не зна, що якъ зайде
 Спочты за гаемъ,
 Петрусь выйде на долину,
 Петрусь заспивае,
 Петрусь іи роспытае,
 Якъ братъ заговорыть,

Поцилуе, роспытае
Про лютее горе.

Не знала Марьяна, чого серде мlie,
Чого плачутъ очи... на ѿго знатъ?
Хыльться тополя, куды витеръ вie...
Тяжко одынокій на степу стоять.
Утомыться витеръ—тополя спочыне:
Отакъ и дивоча мыне хуртовына.
Тяжко одынокій въ степу зостричатъ,
А ще гирше любiй попереду знатъ,
Де и якъ спиткае лыхая годына.

Несподивано Марьяна
Зострила недолю;
Спива було, а иноди
Дае слёзамъ волю.
Сама не зна, чого плаче;
Може, серде й чуе,
Та не вміє розсказаты
Про те, що вищуе.
Разъ у-вечери Марьяна,
Якъ маты заснула,
Пишла слухать соловейка,
Мовъ зроду не чула,
Выйшла въ садокъ, послухала,
Сама заспивала.
Та й замовкла; пидъ яблуню
Тыхесенько стала,
Заплакала, якъ дытына
Безъ матери плаче...
Петро стоить передъ нею—
Ничого не бачыть.

„Оддай мене, моя мамо,
 „Та не за старого;
 „Оддай мене, мое серце,
 „Та за молодого.
 „Нехай старый бурлакуе,
 „Гроши заробляе,
 „А молодый мене любыть,
 „Доли не шукае.
 „Не шукае, не блукае
 „Чужымы степамы.
 „Свои волы, свои возы,
 „А мижъ парубкамы,
 „Якъ макивка на-въ городи,
 „Цвите-процвитае.
 „Мае поле, мае волю,
 „Та доли не мае,
 „Его доля—мои бровы,
 Моя кари очи;
 „Мэе слово—панство-царство,
 „Ничого не схоче.
 „У кайданахъ, моя сыза,
 „Та не сыротою,
 „Тилько, мамо, щобъ плакаты,
 „Щобъ спивать зо мною.
 „Оддай...“
 — „Дочко моя, Марьяно!
 „Оддамъ тебе за пана
 „За старого, багатого
 „За сотника Йвана,“
 — „Умру серде мамо,
 „За сотникомъ Йваномъ.“
 — „Не вмрешъ, будешъ панувати
 „Будешъ дитокъ годуваты.“

Маты галка, маты чорна
 Литаючи кряче;
 Чорнобрыва дивчынонька,
 Ходя гаемъ, плаче.
 Летыть галка черезъ балку,
 Въ степу погуляты,
 А дивчына нудыть свитомъ,—
 Ни съ кымъ розмовляты.
 Не пускае іи маты
 Въ-ранци до крыныци,
 Ни жыта жать, ни лёну братъ.
 Ни на вечерныци,
 Де дивчата зъ парубкамы
 Жартують, спивають,
 Та про мене, чорнобрыву,
 Нышкомъ розмовляютъ:
 „Багатого дочка батька,
 „Шляхецкого роду...“
 Тяжко, мамо, важко, мамо...
 На-що дала вроду?
 На-що бровы змалювала,
 Дала кари очи?
 Усе дала, тилько доли—
 Доли дать не хочешъ.
 На що мене годувала,
 На-що доглядала?
 Покы лыха я не знала
 Чомъ не заховала?

 Не слухала стара маты,
 Лягла спочываты;
 А Марьянна заплакала,
 Ледве пишла зъ хаты.,

„Злякалася,“ дума маты:
 „Нехай переплаче!“
 А Марьяна за слёзамы
 И свиту не бачыть.
 Пишла въ садокъ... серце мlie,
 Якъ згадае пана.
 Серде мое, рыбко мой!
 Марьяно, Марьяно!
 Постривайте... заспивала—
 Пишла луна гаемъ,—
 Не про „Грыця,“—про „Петруся,“
 Такъ и вылывала.
 Заспивае, опынтысься,
 Послуха, та знову,—
 Ажъ голосокъ утомыўся.
 Петровой мовы
 Не чуть, нема, не гукае,
 Не клыче: „Марьяно!“
 „Де ты, пташко? Вылынь, серде,
 „Серденько кохане!“
 Нема Петра, не чуть Петра...
 Не вже жъ то покынувъ
 Сырою чернобрыву
 Пры лыхій годыни?
 Побачымо.. А тымъ часомъ
 По-надъ темнымъ гаемъ,
 Якъ русалка жде мисяця,
 Марьяна блукае.
 Не спивае чорнобрыва,
 Тяжко-тяжко плаче...
 Ой верныся, подывыся,
 Зрадливый козаче!
 Утомылась бы Марьяна,—

Утомы не чуе;
 Безъ Петруся въ гаю, въ лузи
 Ходячы ночуе.
 На схидъ сонця червонie,
 Ховаются зори;
 Иде дивчына до хаты,
 Несе свое горе.
 Прыйшла въ хату—спала маты;
 Глянула на неи:
 „Ой якъ бы ты, мамо, знала
 „Якою змію
 „Окрутила мое серце,
 „Риднои дытыны...“
 Тай упала на постелю,
 Якъ у домовыну!...

ГАЙДАМАКЫ.

Василію Ивановичу Григоровичу.

На пам : 22-го Апрѣля 1838 года.

Все иде, все мынае и краю немае...
 Куды-жъ воно дило? видкия взялось?
 И дурень, и мудрый ничего не знае.
 Жыве... умирае... одно задвило,
 А друге завьяло, на-вики завьяло...
 И лыстя пожовклे витры рознеслы.
 А сонечко встане, якъ першѣ вставало,
 И зори червони, якъ першѣ плылы,

Поплынуть и потимъ, и ты, билолыцый,
 По сынёму небу выйдешь погулять,
 Выйдешь подышаться въ жолобокъ, крыныцю
 И въ море безкрае, и будешъ сиять,
 Якъ надъ Вавылономъ, надъ ёго садамы,
 И надъ тымъ, що буде зъ нашмы сынамы.
 Ты вичный безъ краю!... Люблю розмовлять,
 Якъ въ братомъ, зъ сестрою, розмовлять зъ тобою,
 Спивать тоби думу, що ты жъ нашептавъ.
 Порай мени ще разъ, де дитысь зъ журбою?
 Я не одынокий, я не сырота:
 Есть у мене диты, та де ихъ подиты?
 Заховать зъ собою? Грихъ—душа жыва;
 А може, ій легше буде на тимъ свити,
 Якъ хто прочытае ти слёзы-слова,
 Що такъ вона щыро колысь вылывала,
 Що такъ вона нышкомъ надъ нымы рыдала.
 Ни, не заховаю—бо душа жыва!
 Якъ небо блакитне—нема ёму краю,—
 Такъ души почыну и краю немае,
 А де вона буде? хымерни слова!
 Згадай же хто-небудь іи на симъ свити—
 Безславному тяжко сей свитъ покыдать
 Згадайте, дивчата,—вамъ треба згадать!
 Вона васъ любыла, рожевыи квиты,
 И про вашу долю любыла спивать.

 Покы сонце встане, спочывайте, диты,
 А я помиркую, ватажка де взлть

Сыны мои, гайдамакы!
 Свить широкый, воля—
 Идти, сны, погуляйте,

Попукайте доли.
 Сыны мои невелыки,
 Нерозумни диты!
 Хто васъ щыро безъ матери
 Прывитае въ свити?
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину:
 Хочъ и лыхо зостринеться,
 Такъ не на чужыни.
 Тамъ найдеться душа щыра,
 Не дастъ погыбаты;
 А тутъ... а тутъ... тяжко, диты!
 Колы нустять въ хату,
 То зостривши пасмінуться,—
 Таки, бачте, люде:
 Все пысьменни, друкованы,
 Сонце навить гудять.
 Не видтиля, каже, сходыть,
 "Та не такъ и свитыть;
 "Отакъ, каже, було-бъ треба..."
 Що маешъ робыты?
 Треба слухать, може й справди
 Не такъ сонце сходыть,
 Якъ пысьменни начыталы...
 Розумни, та й годи!
 А що жъ на васъ воны скажуть?
 Знаю вашу славу!
 Поглузують, покенкуютъ,
 Та й кынуть пидъ лаву.
 „Нехай, скажуть, спочывають,
 Покы батько встане,
 Та розскаже по-нашому
 Про свои гетьманы;

А то дурень розкажуе
 Мертвымы словамы,
 Та якогось-то Ярему
 Веде передъ намы
 У постолахъ. Дурень! дурень!
 Былы, а пе вчылы:
 Одъ козацства, отъ гетьманства—
 Высоки могылы,
 Бильшъ ничего не осталось,
 Та ѹти розрывают;
 А винъ хоче, ѹбъ слухалы,
 Якъ старци спиваюти!
 Дарма праця, пане-брате:
 Колы хочешъ грошней,
 Та ще ѹти славы, того дыва,
 Спивай про „Матрёшу,“
 Про „Парашу радость нашу,“
 Султанъ, паркетъ, шпоры,—
 Отъ-де слава! А то спива:
 „Грае сыне море!“
 А самъ плаче; за тобою
 И твоя громада
 У сирякахъ!. . . — Правда, мудри!
 Спасьби за раду!
 Теплый кожухъ, тилько, шкода,
 Не на мене шытый,
 А розумне вапie слово
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте! Крычить соби—
 Я слухать пе буду,
 Та ѹти до себе не шоклычу:
 Вы розумни люде,
 А я дуиень. одынъ соби

У моїй хатыни,
 Заспиваю, зарьдаю,
 Якъ мала дытына.
 Заспиваю— море грае,
 Витеръ повивае,
 Степъ чорніе, и могила
 Зъ витромъ розмовляе.
 Заспиваю—розвернулась
 Высока могила;
 Ажъ до моря Запорозди
 Степъ широкий крылы; .
 Отаманы на вороныхъ
 Передъ бунчуками
 Выгравають, а пороги
 Межъ очеретами
 Ревуть, стогнуть, розсердышись—
 Щось страшне спивають.
 Послухаю, пожурюся,
 У старыхъ спытаю:
 — „Чого, батьки, сумуєте?“
 — „Не весело, сину,—
 „Дніпро на насъ розсердився,
 „Плаче Украина.“
 И я плачу, а тымъ часомъ
 Пыпнымы рядамы
 Выступаютъ отаманы,
 Сотники зъ панамы,
 И гетьманы—вси въ золоти.
 У мою хатыну
 Прыйшли, силы коло мене,
 И про Украину
 Розмовляютъ, розскажують:
 Якъ Сичъ будували;

Якъ козакы на байдакахъ
 Порогы мыналы;
 Якъ гулялы по сынёму,
 Грилыша въ Скутари,
 Та якъ, люльки закурывши
 Въ Польши на пожари,
 Въ Украину верталыся;
 Якъ бенкетувалы:
 „Грай, кобзарю! лый, шынкарю!“
 Козакы гукалы.
 Шынкарь знае—нальвае
 И не схаменеться;
 Кобзарь вшкварывъ, а козакы,
 Ажъ Хортыца гнеться,
 Метелыци та гопака
 Гуртомъ оддыраютъ;
 Кухоль ходыть, переходыть,
 Такъ и высыхае.
 — „Гуляй пане безъ жупана!
 Гуляй, витре, полемъ!
 Грай, кобзарю, лый шынкарю,
 Покы встане доли!“
 Взявшись въ бокы, навпрысядки
 Парубки зъ дидамы:
 „Отгакъ, диты! добрѣ, диты!
 Будете панамы!“
 Отаманы на бенкети,
 Неначе на ради,
 Похожаистъ, розмовляютъ...
 Вельможна громада
 Не втерпила, ударила
 Старымы ногамы;
 И я дывлюсь, поглядаю,

Сміюся слёзамы,
 Дывлюся, сміюся, дрибни утыраю:
 Я не одынокий—ие зъ кымъ въ свити жыть!
 У моїй хатыни, якъ въ степу безкраимъ,
 Козацтво гудяе, байракъ гомонить;
 У моїй хатыни сыне море грае,
 Могыла сумуе, тополя шумыть,
 Тыхесенько „Грыця“ дивчина спивае,—
 Я не одынокий—ие зъ кымъ викъ дожыть.
 Отъ-де мое добро, гроши,
 Отъ-де моя слава;
 А за раду.. спасыби вамъ
 За раду лукаву.
 Буде зъ мене, покы жыву,
 И мертвого слова,
 Щобъ выливать журбу, слёзы.
 Бувайте здорови!
 Пиду сынивъ выпровожать
 Въ далеку дорогу.
 Нехай идуть, може найдуть
 Козака старого,
 Що прывита моихъ дитокъ
 Старымы слёзамы.
 Буде зъ мене. Скажу ще разъ:
 Панъ я надъ панамы!

О такъ сидя кинецъ стола,
 Миркую, гадаю:
 Кого просыгть, кто поведе?
 На двори свитае,
 Погасъ мислиць, горыть сопце.
 Гайдамакы всталы,
 Кругомъ мене сталы.

Сумно, сумно, якъ сыроты,
 Мовчкы похылылъсь.
 „Благословы, кажуть, батько,
 Покы маешъ силу,
 Благословы шукать долю
 На щырокимъ свити!“
 — „Постривайте! свитъ не хата,
 А вы мали диты,
 Нерозумни. Хто ватажкомъ
 Пиде передъ вами?
 Хто прѣведе? Лыхо, диты,
 Лыхо мени зъ вамы!
 Выкохавъ вастъ, выгодувавъ;
 Вырослы чымали,
 Йдете въ люде, а тамъ теперъ
 Все письменне стало.
 Выбачайте, що не вывчывъ.
 Бо ѹ мене, хочъ былы,
 Добре былы, а багато
 Де-чому навчылы?
 Тма, мна знаю, а оксю
 Не втну такы ѹ доси.
 Що жъ вамъ скажуть? Ходимъ, сыны,
 Ходимо попросымъ.
 Есть у мене щырый батько
 (Ридного немае),
 Дасть винъ мени раду зъ вамы,
 Бо самъ, здоровъ знае,
 Якъ то тяжко блукать въ свити
 Сыроти безъ роду.
 А до того, душа щыра,
 Козацкого роду—
 Не одцуравсь того слова,

Що маты спивала,
 Якъ малого повывала,
 Зъ малымъ розмовляла.
 Не одцуравсь того слова,
 Що про Украину
 Слипый старець сумуючи
 Спивае пидъ тыномъ.
 Любить іи, думу правды,
 Козацькую славу,
 Любить іи! Ходимъ, сыны,
 На раду ласкаву.
 Якъ-бы не винъ спиткавъ мене
 Пры лыхій годыни,
 Давно бъ доси заховалы
 Въ снigu на чужыни,
 Заховалы бъ, та й сказалы:
 „Такъ, якесь ледащо!“
 Тяжко, важко нудыть свитомъ,
 Не знаючи за-що.
 Мынулося, щобъ не снылось!...
 Ходимо, хлопъята!
 Колы мени на чужыни
 Не давъ погыбаты,
 То й вастъ прыйме, прывитае,
 Якъ свою дытыну.
 А одъ ёго, помолывшись,
 Гайда въ Украину!“

Добры-день же, тату, въ хату,
 На твоимъ порогу!
 Благословы моихъ дитокъ
 Въ далеку дорогу.

Интродукція.

ула колысь шляхетчына,
 Вельможная пани;
 Мирилася зъ москалямы,
 Зъ ордою, зъ султаномъ,
 Зъ нимотою... Було колысь...
 Та що не мынае?
 Було, шляхта знай чваныться,
 День и ничъ гуляе
 Та королемъ коверзуе...
 Не кажу Степаномъ,
 Або Яномъ Собiesкымъ:
 Ти два незвычайни,
 А инымы. Неборакы
 Мовчкы панувалы.
 Сеймы, сеймыки ревилы,
 Сусиде мовчалы,
 Дывылыся, якъ короли
 Изъ Полщи втикаютъ,
 Такъ слухалы, якъ шляхетство
 Нависне гукае:
 „Niepozwalam! niepozwalam!“
 Шляхта репетуе,
 А магнаты цалять хаты,
 Шабелькы гарпують.
 Довго таке творылос
 Покы не въ Варшави
 Запанувавъ надъ ляхамы
 Понятовскій жававый.
 Запанувавъ, та й думавъ шляхту
 Прыборкать трошки... не зумивъ!

Добра хотивъ, якъ дитямъ маты,
 А, може, й ще чого хотивъ,—
 Едыне слово „піерозвалам“
 Хотивъ у шляхты одибрать,
 А потимъ... Польща запалала,
 Шляхта сказылася... крычать:
 „Слово гонору, дарма праця!
 Паганець п ймытъ москали!“
 На кгвалтъ Пулавського и Нада
 Встae шляхетськая земля,
 И—разомъ сто конфедерацій. ¹⁾

Розбрелысь конфедераты
 По Польши, Волыни,
 По Литви, по Малдавапахъ
 И по Украини;
 Розбрелыся, та й забулы
 Волю ратуваты,
 Полыгалыся зъ жыдамы,
 Та й ну руйнуваты.
 Руйнувалы, мордувалы,
 Дерквамы топылы...
 А тымъ часомъ гайдамакы
 Ножи освятылы.

Галайда.

Гремо! гершъ-ту, хамивъ сыну?
 Пиды кобылу прыведы,
 Подай патынки господыни
 Та прynesы мени воды,

Выметы хату, внесы дрова,
Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,
Пиды до лёху, до коровы,
Та швыдче, хаме!... Постривай!
Упоравшись, бижы въ Вильшану: ²⁾
Имости треба. Не барысь!"
Пишовъ Ярема, похыльцвсъ.

Оттакъ у-ранци жыдъ паганый
Надъ козакомъ коверзувавъ.
Ярема гнувся, бо не зневъ,
Не зневъ, сиромаха, що вырослы крыза,
Що неба достане, колы полетыть,
Не зневъ, нагынався...

О, Боже мій мылый!
Тяжко жыть на свити; а хочеться жыть;
Хочеться дывытысь, якъ сонечко сяе,
Хочеться послухать, якъ море заграе,
Якъ пташка щебече, байракъ гомоныть,
Або чорнобрыва въ гаю заспивае...
О, Боже мій мылый, якъ весело жыть!

Сырота Ярема, сырота убогый:
Ни сестры, ни брата, никого нема!
Попыхачъ жидивський, вырисъ у порогу;
А не клене доли, людей не займа.
Та й за-що ихъ лаять? хыба воны знаютъ,
Кого треба гладыть, кого катувать?
Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,
А сыроти треба самому прыдбать.
Трапляеться, часомъ тыхенько заплаче,
Та й то не одъ того, що серде болить:

Що-небудь згадає, або що побачити...
 Та й знову до праці. Оттакъ треба жыть!
 На-що батько, маты, высоки палаты,
 Колы нема сердца зъ сердцемъ розмовлять?
 Сырота Ярема—сырота багатый,
 Бо ѹе зъ кымъ заплакать, ѹе зъ кымъ засинивать:
 Есть карыи очи—якъ зиронъки сяютъ,
 Били рученята—мліютъ-обнимаютъ,
 Есть сердце едыне, серденько дивоче,
 Що плаче, смееться, якъ винъ того хоче.

Оттакый-то мій Ярема.
 Сырота багатый.
 Такымъ и я колись-то бувъ!
 Мынуло, дивчата...
 Мынулося, розійшлося,
 И слиду не стало.
 Серде мліе, якъ згадаю...
 Чому не осталось?

Чому не осталось, чому не витало?
 Легше було бъ слёзы, журбу выливать.
 Люде одибрали, бо имъ було мало.
 „На-що ёму доля? треба закопать:
 Винъ и такъ багатый...“

Багатый на латы
 Та на дрибни слёзы—бодай не втыратъ!
 Доле моя, доле! де тебе шукать?
 Верныся до мене, до моей хаты,
 Або хочъ прысныся... не хочеться спатъ!

Выбачайте, люде добри!
 Може не до ладу;
 Та прокляте лыхо-злыдни

Кому не завадыть?
 Може, ще разъ зостринемось,
 Покы шкандыбаю
 За Яремою по свиту,
 А може... й не знаю.
 Лыхо, люде, всюды лыхо.
 Нигде прыгорнуться:
 Куды, каже, хылить доля,
 Туды й треба гнуться,—
 Гнуться мовчкы, усмихаться,
 Щобъ люде не зналы,
 Що на серди заховано,
 Щобъ не прывиталы.
 Бо ихъ ласка... нехай сныться
 Тому, въ кого доля,
 А сыроти, щобъ не снылась,
 Не снылась николы!
 Тяжко, нудно розказувать,
 А мовчать пе вмію.
 Выливайся жъ, слово-слёзы:
 Сонечко не гріє,
 Не высушыть. Подилуся
 Моими слёзамы...
 Та не зъ братомъ, не зъ сестрою—
 Зъ нимымы стишамы
 На чужини... А покы-що—
 До корчмы вернуся:
 Що тамъ робыться?

Жыдюга

Дрижыть, изогнувшись
 Надъ каганцемъ. личыть гроши
 Коло лижка, клятый.

А на лижку... охъ, ажъ душно!...
 Били ручеята
 Розыдала. розкрылася...
 Якъ квиточка въ гаю,
 Червоние; а пазуха...
 Пазухы немае—
 Розирвана... Мабуть, душно
 На перыни спаты
 Одывокій, молоденький;
 Ни ъѣ кымъ розмовляты,—
 Одна шепче. Несказанно
 Гарна пехрещена!
 Отто дочка, а то батько—
 Чортова кышеня.
 Стара Хайка лежыть доли,
 Въ перынахъ паганыхъ.
 Де жъ лрема? Взявши торбу,
 Потягъ у Вильшану.

Конфедераты.

 одчынай, проклятый жыде!
 Бо будешъ бытый... одчынай!
 Ламайте двери, покы выйде
 Старый паскуда!“
 — „Постривай!
 Стривайте, заразъ!“
 — „Нагаямы!
 Свыняче ухо! Жартувать,

Чы що ты хочешъ?“

— „Я? зъ панамы?

Крый Боже! заразъ, дайте встать,
Ясновельможни (нышкомъ—свыпи!)“

— „Пане полковыку, ламай!“

Упалы двери... а нагай

Малюе вдовжъ жыдивську спыну.

— „Здоровъ, свыне, здоровъ, жыде,
Здоровъ, чортывъ спыну!“

Та нагаемъ, та нагаемъ.

А жыдъ зогнувъ спыну:

— „Не жартуйте, мости-пане!

Добры-вечиръ, въ хату!“

— „Ще разъ шельму! ще разъ! годи!
Выбачай, проклятый!

Добры-вечиръ! а де дочка?

— „Умерла, панове.“

— „Лжешъ, іудо! нагаямы!“

Посыпалысь знову.

— „Ой паночки, голубчики,
Ій-Богу, немае!“

— „Брешешъ, шельмо!“

— „Колы брешу,
Нехай Богъ карае!“

— „Не Богъ, а мы. Признавайся!“

— „На щобъ мавъ ховаты,
Якъ бы жыва? Нехай, Боже,
Щобъ я бувъ проклятый!...“

— „Ха, ха, ха, ха.... Чортъ, панове,
Литанью спивае

Перехрестысь!“

— „Якъ же воно?

Далеби не знаю.“

— „Оттакъ дывысь...“

Ляхъ хрестыться,
А за нымъ іуда.

— „Браво! браво! охрестылы!
Ну, за таке чудо
Могорычу, мости-пане!
Чуешъ, охрещеный?
Могорычу!“

— „Заразъ, заразъ!“
Ревутъ, мовъ скажени,
Ревутъ ляхы, а поставець
По столу гуляе.
„Еще Польща не згынела!“
Хто куды гукае.

— „Давай, жыде!“
Охрещеный
Изъ лёху та въ хату
Знай шмыгле, наливае;
А конфедераты
Знай гукаютъ. Жыде! меду!“
Жыдъ несхаменеться.

— „Де цымбалы? грай, псявиро!“
Ажъ корчма трясеться—
Краковяка оддыраютъ,
Вальса та мазура.

И жыдъ гляне та ныщечкомъ:

— „Шляхетска натура!“
— „Добре, годи! теперъ спивай!“
— „Не вмію, ій-Богу!“
— „Не божысь, собача шкуро!“
— „Яку жъ Вамъ? „Небогу?“

„Була колысь Гандзя,
 „Калика небога.
 „Божылася, молылася,
 „Що болилы ногы;
 „На панщыну не ходыла,
 „А за паробкамы
 „Тыхесенько, гарнесенько
 „Помижъ бурьянамы.“

— „Годи! годи! це пагана:
 Схызматы ³⁾ спивають.“
 — „Якои жъ вамъ! хыба оци?
 Стравайте, згадаю...

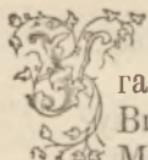
„Передъ паномъ Хведоромъ
 „Ходыть жыдъ ходоромъ,
 „И задкомъ,
 „И передкомъ
 „Передъ паномъ Хведиркомъ...“
 — „Добре, годи! теперь платы!“.
 — „Жартуете, пане:
 За що платыть?“
 — „Що слухалы.
 Не кривысь, паганый!
 Не жартуемъ. Давай гроши!“
 — „Де мени ихъ взяты?
 Ни шеляга; я паньскою
 Ласкою багатый“.
 — „Лжешъ, собака! признавайся!
 А нуте, панове,
 Батогамы!“
 Засвистилы,
 Хрестяль Лейбу знову.

Перищылы, перищылы,
 Ажъ пиръл летило...
 — „Ий же Богу, ни шеляга!
 Иижте мое тило!
 Ни шеляга; кгвалтъ! ратуйте!“
 — „Ось мы поратуемъ“.
 — „Постривайте, я щось скажу“.
 — „Почуемъ, почуемъ,
 Та не брешы, бо хочъ здохны,
 Брехня не поможе“.
 — „Ни, въ Вильшаній...“
 — „Твои гроши?“
 — „Мон!... ховай, Боже!
 Ни, я кажу, що въ Вильшаній...
 Вильшанськи схызматы..“
 — „По тры семьи, по четыри
 Жывуть гъ одвій хати!“
 Мы це знаемъ, бо мы самы
 Ихъ такъ очухралы!
 — „Та ни, не те... выбачайте...
 Щобъ лыха не зналы,
 Щобъ вамъ гроши прыснлыся...
 Бачте, у Вильшаній
 У костёли... у тытаря...
 А дочка Оксана!
 Ховай, Боже! якъ панпочка!
 Що-то за хороше!
 А червинцивъ! хочъ не ёго,
 Такъ що? абы гроши“.
 — „Абы гроши, одинаково!
 Правду Лейба каже;
 А щобъ певна була правда,
 Нехай шляхъ покаже.

Одлагайся! ^а

Пойихалы
Ляхы у Вильшану.
Одынь тилько пидъ лавою
Конфедератъ пьяный
Не здужа встать, а курныка,
Пьяный и веселый:

ТЫТАРЬ.

гаю, гаю,
Витру немае;
Мисаць высоко,
Зироньки сяють.
Выйды, серденъко,—
Я выглядую;
Хочъ на годыну,
Моя рыбчышо!
Выглянь, голубко,
Та поворкуемъ,
Та посумуемъ;
Бо я далеко
Сю ничъ мандную.
Выглянь, же пташко,
Мое сердечъко,
Покы близенько,
Та поворкуемъ...
Охъ, тяжко, важко! [“]
Оттакъ, ходя цо пидъ гаем,

Ярема спивае;
 Выглядает, а Оксаны
 Немае, немае.
 Зори сяють; середъ неба
 Свитыть билолыцый;
 Верба слуха соловейка,
 Дышатся въ крыныцю;
 На калыни, надъ водою,
 Такъ и вылывае,
 Неначе зна, що дивчыну
 Козакъ выглядает.
 А Ярема по долыни
 Ледве, ледве ходыть,
 Не дышатся, не слухае...
 „На що мени врода,

Колы нема доли, нема талану?
 Литъ молодыхи марно пропадуть.
 Одынъ я на свити, безъ роду и доли
 Стеблына-былына на чужому поли;
 Стеблыну-былыну витры рознесуть,
 Такъ и мене люде не знаютъ, де діты.
 За що жъ одцуралысь? що я сырота.
 Одно було серце, одно на симъ свити,
 Одна душа щыра, та, бачу, що й та,
 Що й та одцуралась.“

И хлынулы слёзы.

Поплакавъ сердега, утеръ рукавомъ.
 „Оставайсь здорова! Въ далекій дорози
 Найду або долю, або за Дніпромъ
 Ляжу головою... А ты не заплачешъ,
 А ты не побачышъ, къ воронъ клюе
 Ти карыи очи, ти очи козачи,
 Що ты циловала, серденъко мое!

Забудь мои слёзы, забудь сыротыну,
 Забудь, що клялася; другого шукай
 Я тоби не пара: я въ сирій свытыни,
 А ты тытаривна. Кращого витай,—
 Витай, кого знаешъ... така моя доля!
 Забудь мене, пташко, забудь, не журысь.
 А колы почуешьъ, що на чужимъ полі
 Сховали Ярему, пышкомъ помолысь.
 Одна, серде, на всимъ свити
 Хочъ ты помолыся!“

Та й заплакавъ сиромаха,
 На кый похылыся.
 Плаче соби тыхесенько...
 Шдлестъ!... колы гляне:
 По-пидъ гаемъ, мовъ ласочка,
 Крадеться Оксана.
 Забувъ... побигъ... обнялыся...
 „Серце!“—та й зомлиы.
 Довго, довго тилько—„серце!“
 Та й знову нимили.
 — „Годи, пташко!“
 — „Ще трошечки,
 Ще... ще... сызокрылый!
 Выймы душу!... ще разъ... ще разъ ..
 Охъ, якъ я втомылась!“
 — „Одпочынъ, моя ты зоре!
 Ты зъ неба злетила!“
 Пославъ свытку. Якъ ясочки,
 Усмикнулась, сила.
 — „Сидай же й ты коло мене,“
 Сивъ, та й обнялыся.
 „Серце мое, зоре моя,
 Де де ты зорила?

— „Я сёгдня забарылась;
Батько занедужавъ;
Коло ёго все поралась...“
— „А мене й байдуже?“
— „Який бо ты, ій же Богу!“
И слёзы блыснулы.
— „Не плачъ, серце, я жартую.“
— „Жарты!“

Усмихнулася.

Прыхылылась головкою,
Та й нibly заспупа.
— „Бачъ, Оксано, я жартую,
А ты й справди плачешъ!
Ну, не плачъ же, глянь на мене:
Завтра не побачышъ.
Завтра буду я далеко,
Далеко, Оксапо...
Завтра, въ ночи у Чыгрыни
Свяченый достану.
Дасть винъ мени срибло-злото,
Дасть винъ мени славу;
Одягну тебе, обую,
Посажу, якъ паву,—
На дзыглыку, якъ гетьманшу,
Та й дывытысь буду;
Покы не вмру, дывытымусь.“
— „А може й забудешъ?
Розбагатіешъ, у Кыивъ
Пойдешъ зъ панамы,
Найдепъ соби шляхтяночку,
Забу'ешъ Оксану!“
— „Хыба краца йе за тебе?“
— „Може й йе,—не знаю.“

— „Гнивыши Бога, мое серце:
 Крацои немае!
 Ни на неби, ни за небомъ,
 Ни за синимъ моремъ
 Нема крапцои одъ тебе!“
 „Що се ты говорыши?
 Схаменяся “

— „Правду, рыбко?“
 Та й знову, та й знову
 Довго воны, якъ бачите,
 Велы таку мову;
 Цилувалысь, обнималысь
 Зъ усiei сылы;
 То плакали, то божылись,
 То ще разъ божылись.
 Йи Ярема розказувавъ,
 Якъ жыть воны будуть,
 Якъ окуе всю въ золото,
 Якъ долю добуде,
 Якъ вырижутъ гайдамакы
 Ляхивъ въ Украини,
 Якъ винъ буде пануваты,
 Колы не загыне.
 Ажъ обрыдло слухаючи;
 Далеби, дивчате!
 „Отто який! мовы и справади
 „Обрыдло!

А маты,
 Або батько якъ побачять,
 Що вы, мои люби,
 Таке дыво чытаете,—
 Гриха на всю губу!

Тоди, тоди—та цуръ ёму,
 А дуже цикаве!
 А надто вамъ розсказать бы,
 Якъ козакъ чорнявый
 Надъ вербою, надъ водою
 Обнявшысь сумуе;
 А Оксанпа, якъ голубка,
 Воркуе, цилуе;
 То заплаче, то зомліе,
 Головоньку схылить:
 „Серце мое, доле моя!
 Соколе мій мылый!
 Мій...“ Ажъ вербы нагынальсь
 Слухать тую мову.
 Отто мова! Не розскажу,
 Мои чориброви,
 Не розскажу противъ ночи,
 А то ще прысниться.
 Нехай соби розійдуться—
 Такъ якъ и зійплися.
 Тыхесенько, гарнесенько,
 Щобъ никто пе бачывъ—
 Ни дивочи дрибпи слёзы,
 Ни щыри козачи.
 Нехай соби... може, ще разъ
 Воны на симъ свити
 Зостринуться... побачымо...

А тымъ часомъ свитыть
 Зъ усихъ викопъ у тытаря.
 Що то тамъ творыться?
 Треба глянуть, та розсказать...
 Бодай не дывыться!

Бодай не дывытись, бодай пе казаты!
 Бо за людей соромъ, бо сердце болыть.
 Глянте, подывиться: то конфедераты,
 Люде, що зибралисъ волю бороныть,
 Боронять, прокляти!. .⁴⁾ Будь проклята маты,
 И день, и година, коты понесла,
 Колы породыла, на свитъ прывела!
 Дывиться, що реблять у тытаря въ хати
 Некельныи диты.

У печи пала

Огонь и свитыть на всю хату,
 Въ кутку собакою дрыжыть
 Проклятый жыдъ; конфедераты
 Крычать до тытаря:— „Хочъ жыть?
 Скажы, де гроши?“

Той мовчыть.

Налыгачемъ скрутылы руки,
 Объ землю вдарылы—нема,
 Нема ни слова

— „Мало муки!
 Давайте прыску! де смола?
 Кроцы ёго! оттакъ! холопе!
 Мерцій же прыскомъ посыпай!
 Що? скажешъ, шельмо?.. И не стогне!
 Завзята бестія! Стравай!“

Пасыпалы въ халлыы жару...

— „У тимъя цвяшокъ закатай!“

Не вытерпивъ святои кары,

Упавъ сердега. Пропадай,

Душа, безъ сповиди святои!

— „Оксано, дочкио!“ та й умеръ.

Ляхы задумалыся стол,

Хочъ и запекли.

— „Що жъ теперь,
Панове, рады? Помиркуемъ,
Теперь зъ нымъ ничего робыть.
Запалымъ церкву!“

— „Кгвалтъ! рятуйте!
Хто въ Бога вируе!“
На двори голосъ, ишо йе силы.
Ляхи зомлилы. „Хто такый?
Оксана въ двери:—„Вбылы! вбылы!“
Та й пада крыжемъ. А старший
Махнувъ рукою на громаду.
Понура шляхта, мовъ хорты,
За двери выйшла. Самъ позаду
Бере зомлилую...

Де жъ ты,
Яремо, де ты? подывыся!
А винъ мандруочы снива,
Якъ Налывайко зъ ляхомъ бывся.
Ляхи пропали; нежыва
Пропала зъ нымы и Оксана.

Собакы де-де по Вильшаний
Загавкаютъ, та й замовчять,
Биле мисяць; люде сплять
И тытарь сплыть. Не рано встане
На-викы, праведный, заснувъ.
Горило свитло, погасало,
Погасло... Мертвый мовъ здригнувъ,
И сумно, сумно въ хати стало ^{5).}

Свято въ Чыгырыни.

Гетьманы, гетьманы! якъ-бы то вы встали,
Всталы, подывылись на той Чыгырынъ,
Що вы будували, де вы панували!

Заплакалы бъ тяжко бо вы бъ не пизнали
Козацькои славы убогыхъ руинъ.
Базары, де військо, якъ море червоне,
Передъ бунчуками, бувало, горыть,
А ясновельможный, на воронимъ кони,
Блысне булавою—море закыпить...

Закыпить, и розлылося

Степами, ярамы;
Лыхо мліе передъ нымы...
А за козакамы..
Та що й казать?... мынулся;
А те, що мынуло,
Не згадуйте, паныбраты...

Та ѹ що зъ того, що згадаешь?
Згадаешь—заплачешь.
Ну, хочъ глянемъ на Чыгырынъ,
Колысь-то козачий.

Изъ-за лису, зъ-за туману,
Мисаць виливас,
Червоніе, круглолицый,
Горыть, а не сле,
Неначе зна, що не треба
Людямъ ёго свиту,

Що пожары Украину
 Нагріють, освітять.
 И смерклося, а въ Чыгрыни,
 Якъ у домовыни.
 Сумно, сумно. (Оттакъ було
 По всій Україні
 Протывъ почи Маковія,
 Якъ ножи святылы).
 Людей не чутъ; черезъ базаръ
 Кажанъ котокрылый
 Перелетыть; на выгони
 Сова завывае.
 А де жъ люде?... Надъ Тисмениномъ,
 У темпому гаю
 Зибралися; старый, малый,
 Убогий, багатый
 Поеднались,—дожидаются
 Великого свята.

У гемпому гаю, въ зеленій діброви,
 На врыпони кони отаву скубуть;
 Осідали кони, ворони готови.
 Куды-то пойидуть? Кого повезутъ?
 Онъ кого, дывиться. Ляглы по долини,
 Непаче побыти, ни слова не чутъ.
 Отто гайдамакы. На кгвалтъ України
 Орлы налетили; воны рознесуть
 Ляхамъ, жыдамъ кару;
 За кровъ и пожары
 Некломъ гайдамакы ляхамъ отадутъ

По-пидъ дібровою стоять
 Вовы зазализнои тараци:

То щедрои гостынець пани.
 Умила що кому давать!
 Нивроку ій, нехай царствуе;
 Нехай не вадыть, якъ не чуе!
 Помижъ возамы нигде стать:
 Неначе въ ирій налетило
 Зъ Смилянцыны, зъ Чыгрыны,
 Просте козацство, старшина;
 На певне дило налетили.
 Козацьке панство похожае,
 Въ кыреяхъ черныхъ, якъ одыпъ,
 Тыхенько ходя размовляе
 И поглядае на Чыгрынъ.

Старшина первый.

Старый Головатый щось дуже коверзует.

Старшина другой.

Мудра голова! сидыть соби въ хутори, нибы
 не знае ничего, а дывышся—скризь Головатый.
 „Колы самъ,“ каже, „не повершу, то сынови пе-
 редамъ.“

Старшина третій.

Та й сынъ же штука! Я вчора зострився съ
 Зализнякомъ, таке разсказуе про ёго, що дуръ ёму!
 „Коповымъ“ каже, „буде, тай годи; а може ще и
 гетьманомъ, колы тее..“

Старшина другой.

А Гонта па-що? а Зализнякъ? до Гонты сама...
 сама пысала: „Колы, каже...“

Старшина первый.

Цытьте лышень, здається дзвонять!

Старшина второй.

Та ни, то люде гомонять.

Старшина первый.

Гомонять, поки ляхи почують. Охъ, стари головы та розумни; хымерять, хымерять, та й зроблять въ лемеша швайку. Де можна лантухъ, тамъ торбы не треба. Купылы хрину, треба зъисты: плачте, очи, хочъ повылазьте: бачылы, що купувалы, грошамъ не пропадать! А то думають. думають, ни въ голосъ, ни мовчки; а ляхи догадаються—отъ тоби й пшикъ! Що тамъ за рада? чомъ воны не дзвонятъ? Чымъ спынышъ народъ, щобъ не гомонивъ? Не десять душъ, а слава Богу вся Смилянщина, колы не вся Украина. Онъ, чуete? спивають.

Старшина третій.

Справди спива щось; пиду спыню.

Старшина первый.

Не спыняй, нехай соби спиваes абы не голосно.

Старшина второй.

Отто, мабудь волохъ! ⁶⁾ Не втерпивъ такы старый дуренъ; треба, та й годи.

Старшина третій.

А мудро спиваes! колы не послухаешьъ, усе иишу Пидкрадьмось, братци, та послухаемъ; а тымъ часомъ задзвонягъ.

Старшина первый и второй.

А що жъ? то й ходимо!

Старшина третій.

Добре, ходимо.

(Старшины нышкомъ стали за дубомъ, а пидъ дубомъ сидѣть слипый кобзарь; кругомъ его занорозци и гайдамаки. Кобзарь спиває зъ повагою и неголосно).

Кобзарь.

„Ой волохы, волохы!
 Васъ осталося трохы;
 И вы, молдававы,
 Теперъ вы не паны:
 Ваши господари
 Наймыты татарамъ,
 Турецкымъ султанамъ,
 Въ кайданахъ, въ кайданахъ!
 Годи жъ, не журиться,
 Гарно помолиться,
 Братайтесь зъ намы,
 Зъ намы козакамы;
 Згадайте Богдана,
 Старого гетьмана;
 Будете панамы,
 Та, якъ мы, зъ ножамы,
 Зъ пожамы святымы,
 Та зъ батькомъ Максимомъ
 Сю ничъ погуляемъ,
 Ляхивъ погойдаемъ,
 Та такъ погуляемъ,
 Що ажъ пекло засміється,

Небо запалае...
Добре погуляемъ!“

Запорожець.

Добре погуляемъ! правду старый спива, якъ ие бреше. А що бъ то зъ ёго за кобзарь бувъ, якъ бы не волохъ!

Кобзарь.

Та яй не волохъ; такъ тиљко—бувъ колысь у Волоцьни, а люде и зовуть волохомъ, самъ не знаю за що.

Запорожець.

Ну, та дарма; утны ще яку-небудь. А ну лышень, про батька Максима ушкварь.

Гайдамака.

Та не голосно, щобъ не почула старшина.

Запорожець.

А що памъ ваша старшина? почуе, такъ по слуха, колы має чымъ слухаты, та яй годи. У нась одынъ старший—батько Максимъ; а винъ, якъ почуе, то ще карбованця дастъ. Спивай, старче Божий, не слухай ёго.

Гайдамака.

Та воно такъ, чоловиче; я це яй самъ знаю, та ось що: не такъ паны, якъ пидпанки! або поки сонце зійде, то роса очи вийисть.

Запорожець.

Брехня! спивай, старче Божий, яку знаешъ, а то яй дзвони не диждемо—поснемо.

Гуртомъ.

Справди поспемо; спивай яку-небудь.

Кобзарь (спивае).

„Лита орель, лита сывый
 По пидъ небесамы:
 Гулля Максымъ, гулля батько
 Степамы, лисамы.
 Ой литае орель сывый,
 А за нымъ орлята;
 Гулля Максымъ, гулля батько,
 А за нымъ хлопъята.
 Запорозци—ти хлопъята,
 Сыны ёго диты.
 Помиркуе, загадае,
 Чы быты, чы шты,
 Чы танцоввать,—то й ушкварять,
 Ажъ земля трясеться;
 Заспивае—заспивають,
 Ажъ лыхо сміесться.
 Горилку, медъ не чаркою,
 Поставцемъ черкае,
 А ворога заплющывшись
 Ката, не мынае.
 Оттакий-то нашъ отамантъ,
 Орель сывокрылый!
 И воюе, и гарцюе
 Зъ усіен силы.
 Нема въ ёго ни осели,
 Ни саду, ни ставу..
 Степъ и море—скризь бытый шляхъ,
 Скризь золото, слава.

Шануйтесь жъ, вражи лахы,
Скажени собакы
Йде Зализякъ Чорнымъ шляхомъ,
За нымъ гайдамакы.“

Запорожець.

Оце то такъ! вчыстывъ,ничого сказати: и до ладу, и правда. Добре, далеби добрѣ! П҃о хоче, то такъ и втне. Спасыби, спасыби!

Гайдамака.

Я щось не второпавъ, що винъ спивавъ про гайдамакивъ?

Запорожець

Який бо ты бевзъ и справди! Бачыпъ, ось що винъ спивавъ: щобъ лахы погани, скажени собакы, каллъсь, бо йде Зализякъ Чорнимъ шляхомъ зъ гайдамаками, щобъ лахивъ, бачышъ, ризаты...

Гайдамака.

И вишаты, и мордоваты! Добре, ій-Богу, добре! Ну, це такъ! Далеби, давъ бы карбованця, якъ бы бувъ не прошывъ учора! Шкода! Ну, нехай стара вязле, бильше мъяса буде. Поборгуй, будь ласкавъ, завтра оддамъ. Утны ще що-небудь про гайдамакивъ!

Кобзарь.

До грошей я не дуже ласый. Абы була ласка слухаты, покы не охрыпъ, спиватиму; а охрыпну— чарочку, другу тіи ледацыци-жывыци, якъ то кажуть, та й знову. Слухайте жъ, панове громадо!

„Ночувалы гайдамакы
Въ зеленій диброви,
На прыони паслы кони,
Сидлани, готови.
Ночувалы ляпкы-панкы
Въ будынкахъ зъ жыдамы,
Напылыша, простяглыша,
Та й...“

Громада.

Цыть лышепъ! здастесь, дзвоняль. Чуепъ?...
Ще разъ... о!

Кобзарь.

„Задзвонылы, задзвонылы!
Пишла луна гаемъ.
Идить же вы, та молитесь,
А я доспиваю.“

Повалылы гайдамакы,
Ажъ стогне диброва;
Не повезлы, а на плечахъ
Чумацьки волови
Несуть возы. А за нымы
Слипый волохъ знову:
„Ночувалы гайдамакы
Въ зеленій диброви“
Шкандыбае, курныкае,
И гычъ не до речи.

— „Ну лышъ инишу, старче Божай!“
Зъ возамы на плечахъ
Крычать ёму гайдамакы.
— „Добре, хлопци, нате!
Оттакъ! оттакъ! добре, хлопци!
А нуте, хлопьыта,

Ушкварымо!“

Земля гнеться,

А воны зъ возамы

Такъ и рижуть. Кобзарь грае,

Додае словами:

„Ой гопъ, такы-такъ?

Клыче Гандзю козакъ:

-- Ходы, Гандзю, пожартую,

Ходы, Гандзю, поцилую;

Ходимъ, Гандзю, до попа

Богу помолыться;

Нема жыта ни спопа,

Вары вареныци.

Оженився, зажурывся--

Ничого немае;

У рядныни ростуть диты,

А козакъ спивае:

— И по хати ты-ны-ны,

И по синяхъ ты-ны-ны,

Вары, живко, лыны,

Ты-ны-ны, ты-ны-ны!“

— „Добре! добре! ще разъ! ще разъ!“

Крычать гайдамакы.

„Ой гопъ того дыва!

Наварылы ляхы пыва,

А мы будемъ шынувать,

Ляшкивъ-панкивъ частувать.

Ляшкивъ-панкивъ почастуемъ,

Зъ панянкамы пожартуемъ.

Ой гопъ, такы-такъ!

Клыче панну козакъ:

— Панно, пташко мол!

Панно, доле моя!
 Не соромся, дай рученьку,
 Ходимъ погуляймо;
 Нехай людямъ лыхо сыться,
 А мы заспиваймо.
 А мы заспиваймо,
 А мы посидаймо,
 Панно, пташко моя,
 Панно, доле моя!"

— „Ще разъ, ще разъ!"

„Якъ-бы такы, або такъ, або сякъ,
 Якъ-бы такы запорозьский козакъ,
 Якъ-бы такы молодый, молодый,
 Хочъ по хати бъ поводывъ, поводывъ.

Страхъ мени не хочеться
 Зъ старымъ дидомъ морочыться,
 Якъ-бы такы..."

— „Цу-цу, скажени! скамениться!
 Бачъ разходылсы! А ты,
 Стара собако, де бъ молыться,
 Верзешъ тутъ поганъ. Отъ чорты!"
 Крычыть отаманъ. Опылысь;
 Ажъ церковъ бачить. Дякъ спива,
 Попы зъ кадылами, зъ кропыломъ;
 Громада—нибы нежыва,
 А ни телепъ... Помижъ возамы
 Попы зъ кропылами пишли;
 За нымы корогвы неслы,
 Якъ на великденъ надъ паскамы.

„Молитесь, братія, молитесь!“
 Такъ благочынныи начына:
 „Кругомъ святого Чыгрина
 Сторожа стане зъ того свиту,
 Не дастъ святого роспынать.
 А вы Украину ховайте:
 Не дайте матери, не дайте
 Въ рукахъ у ката прошадать.
 Одъ Конашевыча и доси
 Пожаръ не гасне, люде мрутъ,
 Канають въ тюрмахъ, голи, боси...
 Диты нехрещени ростуть,
 Козацьки диты; а дивчата!...
 Земли козацькои краса,
 У ляха въяне, якъ першъ маты,
 И непокрытая коса
 Стыдомъ сичеться; кари очи
 Въ неволи гаснутъ; росковатъ
 Козакъ сестру свою не хоче,
 Самъ не соромыться канать
 Въ ярми у ляха... горе, горе!
 Молитесь, диты! страшный судъ
 Ляхи въ Украину несутъ—
 И зарыдають чорни горы.
 Згадайте праведныхъ гетьманивъ:
 Де ихъ могилы? Де лежыть
 Останокъ славного Богдана?
 Де Осгриныцина стойть
 Хочъ бы убогая могила?
 Де Налывайкова? нема!
 Жывого и мертвого спалылы. ⁷⁾
 Де той Богунъ, де та зима?
 Ингуль, що зиму замерзае—

Богунъ не встане загатыть
 Шляхетськымъ трупомъ.⁸⁾ Ляхъ гуляе!
 Нема Богдана червоныть
 И Жовти Воды й Рось зелену.
 Сумуе Корсунь староденний:
 Нема журбу зъ кымъ подилыть.
 И Альта плаче: „Тяжко жыты!
 „Я сохну, сохну...“ де Тарасъ?⁶⁾
 Нема, не чуть... не въ батька диты!
 Не плачте, братія: за нась
 И дуни нраведныхъ, и сыла
 Архистратыга Михаила.
 Не за горамы кары часть.
 Молитесь, брагія!“

Молылысь,
 Молылысь щыро козакы,
 Щыро, якъ диты; не журылысь,
 Гадалы тее... а зробылысь—
 Надъ козакамы хусточки!
 Одпо добро, одна слава—
 Биле хустына,
 Та й ту знимуть...

А діяконъ:
 „Нехай ворогъ гыне!
 Берить ножи! Освятылы“!
 Ударылы въ дзвоны,
 Реве гаемъ: „освятылы“!
 Ажъ сердце холоне!
 „Освятылы, освятылы!
 Гыне шляхта, гыне!“
 Розибрали, заблышали
 По всій України.¹⁰⁾

Трети пивни ^{11).}

е день Україпу катували
Ляхи скажени; ще одынъ,
Одынъ останній сумували
И Украина, и Чигрынъ.
И той мынувъ день Маковія,
Велике свято въ України,
Мынувъ—и ляхъ, и жыдовынъ
Горилки, крови упывались,
Кляли схызмата, роспинали,
Кляли, що ничего вже взять.
А гайдамакы мовчкы ждалы
Щоки пагацци ляжуть спать.
Ляглы, и въ головы не клалы,
Що вже имъ завтра не вставатъ.
Ляхи заснулы, а іуды
Ще личять гроши у-ночи,
Безъ свитла личять барыши,
Щобъ не побачмы, бачъ, люде.
И ти на золото ляглы,
И сномъ печистымъ задрималы.

Дримають... на вики бодай задрималы!
А тымъ часомъ мисяць плыве оглядатъ
И небо, и зори, и землю, и море,
Та глянуть на люде, ще вони моторятъ,
Щобъ Богови въ-рацци про те розсказать.
Свитыть билолыцій на всю Україну,
Свитыть... а чи бачить мою сыротину,
Оксану зъ Вильшаны, мою сыроту?
Де іи мордують, де вона воркує?

Чы знае Ярема? чы знае, чы чуе?
 Побачымо потимъ, а теперъ пе ту,
 Не ту заспиваю, инишои заграю:
 Лыхо—пе дивчата—буде тавцювать.
 Недолю спиваю козацького краю;
 Слухайте жъ, щобъ дитямъ потимъ розсказать,
 Щобъ и диты зналы, впукамъ розсказали,
 Якъ козакы пляхту тяжко покаралы,
 За те, що пе вмила въ добри панувать.

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго кровъ стенамы
 Текла, червонила.
 Текла, текла, та й высохла.
 Степы зеленіють,
 Диди лежять, а надъ нымы
 Могилы синють.
 Та що зъ того, що высоки?
 Нихто ихъ не знае,
 Нихто щыро не заплаче,
 Нихто пе згадає.
 Тилько витеръ тыхесенько
 Новіе надъ нымы,
 Тилько росы ранесенько
 Слёзамы дрибными
 Ихъ умывают. Зійде сонце,
 Осушыть, прыгре;
 А упукы? имъ байдуже,
 Жыто соби сіютъ.
 Багато ихъ, а хто скаже,
 Де Гонты могила,—
 Мученыка праведного

Де похоронылы?
 Де Зализнякъ, душа щыра,
 Де одночывае?
 Тяжко! важко!...

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго кровъ степамы
 Текла, чорвонила.
 И день, и ничъ ківалтъ, гарматы;
 Земля стогне, гнеться;
 Сумно, страшно, а згадаетъ—
 Серце усміхнеться.

Мисяцю мій ясный! зъ высокого неба
 Сховайся за гору, бо свиту не треба;
 Страшно тоби буде, хочъ ты й бачывъ Рось,
 И Альту, и Сену: и тамъ розлыхлось,
 Не знатъ за що, крови широкое море.
 А теперъ що буде! Сховайся жъ за гору;
 Сховайся, мій друже, щобъ не довелось
 На старисть заплакать...

Сумно, сумно середъ неба
 Сяе билолицый
 По-надъ Дніпромъ козакъ иде,
 Може, зъ вечорныци.
 Иде смутный, невеселый,
 Ледве несуть ноги.
 Може, дивчына не любыть,
 За те, що убогий?
 И дивчына ёго любыть
 Хочъ лата на лати.

Чорнобривий, а не згине,
 То буде й багатий.
 Чого жъ смутний чорнобривий
 Иде—чуть не плаче?
 Якусь тяжку недоленіку
 Вищує козаче.
 Чує серце, та не скаже,
 Яке лыхо буде.
 Мыне лыхо... Кругомъ ёго
 Мовъ вымерлы люде.
 А ни пивня, ни собаки:
 Тилько изъ-за гаю
 Десь далеко сироманьци
 Бовкы завывають.
 Байдуже! иде Ярема,
 Та не до Оксани,
 Не въ Вильману на досвитки,—
 До ляхивъ паганыхъ
 У Черкаси. А тамъ третій
 Пивень заспиває...
 А тамъ... а тамъ... Иде Ярема,
 На Дніпръ поглядає.

„Ой Дніпре мій, Дніпре широкий та дужий!
 Багато ты, батьку, у море носивъ
 Козацькои крови; ще понесешъ, друже!
 Червонывъ ты сынє, та не напоивъ;
 А сю нічъ уп'єшся. Пекельнее свято
 По всій України сю нічъ зареве;
 Потече багато, багато, багато
 Шляхетськои крови. Козакъ ожыве:
 Ожывутъ гетьманы въ золотимъ жупані;
 Прокинеться доля; козачъ заспива:

„Ни жида, ни ляха“, а въ степахъ Украины—
Дай-то, Боже мылый—блысне булава!“

Такъ думавъ, идучы въ латапій свытыни,
Сердега Ярема зъ свяченымъ въ рукахъ.
А Дніпръ, мовъ пидслушавъ: тырокъ та сыній
Пиднявъ горы-хвили; а въ очеретахъ
Реве, стогне, завывае,
Лозы вагынае;
Гримъ гогоче, а блыскавка
Хмару роздырае.
Иде соби пашъ Ярема,
Ничого не бачыть;
Одпа думка усмихпеться,
А друга заплаче.
„Тамъ Оксана, тамъ весело
И въ сирій свытыни;
А тутъ... а тутъ... що ще буде?
Може ще загыну“.
А тимъ часомъ изъ байраку
Нивень „кукурику!“
„А, Черкасы!.. Боже мылый!
Не вкороты вику!“

Червоный бенкетъ.

адзвонилы въ уси дзвоны
По всій України;
Закрычали гайдамакы:
„Гыне шляхта, гыне!

Гыне шляхта! погуляемъ
 Та хмару нагріемъ!“
 Занялася Смилянцына,—
 Хмара червонie;
 А найперша Медведивка
 Хмары нагривае.
 Горыть Смила, Смилянцына
 Кровью пидплывае.
 Горыть Корсунь, горыть Канивъ,
 Чигырынь, Черкасы;
 Чорнимъ шляхомъ ¹²⁾ запалало,
 И кровъ полылася
 Ажъ у Волынь. По Полисси
 Гонта бенкетуе,
 А Зализнякъ въ Смилиныни
 Дамаску гартуе
 У Черкасахъ, де й Ярема
 Пробуе священый.
 — „Оттакъ, оттакъ! добре, диты!
 Мордуйте скаженыхъ!
 Добрe, хлопци!“—на базари
 Зализнякъ гукае.
 Кругомъ пекло; гайдамакы
 По пеклу гуляють
 А Ярема—страшно глянуть—
 По тры, по четыри
 Такъ и кладе „Добрe, сыну,
 Матери ихъ хыря!
 Мордуй, мордуй: въ раю будешъ,
 Або есауломъ.
 Гуляй, сыну! Нуте, диты!“
 И диты майнулы
 По горыцахъ, по коморахъ

По лёхахъ,—усюды;
 Всихъ уклалы, все забралы.
 — „Теперь, хлощи, буде!
 Утомылысь, одпочыньте“.
 Улицы, базары
 Крыльясь труномъ, илылы кровью.
 — „Мало клятымъ кары!
 Ще разъ треба перемучить,
 Щобъ не цовставалы
 Нехрещени, кляти души“
 На базаръ збиралысь
 Гайдамакы. Иде Ярема,
 Зализнакъ гукае:
 — „Чуешь, хлопче? ходы сюды:
 Не бійсь, не зликаю“.
 — „Не боюся!“ Знявши шапку,
 Ставъ, мовъ передъ паномъ,
 „Видкиля ты? кто ты такый?
 — „Я, иане, зъ Вильшаны“.
 — „Зъ Вильшаной де тытаря
 Псы замордували?“
 — „Де? якого?“
 — У Вильшанай;
 И кажуть, що вкрали
 Дочку ёго, колы знаешъ“.
 — „Дочку у Вильшанай?“
 — „У тытаря, колы зневавъ“.
 — „Оксано, Оксано!“
 Ледве вымовывъ Ярема
 Та й упавъ до-долу.
 „Еге! ось що... Шкода хлопця;
 Провитры, Мыколо!“
 Провитрыся.— „Батьку! брате!

Чомъ я не сторукый?
 Дайте ножа, дайте сылу,
 Муки ляхамъ, муки!
 Муки страшной щобъ пекло
 Тряслося та млило!“
 — „Добре, сынул ножи будуть
 На святее дило.
 Ходимъ зъ намы у Лысянку
 Ножи гартуваты!“
 — „Ходимъ, ходимъ, отамане,
 Батьку ты мій, брате,
 Мій едный! На край свита
 Полечу, достану,
 Зъ пекла вырву, отамане .
 На край свита, пане...
 На край свита, та не найду,
 Не найду Оксаны!“
 — „Може й найдешъ. А якъ тебе
 Зовутъ, я не знаю“.
 — „Яремою“.
 — „А прызвыще?“
 — „Прызвыща немае!“
 — „Хиба байстрюкъ? Безъ прызвыща?
 Запышы, Мыколо,
 У реестеръ. Нехай буде...
 Нехай буде Голый,
 Такъ и пышы!“
 — „Ни, пагано!“
 — „Ну, хиба, Бидою?
 — „И це не такъ“.
 — „Стривай лышень,
 Пышы Галайдою!“
 Запысалы.

— „Ну, Галайдо,
Пойдемъ гуляты.
Найдешъ долю... а не найдешъ...
Рушайте, хлопъята“.
И Яреми далы коня
Зайвого зъ обозу.
Усмихнувшись на воронимъ,
Та й знову у слёзы.
Выйхали за царыну;
Палаютъ Черкасы..
— „Чы вси, диты?“
— „Уси, батьку!“
— „Гайда!“

Простяглася
По дуброви по-падъ Дніпромъ
Козацька ватага.
А за нымы кобзарь волохъ
Перевагы-вагы
Шкандыбае на коныку,
Козакамъ спивае:
„Гайдамакы, гайдамакы!
Зализнякъ гуляе“.

Пойихали.... а Черкасы
Палаютъ, палаютъ!
Байдуже никто й не гляне!
Сміються та лаютъ
Кляту шляхту; хто балака,
Хто кобзаря слуха.
А Зализнякъ попереду
Нашорошывъ уха,
Иде соби, люльку курить,
Никому ни слова;

А за пымъ пимый Ярема.
 Зелена диброва
 И темный гай, и Дніпръ дужый,
 И высоки горы,
 Небо, зори, добро, люде
 И лютее горе—
 Все пропало, все! Ничого
 Не знае, не бачить,
 Якъ убытый. Тяжко ёму,
 Тяжко, а не плаче.
 Ни, не плаче: змія лута
 Жадно выпывае
 Его слёзы, давыть душу,
 Серце роздырае.

Ой вы, слёзы, дрибни слёзы!
 Вы змыете горе.
 Змыйте ёго! Тяжко! нудно!
 И синего моря,
 И Дніпра, щобъ вылыть луте,
 И Дніпра не стане.
 Заначастыть хиба душу?
 Оксано, Оксано!
 Де ты, де ты? Подывися,
 Моя ты едина,
 Подывися на Ярему!
 Де ты? Может, гыне,
 Может, тяжко клене долю,
 Клене, умирае,
 Або въ пана у кайданахъ
 У склепу канает.
 Может, згадуе Ярему,
 Згадуе Вильшану,
 Клыче ёго. Серце мое,

Обнимы Оксану!
 „Обнимемось, мій соколе!
 „На вики зомліемъ.
 „Нехай ляхы гнущаються—
 „Не почуемъ!...“ Bie,
 Bie витеръ зъ-за Лыману,
 Гне тополю въ поли,
 И дивчына похылыться,
 Куды гне недоля.
 Посумуе, пожурыться,
 Забуде.. и може...
 У жувани сама пани;
 А ляхъ... Боже. Боже!
 Карай пекломт мою душу,
 Вылый муки море,
 Розбый кару надо мною,
 Та не такымъ горемъ
 Карай серце розирветься,
 Хочъ-бы було каминъ.
 Доле моя! Серце мое!
 Оксано, Оксано!
 Де ты дилася, нодилась?“
 И хлынулы слёзы;
 Дрибни, дрибни полылыся.
 Де воны взялыся!
 А Зализнякъ гайдамакамъ
 Каже ошынытысь:
 — „У лись, хлонци! вже свитае,
 И копи прысталы:
 Попасемо“, --- и тыхенъко
 У лиси сковалысь.

Гупаливщына.

 йшло сонце; Украина—
 Де палала, тлила,
 А де шляхта, запершыся,
 У будынкахъ млила.
 Скризь по селахъ шыбеныци;
 Навишано трупу—
 Тилько старшихъ, а такъ шляхта—
 Кupoю на куни.
 На улыцяхъ, па розпуттяхъ
 Собакы, вороны
 Йидяль шляхту, клюютъ очи;
 Нихто не боронить.
 Та й никому: осталыся
 Диты та собакы;
 Жинкы навить зъ рогачамы
 Пишлы въ гайдамакы.

Оттаке-то було лыхо
 По всій України!
 Гирше пекла... А за вищо,
 За що люде гынуть?
 Того жъ батька, таки жъ диты,—
 Жыты бъ та брататься,
 Ни, не вмилы, не хотили,
 Треба розъеднаться!
 Треба крови, брата крови,
 Бо заздро, що въ брата
 Йе въ комори и на двори,
 И весело въ хати!

„Убьемъ брата! спалымъ хату!“
Сказали—и сталося.
Все бѣ, здається; ии, на кару
Сыроты остались.
Въ слёзахъ рослы, та ѹ вырослы;
Замученіи руки
Розвязались,—и кровъ за кровъ,
И муки за муки!
Болѣть сердце, якъ згадаешьъ:
Старыхъ славянъ диты
Впились кровью, а хто выненѣ?
Ксёндзы, іезуиты ^{13).}.

Мандрували гайдамакы
Лисамы, ярамы,
А за нымы и Галайда
Зъ дриблмы слёзамы.
Вже мынули Воронивку,
Вербивку; въ Вильшану
Прыихали. „Хиба спытать,
Спытать про Оксану?
Не спытаю, щобъ не знали,
За що пропадаю“.
А тымъ часомъ гайдамакы
Й Вильшану мыцаютъ.
Нытастясь у хлопчыка:
„Що, тытаря вбылы?“
— „Ба ии, дядьку: батько казавъ,
Що ёго спалылы
Отти ляхы, що тамъ лежать,
И Оксану вкрали;
А тытаря на цвигнали
Вчора поховалы.“

Не дослухавъ... „Несы, юню!“
И поводы кыпувъ.

„Чомъ я вчора, покы не знатъ,
Вчора не загынувъ!
А сёгодня, колы й умру,
Зъ домовыны встану
Ляхивъ мучыть. Серце мое!
Оксано! Оксано!
Де ты?“

Замовкъ, зажурывся,
Пойихавъ ходою.

Тяжко, важко сиромаси
Бороться зъ пудъгою.
Догнавъ своихъ. Боровыкивъ
Вже хутиръ мынаютъ.

Корчма тліе зъ стодолою,
А Лейбы немае.

Усміхнувся мій Ярема,
Тяжко усміхнувся.

Оттутъ, оттутъ позавчора
Передъ жыдомъ гнувся,
А сёгодня... та й жаль стало,
Що лыхо мыпуло.

Гайдамакы по-надъ яромъ
Зъ шляху повернулы.

Наганяютъ пивпаробка.

Хлопець у свытыни
Полатаній, у постолахъ,
На плечахъ торбына.

„Гей, старченя! стривай лышень!“

— „Я не старець, паве!

Я, якъ бачте, гайдамака.“

— „Який же паганий!“

Видкиля ты?“

— „Зъ Кереливки.“ ¹⁴⁾

— „А Будыща ¹⁵⁾ знаешь?

И озеро коло Будыщъ?“

— „И озеро знаю,

Оттамъ воно; оцимъ яромъ

Втрапыте до ёго.“

— „Що сёгодня ляхивъ бачывъ?“

— „Нигде ни одного;

А вчора було багато.

Бинкы пе святылы:

Не далы ляхы прокляти.

За те жъ ихъ и былы!

И я, й батько святымъ ножемъ;

А маты не здужа,

А то й вона бъ.“

— „Добре, хлопче.

Ось на жъ тоби, друже,

Цей дукачыкъ, та не згубы.“

Узявъ золотого,

Подывывся: „Спасыби вамъ!“

— „Ну, хлопци, въ дорогу!

Та чуете? безъ гомону.

Галайдо, за мною!

Въ оцимъ яру йе озеро

Й лисъ по-пидъ горою,

А въ лиси скарбъ. Якъ прыйидемъ,

То щобъ кругомъ сталы,

Скажы хлопцямъ. Може, лёхы

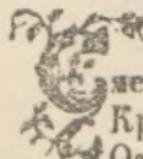
Стерегты осталась

Яка погань.“

Прыйихали,
Сталы кругомъ лиса;

Дымяться—нема никого...
 „Ту ихъ до-сто-биса!
 Яки груши уродылы!
 Збывайте, хлоцьята!
 Швыдче! швыдче! Оттакъ! оттакъ!“
 И конфедераты
 Посыпалыся до-долу—
 Груши гнылобоки.
 Позбывалы, упорались,
 Козакамъ нивроку.
 Найшли лёхы, скарбъ забрали,
 У ляхивъ кышени
 Потрусылы, та и потяглы
 Караты мерзеныхъ
 У Лысяпку. ¹⁶⁾)

Бенкетъ у Лысянци,

Смеркалося. Изъ Лысянки
 Кругомъ засвистило:
 Отто Гонта зъ Зализнякомъ
 Алюшки закурылы.
 Страшио, страшно закурылы!
 И въ пекли не вміють
 Оттакъ курить. Гнылый Тыкачъ
 Кровью червонie
 Шляхетскою, жыдивскою;
 А надъ нимъ палаютъ

И хатыва, и будыновъ;
 Мовъ доля карае
 Вельможного и неможного.
 А середъ базару
 Стоить Гонта зъ Зализнякомъ,
 Крычать: „ляхамъ кары!
 Кары ляхамъ, щобъ каяльсь!“
 И диты карають.
 Стогнуть, плачутъ; одынъ просыть.
 Другий проклынае;
 Той молыться, сповидае
 Грихи передъ братомъ,
 Уже вбытымъ. Не мылуютъ,
 Карають завзяти.
 Якъ смергъ люта, не вважаютъ
 На лита, на вроду:
 Шляхтяночки й жыдивочки
 Тече кровъ у воду.
 Ни калика, а ни старый,
 Ни мала дытына
 Не осталысь,—не вблагалы
 Лыхои годыны.
 Вси поляглы, вси покотомъ;
 Ни души живои
 Шляхетьской й жыдивськой.
 А пожаръ удвое
 Разгорився, распалався
 До самой хмары.

А Галайда знай гукае:
 „Кары ляхамъ, кары!“
 Мовъ скаженый, мертвыхъ риже,
 Мертвыхъ виня, палыть.

„Дайте ляха, дайте жыда!
 Мало мени, мало!
 Дайте ляха, дайте крови
 Наточить зъ паганыхъ!
 Крови море... мало моря...
 Оксано! Оксано!
 Де ты?“ Крыкне й сховается
 Въ поломьи, въ пожари.
 А тымъ часомъ гайдамакы
 Столы вздовжъ базару
 Поставылы, несуть страву,
 Де що запопалы,
 Щобъ засвітла повечерять.
 „Гуляй!“ загукалы.
 Вечерають, а кругомъ ихъ
 Пекло червоніє.
 У поломьи повишани
 На кроквахъ чорніють
 Чапськи трупы. Горять кроквы
 И падають зъ ными.
 „Пыйте, диты! пыйте, лыйте!
 Зъ цанами такымы,
 Може, ще разъ зостринемось,
 Ще разъ погуляемъ.“
 И поставець однимъ духомъ
 Залинякъ черкае.
 „За прокляти ваши трупы,
 За души прокляти
 Ще разъ винью! Пыйте, диты!
 Выпьемъ, Гонто, брате!“
 — „Постривай, я дожыдаю,
 Що ляхи прокляти...“
 Ярема встаетъ:— „Яки ляхи?“

— „Отто бо завзятый!
Пый горилку, мій голубе!“
Яки ляхы, брате?“

— „По тимъ боци, у будыпку
Заперлъсь прокляти!“

— „Розвімо!“ — „Шкода муру,
Старосвітська штука!
А ще гирше: Богдановы
Мурували руки!“

— „Богдановы? шкода, шкода
Гетьманськои праці.“

— „Я пославъ сказать проклятымъ,
Щобъ выдали Паца.
Помылую! Не выдадуть —
Шорохъ засыпаю...
Штотайныky вже зроблени...“

— „И ляхы гуляют?
Личать зори? Добре, брате!
А покы що буде,
Выпьемъ чарку!“ — „Добре, выпьемъ!“

— „Пыйте, добри люде,
Та не дуже, бо ще може
Не кончылы кары!“

— „Не кончылы!... Пыйте, быйте!
Грай, спивай, кобзарю!
Не про дишивъ, бо не згирише
Й мы ляхивъ караемъ;
Не про лыхо, бо мы ёго
Не знали й не знаемъ.
Веселой утны, старче,
Щобъ земля ломылась, —
Про вдовицю-молодыцю,
Якъ вона журылась.“

(Кобзарь грае и прыспивуе).

„Одъ села до села
 Танци та музыки:
 Курку, яйця продала—
 Маю черевыжки.
 Одъ села до села
 Буду танцоваты:
 Ни коровы, ни вола—
 Осталася хата.
 Я оддамъ, я продамъ
 Кумови хатыну,
 Я куплю, я зроблю
 Яточку пидъ тыномъ;
 Торгувать, шынкувать
 Буду чарочкамы,
 Танцовать та гулять
 Такы зъ парубкамы.
 Охъ вы, диткы мои,
 Мои голубъята,
 Не журиться, подывиться,
 Якъ танцюе маты.
 Сама въ наймы пиду,
 Дитокъ въ школу оддамъ,
 А червонымъ черевычкамъ
 Такы дамъ, такы дамъ!“

— „Добро! добро! Ну, до танцівъ,
 До танцівъ, кобзарю!“
 Слипый вшкварывъ—навпрысядкы
 Пишлы по базару.
 Земля гнеться. „Нумо, Гонтол!“
 — „Нумъ, брате Максиме!

Ушкварымо, мій голубе,
Покы не загынемъ!

„Не дывуйтесь, дивчата,
Що я обидрався;
Бо мій батько робывъ гладко,
То й я въ ёго вдався.“

- „Добре, брате, ій же Богу!“
- „А ну, ты, Максиме!“
- „Постривай лышъ!“

„Оттакъ чыны, якъ я чыню,
Любы дочку абы-чую.
Хочъ попову, хочъ дякову,
Хочъ хорошу мужыкову.“

Вси танцюють, а Галайда
Не чуе, не бачить.
Сыдты соби кинець стола,
Тяжко, важко плаче,
Якъ дытына. Чого бъ, бачться?
Въ червонимъ жупани,
И золото, и слава йе...
Та нема Оксаны;
Ни зъ кымъ долю подилити,
Ни зъ кымъ заспивать;
Одынъ, одынъ сыротою
Мусыть пропадаты.
А того, того й не знае,
Що ёго Оксана
По тимъ боци за Тыкычемъ
Въ будыкку зъ павамы,
Зъ тымы самыми ляхами

Що замордували
 Іи батька. Недолюди!
 Теперъ заховались
 За мурамы, та дывитесь,
 Якъ жыды канаютъ,
 Браты ваши! А Оксана
 Въ викно поглядае
 На Лысянку засвичену.
 „Де-то мій Ярема?“
 Сама думае. Не знае,
 ПЦо винъ коло неи,
 У Лысянци, не въ свытыни—
 Въ червонимъ жупани,
 Сыдѣть одынь та думае:
 „Де моя Оксана?
 Де вона, моя голубка
 Приборкапа, плаче?“
 Тяжко ёму.

А изъ яру
 Въ кыреи козачій
 Хтось крадеться.

— „Хто ты такый?“
 Галайда пытае.
 „Я посланець пана Гонты.
 Нехай погуляе,
 Я пидожду.“

— „Ни, не диждешъ
 Жыдивська собако!“
 — „Ховай Боже, який я жыдъ!
 Бачышъ? гайдамака!
 Ось копійка... подывися...
 Хиба ты не знаешъ?
 — „Знаю, знаю,“ и свиченый

Зъ халавы выймае.

„Прызнавайсь, проклятый жыде,
Де моя Оксана?“

Та й замахнувсь.

— „Ховай, Боже!...
Въ будынку... зъ панамы...
Вся въ золоти...“

— „Выручай же!
Выручай! проклятый!“
— „Добре, добре... Яки жъ бо вы,
Яремо, завзяты!

Иду заразъ и выручу:
Гронни муръ ламають,—
Скажу ляхамъ—замисть Паца...“

— „Добре, добре! знаю.
Иды швыдче!“

— „Заразъ, заразъ,
Гонту забавляйте
Съ пивъ-упруга, а тамъ нехай.
Идить же гуляйте...
Куды везты?“

— „У Лебедынъ!
У Лебедынъ, чуешъ?“

— „Чую, чую.“
И Галайдз

Зъ Гонтою танцюе.
А Зализнякъ берε кобзу:
— „Потанцюй, кобзарю,
Я заграю“.

Навпрысядкы
Слишай по базару
Оддырае постоламы,
Додае словами:

„На городи пустырнакъ, пустырнакъ;
 Чы я жъ тоби не козакъ, не козакъ?
 Чы я жъ тебе не люблю, не люблю?
 Чы я жъ тоби черевычкивъ не куплю?

Куплю, куплю, чорнобрыва,
 Куплю, куплю того дыва,
 Буду, сердце, ходыть,
 Буду, сердце, любыть.“

„Ой гонъ, гонака!
 Полюбыла козака,
 Га рудого, та старого—
 Лыха доля така.
 Иды жъ, доле, за журбою,
 А ты, старый, за водою,
 А я—такъ до шынку.
 Выпью чарку, выпью другу,
 Выпью третю на потугу,
 Пьяту, шосту, та й кинець.
 Пишла баба у танець,
 А за неяс горобець,
 Выкрутасомъ, выхылясомъ...—
 Молодець, горобець!
 Старый рудый бабу клыче,
 А та ёму дули тыче:
 „Оженывся, сатано,—
 „Заробляй же па пшено:
 „Треба дитокъ годувать,
 „Треба дитокъ одягать;
 „А я буду добувать;
 А ты, старый, не гриши,
 „Та въ заличку колышы,
 „Та жовчи, не дышы!“

Якъ була я молодою преподобныцею,
Повисыла хвартушыну надъ виконыцею,
Хто йде—не мыне,
То кивне, то моргне,
А я шовкомъ вышываю,
Въ кватырочку выглядяю:
Семены, Иваны!
Надивайтэ жупаны,
Та ходимо погуляймо,
Та сядемо заспиваймо“.

„Загоняйте квочку въ бочку,
А курчата въ вершу“.

· · · · ·

„И... гу!

Загнувъ батько дугу,
Тягне маты супоню,
А ты завяжы, доню“.
— „Чы ще? чи годи?
— „Ще, ще,
Хочъ нагану! самы ногы носять“.
„Ой сыпъ сыривецъ
Та крыши опеньки:
Дидъ та баба, то й до ладу,—
Обое раденьки.

„Ой сыпъ сыривецъ
Та крыши петрушки:

· · · · ·

„Ой смыть сыревець
Та накрыши хрину:

„Ой смыть воду, воду
Та пошукай броду, броду...“

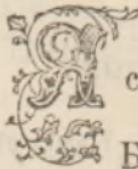
— „Годи! годи!“ крычить Гонта:
Годи, погасае.
Свитла, диты!... А де Лейба?
ПЦо ёго немае?
Найты его та повисить.
Петелька свыняча!
Гайды, диты! погасае
Каганецъ козачый!“
А Галайда:— „Отамане!
Ногуляймо, батьку!
Дывысь—горыть; на базари
И выдко, и гладко.
Потанцюемъ. Грай, кобзарю!“
— „Не хочу гуляты!
Огню, диты! дегтю, клоччя!
Давайте гарматы;
Въ потайныки пустить огонь!
Думаютъ, жартую!“
Заревилы гайдамакы:
„Добре, батьку! чуемъ!“
Черезъ греблю повалылы,
Гукаютъ, спивають.
А Галайда крычить:— „Батьку!
Стійт!.... пропадаю!
Постривайте, не вбывайте:

Тамъ моя Оксана.
Годыночку, батьки мои:
Я іі достану!“
— „Добре, добре!... Зализяче,
Гукны, щобъ палылы.
Преподобыться зъ ляхамы!...
А ты, сизокрылый,
Найдешъ ишу“.

Оглянувшись —

Галайды немае.
Ревуть горы, и будынокъ
Зъ ляхамы гуляе
Коло хмары. Що осталось,
Пекломъ запалало...
— „Де Галайда?“ Максымъ клыче.
И слиду не стало...
Покы хлопъята тапцювалы,
Ярема зъ Лейбою прокралысь
Ажъ у будынокъ, въ самый лехъ;
Оксану выхонывъ чуть живу
Ярема зъ леху, та й полынувъ
У Лебедынъ...

Лебедынъ.

сырота зъ Вильшаной,
Сырота, бабусю.
Батька лахы замучылы,
А мене... боюся,
Боюсь згадать, моя сиза...

Узялъ зъ собою.
 Не роспнтый, бабусенько,
 Що було во мною.
 Я молылась, я плакала,
 Сердце розрывалось,
 Слѣзы сохлы, душа мерла...
 Охъ, якъ бы я знала,
 Що побачу знову,—
 Вдвоє, втрое бъ вытерпила
 За едыне слово!
 Выбачай, моя голубко;
 Може, я гришила,
 Може, Богъ за те й карае,
 Що я полюбыла—
 Полюбыла станъ высокий
 И карыи очи—
 Полюбыла, якъ умила,
 Ікъ серденъко хоче
 Не за себе, не за батька
 Молылась въ неволи,—
 Ни, бабусю, а за ёго,
 За мылого долю.
 Карай, Боже! Твою правду
 Я вытерпить мушу.
 Страшно сказать: я думала
 Занапастыть душу.
 Якъ-бы не винъ, може бъ . може
 И занапастыла.
 Тяжко було! я думала:
 „О, Боже мій мылый!
 , Винъ сырота,—хто безъ мене
 „Его прывитае?
 Хто про долю, про недолю,

„Якъ я, росытас?“

„Хто обійме, якъ я ёго?“

„Хто душу покаже?“

„Хто сыроти убогому“

„Добре слово скаже?“

Я такъ думала, бабусю,

И серде сміялось:

„Я сырота: безъ матери,

„Безъ батька осталась,“

„И винъ одынъ на всимъ свити“

„Мене вирпо любить;“

„А почуе, що я вбылась,“

„То й себе погубить.“

Такъ я думала, молилась,
Ждала, выглядала:

Нема ёго, не нрыбуде,—

Одна я осталась...“

Та й заплакала. Чернида,

Стой кою неи,

Зажурылась.

„Бабусенько!

Скажи мени, де я?“

— „Въ Лебедыни! моя пташко;

Не вставай: ты хвора“

— „Въ Лебедыни! чы давно я?“

— „Ба ни, позавчора“.

— „Позавчора?... Стривай, стривай...“

Пожаръ надъ водою...

Жыдъ, будынокъ, Майданивка...¹⁷⁾

Зовутъ Галайдою...“

— „Галайдою Яремою

Себе называе,

Той, що прывизъ...“

— „Де винъ, де винъ?
Теперь же я знаю!...“

— „Черезъ тыждень обицявся
Прыйти за тобою“.

— „Черезъ тыждень! черезъ тыждень!
Раю мій, покою!“

Бабусенько, мынулася
Лыхая годына!

Той Галайды—мій Ярема!...
По всій України

Его знаютъ. Я бачила,
Якъ села горилы;
Я бачила—каты-ляхи
Трусылься, млилы,

Якъ хто скаже про Галайду.
Знаютъ воны, знаютъ,

Хто такой и видкиля винъ,
И кого шукае!...

Мене шукавъ, мене найпovъ,
Орель сизокрылый!

Прылитай же, мій соколе,
Мій голубе сизый!

Охъ, якъ весело на свити,
Якъ весело стало!

Черезъ тыждень, бабусенько...
Ще три дни осталось.

Охъ, якъ довго!...

„Загрибай, мамо, жарь, жарь,

„Буде тоби дочки жаль, жаль
Охъ, якъ весело на свити!

А тоби, бабусю,
Чи весело?“

— „Я тобою,
Пташко, веселюсь!“

— „А чомъ же ты не спиваешъ!“
— „Я вже одспивала...“

Задзвонылы до вечерни;
Оксана осталась,

А черныця, помолывшиесь,
Въ храмъ пошкандыбала.

Черезъ тыжденъ въ Лебедыни ¹⁸⁾
У церкви спивалы:

„Исаія ликуй!“ Въ-ранци
Ярему винчалы;

А въ-вечери мій Ярема
(Отъ хлопецъ звычайный!)

Щобъ не сердитъ отамана,
Покынувъ Оксану:

Ляхивъ кинча; въ Зализнякомъ
Весилля справляе

Въ Уманщины на пожарахъ.
Вона выглядает,

Выглядает, чи не йиде
Зъ боярамы въ гости—

Перевезты изъ келій
Въ хату на помости.

Не журыся, сподивайся
Та Богу молыся.

А мени теперъ на Умань ¹⁹⁾
Треба подывытись.

Гонта въ Умани.

Хвалилыся гайдамаки,
На Умань идучы:
Будемъ драты, папы-братья,
Зъ китайки онучи!“

ынають дни, мынае лито,
А Украина знай горыть;
По селамъ плачутъ мали диты—
Батькивъ немае. Шелестыть
Пожовкле листя по диврови;
Гуляють хмары, сонце спыть;
Нигде не чуть людськои мовы;
Звиръ тилько вые, йде въ село,
Де чуе трупы: не ховалы,
Вовкивъ ляхамы годувалы,
Покы ихъ снигомъ занесло.
Не спыныла хуртовына

Пекельной кары:
Ляхы мерзлы, а козакы
Грилысь на пожари
Встала й весна, черну землю
Сонну розбудыла,
Уквитчала іи рястомъ,
Барвинкомъ покрыла;
И на поли жайворонокъ,
Соловейко въ гаи
Землю, убрану весною,
Въ-ранци зостричаютъ...
Раѣ та й годы! А для кого?

Для людей. А люде?
 Не хотять на ёго и глянуть,
 А глянуть—огудять:
 Треба кровью домалювать,
 Освитьть пожаромъ;
 Сонца мало, рясту мало
 И багато хмари.
 Пекла мало!... Люде, люде!
 Колы-то зъ васъ буде
 Того добра, шо маєте?
 Чудни, чудни люде!

Не спынила весна крови,
 Ни злости людськои.
 Тяжко глянуть; а згадаемъ—
 Такъ було и въ Трои,
 Такъ и буде.

Гайдамакы
 Гуляютъ, карають;
 Де пройидуть—земля горыть,
 Кровью пидпльвае.
 Придбавъ Максымъ соби сына
 На всю Украину.
 Хочъ не ридный сынъ Ярема,
 А щыра дытына.
 Максымъ риже, а Ярема
 Не риже—лютуе:
 Зъ ножемъ въ рукахъ, на пожарахъ
 И дное и очуе.
 Не мылуе, не мынае
 Нигде ни одного;
 За тытаря ляхамъ платыть,
 За батька святого;

За Оксану... та и зомліе,
 Згадавши Оксану.
 А Зализнякъ: „Гуляй, сыну!
 Покы доля встане,
 Погуляемъ!“

Погулялы:

Купою на купи
 Одъ Кыива до Умани
 Ляглы ляхы трупомъ.
 Якъ та хмара, гайдамакы
 Умань обступылы
 О пивночи: до схидъ сонца
 Умань затопылы,
 Затопылы, закрычали:
 „Карай ляха знову!“
 Покотылысь по базару
 Кинни Narodowi; ²⁰⁾
 Покотылысь мали диты
 И калики хвори.
 Гвалтъ и галасъ. На базари,
 Якъ посередъ моря
 Кровавого, стоить Гонта
 Зъ Максымомъ завзятымъ.
 Крычать у-двохъ; „Добре-диты!
 Отакъ ихъ проклятыхъ!“
 А жъ ось ведуть гайдамакы
 Ксёндза-іезуита
 И двохъ хлопцівъ.—„Гонто, Гонто!
 Оде твои диты.
 Ты насъ рижешъ—зарижъ и ихъ:
 Воны католыки.
 Чого жъ ты ставъ? чомъ не рижешъ?
 Покы не велики,

Зарижъ и ихъ, бо выростуть,
То тебе зарижутъ...“

— „Убийте пса! а собачять
Свою зарижу.

Клычъ громаду! Признавайтесь,
Що вы католыки?“

— „Католыки.., бо насть маты...“

— „Боже мій великий!

Мовчить, мовчить! знаю, знаю!“
Зибралась громада.

„Мои диты католыки...

Щобъ не було зрады,
Щобъ не було поговору,
Панове громадо...

Я присягавъ, бравъ свяченый
Ризать католыка...

Сыны мои, сыны мои!

Чомъ вы не велики?

Чомъ вы лаха не рижете?...

— „Будемъ ризать, тату!“

— „Не будете! не будете!

Будь проклята маты,
Та проклята католычка,
Що васъ породыла!

Чомъ вона васъ до схидъ сонця
Була не втопила?

Менше бъ гриха: вы бъ умерлы
Не католыкамы:

А сёгодня, сыны мои,
Горе мени въ вами!

Поцилуйте мене, диты,
Бо не я вбываю,
А присяга...“

Махнувъ ножемъ—
 И дитей немае!
 Попадалы зарязаны.
 „Тату!“ белькоталы,
 „Тату, тату. мы не ляхы!
 „Мы...“ та й замовчалы.
 — „Поховать хыба?“
 — „Не треба!
 Воны католыки.
 Сыны мои. сыны мои!
 Чомъ вы не велики?
 Чомъ ворога не ризалы?
 Ту прокляту католычку.
 ПДо васъ породыла? . ²⁰)
 — Ходимъ, брате!

Взявъ Максыма,
 Пишлы вздовжъ базару,
 И обидва закрычали:
 — „Кары ляхамъ, кары!“
 И каралы страшис страшис
 Умань запалала.
 Ни въ будынку, ни въ костёли,
 Нигде не осталось.—
 Вси поляглы. Того лыха
 Не было николы
 Що въ Умани робылося.
 Базыліянъ школу,
 Де учылісь Гонты диты.
 Самъ Гонта руйнус:
 — Ты пойила моихъ дитокъ?
 Гукае, лютуе:
 „Ты пойила невеликыхъ,

Добру не навчыла!...

Валить стины!"

Гайдамакы

Стини розвалылы,—

Розвалылы, объ каминяя

Ксёндзивъ розбывалы,

А школаравъ у крыныци

Жывыхъ поховалы.

До самой ночи ляхивъ мордувалы;

Души не осталось. А Гонта крычыть:

„ Де вы, людойиды? де вы поховалысь?

Зъилы моихъ дитокъ,—тажко мени жыть!

Тажко мени плакать! ни съ кымъ говорыть!

Сыны мои люби, мои чорноброви!

Де вы поховалысь? Крови мени, крови!

Шляхетской крови, бо хочеться пыть,

Хочеться дывытысь, якъ вона чорніе,

Хочеться напытысь... Чомъ витеръ не віе,

Ляхивъ не навіе?.. Тажко мени жыть!

Тажко мени плакать! Праведныи зори!

Сховайтесь за хмару; я васъ не займавъ,

Я дитеј заризавъ!... Горе мени, горе!

Де я прыхылюся?"

Такъ Гонта крычавъ,

По Умани бигавъ. А середь базару,

Въ крови, гайдамакы ставылы столы!

Де що запопалы, стравы нанеслы,

И силы вечерять. Остатняя кара,

Остатня вечеря!

-- „Гуляйте, сыны!

Пыйте покы пьеться, быйте, покы бьеться!"

Зализнякъ гукае. „А ну, нависный,

Ушкварь намъ що небудь, нехай земля гнетъся

Нехай погуляють мои козакы!“
И кобзарь ушкварывъ:

„А мій батько орандарь,
Чоботарь;
Моя мати пряха
Та сваха;
Браты мои, соколы,
Прывельы
И корову изъ либровы,
И памыста панеслы.
А я соби Хрыстя
Въ памысти;
А на лышти лыстя
Та лыстя,
И чоботы, и пидковы.
Выйду въ-ранци до коровы,
Я корову напою,
Подою,
Зъ парубкамы постою,
Постою“.

„Ой гопъ по вечери,
Замыкайте, диты, двери,
А ты, стара, не журысь,
Та до мене прыгорнысь!“

Вси гуляють. А де жъ Гонта?
Чомъ винъ не гуляе!
Чому не пье зъ козакамы?
Чому не спивае?
Нема ёго; теперъ ёму,
Мабудъ, ие до иен.
Ие до спивы.

А хто такый

У чорній кыреи

Черезъ базаръ переходы?

Ставъ; розрыва купу

Ляхивъ мертвыхъ. шука когось,

Нагнувся, два трупы

Невелыхъ взявъ на плечи

И, позадъ базару,

Черезъ мертвыхъ переступа,

Крыеться въ пожари

За костёломъ. Хто жъ це такий?

Гонта, горемъ бытый,

Несе дитей поховать,

Землею накрыты,

Щобъ козацьке мале тило

Собакы не йили.

И гемными улыцами,

Де менше горило,

Понисъ Гонта дитей своихъ,

Щобъ никто не бачивъ.

Де винъ сынивъ поховае,

И якъ Гонта плаче.

Вынисъ въ поле, геть одъ шляху;

Свяченый выймае,

И свяченымъ копа тму.

А Умань палае,

Свитыть Гонти до роботы

И на дитей свитыть

Непаче сплять одягнени.

Чого-жъ страшни диты?

Чого Гонта нибы краде.

Або скарбъ ховае?

Ажъ трусыться. Изъ Умани

Де-де чуть—гукаютъ
 Товарыши гайдамакы;
 Гонта мовъ не чуе,
 Сынамъ хату середъ степу
 Глыбоку будуе.
 Та й збудувавъ. Бере сынивъ,
 Кладе въ темну хату,
 Й не дывытся, нibly чуе:
 „Мы не ляхы, тату!“
 Поклавъ обохъ, изъ кышени
 Кытайку выймае;
 Цоцилувавъ мертвыхъ въ очи,
 Хрестыть, накрывае
 Червоною кытайкою
 Головы козачи.
 Рокрывъ, ще разъ подывшися...
 Тяжко, важко плаче:
 „Сыны мои, сыны мои!
 На ту Украину
 Подывиться: вы за неи
 Й я за неи гыну.
 А хто мене поховае?
 На чужому поли
 Хто заплаче надо мною?
 Доле моя, доле!
 Доле моя нещаслива!
 Що ты наробыла?
 На що мени дитей дала?
 Чомъ мене не вбыла?
 Нехай воны бъ поховалы,
 А то я ховаю“.
 Поцилувавъ, перехрыстывъ,
 Покрывъ, засыпае:

— „Спочывайте, сыны мои,
 Въ глыбокій осели!
 Сука маты не прыдбала
 Новой постели.
 Безъ васылькивъ и безъ руты
 Спочывайте, диты,
 Та благайте, просить Бога,
 Нехай на симъ свити
 Мене за вастъ покарае,
 За грихъ сей велыкый.
 Простить, сыны! я прощаю,
 Що вы католыки.
 Зривнявъ землю, покрывъ дерномъ,
 Щобъ никто не бачывъ,
 Де поляглы Гонты диты,
 Головы козачи.
 „Спочывайте, выглядайте,
 Я швыдко прыбуду.
 Укоротывъ я вамъ вику,
 И мени те буде.
 И мене вбьють... колы бъ швыдче!
 Та хто поховае?
 Гайдамакы!... Иду ще разъ,
 Ще разъ погуляю!...“

Пишовъ Гонта похыльвшись;
 Иде, спотыкнеться.
 Пожаръ свитыть; Гонта гляне,
 Гляне—усмихнеться.
 Страшно, страшно усмихався.
 На степъ оглядався.
 Утеръ очи... тилько мріе
 Въ дыму, та й сховався.

Е п и л о г ъ.

Давно те мынуло, якъ мала дытына,
 Сирота въ рядныни—я колысь блукавъ,
 Безъ свыты, безъ хлиба, по тій України,
 Де Зализнякъ, Гонта въ свяченымъ гулявъ.
 Давно те мынуло, якъ тымы шляхамы,
 Де йшли гайдамакы,—малымы ногамы
 Ходывъ я, та плакавъ, та людей шукавъ,
 Щобъ добру навчылы. Я теперъ згадавъ,
 Згадавъ, та й жаль стало, що лыхо мынуло.
 Молодее лыхо! якъ-бы ты верпулось,
 Проминявъ бы долю, що маю теперъ.
 Згадаю те лыхо, степы ти безкраи,
 И батька, и діда старого згадаю...
 Дидусь ще гуляє, а батько вже вмеръ.
 Бувало, въ недилю, закрывши Мынею,
 По чарци зъ сусидомъ выпывши тыiei,
 Батько діда просить, щобъ той розсказавъ
 Про Колівщыну, якъ колысь бувало,
 Якъ Зализнякъ, Гонта ляхивъ покаравъ.
 Столитні очи, якъ зори, сіялы,
 А слово за словомъ сміялось, лылось:
 Якъ ляхы каналы, якъ Смила горила,
 Сусиде одъ страху, одъ жалю нимили.
 И мени, малому, не разъ довелось
 За тытаря плакатъ. И никто не бачывъ,
 Що мала дытына у куточку плаче.
 Спасыби, дидусю, що ти заховавъ

Въ голови столитній ту славу козачу:
Я іи онукамъ теперъ розсказавъ.

Выбачайте, люде добри,
Що козацьку славу
Такъ навманя розсказую,
Безъ книжнои справы.
Такъ дидъ колись розсказувавъ,
Нехай здоровъ буде,
А я за нымъ. Не зневъ, старый,
Що пысьменни люде
Тыи речи прочытаютъ.
Выбачай, дидусю,—
Нехай лають; а я покы
До своихъ вернуся,
Та доведу вже до краю,
Доведу—спочыну,
Та хочъ кризъ сонъ подывлюся
На ту Украину,
Де ходылы гайдамакы
Зъ святымы ножамы—
На ти шляхы, що я миравъ
Малымы ногамы.

Погулялы гайдамакы,
Добре погулялы:
Трохи не рикъ шляхетською
Кровью наповалы
Украину, та й замовкли—
Ножи пощербылы.
Нема Гонты; нема ёму
Хреста, ни могилы.

Буйни витры розмакалы
Попилъ гайдамакы,
И никому помолышься,
Никому заплакать.
Одынъ тилько братъ названый
Оставилъ на всимъ свити;
Та ѹ той почувъ, що такъ страшно
Пекельныи диты
Его брата замучылы,
Зализнякъ заплакавъ
Въ перше зроду; слёзы не втеръ,
Умеръ неборака.
Нудьга ёго задавыла
На чужому поли,
Въ чужу землю положыла:²²⁾
Така ёго доля!
Сумно, сумно гайдамакы
Зализную сылу
Поховалы; насыпалы
Высоку могылу;
Заплакалы, розійшлися,
Видкиля взялышся.
Одынъ тилько мій Ярема
На кый похыльвся,
Стоявъ довго.— „Спочынь, батьку,
На чужому поли,
Бо на своимъ нема миста,
Сны козаче, душа Ѣира!
Хто-небудь згадае.“
Пишовъ степомъ сиромаха,
Слёзы утырае.
Довго, довго оглядався,

Та й не выдко стало.
Одна чорна середъ степу
Могила осталась.

Посіяли гайдамакы
Въ України жыто,
Та не воны ёго жалы.
Що мусымъ робыты?
Нема правды, не выросла;
Кривда повивае...
Розійшлися гайдамакы,
Куды який знае;
Хто до-дому, хто въ диброву,
Зъ ножемъ у халяви
Жыдивъ кинчать. Така й доси
Осталася слава ^{“”}).
А тымъ часомъ стародавню
Сичъ розруйнувалы:
Хто на Кубань, хто за Дунай;
Тилько и остались,
Що порогы середъ степу,
Ревуть, завывають:
„Поховалы дитей нашихъ,
И насъ розрываютъ.“
Ревуть соби й ревитымуть—
Ихъ люде мынулы;
А Украина на-вики,
На-вики заснула.

Съ того часу въ України
Жыто зеленіе;
Не чутъ плачу, ни гарматы,

Тилько витеръ віе,
Нагынае вербы въ гаи,
А тырсу на поли.
Все замовкло. Нехай мовчыть:
Така Божа воля.

Тилько часомъ у-вечери,
По-надъ Дніпромъ, гаемъ,
Идуть стари гайдамакы,
Идучи спивають:

„А въ нашого Галайда хата на помости!
Грай море! добрѣ, море!
Добрѣ буде, Галайда!“

ПРЫПЫСЫ.

¹ „Энциклопедический лексиконъ“, томъ 5, Барская конфедерация и „Historia królewstwa“ g. s. Bandke. том. 2.

² Вильшана або Ольшана—мистечко Кіевської губернії Звенигородського повіту; між Звенигородкою и Вильшаною, по старому шляху, Боровыкиъ хутиръ и корчма, де-бъ то Ярема Вайстрюкъ, а потімъ Галайда, бувъ у жида наймитомъ. (Одъ старихъ людей).

³ Неумитиъ ляхи називали схизматами.

⁴ Про конфедеративъ такъ розсказують люде, котри ихъ бачыли, и не дыбо, бо то була все шляхта з honогем, безъ дисциплинъ: робить нехочеться, а йисты треба.

⁵ Авахронізмъ: тытары ляхи замучылы зимою, а не літомъ.

⁶ За гайдамакамы ходывъ кобзарь; ёго называли сліпымъ Волохомъ (Дядъ розсказувавъ).

⁷ Навла Наливайка жывого спалылы въ Варшавы, Ивана Остральцю и грыдці старшины козацькихъ, писля страшнои муки.

розвечетвертували и развезла ихъ тила по всій Україні. Зиновій-Богданъ и синъ его Тимофій були поховані въ Суботові, коло Чигрина; Чарнецький, коронний гетьманъ, не доставши Чигрина, отъ злости спаливъ ихъ мертвыхъ. (Георгій Конискій).

* Полковникъ Богунъ потопивъ ляхівъ въ Ингули. Зиновій-Богданъ вирізавъ 40 зъ чимъ-то тисячъ ляхівъ надъ Росью въ Корсуни. Тарадь Трясило вирізавъ ляхівъ надъ Альтою. И та и п'ята, въ которую те трапылось, зоветься Таракова, або кровава. (Балтышъ Каменський).

* Таракова и Варфоломеева ночи одна другою вартъ на стыдъ рымською тіары.

¹⁰ Такъ про Чигринське свято розказують стари люде.

¹¹ Треті пивни—сигналъ. Розказують, що Зализняка есауль, не диждавши третихъ пивницъ, запаливъ Медведівку, мистечко межъ Чигриномъ и Звенигородою.

¹² Чорний шляхъ выходивъ одь Дніпра мижъ устями ричокъ Сокоривки и Носачивки и бігъ черезъ степи запорозьски, черезъ воеводства Кіївське, Подольське и Волинське—на Червону Русь до Львова. Чорнимъ названий, що по єму татари ходили въ Польшу и своїми табунами вибували траву.

¹³ До Унії козаки зъ ляхами мирилися и якъ-бы не іезуиты, то може-бъ и не ризалися. Іезуить Пасевинъ, легать папський, перший, начавъ унію въ Україні.

¹⁴ Керелівка, або Кириловка—село Звенигородського повіту. Червонець, що давъ Зализнякъ хлопцеви, и доси есть у сына того хлопця, которому бувъ даний; я самъ ёго бачивъ.

¹⁵ Село Будища—недалеко одь Керелівки; въ яру озера и падъ озеромъ листъ невеликий, зоветься Гупаливщиною за те, що тамъ Зализнякъ збивавъ ляхівъ зъ дерева. Лéхи, де бувъ захованый шляхетський скарбъ, и доси видко, тилько вже розруйновани.

¹⁶ Лисянка—мистечко Звенигородського повіту—надъ ричкою Гнилимъ Тыкычемъ. Тутъ зійшлися Гонта зъ Зализнякомъ и розрійнували старосвітський будинокъ, Богданомъ ніби-то будований.

¹⁷ Майданівка—село, недалеко одь Лисянки.

¹⁸ Лебединъ—дивочий монастиръ межъ Чигриномъ и Звенигородкою.

¹⁹ Умань—городъ повітовий, губернії Кіївської.

²⁰ Kawaleria Narodowa,—такъ ввались польськи діагуни; ихъ тоді було въ Умани 3000, и вси були добити гайдамаками.

²¹ Въ Умани Гонта убивъ дітей своїхъ за те, що ихъ католичка помогла іезуитамъ перевести ихъ у католиць. Младенчиць, товаришъ синівъ Гонти, бачивъ зъ дзвиниці, якъ вони умерли, и якъ шіоднякъ базиліанської школи потопивъ Гонта въ

крынци. Винъ багато написавъ сбъ гайдаматчиши, але надрукованого нема иначого.

²² Зрадою взяли ляхи Гонту и страшно замучали. Привезли ёго въ кайданахъ у польский лагерь, недалеко Балты, зъ одризаннымъ языкомъ и правою рукою; Б., польский генераль, такъ веливъ зробить, щобъ винъ чого-небудь не сказавъ на ёго. Потімъ каты роздягли ёго, якъ маты родыла, и посадили на гарячи штабы зализи; потімъ зняли дванадцять пасъ зъ спины шкуры. Гонта повинъ очима и страшно глянувъ на Б.; той мащущъ рукою — и розпяли Гонту на четверо, розвезли тило и поприбывали на середохрестныхъ пляхахъ. Заизнякъ, почувши, що такъ страшно ляхи замучили Гонту, заплакавъ, занедужавъ, та й умеръ: ёго гайдамаки поховали въ степу надъ Дністромъ та й розійшлися.

²³ Злодій, розбійникъ, або гайдамака — такими остались гайдамаки по Коливщини. Такими ихъ знаютъ и доси.

ПЕРЕДМОВА.

(До Гайдамакивъ).

По мови передмова,—можна-бъ и безъ неї. Такъ ось, бачте, що: все, що я бачивъ бадрукованого, (тилько бачивъ, а прочитавъ дуже иебагато),—всюде ѹе передслово, а въ мене нема. Якъ-бы я не друковавъ своихъ „Гайдамакивъ“, то во-по-бъ не треба й передмовы, а коли вже пускаю въ люде, то треба й зъ чымъ, щобъ не сміялъсь на обирванцівъ, щобъ не сказали: „Отъ який! хибадиды та батьки дурнійши булы, що не пускали въ люде навить граматки безъ предисловія!“ Такъ, далеби такъ, выбачайте! Треба предисловіе. Такъ якъ же ёго скомпонувать, щобъ, знаете, пе було и правди, а такъ, якъ вси предисловія компонуються? Хочъ убый, пе вмію: треба-бъ хвалитъ, — такъ соромъ, а гудыть пе хочеться. Пачнемъ же

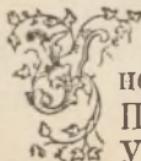
уже начаю книги сице: Весело подывыться на
слипого кобзаря, якъ винъ соби сидыть зъ хлоп-
цемъ, слипый, пидъ тыномъ, и весело послухать
ёго, якъ винъ заспивае думу про те, что давно ді-
ялось... якъ боролыся ляхи зъ козакамы... Весело...
а все-таки скажешь: „слава Богу, що мынуло!“
А надто якъ згадаешъ, що мы однои матери диты
що вси мы славяне. Серце болить, а розказувать
треба: нехай бачать сыни и внуки, що батьки
ихъ помылялись, нехай братаются знову зъ сво-
ими ворогами, нехай житомъ-пшеницею, якъ зо-
лотомъ покрита, нерозмежованою останеться на
вики одъ моря и до моря славянская земля. Про
те, що діялось на Україні 1768 року, розказую
такъ, якъ чувъ одъ старыхъ людей: надрукованого
и критикованого ничего не читавъ, бо здається и
нема ничего. Галайда въ половыну выдуманий, а
смерть вильшанського титара—правдива, бо ще
є люде, короти ёго зналы. Гонта и Зализнякъ—
отаманы того кривавого дила, може выведеи въ
мене не такъ, якъ вони були,—за се пе ручаюсь.
Дидъ мій, нехай здоровъ буде, коли зачына роз-
казувать що-небудь таке, що не самъ бачывъ, а
чувъ, то спершу скаже: „коли стари люде бре-
шуть, то й я зъ нымы“.

— 1844. —

ПАЙМЫЧКА.

Прологъ.

недилю въ-ранци рано
Поле крылося туманомъ;
У тумана па могыли,
Якъ тополя, похылылась
Молодыця молодая.
Щось до лоня ирыгортаем
Та зъ туманомъ розмовляе:

Ой, тумане, тумане--
Мій латаный талане!
Чому мене не скроваешъ
Оттутъ середъ лапу?
Чому мене не задавышъ,
У землю не вдавышъ?
Чому мени злой доли,
Чомъ вику не збавышъ?
Ни, не давы, туманочку!
Сховай тилько въ поли,
Щобъ никто не зпавъ, пе бачыгъ

Моей недоли!...
 Я не одна,—есть у мене
 И батько, и маты...
 Есть у мене... туманочку,
 Туманочку, брате!...
 Дытя мое, мій сыночку,
 Нехрыщеный сыну!
 Не л тебе хрыстыму
 На лыху годыну;
 Чужи люде хрыстымуть,
 Я це буду знать,
 Якъ и зовутъ... Дытя мое!
 Я була багата...
 Не лай мене, молытимусь.
 Изъ самого неба
 Долю выплачу слёзами
 И пошлю до тебе.“

Пишла полемъ рыдаочы,
 Въ тумани ховалась,
 Та кризъ слёзы тыхесенько
 Про вдову спивала,
 Якъ удова въ Дунаеви
 Сыпивъ поховала.

„Ой у поли могыла.
 Тамъ удова ходыла,
 Тамъ ходыла-гуляла,
 Труты-зилля шукала.
 Труты-зилля не найшла,
 Та сынивъ двохъ прывела.
 Въ кытаечку повыла

И на Дунай однесла:
 „Тыхъи, тыхъи Дунай!
 „Моихъ дитокъ забавляй.
 „Ты, жовтенький писокъ!
 „Нагодуй моихъ дитокъ;
 „Искупай, исповѣй,
 „И собою укрый!”

I.

Бувъ соби дидъ да баба.
 Зъ давняго давна, у гаи надъ ставомъ,
 У-двохъ соби на хутори жылы,
 Якъ диточокъ двое,—
 Усюды обое.
 Ще зъ малечку у-двохъ ягнятка паслы,
 А потимъ побралыся,
 Худобы диждалыся,—
 Прыдбалы хутиръ, ставъ и млынъ;
 Садокъ у гаи розвелы
 И пасику чымалу,—
 Всёго надбалы.
 Та диточокъ у ихъ Бигъ-ма,
 А смерть зъ косою за плечыма.

Хто жъ ихъ старисть прывитае,
 За дытыну стане?
 Хто заплаче, поховае?
 Хто душу спомяне?
 Хто пожыве добро честно,

Въ добрую годыну,
 И згадае дякуючи,
 Якъ своя дытына?...
 Тяжко дитей годуваты
 У безверхій хати,
 А ще гирше старитыся
 У билыхъ палатахъ—
 Старитыся, умираты,
 Добро покыдаты
 Чужимъ людямъ, чужимъ дитямъ
 На смихъ, на рострату!

II.

И дидъ, и баба у недилю
 На прыспи въ-двохъ соби сыдили
 Гарненъко, въ билыхъ сорочкахъ.
 Сіяло сонце въ небесахъ;
 А ни хмарыночки, та тыхо,
 Та любо, якъ у раи.
 Сховалося у серци лыхо,
 Якъ звирь у темнимъ гаи.

Въ такимъ раи, чого бъ, бачться,
 Старымъ сумоваты?
 Чи то давне яке лыхо
 Прокынулось въ хати?
 Чи вчерашне, задавлене
 Зновъ заворушылось,

Чи ще тилько заклюпулось—
И рай запалыло?

Не знаю, що и писля чого
Стари сумують. Може, вже
Отсе збираються до Бога;

Та хто въ далекую дорогу
Имъ добре коней запряже?
— „А хто нась, Насте, поховае,
Якъ помремо?“

— „Сама не знаю!
Я все отсе миркувала,
Та ажъ сумно стало:
Одыноки зостарилысь...

Кому понадбалы
Добра сёго?“...
— „Стривай лышены!
Чи чуешъ? щось плаче

За воритъмы... мовъ дытына!
Побижимъ лышъ!... Бачышъ?
Я вгадувавъ, що щось буде!“
И разомъ схопылысь

Та до воритъ... Прыбигаютъ.
Мовчкы зупынылысь:

Передъ самымъ перелазомъ—
Дытына сповыта,
Та й не туго, й новенькою

Свытыною вкрыта,
Бо то маты сповывала—
И литомъ укрыла

Останнёю свытыною!...
Дывылысь, молылысь
Стари мои. А сердешне

Неваче благае:
Выпручало ручената
Й до ихъ простягае
Манюсиньки... и замовкло,
Непаче не плаче,
Тилько пыхка.

— „А що, Насте?
Лй казавъ! Отъ бачышъ?
Отъ и таланъ, отъ и доля,
И пе одыноки!
Беры-жъ лышень та сповывай...
Ачъ яке, нивроку!
Несы-жъ въ хату, а я верхи
Кынусь за кумамы
Въ Городыще“.
Чудно якось
Діеться мижъ намы!
Одынъ сына проклынае,
Зъ хаты выганяе;
Другий свичечку, сердешный,
Потомъ заробляе
Та рыдаючи становыть
Передъ образами:
Нсма дитет!... Чудно якось
Діеться мижъ намы!

III.

Ажъ тры пары на радощахъ
Кумивъ назбиралы,
Та въ-вечери й охристылы

И Маркомъ назвалы.
Росте Марко. Стари мои

Не знаютъ, де диты,
Де посадыть, де положыть

И що зъ пымъ робыты.
Мынае рикъ. Росте Марко—

И дійна корова
У роскоши купается.

Ажъ ось черноброва
Та молода, билолыця

Прыйшла молодыця
На той хутиръ благодатный
У наймы просыться.

„А що жъ?“ каже, „возьмимъ, Насте“.

— „Возьмимо, Трохыме,
Бо мы стари, нездужаемъ;

Та такы й дытына,
Хоча воно й пидросло,
Та все жъ такы треба
Коло ёго пиклуватысь“.

— „Та воно-то треба.
Бо й я свою вже часточку

Прожывъ слава Богу,—
Пидтоптався.—Такъ що жъ теперъ,

Що визьмешъ, небого?
За рикъ, чи лекъ?“

— „А що дасте“,
— „Е, ни! треба знаты,

Треба, дочки, личыть плату,
Зароблену плату;

Бо сказано: кто не личыть,
То той и не мае.

Такъ оттакъ хиба, небого?

Ни ты насъ не знаешьъ,
Ни мы тебе. А пожывешъ,
Роздывышся въ хати,
Та й мы тебе побачымо,—
Оттоди и за плату.

Чи такъ, дочкио?“

— „Добре, дядьку“.
— „Просымо-жъ у хату“.

Поеднались. Молодыця
Рада та весела,
Нибы въ паномъ повинчалась,
Закушила села.
И у хати, и на двори,
И коло скотыны
У-вечери и въ-досвита;
А коло дытыны
Такъ и пада, нибы маты:
Въ будденъ и въ недилю
Головоньку ёму змые,
Й сорочечку билу
Що-день Божий надивае,
Грается, спивае,
Робыть возыкы, а въ свято,
То й въ рукъ не спускае.
Дывуются стари мои
Та моляться Богу.
А наймычка невсыпуша
Що-вечиръ, небога,
Свою долю проклынае,
Тяжко, важко плаче;
И никто того не чуе,

Не знае й не бачыть,
Опричъ Марка маленького.
 Такъ воно не знае,
Чого наймычка слёзамы
 Ёго умывае.
Не зна Марко, чого вона
 Такъ ёго цилуе,—
Сама не зъисть и не донье,
 Ёго нагодуе.
Не зна Марко, якъ въ колысци
 Часомъ середъ ночи
Прокынносться, ворухнеться,—
 То вона вже скочыть,
И укрые й перехрестыть,
 Тыхо заколыше:
Вона чуе зъ тіі хаты,
 Якъ дытына дыше.
Въ-ранци Марко до наймычки
 Ручки простягае
И мамою невсыпушу
 Ганну величае...
Не зна Марко, росте соби,
 Росте, выростае.

IV.

Чимало лить перевернулось,
 Воды чимало утекло;
И въ хутиръ лыхо завернуло,
 И слизъ чимало прынесло.
Бабусю Настю поховали

И ледве, ледве одволалы
 Трохъма дида. Прогуло
 Прокляте лыхъ та й заснуло.
 На хутиръ знову благодать
 Зъза гаю темного вернулась
 До дида въ хату спочывать.
 Уже Марко чумакуе
 И въ-осени не ночуе
 Ни пидъ хатою, ни въ хати...
 Кого-небудь треба сватать.
 „Кого-жъ бы тутъ? „старый дума
 И просыть порады
 У наймычки. А паймычка
 До царивны бъ рада
 Слатъ старосты:— „Треба Марка
 Самого спытаты.“
 — „Добре, дочко, спытаемо,
 Та й будемо сватать“.
 Роспыталы, порадылись,
 Та й за старостамы
 Пишовъ Марко. Вернулся
 Люде зъ рушыками,
 Зъ святымъ хлибомъ обминенымъ.
 Напну у жупани,
 Таку кралю высоваталы,
 Що хочъ за гетьмана,
 То не соромъ. Оттаке-то
 Дыво запопали!

„Спасыби вамъ!“ старый каже.
 „Генеръ, щобъ вы знали,
 Треба краю доводыты,
 Колы й де винчаты,

Та ѹ весилл. Та Ѣе ось-шо:
 Кто въ настъ буде маты?
 Не дожила моя Настя!...“
 Та ѹ залывсь слёзамы.
 А наймычка у порогу
 Вхопылась рукамы
 За одвирокъ, та ѹ зомлила.
 Тыхо стало въ хати;
 Тилько наймычка шептала:
 „Маты... маты... маты!“

V.

Черезъ тыждень молодыци
 Коровай мисылы
 На хутори. Старый батько
 Зъ усiei сылы
 Зъ молодыцямы танцюе
 Та двиръ вымитае,
 Та прохожыхъ, пройизжачыхъ
 У двиръ заклыкае,
 Та вареною частуе,
 На весилля просить.
 Знай бигае, а самого
 Ледве ногы восять.
 Скризъ гармыдеръ та реготня
 Въ хати и на двори,
 И жолобы выкотылы
 Зъ новои коморы.
 Скризъ порання: печуть варять,

Вымитають, мыютъ...
 Та все чужи. Де жъ наймычка?
 На прощу у Кыивъ
 Пишла Ганна. Благавъ старый,
 А Марко ажъ плакавъ,
 Щобъ була вона за матиръ.
 — „Ни, Марку, ніяко
 Мепи матирю сидиты:
 То багати люде,
 А я наймычка... ще й зъ тебе
 Сміятыся будуть.
 Нехай Богъ вамъ помагае!
 Пійду помолюся
 Усимъ святымъ у Кыиви,
 Та й знову вернуся
 Въ вашу хату, якъ прыймете.
 Покы маю силы,
 Трудытымусь...“
 Чистымъ сердемъ
 Поблагословила
 Свого Марка... заплакала
 Й пишла за ворота.

Розвернулося весилля.
 Музикамъ робота
 И пидковамъ. Вареною
 Столы й лавы милють.
 А паймычка шкандыбае,
 Поспишае въ Кыивъ.
 Прыйшла въ Кыивъ—не спочила:
 У мищенки стала,
 Цанилася посыть воду,
 Бо грошей не стало

На акафыстъ у Варвары.

Носыла, носыла,
Капъ изъ висимъ заробыла,—
Й Маркови купыла
Святу шапочку въ пещерахъ
У Ивана святого,
Щобъ голова не болила
Въ Марка молодого,
И перстенкъ у Варвары
Невистци достала,
И, всимъ святымъ поклонывшись,
До-дому верталась.

Вернулася Катерына
И Марко зострилы
За воритъмы, ввели въ хату
Й за стиль посадылы;
Напувалы й годувалы,
Про Кыивъ пытали,
И въ кимнати Катерына
Одпочыть послала.

„За що воны мене люблять?
За що поважаютъ?
О, Боже мій мылосердный!
Може, воны знають...
Може, воны догадалысь...
Ни, не догадалысь;
Воны добри...“
И наймычка
Тяжко зарыдала.

VI.

Трычи крыга замерзала,
 Трычи роставала,
 Трычи наймычку у Кынвъ
 Катря провожала,
 Такъ якъ матиръ; и въ четвертый
 Провела небогу
 Ажъ у поле, до могилы,
 И молыла Бога,
 Щобъ швыденько верталася,
 Бо безъ неи въ хати
 Якось сумпо, либы маты
 Покынула хату.

Нисля Пречистой въ недилю,
 Та писля Першои, Трохымъ
 Старый сидивъ въ сорочци билій,
 Въ брыли на прыспи. Передъ нымъ
 Зъ собакою унучокъ грався,
 А впучка въ юнку одяглась
 У Катрыну и нибы йшла
 До дида въ гости. Засміявсь
 Старый и впучку прывитавъ,
 Неначе справди молодыю.
 — „А де жъ ты дила паляныцю?
 Чы, може, въ лиси хто однявъ?
 Чи по-просту—забула взяты?...
 Чи, може, ще й не напекла?
 Е, соромъ, соромъ, лепська маты!“
 Ажъ зыркъ,—и наймычка ввійшла
 На дверь. Побигъ стричаты

Зъ опукамы свою Ганну.

— „А Марко въ дорози?“
Ганна діда пыталася.

— „Въ дорози ще й доси.“
— „А я ледве додыбала
До вашои хаты,
Не хотилось на чужыни
Одній умираты!

Колыбъ Марка диждатыся...
Такъ щось тяжко стало!“

И внучаткамъ изъ клуночка
Гостыци выимала:

И хрестыкы, й дукачыкы,
Й намыста разочокъ
Орыночки, и червоный
Зъ хвольги образочокъ;

А Карпови соловейка
Та коныкивъ пару;
И четвертый уже перстень
Святои Варвары
Катерини; а дидови
Изъ воску святого
Три свичечки; а Маркови
И соби ничого
Не прынесла: не купыла,
Бо грошай не стало,
А заробыть нездужала.

— „А ось ще осталось
Пивъ-бублычка!“
Й по шматочку
Дитямъ роздилила.

VII.

Ввійшла въ хату. Катерина
 Й ноги умыла,
 Й полудновать посадыла.
 Не пыла й пе йила
 Стара Ганна.

— „Катерино!
 Колы въ нась педиля?“
 — „Писля-завтра“.
 — „Треба буде
 Акафыстъ напяты
 Мицюлаеви святому
 Й на часточку даты;
 Бо щось Марко забарывся...
 Может де въ дорози
 Занедужавъ, сохраль Боже!“
 Й покапалы слёзы
 Зъ старыхъ очей замученыхъ.
 Ледве, ледве встала
 Изъ-за стола.
 — „Катерино!
 Не та вже я стала:
 Зледацила, нездужаю
 И на ноги встать.
 Тяжко, Катре, умираты
 Въ чужій теплій хати!“

Занедужала небога.
 Уже й прычащалы,
 Й маслосвятіе служылы,—

Ни, не помогало.
 Старый Трохимъ по надвирью,
 Мозъ убытый, ходить
 Катерына зъ болѧщей
 И очей не зводить;
 Катерына коло неи
 И днюе, й ночуе.
 А тымъ часомъ, съчи въ-ночи
 Недобре вищують
 На комори. Болящая
 Що-день, що годына,
 Ледве чуты, пытаешься:
 „Доню, Катерыно!
 Чи ще Марко не прымыхавъ?
 Охъ, якъ-бы я знала,
 Що диждуся, що побачу,
 То ще бъ пидождала!“

VIII.

Иде Марко зъ чумакамы,
 Идучы спивае,
 Не поспиша до господы—
 Волы попасае.
 Везе Марко Катерыни
 Сукна дорогого,
 А батькови шытый поясъ
 Шовку червоного,
 А паймыщи на очипокъ
 Парчи золотой

И червону добру хустку
 Зъ билою габою,
 А диточкамъ черевычки,
 Хвыгъ та вынограду,
 А всимъ вкупи червоного
 Вына зъ Париграду
 Видеръ зъ трое у барыли,
 И кавыяру зъ Дону,—
 Всёго везе, та не знае,
 Що діеться дома!

Иде Марко, не журиться.
 Прыйшовъ—слава Богу!
 И ворота одчиные,
 И молиться Богу.
 — „Чы чуешъ ты, Катерино?
 Бижы зостричаты?
 Уже прыйшовъ! бижы швыдче!
 Швыдче веды въ хату!
 Слава Тоби, Христе-Боже!
 Насылу диждала!“
 И „Отче нашъ“ тыхо, тыхо,
 Мовъ крязь сонъ, чытала.

Старый волы выпрягае,
 Запозы ховае
 Мережани, а Катруся
 Марка оглядает.
 — „А де жъ Ганна, Катерино?
 Я пакъ и байдуже!
 Чи не вмерла?“
 — „Ни, не вмерла,
 А дуже нездужа.

Ходимъ лышень въ малу хату,
 Покы выпрягае
 Волы батько: вона тебе,
 Марку, дожыдае.“

Ввійшовъ Марко въ малу хату
 И ставъ у порогу...
 Ажъ злякався. Ганна шепче:
 — „Слава... слава Богу!
 Ходи сюды, не лякайся...
 Выйди, Катре, зъ хаты:
 Я щось маю роспытати,
 Де-що розсказати.“

Вышла зъ хаты Катерина,
 А Марко схлылъся
 До наймычкы у головы.
 — „Марку! Подывыся,
 Подывыся ты на мене:
 Бачъ, якъ я змарнила?
 Я не Ганна, не наймычка,
 Я...“
 Та й занимила.
 Марко плакавъ, дывувався.
 Зновъ очи одкрыла,
 Пыльно, пыльно нодывалась—
 Слёзы покотылись,
 — „Просты мене! Я каралась
 Весь викъ въ чужій хати...
 Просты мене, мій сыночку!
 Я... я твоя маты.“
 Та й замовкла...

Зомливъ Марко,
Й земля задрижала.
Прокынувся... до матери—
А маты вже спала!

С О Н Ъ.

(Частьна зъ поемы).

рощай, свите, прощай, земле,
Непрыязный краю!
Свои мукы, свои лютя
Въ хмари заховаю.
А ты, моя Украино,
Безталанна вдово!
Я до тебе лигатыму
Зъ хмары на размову;
На размову, тыху, сумну,
На раду зъ тобою,
О-пивночи падатыму
Чистою росою.
Порадымось, посумуемъ,
Покы сонце встане,
Покы твои мали диты
На ворога стануть...

Прощай же ты, моя нене,
Удово небого!
Годуй дитокъ! Жыва правда
У Господа Бога.

Лечу... дывлюся: ажъ свитае,
Край пеба палае;
Соловейко въ темнимъ гаи
Сонце зостричае;
Тыхесенько витеръ віе,
Степы, ланы мріютъ,
Мижъ ярамы надъ ставами
Вербы зеленіютъ...
Сады рясны похылылысь,
Тополи по воли
Стоять соби, мовъ сторожи
Розмовляютъ въ поли.
И все то-те... вся краина
Повыта красою,
Зеленіе, вмывается
Раннёю росою;
Вмывается, красуеться,
Сонце зостричае,—
И нема ёму почыну,
И краю немае.
Нихто ёго не додбае,
А ни розруйне.
Душа моя убогая!
Чого ты сумуешъ?
Душа моя убогая!

Чого тоби шкода? Хиба ты не бачышъ,
Хиба ты не чуешь людського плачу?

Оиъ, глянь... подывыся, а я полечу
 Высоко, высоко за синіи хмары:
 Немае тамъ власти, немае тамъ кары,
 Тамъ смиху людського и плачу не чутъ!
 Онъ, глянь, у тимъ раю, що ты покидаешъ,
 Лагану свытыну зъ калики здіймають,
 Зъ шкурю здіймають, бо ничымъ обуть
 Панятъ недорослыхъ...
 А тамъ по-пидъ-тыпню
 Опухла дытына голодная мре,
 А маты ишенью на панщнии жне...
 А тамъ... а тамъ... очи, очи!
 На-що вы здалыся?
 Чомъ вы змалку не высохлы,
 Слизмы не злыся?
 Тамъ покрытка по-пидъ-тыпнию
 Зъ байстрямъ шкандыбае:
 Батько й матиръ одцуралысь,
 Чужи непрыймають;
 Старци навить цураются...
 А панычъ пе знае!
 Зъ двадцятою, недолитокъ,
 Души пропывае...

Душе моя убогая!
 Лышенько зъ тобою!

ЧЫГЫРЫНЬ.

ыгрыне, Чыгрыне!
 Все на свити гыне,
 И святая твоя слава,
 Якъ, пылана, лыне
 Зъ витрамы холоднымы,
 Въ хмари иропадае.
 Надъ землею летять лита,
 Днепро высыхае,
 Розсыпаются могилы,
 Высоки могилы—
 Твоя слава; и про тебе,
 Старче малосылый,
 Нихто й слова не промовыть,
 Нихто й не покаже,
 Де ты стоявъ, чого стоявъ.....
 И на смихъ не скаже.
 За що-жъ боролись мы зъ ляхамы!
 За що-жъ мы ризались зъ папамы!
 За що скородылы спысамы
 Татарськи ребра!.. Засивалы,
 И рудою полывалы,
 И шаблямы скородылы.
 Що-жъ на пыви уродыло?
 Уродыла рута, рута—
 Воли нашои отрута.

А я, юродивый, на твоихъ руинахъ
 Марно слёзы трачу. Заснула Вкраина,

Бурьяномъ укрылась, цвиллю зацвила,
 Въ калюжи, въ болоти, серце прогноила
 И въ дупло холодне гадюкъ напустила,
 А дитямъ надію въ стену oddala.

А надію

Витеръ по полю розвіявъ,
 Хвиля моремъ рознесла.

Нехай же витеръ все розносить
 На неокраенимъ крыли,
 Нехай же серце плаче, просить
 Святои правды на земли.

Чыгрыне, Чыгрыне,
 Мій друже єдный!
 Прославъ еси степы, лисы
 И всю Украину!
 Спы-жъ повытый жыдовою,
 Покы сонце встане!

Помолывшись, и я бъ заснувъ.....
 Такъ думы прокляти
 Рвутся душу запалыты,
 Серце розирваты.
 Не рвить, думы, не палите!
 Може, верну знову
 Мою правду безталанну,
 Мое тыхе слово.
 Може, выкую я зъ ёго
 До старого плуга
 Новый лемишъ и черессло,
 И въ тяжки упругы,
 Може, зъорю перелигъ той,

А па перелози
 Я посію мои слёзы,
 Мои щыры слезы;
 Może, зайдуть и выростуть
 Ножи обоюдни;
 Роспанахаютъ пагане,
 Гныле сердце, трудне;
 И выцидять сукровату,
 И наллють жывои
 Козацькои тіи крови,
 Чистои, святои.
 Może, може... а мижъ тымы,
 Мижъ ножамы рута
 И барвинокъ розивъется;
 И слово забуте,
 Мое слово тыхе, сумне,
 Богобоязлыве
 Згадаеться,—и дивоче
 Сердце боязлыве
 Стрепенеться, якъ рыбонька
 И мене згадае...
 Слово мое, слёзы мои
 Раю ты мій, раю!

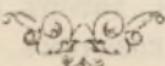
.

.

.

.

Москва, 19 февраля 1844 года.

— 3 — 1845. —

ДО ОСНОВЬЯ НЕНКА.

 ыть пороги; мисяцъ сходить
Якъ и перше сходывъ...
Нема Сичи, пропавъ и той.
Хто всимъ верховодывъ!
Нема Сичи; очереты
У Дніпра пытають:
„Де-то наши диты дились,
Де вони гуляють?“
Чайка скиглыть литаючи,
Мовъ за дитмы плаче;
Сонце гріє, вітеръ віє
На степу козачимъ.
На тимъ степу скрізь могильы
Стоять та сумують:

Пытаются у буйного:
 „Де наши панують?
 Де панують, бенкетують?
 Де вы забарылысь?
 Жыта похылылысь,
 Де паслыся ваши кони,
 Де тырса шумила,
 Де кровъ ляха, татарына
 Моремъ червонила...
 Вернитесь!“...

Слава не поляже;
 Не полаже, а розскаже,
 Що діялось въ свити,
 Чия правда, чия крывда
 И чии мы диты.
 Наша дума, наша писня
 Не вмре, не загыне...
 Отъ де, люде, наша слава,
 Слава Украины!
 Безъ золота, безъ каменю,
 Безъ хытroi мовы,
 А голосна та правдыва,
 Якъ Господа слово.
 Чи такъ, батьку, отамане?
 Эхъ, лкъ-бы то!. Та що й казать,
 Кебеты не маю!

„Не потурай!“ може, скажешъ.
 Та що зъ того буде?

Насміються на псаломъ той,
Що виллю слёзамы;
Насміються! Тяжко, батьку!

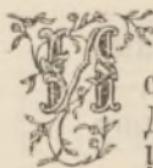
Поборовся бъ
Якъ бы малось силы;
Заспивавъ бы,—бувъ голосокъ,
Та позички зъли...
Оттаке-то лыхо тяжке,
Батьку ты мій, друже!
Блужу въ снігахъ та самъ соби:
„Ой не шумы, луже!“
Не втну бильше. А ты, батьку,
Якъ самъ здоровъ знаешъ;
Тебе люде поважають,
Добрый голось маешъ,
Спивай же имъ, мій голубе,
Про Сичъ, про могилы,
Колы яку насыпалы,
Кого положили.
Про старыну, про те дыво,
Що було, минуло...
Утны, батьку, щобъ нехотя
На ввесь свитъ почулы,
Що діялось въ Украини,
За що погыбала,
За що слава козацькая
На всимъ свити стала!
Утны, батьку, орле сизый!
Нехай я заплачу,
Нехай свою Украину
Я ще разъ побачу;
Нехай ще разъ послухаю

Икъ те море грае,
 Икъ дивчына пидъ вербою
 Грыця заспивас;
 Нехай ще разъ усмихнеться
 Серце на чужыни,
 Покы ляже въ чужу землю,
 Въ чужій домовыни.

До мертвыхъ и жывыхъ и ненарожден-
 ныхъ землякивъ моихъ, въ Украини и
 не въ Украини сущыхъ, мое дружее
 посланіе.

„Аще кто речеть, яко люблю Бога, а
 брата своего ненавидить, ложь есть“.

свитае, и смеркае,
 День Божый мынае,
 И знову людъ потомленый
 И все спочывае..
 Тильки я, мовъ окаянный,
 И день, и ничъ плачу
 На роспуттяхъ велелудныхъ,
 А нихто не бачыть;
 И не бачыть, и не знае...

Оглухлы, не чують...
 Кайдаламы мияются,
 Правдою торгуют.
 И Господа зневажают—
 Людей запрягают
 Въ тяжки ярма, орутъ лыхо,
 Лыхомъ засиваютъ...
 А що вродыть? Побачыте,
 Які будуть жныва...
 Схамениться, недолюдки,
 Диты юродыви!
 Подывитесь на рай тыхый—
 На свою Вкраину;
 Полюбите щырымъ сердемъ
 Велыку руину;
 Розкуйтесь, братайтесь
 У чужому краю,
 Не шукайте, не пытайтесь
 Того, що немае
 И на неби, а не тильки
 На чужому поли...
 Въ свой хати—своя й правда,
 И сыла и воля!
 Нема па свити Украины,
 Немае другого Дніпра—
 А вы претесь на чужыну
 Шукаты доброго добра,
 Добра святого, воли, воли,
 Братерства братнёго... Найшли,
 Неслы, неслы зъ чужого поля
 И въ Украину прынеслы
 Велыхъ словъ велыку силу,
 Та й бильшъничого... Крычите...

И знову шкуру дерете
 Зъ бративъ незрячихъ гречкосіивъ,
 И сонця правды дозривать
 Въ пимецки земли, у чужыи
 Претеся знову. Якъ бы взять
 И всю мызерью зъ собою,
 Диамы крадено добро,
 Тоди бъ зостався сыротою
 Зъ святыми горами Дніпро!

Охъ якъ бы то сталось, щобъ вы не вернулись.
 Щобъ тамъ и зыхали, де вы поросли;
 Не плакали бъ диты, маты бъ не рыдала;
 Не чулы бъ у Бога вашои хулы;
 И сонце не грило бъ смердячого гною
 На чистій, широкій, на вольній земли,
 И люде бъ не знали, що вы за орлы,
 И не покывали бъ па васъ головою...

Схаменитися! будьте люде,
 Бо лыхо вамъ буде:
 Розкуються пезабаромъ
 Заковани люде;
 Настане судъ, заговорить
 И Дніпро и горы,
 И потече сторикамы
 Кровъ у сине море
 Дитей вашыхъ; и не буде
 Кому помогаты,—
 Одпирастися братъ брата
 И дытыны маты;

И дымъ хмарою заступыть
Сонце передъ вами,
И на-вики проклынетесь
Своими сынами.
Умыйтесь, образъ Божий
Багномъ не скверните;
Не дурите дитей вашихъ,
Що воны на свити
На те тильки, щобъ панувать;
Бо невчене око
Загляне имъ въ саму душу
Глыбоко, глыбоко,
Дознаются небожята,
Чія на васть шкура,
Та й засудять, и премудрыхъ
Немудри одурять.

Явь бы вы вчылъсь такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы—не мы, и я—не я
И все те бачывъ, все те знаю:
Нема ни пекла, а ни раю,
Немае й Бога, тильки я,
Та куцый нимецъ узлуватый,
Та й бильшъ никого...“ — „Добре, брате!
Що-жъ ты таке?“
— „Нехай нимецъ
Скаже,—мы це знаемъ!“
Отакъ то вы навчаетесь
У чужому краю!
Нимецъ скаже: „Вы моголы!
— „Моголы, моголы,

Золотого Тамерлана
 Онучата голи!“
 Нимець скаже: „Вы славяне!“
 — „Славяне, славяне,
 Славныхъ прадидивъ великихъ
 Правнуки погани!“—
 И Коляра чытаете
 Зъ усiei сылы,
 И Шафарыка, и Ганку,
 И въ славянофылы
 Такъ и претесь, и вси мовы
 Славянскаго люду,
 Вси знаетъ, а своеи
 Дасть-Бигъ... „Колысь будемъ
 И по своему глаголать,
 Якъ нимець покаже,
 А до того й исторію
 Намъ нашу розскаже.
 Оттоди мы заходымось!
 Добре заходыlyсь
 По нимецькому показу,
 Та й заговорылы
 Такъ, що й нимець не второна,
 Учитель великий,
 А не то, щобъ прости люде!
 А гвалту! а крыку!
 „И гармонія, и сыла,
 Музыка, та й годи!
 А исторія? Поема
 Вольного народу!
 Що ти рымляне убоги!
 Чортъ-зна що не Бруты....
 У насъ Бруты и Коклесы,

Славни, незабути!
 У насъ воля выростала,
 Дніпромъ умывалась,
 У головы горы клала,
 Степомъ укрывалась!“
 — Кровью вона умывалась,
 А спала на купахъ,
 На козацькихъ вольныхъ трупахъ,
 Окраденыхъ трупахъ!...
 Подивиться лышень добре,
 Прочытайте знову
 Тую славу, та читайте
 Одъ слова до слова;
 Не майнайте а ни тытлы,
 Ниже тихи комы;
 Все розберить, та й спытайте
 Тоди себе: що мы?
 Чи сини? якихъ батькивъ?

* * * * *

Варшавське смитте ваши паны
 Ясновельможны гетьманы!
 Чого жъ вы чванитеся, вш,
 Сини сердешної Україны?

* * * * *

Доборолась Украина
 До самого краю:

Гирше ляха свои диты
 Ии роспынаютъ;
 Такъ якъ пыво, праведную
 Кровъ изъ реберъ точутъ;
 Просвityты, бачышъ, хочутъ
 Матерыны очи
 Современнымы огнямы,
 Повесты за викомъ,
 За нимцамы, педорику,
 Слипую калику.
 Добре, ведить, показуйте!
 За науку буде
 Матерына добра плата:
 Роспадеться луда
 На очахъ вашыхъ несытыхъ;
 Побачыте славу,
 Жыву славу дидивъ своихъ
 И батькивъ лукавыхъ...

Учитесь, браты мои,
 Учитесь, чытайте,
 И чужому научайтесь
 Й своего не цурайтесь:
 Бо хто матиръ забивае,
 Того Богъ карае,
 Чужи люде цураются,
 Въ хату не пускаютъ,
 Свои диты—мовъ чужыи,
 И немае злому
 На всій земли безконешнїй
 Веселого дому.

Я рыдаю, якъ згадаю
Дила незабутни
Дидивъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ бы ихъ забути,
Я оддавъ бы веселого
Вику половыну!
Оттакъ и вы прочытайте,
Щобъ несоннимъ снылъсь
Вси неправды, щобъ роскрылись
Высоки могилы
Передъ вашымъ очима,
Щобъ вы роспыталы
Мученыхивъ: кого, колы
Й за що роспынали?

Обнимите жъ, браты мои,
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты;
Благословить дитей своихъ
Твердымъ рукамы
И обмытыхъ поцилуйте
Вольными устами!
И забудеться срамотня
Давнія година,
И оживе добра слава,
Слава України,
И свитъ ясный, не вечерній
Тыхенько васяє...

Обнимиться жъ, браты мои,
Молю васъ, благаю!

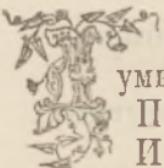
1845 г. 14 Декабря.

Въоныще, Полтав. губ. Переяславск. уезда, недалеко видъ Канева.

НЕ ВОЛЬНЫКЪ.

Лосвященіе.

умы мои молодыи,
Понурыи диты!
И вы мене покинулы!...

Пустку натопты
Нема кому... Остався я,
Та не сыротою,
А зъ тобою, молодою,
Раю мій, шокою,
Моя зоре досвитняя,
Едкная думо
Пречистая!.. Ты витаешъ...
Якъ у того Нумы
Тая нимфа Егерія,—
Такъ ты, мол зоре,
Просіяешъ надо мною,

Нибы заговорышъ,
 Усмихнешся... Дывлюся я —
 Ничого не бачу...
 Прокинуся—сердце плаче.
 И очи заплачутъ.
 Спасыби, зиронько!
 • Мынае

Неясный день мій; вже смеркае,
 Надъ головою вже пессе
 Свою неклецаную косу
 Косарь непевный... мовчки скосыть
 А тамъ—и слицъ мій занесе
 Холодный витеръ... Все мынаетъ...
 Згадаенігъ, може, молодая,
 Вылыту слёзамы
 Мою думу,—и тыхымы,
 Тыхымы ричамы
 Проговорышъ: „я любыла
 Ёго на симъ свити,
 Й на тимъ свити любытыму...
 О, мій тыхый свите,
 Моя зоре вечирняя!
 Я буду витаты
 Коло тебе, и за тебе
 Господа благаты!

ой блукае за морямы,
 Свить перехожае,
 * Доли, долецьки шукае...
 Немае, немае,—

Мовъ умерла! А той рвется
 Зъ усiei силы
 За долею... отъ-отъ догнавъ!
 И—бебехъ въ могилу!
 А въ иного сиромахы
 Ни хаты, ни поля,
 Тильки торба; а зъ торбыны
 Выглядает доля,
 Мовъ дытынка; а винъ іи
 Лае, проклынае
 И за чвертку закладае,—
 Ни, не покыдае,—
 Якъ репъяхъ той, учепыться
 За латани полы,
 Та й збирае колосочки
 На чужому поли;
 А тамъ—сноны, а тамъ—скырты,
 А тамъ—у палатахъ
 Сидыть соби сиромаха,
 Мовъ у свой хати.
 Такая-то доля тая,—
 Хочъ и не шукайте:
 Кого скоче—сама найде,
 У колысци найде.

Ще на України весели
 И вольнии пышались села
 Тоди, якъ праведно жили
 Старый козакъ и дитокъ двое...
 Ще за гетьманщины старои,
 Давно се діялось колись.
 Такъ коло полудня, въ недылю,
 Та на зеленыхъ ще й святкахъ,

Пидъ хатою въ сорочци билій
Сыдивъ, въ бандурою въ рукахъ,
Старый козакъ.

— „И такъ, и сякъ!“
Старый миркуе, розмовляе:
„И треба бъ“, каже, „й трохы шкода.
А треба буде; два-три годы
Нехай по свиту погуляе
Та самъ *своєи* пошукае,
Якъ я шукавъ колись .. Ярино!
А де Степанъ?“ — „А онъ пидъ тыпомъ
Неначе вкопаний, стойти“,
— „А я й не бачу! А йдить
Лышень сюды, та йдить обое...
А путе, диты, оттакои!“ —

И вишварывъ по струпахъ.

Старый грае, а Ярина

Зъ Степаномъ танцюе!

Старый грае, промовляе,

Ногамы тупцюе:

„Якъ-бы мени лыха, та лыха,
Якъ-бы мени свекривонъка тыха.
Якъ-бы мепи чоловикъ молодый,
До другои не ходывъ, не любывъ!
Ой гопъ, чыки-чыки! —
Та червони черевыкы,
Та троисти музыкы,
Одъ вику до вику
Я любыла бъ чоловика!
Ой гопъ! Заходывсь,
Зробывъ хату, оженывсь,
И пичъ. затопывъ,
И вечерять наварывъ.“

— „А нуте, диты, оттакои!“ —
 И старый пиднявся;
 Якъ ударыть, якъ ушкварыть,—
 Ахъ у бокы взялся.

„Чи такъ, чи не такъ,—
 Уродывъ постернакъ,
 А петрушку
 Крыши въ юшку,—
 Буде смакъ, буде смакъ!
 Ой такъ такы-такъ,
 Оженясь козакъ:
 Кынувъ хату
 И кимнату,
 Та й потягъ у байракъ.“

— „Ни, не така вже, пидопталась
 Стара моя сыла,
 Утомывся... А все де вы
 Такъ розворушыли.
 О, бодай васъ! Що-то лита!
 Ни вже, пе до ладу....
 Мынулся. Иды лышень
 Полуднувать лагодъ;
 Гуляючи, якъ той казавъ,
 Шматокъ хлиба зъисты.
 Иды жъ, доню... А ты, сыну,
 Послухаешь висты.
 Сидай лышень. Якъ убылы
 Твого батька Йвана
 Въ Шляхетчны, то ты ще бувъ
 Маленькомъ, Степане,—
 Ще й не лазывъ.“ — „То я не сынъ,
 А чужий вамъ, тату?“ —
 — „Та не чужий! стривай лышень.

Отъ, умерла й маты,
 Такы твоя, а я й кажу,
 Покійпій Марыни—
 Моій жинцы: а що, кажу,
 Визьмемъ за дытыну,
 Тебе бъ оце?—Добре, каже
 Покійна Марына,
 Чому не взять? Взялы тебе
 Мы, та й спарувалы
 Зъ Ярыночкою до-купы...
 А теперь осталось
 Ось-що робыть: ты на літи,
 И Ярина зріе;—
 Треба буде людей шукать
 Та що-небудь діять.
 Якъ ты скажешъ?—„И не знаю,
 Во я думавъ... тее...“
 — „Що Ярина сестра тоби?
 А вони—не тее;
 Вони просто: любитеся,
 Та й зъ Богомъ до шлюбу.
 А покы-що, треба буде
 И на чужи люде
 Подывытись, якъ тамъ жывуть:
 Чи орютъ,
 Чи не на ораному сіютъ,
 А просто—жнутъ
 И немолоченое віютъ;
 Та якъ и мелютъ и йидять—
 Все треба знать.
 Такъ отъ-якъ, друже: треба въ люде
 На рикъ, на два піты
 У наймыты;

Тоди й побачымо, що буде.
 Бо хто не вміє заробить,
 То той не вмитиме й пожыть.
 А ты якъ думаешьъ, небоже?...
 Не думай: колы хочешъ знатъ,
 Де лучче лыхомъ торгувать,
 Иды ты въ Сичъ. Якъ Богъ поможетъ,—
 Тамъ найисыся всіхъ хлибивъ;
 Я ихъ чимало попойнивъ:
 И доси пудно, якъ згадаю!
 Колы здобудешъ—ірінесешъ;
 А колы згубышъ—пожывешъ
 Мое добро! то хочъ звычаю
 Козацького наберешся,
 Та побачышъ свита,
 Не такого, якъ у бурси,
 А жыви мыслите
 Зъ товарыствомъ прочытаешьъ,
 Та по-молодечы
 Будешъ Богу молытыся,
 А не по-чернечы
 Харамаркатъ. Отакъ, сыну!—
 Помолывшись Богу,
 Осидлаемъ буланого,
 Та й гайда въ дорогу!
 Ходимъ лышень полуднувать.
 Чы ты вже, Ярыно,
 Змайструвала намъ що-небудъ?
 Оттаке-то, сыну!...“—
 — „Уже таточку!“ озвалась
 Изъ хаты Ярына.

Че йистесь, не пьеться и серце не бьеться,

И очи не бачять, не чуть головы!
 Замисть шматка хлиба—за кухоль береться.
 Дывыться Ярына та нышкомъ сміеться.
 — „Що се ёму стало? Ни йисты, ни пыть,—
 Ничого не хоче! Чи не занедужавъ?
 Братику Степане, що въ тебе болыть?“—
 Ярына пытае. Старому байдуже,
 Нибы-то й не чуе.—„Чи жать, чи не жать
 А сіяты треба!“—старый промовляе
 Нибы-то до себе.—„А нумо вставатъ!
 До вечерни, може, ще пошкандыбаю.

А ты, Степане, ляжешъ спать,
 Бо завтра рано треба встать
 Та коня сидлать.“

— „Степаночку, голубчыку!
 Чого се ты плачешъ?
 Усміхныся, подывыся:
 Хиба ты не бачышъ,
 Що й я плачу? Розсердывся
 Богъ знае на кого,
 Та й зо мною не говорыть.
 Утечу, ій-Богу,
 Та й сковаюсь у бурьяні...
 Скажы бо, Степане,
 Може, й справди нездужаешъ?
 Я зилля достану,
 Я побижу за бабою...
 Може, це зъ прыстриту?“
 — „Ни, Ярыно, мое серде,
 Мій рожевый квите!...
 Я не братъ тоби, Ярыно!
 Я завтра покыну“

Тебе й батька,—на чужыни
 Де-небудь загыну;
 А ты мене й не згадаешъ,—
 Забудешъ, Ярыно,
 Свого брата“...—, Схаменыся!
 Й-Богу въ прыстриту!
 Я не сестра?... хто жъ оце я?
 О, Боже мій свите!
 Що тутъ діять? Батька нема,
 А винъ занедужавъ
 Та ще й умре. О, Боже мій!
 А ёму й байдуже,
 Мовъ сміється. Степаночку!
 Хиба ты не знаешъ,
 Що безъ тебе и таточка
 И мене не стане?“—
 — „Ни, Ярыно, я не кыну,
 А тильки пойиду
 Недалеко. А на той рикъ
 Я до васть прыйиду
 Зъ старостамы—за тобою
 Та за рушныкамы...
 Чи подаешъ?“— „Та цуръ тоби
 Зъ тымы старостамы!
 Ще й жартуе!“— „Не жартую,
 Й-Богу, Ярыно,
 Не жартую!...“— „Та це й справди
 Ты завтра покынешъ
 Мене й батька? Не жартуешь?
 Скажы бо, Степане,
 Хиба й справди не сестра я?“—
 — „Ни, мое кохання,
 Мое сердце!“— „Боже жъ ты мій!

Чому я не знала?
 Була бъ тебе не любила
 И не цилувала...
 Ой, ой, соромъ! Геть одъ мене!
 Пусты мене! Бачышъ,
 Який добрый! Та пусты бо!
 Ги-Богу, заплачу."—
 И заплакала Ярина,
 Якъ тая дытына.
 И кризъ слёзы промовляла:
 „Покыне! покыне!"
 Якъ той явиръ надъ водою,
 Степанъ похылылся,
 Щыри слёзы козацькии
 Въ серди запеклыся,
 Мовъ у пекли. А Ярина
 То клене, то просить,
 То замовкне, подывыться,
 И зновъ заголосить.
 Не счулыся, якъ смерклося;
 И сестру, и брата,
 Нибы скованыхъ до-куни.
 Заставъ батько въ хати.

И свитъ наставъ, а Ярини
 Не спыться,—рыдае.
 Уже Степанъ изъ крыныци
 Коня напувает.
 Й вона въ видрамы побигла
 Нибы за водою
 До крыныци. А тымъ часомъ
 Запорозьку вброю
 Старый вынисъ изъ коморы.

Дышьтесь, радіе,
 Прымияе, ныбы знову
 Старый молодіе.
 Та ѹ заплакавъ. — „Збroe моя.
 Збroe золотая!...
 Лита мои молодыи,
 Сыло молодая!
 Послужы, моя ты збroe,
 Молодій ще сили,
 Послужы ёму такъ цыро,
 Якъ мени служыла!“ —
 Вернуlyся одъ крынци,
 И Степанъ сидлае
 Коня, свого товарыша,
 И жупанъ надивае.
 А Ярына дае зброю,
 На порози стоя;
 Степанъ іи надивае,
 Та плачутъ обое.
 И шаблюка, мовъ гадюка,
 И ратыще-дрючына,
 И самопаль семысьдений
 Повысь за плечыма.
 Ажъ зомлила, якъ узрила.
 И старый заплакавъ,
 Якъ побачывъ на коневи
 Такого юнака.
 Веде коня за поводы
 Та плаче Ярына;
 Старый батько иде рядомъ,
 Научае сына:
 Якъ у війську пробуваты,
 Старшынь шануваты,

Товарыство поважаты,
 Въ таборъ не ховатысь.
 — „Нехай тебе Богъ заступыть!“
 Якъ за селомъ сталы,
 Сказавъ батько,—та вси трое
 Разомъ зарыдалы.
 Степанъ гукнувъ, и курява
 Шляхомъ пиднялася.
 — „Не барыся, мій сыночку,
 Швыдче повертайся!“—
 Сказавъ старый. А Ярына,
 Мовъ тая ялына
 Пры долыни, похылылась...
 Мовчала Ярына,
 Тильки слёзы утырае,
 На шляхъ поглядае.
 Изъ курявы щось выгляне
 И зновъ пропадае;
 Нибы шапка черезъ поле
 Котыться, чорніе,
 Пропадае, мотечкою
 Тильки-тильки мріе,
 Та й пропало. Довго, довго
 Стояла Ярына
 Та дывылась, чи не вырне
 Знову комашына
 Изъ курявы. Не вырнула—
 Пропала! И знову
 Заплакала Ярыночка
 Та й пишла до-дому.

Мынаютъ дни, мынае літо;
 Настала осінь, шелестыть

Пожовкле лыстя; мовъ убытый
 Старый пидъ хатою сыдѣть:
 Дочка нездужае Ярына!
 Его едыная дытына
 Покынуть хоче. Зъ кымъ дожыть,
 Добыты вику викового?
 Згадавъ Степана молодого,
 Згадавъ свои благи лита,
 Згадавъ—та й заплакавъ
 Багатый сывый сырота.—

— „Въ твоихъ рукахъ все на свити,
 Твоя всюды воля!
 Нехай буде такъ, якъ хочешъ,—
 Така моя доля!...“
 Старый вымовывъ, и нышкомъ
 Богу помолився;
 Та й пишовъ соби зъ-пидъ хаты
 Въ садокъ походыты.

И барвинкомъ, и рutoю,
 И рястомъ квитчае
 Весна землю, мовъ дивчыну
 Въ зеленому гаи!
 И сонечко середъ неба
 Опынлось—стало,
 Мовъ женыхъ той, молодую,
 Землю оглядало.
 И Ярына выйшла зъ хаты
 На свитъ Божый глянуть,
 Ледве выйшла; усмихнеться,
 То пиде, то стане,
 Розглядае, дывується,
 Та любо, та тыхо,

Нибы вчора народылась .
 А лютее лыхо
 Въ самимъ серци ворухнулось
 И свитъ запалыло.
 Якъ былыца пидкошена,
 Ярина схылылась;
 Якъ зъ квиточки роса въ-ранци —
 Слёзы полылыся...
 Старый батько коло неи
 Якъ дубъ похыльвся.

Одужала Ярыночка.
 Идуть люде въ Кыивъ
 Та въ Почаивъ помолыться,
 И вона иде зъ нымы.
 У Кыиви великому
 Всихъ святыхъ благала;
 У Межигорського Спасъ
 Трычи прычащалась
 У Почаиви святому
 Рыдала-молылась,
 Щобъ Степанъ той, доля тая,
 Ій хоча прыснилася.
 Не прыснилася!... Вернулася...
 Знову забилила
 Зима била. За зимою
 Зновъ зазеленила
 Весна Божа. Выйшла зъ хаты
 На свитъ дывуваться
 Ярыночка, та не Бога
 Святого благаты,
 А ныщечкомъ у ворожки
 Про ёго спытаты...

И ворожка ворожыла,
Прыстритъ замовляла,
Таланъ, долю та весилля
Зъ воску вылывала.

— „Онъ, бачышъ: конь осидланый
Туцае ногою
Пидъ козакомъ; а онъ-де йде
Дидусь зъ бородою
Ажъ до колинъ. Отто гроши;
Якъ бы догадався
Козакъ оттой злякатъ дида...
Злиявъ!—та й сховався
За могылу, личыть гроши...
А онъ знову шляхомъ
Козакъ иде, нибы старецъ,
То, бачъ, рады страху,
Щобъ лихы, або татары
Часомъ не спиткалы.“
И радесенька Ярина
До-дому верталась.

Уже третій и четвертій
И п'ятый мынае
Немалый рикъ, а Степана
Немае, немае!
И стежечка, дорижечка,
Яромъ та горою
Утоптана до ворожки,
Поросла травою,—
Нема ёго!... У черныци
Косу росплитае
Безталанна; коло неи
Падае-благае

Старый батько,—хочъ литечко,
Хочъ Петра диждаты,
Хочъ зеленои недили...

Диждалысь, и хату
Уквитчалы гарнесенько,
И въ сорочкахъ билыхъ
Невесели, мовъ сыроты,
Нидъ хатою силы.
Сыдять соби та сумують.
Слухаютъ... щось грае
Мовъ на кобзи, на улыци,
И нибы спивае...

Д У М А.

недилю въ-ранци рано
Сыне море грало:
Товарыство кошового
На ради прохало:
„Благословы, отамане,
Байдакы спускаты,
Та за Тендеръ погуляты,
Турка пошукуваты.“
Чайкы й байдакы спускалы,
Гарматамы рештувалы,
Зъ Днипрового гирла широкого выплывали,
Середъ ночи темнои

На мори синёму,
 За островомъ Тендеромъ потопалы, пропадалы...
 Одынъ потопае,
 Другий вырынае,
 Козацтву-товарыству изъ синёи хвили рукою махае
 И зычно гукае:
 „Нехай вамъ, панове товарыство, Богъ допомогае!“
 И въ синій хвили потопае, пропадае...
 Тильки три чайки, слава Богу,
 Отамана куринного,
 Сироты Степана молодого,
 Сыне море не втопило,
 А въ турецьку землю Агарянську
 Безъ кормыль прыбыло.
 Тоди сыроту Степана,
 Козака лейстрового,
 Отамана молодого,
 Турки-янычары ловылы,
 Зъ гарматы грымалы,
 Въ кайданы кувалы,
 Въ тяжкую неволю завдавалы...
 Ой Спасе нашъ Межигорський,
 Чудотворный Спасе!
 И лютому ворогови
 Не допусты впасты
 Въ турецьку землю, въ тяжкую неволю!
 Тамъ кайданы по три пуды,
 Отаманамъ—по четыри...
 И свита Божого не бачить, не зпають,
 Пидъ землею каминъ ламаютъ,
 Безъ сповиди святои умираютъ,
 Собаки здыхаютъ.

И згадавъ сырота Степанъ въ неволи
Свою далеку Украину,
Неридного батька старого,
И коныка вороного,
И неридну сестру Ярыну...
Плаче, рыдае,
До Бога руки здіймае,
Кайданы ламае,
Утикае на вольную волю...
Уже на третёму поли
Турки-янычары догнали,
До стовна въязали,
Очи выймали,
Гарячымъ зализомъ выпикалы,
Въ кайданы кували,
Въ тюрму посадили
Та й замурували...“

Оттакъ на улицы, пидъ тыномъ,
Ще молодый кобзарь стоявъ
И иро невольника спивавъ.
За тыномъ слухала Ярина,
И не дослухала—упала.
„Степаночку! Степаночку!“
Крычала, рыдала.
„Степаночку, мое серце!
Де жъ це ты барывся?
Тату! тату! идить сюды,
Идить, подывитесь!“—
Прыйшовъ старый, разглядяе,
И своего Степана
Не пизнае. Таке зъ ёго
Зробилы кайданы.

— „Сыну ты мій безталанный!
 Мэя ты дытыно!
 Де ты въ свити погыбаешь,
 Сыну мій едный?“—

Илаче старый та рыдае,
 Й Степанъ слипый плаче.
 Невыдюшымы очима
 Мовъ сонце побачывъ.
 И беруть ёго пидъ руки
 И ведуть у хату;
 И витае Ярыночка,
 Мовъ риднога брата:
 И голову ёму змыла,
 И ноги умыла,
 И въ сорочци тонкій, билій
 За стилъ посадила;
 Годувала, напувала,
 Положила спаты
 У кимнати,— и тыхенько
 Выйшла зъ батькомъ зъ хаты.
 Черезъ тыжденъ безъ старостивъ
 За Степана свата
 Старый свою Ярыночку,—

И Ярина въ хати...

„Ни, не треба, мій таточку,
 Не треба, Ярино!“—
 Степанъ каже— „я загынувъ,
 На-вики загынувъ!
 За що жъ свои молодыи
 Ты лита загубышъ
 За каликою, Ярино?...
 Насмютьте люде,

И Богъ святый покарае,
 И прожене долю
 Зъ ціи хаты веселой
 На чужее поле...
 Ни, Ярыно! Богъ не кыне
 И знайде дружыну;
 А я пиду въ Запорожжя:
 Тамъ я не загину,—
 Нагодують “— „Ни, Степане,
 Моя ты дытыно!
 И Господь тебе покыне,
 Якъ ты нась покынешъ.
 Оставайся, Степаночку;
 Колы не хочъ братысь,
 То такъ будемъ: я—сестрою,
 А ты будешъ братомъ.
 И дитымы ёму обое,
 Батькови старому.
 Не йди одъ нась, Степаночку,
 Не кыдай нась знову!
 Не покынешъ?... “— „Ни, Ярыно!“ —
 И Степанъ оставилъ.
 Зрадивъ старый, мовъ маленький,
 Ажъ за кобзу взявся,
 Хотивъ вшкварыть метелыцю
 Зъ усієи сили,
 Та не вшкварывъ...

Пидъ хатою

Уси троє сили.
 --- „Розскажы жъ ты намъ, Степане,
 Про свою недолю;
 Бо й я такы гулявъ кеслысь
 Въ турецкой неволи“.

— „Отто жъ мене, вже слипого
 На свитъ выпускалы
 Зъ товарыствомъ. Товарыство
 На Сичъ прямувало
 И мене взяло зъ собою,
 И черезъ Балканы
 Просталы мы въ Украину
 Вольнымы ногамы;
 А на тыхому Дунаю
 Насъ перебигаютъ
 Сичовыкы·запорозци
 И въ Сичъ завертаютъ...
 И розсказуютъ, и плачутъ:
 Якъ Сичъ руйновалы,
 Якъ москали срибло, злoto
 И свичи забралы
 У Покрови; якъ козакы
 Въночи утикалы
 И на тыхому Дунаю
 Новымъ Кошемъ стали;
 Якъ царыця по Кыиву
 Зъ Нечосомъ ходыла

• • • • •
 И якъ степы запорозьки
 Тоди подилылы
 И панамъ на Украини
 Людъ закрипостылы...

• • • • •
 Оттакъ, тату! Я щаслывый,
 Що очей не маю,
 Що ничего того въ свити
 Не бачу й не знаю.

Оттаке-то! тяжко, тату,
 Изъ своеи хаты
 До турчына паганого
 Въ сусиды ирохатысь.
 Теперь, кажуть, въ Слободзея
 Останки збирае
 Головатый, та на Кубань
 Хлоцивъ шидмовля...
 Нехай ёму Богъ поможе!
 А що зъ того буде—
 Святый знае: почуемо,
 Шо розскажутъ люде”.

Оттакъ воны, що-день Божий,
 У двохъ розмовляли
 До пивночи, а Ярина
 Господарювала,
 Та святыхъ оттихъ благала...
 Такы жъ ублагала:
 На всейидній у недилю
 Вона спарувалась
 Зъ слипымъ своимъ...

Такее-то
 Скоилось на свити,
 Мои люби дивчаточка
 Рожевыи квиты!
 Такее-то. Одружылысь
 Мои молодыи.
 Може воно й не до-ладу,
 Та що маю діять,
 Колы таке сподялось.

Рикъ у же мынае,
 У же и другій. Зъ дружыною
 Ярына гуляе
 По садочку. Старый батько
 Сыдѣть коло хаты,
 Та вчыть внука пузанчыка
 Чоломъ оддаваты...

Е П И Л О Г Т.

*Q*уце и вся моя дума...
 Не здывуйте, люде!
 Те, що було, мынулося
 И знову не буде.
 Мынулыся мои слёзы,
 Не рветься, не плаче
 Поточене старе серце,
 И очи не бачить
 Ни тихои хатыночки
 Въ забутому краю,
 Ни тихои долыночки,
 Ни темного гаю;
 Ни дивчыны молодои
 Й малои дытыны
 Я не бачу щасльвои...
 Все плаче, все гыне!
 И радъ бы я сковатыся,

Але де?—не знаю.
 Скризь неправда, де не гляну,
 Скризь Господа лаютъ! ..
 Серде въяне, засыхае,
 Замерзаютъ слѣзы...
 И втомысь я, одынокий,
 На самій дорози...
 Оттаке-то... не здывуйте,
 Що ворономъ крячу:
 Хмара сонце заступыла—
 Я свита не бачу!...
 Ледви, ледви о-пивночи
 Серцемъ прозираю
 И немощну мою душу
 За свитъ посылаю
 Сцилюющи й живущои
 Воды пошукаты:
 Якъ и николы, то й принесе
 И покропить въ хати,—
 И засвить огонь чистый,
 И сумно, и тихо
 Розсказуе про весилля,
 Звертае на лыхо...

Теперь мени про слипого
 Сироту кинчае,
 Але якъ довесты краю—
 И сама не знае:
 Бо не було того дыва
 Може споконъ-вику,
 Щобъ щасlyва була жинка
 Зъ слипымъ чоловикомъ.
 Отъ же сталося тако дыва!

Годъ, другой мынае,
 Якъ побралисъ; а дывышся—
 Въ-купочци гуляютъ
 По садочку... Старый батько
 Сыдѣтъ коло хаты,
 Та вчить внука маленькоаго
 Чоломъ оддаваты.

16 Октября 1845.

О. Марьинское.

Посланіе славному П. І. Шафарыкови.

Пры поеми «Іванъ Гусъ», або «Эретыкъ».

Запалылы у сусида
 Нову добру хату
 Сусиды злы; нагрилышся
 Та ў поляглы спаты,
 И забулы теплый пошиль
 По полю розвіяты...
 Лежыть попилъ на роспутти,
 А въ попели тліе
 Огню искра велыкого,
 Тліе, не вгасае,
 Пидпалу жде, якъ той местныкъ
 Часу дожыдае,

Злого часу. Тлила искра,
Гыхо дотливала
На роспугти широкому,
Та ѹ гаспуты стала.

Отгакъ нимота зацалыла
Велыку хату, и симью---
Симью славянъ розъедыныла,
И нышкомъ тыхо упустыла
Усобиць лютую змію.
Полылыся рики крови,
Пожаръ погасылы,
А нимчыкы пожарыще
И сырить подилылы;
Выросталы у кайданахъ
Славянськыи диты,
И забулы, невольники,
Чин воны диты.
А на давнимъ пожарыци
Искра братства тлила,—
Дотливала, дожыдала
Рукъ твердыхъ та смильыхъ..
И дождалась. Прозривъ есы
Въ попели глыбоко
Огонь добрый, смилимъ сердемъ,
Смилимъ орлимъ окомъ!
И засвityвъ, любомудре,
Свиточъ правды, воли...
И славянъ симью велыку,
Во тьми и неволи,
Переличывъ до одного,
Переличывъ трупы,
А не славянъ—и ставъ есы

На великихъ купахъ—
 На розпутти всесвітнѣму—
 Іезекилемъ.
 И, о дыво! трупы встали
 И очи рескрыли!
 И братъ зъ братомъ обнялся
 И проговорылы
 Слово тыхои любови
 На вики и вики!—
 И потеклы въ одно море
 Славянскіи рики!
 Слава тоби, любомудре,
 Чеху-славяныне,
 Що не давъ ты потонуты
 Въ нимецкій пучыни
 Нашій правди! Твое море
 Славянське, нове,
 Затѣго вже буде повне,
 И поплыве човенъ
 Зъ широкымъ витрыламъ
 И добрымъ кормыломъ,—
 Поплыве на вольнимъ мори,
 На широкихъ хвиляхъ!
 Слава жъ тоби, Шафарыку,
 Во вики и вики,
 Що зживъ еси въ одно море
 Славянскіи рики!

Прывитъ же въ свой слави
 И мою убогу
 Лепту—думу немудрую
 Про чеха святого,
 Великого мученика.

Про славного Гуса!
Прыймы, отче! А я нышкомъ
Богу помолюся,
Щобъ уси славяне стали
Добрими братамы,
И сынамы сонца правды
И еретыкамы
Отакымы, якъ констансъскій
Еретыкъ великий!...
Мырь мирови подарують
И славу во вики!

22 Ноября 1845.

Перенславъ.

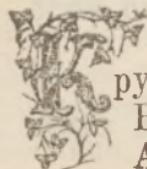

Дви частыны зъ поемы „Иванъ Гусъ“ *).

I.

Камень, его же небрегоша зиж-
дущие, сей бысть во главу угла; отъ
Господа бысть сей и есть дивень
во всѣхъ нашихъ.

Псал. СХVII, ст. 22.

ругомъ неправда и неволя,
Народъ замученый мовчать,
А на апостольскимъ престоли
Чернецъ годованый сидѣть,

*) Урывокъ изъ поемы „Иванъ Гусъ“ бувъ першый разъ на-
друкований въ статті редактора „Домашній Весѣдѣ“ — „И моя во-

Людською кровію торгує
 И рай у наймы отдае.
 О, Боже! судъ твій правый всуе
 И всуе царствіе твоє!
 Рэзбійныкы, людойиды
 Правду поборолы,
 Осміялы твою славу
 И силу и волю.
 Люде стогнуть у кайданахъ,
 Немае зъ кымъ взятысь,

споминаю о Т. Г. Шевченкѣ" (Дом. Бес. 1861 г., вып. 33). Зъ неи видно, що поема „Іванъ Гусъ“ була Т. Г. Шевченкомъ зовсімъ выроблена и читана автору тиї статті ще 26 мая 1846 року.— Це свідчання сочасника Шевченкового, а особливѣ одповідь намъ шанов. добр. Д. Г. Лебединцева о деякіхъ рукописяхъ Шевченка, данихъ имъ для перепису чиновнику П-чу не задовго до арешту єго въ Кіеві (1847 року), въ речти одкыдае думку, що Тарасъ Григоровичъ Шевченко написавъ тилько „Посланіе славному П. І. Шафарыку при поеми „Іванъ Гусъ або Еретыкъ“. Доброд. Д. Г. Лебединцевъ повидавъ намъ, що авторъ піесы, вернувшись зъ висилки въ Петербургъ, запевнявъ єго, що ця поема була імъ зовсімъ викончена, и винъ памъятає, що въ Кіеві, въ 1847 році, винъ зоставивъ ії комусь цілкомъ. Шевченкѣ прохавъ д. Лебединцева роспитатись про неи у Кіеві, и винъ дозвавсь, що Шевченко давъ цю поему зъ іншими своїми творами для перепису чиновнику Кіевской консисторії, П-чу; цей же, пися того, якъ Шевченко бувъ арештований, зъ переляку, спаливъ уси рукописи покійного, яки було дано ему для перепису. Усю цю исторію зъ рукописами добр. Лебединцевъ пересказавъ Шевченкови, который "разу жъ згадавъ, кому и для чого винъ давъ своя рукописи, міжъ которыми була и викончена поема „Іванъ Гусъ“. Думка, що поема була тилько задумана, одкыдається такожъ ще й тымъ, що въ бумагахъ, корти зостались лісли покійного П. І. Шафарыка у єго сина, знайшовся Уривокъ зъ цією жъ поеми, названий — „Папська Була“; але цілої поеми — міжъ рукописами П. І. Шафарыка — такъ-таки й не розшукало. Такимъ робомъ, поема „Іванъ Гусъ, або Еретыкъ“ не дійшла до насъ цілкомъ и мы друкуємо нині уривки зъ неї, які були вже надруковані въ часописі „Правда“ 1873 року.

Роскуватысь, одностайне,
 Односердне статы
 За евангелію правды
 За темныи люде.
 Нема кому!... Боже, Боже!
 Чи то жъ и не буде?
 Чи пастане велыкый часъ
 Небесной кары?
 Чи розломымъ тры короны
 На гордій тяари?
 Розломчмо!... Благословы—
 Не на месть и муки—
 Благословы мои, Боже,
 Нетвердныи руки
 И слово тыхее... О, Боже!
 Чи воны жъ почують ...

• • • •

Оттакъ

У келіи свой правдывой
 Иванъ Гусъ думавъ роскувать
 Народъ замученый и дыво,
 Святее дыво показать
 Очамъ не-зрячымъ...

„Поборюсь!...

За правду Богъ!.. Да совершиться!...
 И въ Выфліемськую каплыцу
 Пишовъ молыться вирный Гусъ.

II.

Лапська булла.

„Во имя Господа Христа,
 За насъ роспяного на древи,
 И всихъ апостоливъ святыхъ,
 Петра и Павла особлыве,
 Мы розришаемо грихи
 Святою буллою сіею
 Рабыни Божній оттій,
 Що водилы по улыцяхъ
 Въ Прази позавчора,
 Що хылыясь...
 По шынкахъ, по станахъ,
 По черпечыхъ переходахъ,
 По келіяхъ пълна.
 Отта сама заробыла
 Та буллу купыла:
 Теперь свята...“

— „Боже, Боже,
 Велкай сыло!

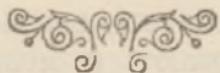
Велкай славо! зглянься на людей,
 Одпочынь одъ кары у святому раи!
 За що пропадають, за що Ты караешъ
 Своихъ и покирныхъ, и добрыхъ дитей?
 За що закрывъ ихъ добри очи
 И вильныхъ розумъ окувавъ
 Кайданамы лыхой ночи?!
 Прозрите, люде! день наставъ!

Проснитесь, чехы, змыйте луду
 ... будьте люде,
 А не посмишище ченцлямъ!
 Розбійныки, каты въ тіарахъ,
 Все потопылы, все взялы,
 Мовъ у Москви татары,
 И намъ, сліпымъ, передалы
 Свои доклады. Кровъ, пожары
 Вси зла на свити, войны, чвары,
 Пекельныхъ муکъ безкраїй рядъ
 И повенъ Рымъ байстрятъ—
 Отъ ихъ доклады и ихъ слава!
 То явна слава... А теперь
 Святымъ положено копклавомъ:
 Хто безъ святої буллы вмеръ—
 У пекло просто! Хто жъ заплатить
 За буллу вдвое—рижъ хочь брата,
 Окроме папы и ченця,
 И въ рай иды—кинець кинцлямъ.
 У злодія вже злодій краде,
 Та ще й у церкви... Гады! гады!
 Чи напылься вы, чи ни
 Людської крови?!—Не мени,
 Велыкий Господы, простому,
 Судить велыкыи дила
 Твоєи воли... люти зла
 Не діешъ безъ выны никому!“
 И плакавъ Гусъ, молитву діял,
 И тяжко плакавъ; людъ мовчавъ
 И дывувався: що винъ діявъ?
 На кого руку пиднимавъ??

 Вса здригнулы:

Иванъ Гусъ буллу розидравъ!
 Изъ Выфляемськои каплыци
 Ажъ до всесвітнїи столыци
 Луна, гогочучы, неслась;
 Ченци ховаются: мовъ кара,
 Луна въ конклави виддалась,—
 И похылышася тіара.
 Шепочеться Авыньоно
 Зъ рымськымы чепцамы;
 Шепочуться антышаны,
 Ажъ трясутсья стини
 Видъ шопоту. Кардыналы,
 Якъ гадюки, вьються
 Кругъ тіары, та ныщечкомъ,
 Мовъ коты, грызутсья
 За мышени... Та й ажъ такы:
 Однієи шкуры
 Така сила! А мъясыва!
 Ажъ здригнулы муры,
 Якъ зачулы, що у Прази
 Закгелкалы гусы
 Та зъ орламы летять быться...
 Конклавъ скаменувсл.
 .. положылы:
 Одностайне статы,
 И всихъ...
 ... склыкаты,
 Та и стерегты, яке мога
 И зъ верху, и зъ долу,
 Щобъ не втекла тая птаха
 На славянське поле.
 Якъ та галичъ поле крыла,
 Ченци повалылы

До Констанцыи: шляхи, степы
Мовъ сарана вкрылы

ЗАПОВИТЬ.

Къ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середт степу широкого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы широкополи,
И Дніпро, и кручи
Буды видни, було чуты,
Якъ реве ревучый...

— ♫ До 1847 року. ♫ —

УТОПЛЕНА.

Унтеръ въ ган не гулле—
Въ ночи спочывае;
Прокынеться,—тыхесенько
Въ осокы спытаемо:
„Хто се, кто се по симъ боци,
Чеше косу? кто се?...
Хто се, кто се по тимъ боци
Рве на соби косы?...
Хто се, кто се?“ тыхесенько
Спытае-повіє,
Та ѹ задрима, покы неба
Край зачервоніє.

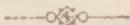
„Хто се, кто се?“ спытаете,
Цикави дивчата,
Отто дочка по симъ боци,
По тимъ боци—маты.

Погорилу хату,
 И вымете, и вымые,
 И свитло засвить;
 Może, ще разъ прокынуться
 Мои думы-диты;
 Może, ще разъ пежурюся,
 Зъ диткамы заплачу,
 Może, ще разъ сонце правды
 Хочъ кризъ сопъ побачу!

1846. Кыиев.

— 2 — 1846. —

ПУСТКА.

(М. С. Щепкину).

аворожи мени, волхве,
Друже сывоусый!
Ты вже серце запечатавъ,
А я—ще боюся...
Боюся ще погорилу
Хату руйнуваты,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховаты...
Може вернеться надія
Зъ тією водою
Цилющою, живущою—
Дрибою слёзою;
Може вернеться въ некрыту
Пустку зимуваты,
И укрые, и нагріе

Давно колысь те діялось
 У насъ на Украини...
 Середъ села вдова жыла
 У новій хатыни;
 Билолыця, кароока
 И становъ высока,
 У жупани,—кругомъ пани,
 И спереду, и збоку.
 И молода--нивроку ій,—
 А за молодою,
 А надто ще за вдовою,
 Козакы ордою
 Такъ и ходять. И за ило
 Козакы ходылы,
 Покы вдова безъ сорома
 Дочку породыла;
 Породыла, та и байдуже;
 Людямъ годуваты
 Въ чужимъ сели покинула:
 Оттака-то маты!...
 Постривайте, що ще буде!
 Годувалы люде
 Малу дочку, а вдовыця,
 Въ недилю и въ буддень,
 Зъ жонатымы, зъ шарубкамы,
 Шыла та гуляла,
 Покы лыхо не спиткало,
 Покы не та стала:
 Не счулася, якъ мынулы
 Лита молодыи...
 Лыхо, лыхо! маты въяне,
 Дочка червоніе,
 Выростає... Та и выросла

Ганна кароока,
 Якъ тополя, середъ поля,
 Гнучка та высока.
 „Я Ганнуси не боюся!“
 Спивае матуся;
 А козакы, якъ хміль оттой,
 Въются кругъ Ганнуси.
 А падто той рыбалонька,
 Жвавый, кучеравый,
 Мліе, въяне, якъ зострине
 Ганнусю чорняву.
 Побачыла стара маты,
 Сказылася лута:
 „Чи бачъ, поганъ росхрыстана.
 Байстрия необуте!
 Ты вже выросла, дивуешъ,
 Зъ хлоццамы гуляешъ...
 Постривай же, ось я тоби!...
 Мене зневажаешъ?
 Ни, голубко!“

И одъ злости
 Зубами скрегоче.
 Оттака-то була маты!...
 Де жъ серце жиноче?
 Серце матери?... Охъ, лыхо,
 Лышенько, дивчата!
 Маты станъ гнучкий, высокий,
 А сердя—не маты.
 Изогнеться стнъ высокий,
 Бровы полыняютъ,
 И не счуетесь; а люде
 Сміючысь згадаютъ

Ваши лята молодыи,
 Та й скажуть: ледащо!
 Тяжко плакала Ганнуся,
 И не знала за що,
 За що маты згнущаеться,
 Ласе, проклынае,
 Свое дытя безъ сорома
 Байстрымъ нарикае.
 Катувала, мордувала,
 Та не помагало:
 Якъ макивка на городи,
 Ганна розцвitalа;
 Якъ калына пры долыни
 Въ-ранци пидъ росою,
 Такъ Ганнуся червонила,
 Мылася слёзою.

„Заворожена!... стривай же!“
 Шеичче лята маты!
 „Треба труты роздобуты,
 Треба йты шукаты
 Стару видьму!“

Найшла видьму
 И труты достала,
 И трутою до схидъ сонца
 Дочку наповала.
 Не помогло... Кляне маты
 Той часъ и годыну,
 Колы на свитъ породыла
 Нелюбу дытыпу.
 „Душно мени; ходимъ, дочкио,
 До ставка купатысь..“
 — „Ходимъ, мамо“.

На берези
 Ганпа роздяглася,
 Роздяглася, роскынулась
 На билій сорочци.
 Рыбалонька кучерявый
 Мліе на тимъ боци...
 И я колысь... Та дуръ ёму!
 Соромъ—не згадаю.
 Якъ дытына калыною
 Себе забавляе,
 Гне станъ гнучкий, разгынас,
 На сонечку гріе.
 Маты дывыться на неи—
 Одъ злости ниміе;
 То жовтіе, то синіе;
 Росхрыстана, боса,
 Зъ роту пина; мовъ скажена,
 Рве на соби косы.
 Кыпулася до Ганнуси
 И въ косы виылася.
 „Мамо! мамо! що ты робыши?“
 Хвыля роздалася,
 Закыпила, застогнала,
 И обохъ покрыла.
 Рыбалонька кучерявый
 Зъ усiei сылы
 Кынувсь въ воду; плыве, синю
 Хвылю роздырае,
 Плыве, плыве... отъ-отъ доплывъ!
 Пурнувъ, вырынае—
 И утоплену Ганнусю
 На берегъ выносить,
 Изъ рукъ матери заклятыхъ

Вырывае косы.
 „Серце мое! доле моя!
 Роскрай кари очи!
 Подывыся, усмихныся!
 Не хочешъ? не хочешьъ!“
 Плаче, пада коло неи,
 Роскрыва, цилуе
 Мертві очи. „Подывыся!...
 Не чуе, не чуе!“
 Лежыть соби на писочку,
 Били рученята
 Роскыдала; а за нею
 Стара лута маты:
 Очи вывело изъ лоба
 Одъ страшнои муки!
 Втеребыла въ писокъ жовтый
 Стари сыни руки.
 Довго плакавъ рыбалонька:
 „Нема въ мене роду,
 „Нема доли на симъ свити,—
 Ходимъ жыты въ воду!“
 Пиднявъ іи, поцилувавъ.. .
 Хвыля застогнала,
 Роскрылася, закрылася,
 И слиду не стало...

Зъ того часу ставокъ чистый
 Зарисъ осокою;
 Не купаютъся дивчата,
 Обходягь горою,
 Якъ угледять, то хрестяться,
 И зовутъ заклятымъ...
 Сужло, сумя, кругомъ ёго...

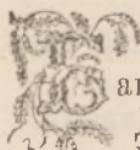
А въ-ночи, дивчата,
 Выпливае зъ воды маты,
 Сяде по тимъ боци;
 Страшила, сыня, росхрыстана,
 И въ мокрій сорочци;
 Мовчки дывиться на сей бикъ
 Рве на соби косы...

А тымъ часомъ сыня хвиля
 Ганиусю выносить,
 Голисинька, стрепенеться,
 Сяде на писочку...

И рыбалка выпливае,
 Несе на сорочку
 Баговиня зеленого;
 Поцилуе въ очи—
 Та и въ воду: соромыться
 На гнуцкий дивочный,
 На станъ голый подывиться...

И пихто не знае
 Того дыва, що творыться
 Середъ ночи въ гаи:
 Тилько витеръ зъ осокою
 Шепче: „Хто се, хто се
 Сыдить сумно надъ водою,
 Чеше довги косы?“

И. МАРКЕВИЧУ.

Гандурысте, орле сзыый!
 Добре тоби, брате!
 Маешъ крыла, маешъ силу;
 Е-колы литаты.
 Теперь летышъ въ Украину:
 Тебе выглядяютъ;
 Полетивъ бы за тобою,
 Та хто прывитае?
 Я и тутъ чужый, одынокий,
 И на Украини
 Я сырота, мій голубе,
 Якъ и на чужыни!
 Чого жъ сердце бьеться, рветься?
 Я тамъ одынокий...
 Одынокий!... а Вкраина!
 А стены шыроки!
 Тамъ повіе буйнесенський.
 Якъ братъ заговорыть;
 Тамъ въ шырокимъ поли воля!
 Тамъ синіе море,
 Выгравае, хвалыть Бога,
 Тугу розганле;
 Тамъ могилы зъ буйнымъ витромъ
 Въ степу розмовляютъ,—
 Розмовляютъ, сумуючи;
 Оттака ихъ мова:
 „Було колысь, мынулося,—

Не вернеться знову?“
 Полетивъ бы, послухавъ бы,
 Заплакавъ бы зъ пымы...
 Та ба,—доля прыборкала
 Мижъ людьмы чужыни!

На вичну памъять Котляревському.

 Вонце гріє, витеръ віє
 Зъ поля на долину;
 Надъ водою гне зъ вербою
 Червону калыну;
 На калыни одыноке
 Гніздечко гойдае.
 А де жъ дився соловейко?
 Не пытай,—не знае!
 Згадай лыхо—то й байдуже:
 Минулось, пропало;
 Згадай добре—серце въяне:
 Чому не осталось?

Отто жъ гляну, та й згадаю:
 Було, якъ смеркае,
 Защебече на калыни,—
 Нихто не мынае:
 Чи багатый, кого доля,
 Якъ маты дытыну,

Убирае, доглядае,—

Не мыне калыну;

Чи сырота, що до-свита
Мусыть уставаты,
Опынтысья, послухае,—
Мовъ батько та маты,
Роспытаютъ, розмовляютъ:
Серде бьеться любо,
И свитъ Божий, якъ велыкъ-день,
И люде, якъ люде!

Чи дивчына, що мылого

Що-день выглядае,
Въянне сохне сыротою,
Де дитысь не знае,—
Пиде на шляхъ подывыться,
Пошлакаты въ лозы;
Защебече соловейко—
Сохнутъ дрибни слёзы;
Послухае, усмихнется,
Пиде темпымъ гаемъ...
Чибы зъ мылымъ розмовляла.

А винъ знай снивае,

Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае—

Покы выйде злодій на шляхъ погулять

Зъ пожемъ у халави—пиде луна гаемъ,

Пиде та й замокнє: на-що щебетать?

Запеклуу душу злодія не спынить,

Тильки стратыть голось, добру не павчить;

Нехай винъ лютуе, покы самъ загыне,
Покы безголовъя воронъ прокричыть.

Заспе долына,—на калыши
И соловейко задрима.

Повіе витеръ по долини,
Пишла дубровою луна,
Луна гулле—божа мова—
Встануть сердегы працювать,
Шійдутъ коровы на дубровы,
Выйдутъ дивчата воду братъ,
Выглаже сонце. Рай та и годи!
Верба смеяться,—свято скризы!
Злодій заплаче, дарма що злодій.

Такъ було першъ; теперъ дывысь:
Сонце гріє, витеръ віє
Зъ поля на долину;
Надъ водою гне зъ вербою
Червону калыну;
На калыни одыноке
Гніздечко гойдае.
А де дився соловейко?—
Не пытай, пе знае!

Недавно, недавно у насть въ України
Старый Котляревский отакъ щебетавъ;
Замовкъ, неборака, сыротамы կынувъ
И горы, и море, де іерпіе витавъ,
Де ватагу пройдышвила
Водывъ за собою.
Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе, тильки слава
Сонцемъ засіала:
Не вмре кобзарь, бо на-вики
Ёго прывитала.
Будешъ, батьку, пануваты,

Покы жывуть люде;
Покы сонце зъ неба сяе,
Тебе не забудуть.

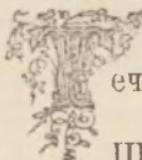
Праведная душе! прыймы жъ мою мову!
Немудру та щыру, прыймы, прывитай;
Не кынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прилыны до мене хочъ на одно слово,

Та про Украину мени заспивай.
Нехай усмихнеться душа на чужыни,
Хочъ разъ усмихнеться, дывлючысь, якъ ты
Всю славу козацьку за словомъ еднимъ
Перенись въ убогу хату сыроты.

Прылынь, сзыый орле, бо я одынокий
Сирота на свити въ чужому краю;
Дывлюся на море широке, глыбоке,
Пошлишъ бы на той бикъ—човна не даютъ!
Згадаю Енея, згадаю родыну,
Згадаю—заплачу, якъ тая дытына,
А хвили на той бикъ идутъ та ревутъ.
А може я й темный, ничего не бачу,
Може моя доля па тимъ боци плаче,
Бо сыроту всюды люде осміють;
Нехай бы сміялъся, та тамъ море грае,
Тамъ мисяць, тамъ сонце яснійше сія,
И зъ витромъ могыла въ стену розмовляе,
Тамъ неодынокий зъ нею бувъ бы я.

Праведная душе! прыймы мою мову,
Немудру та щыру, прыймы, прывитай,
Не кынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
Прилыны до мене, хочъ на одно слово,
Та про Украину мени заспивай.

Д У М К И.

ече вода въ сыне море,
 Та не вытикае,
 Шука козакъ свою долю,
 А доли немае.
 Пишовъ козакъ свить за очи;
 Грае сыне море,
 Грае сонце козацкее,
 А думка говорыть:
 „Куды ты йдешъ, не спытавшиесь?
 На кого покинувъ
 Батька, неньку старепькую,
 Молоду дивчыну!
 На чужыни не ти люде,—
 Тяжко зъ нымы жыты!
 Ни зъ кымъ буде поплакаты,
 Ни поговорыты“.
 Сыдѣть козакъ на тимъ боци,—
 Грае сыне море.
 Думавъ, доля зостринеться,—
 Спиткалося горе.
 А журавли летять соби
 До-дому ключамы.
 Плаче козакъ—шляхы быти
 Зарослы тернами.

Витре буйный, витре буйный!
 Ты зъ моремъ говорышъ,—
 Збуды ёго, заграй ты зъ нымъ,
 Спытай сыне море:
 Воно знае, де мій милый,
 Бо его носыло;
 Воно скаже, сыне море,
 Де его подило.
 Колы мылого втопыло,
 Розбый сыне море;
 Пиду шукать мыленъкого,
 Втоплю свое горе,
 Втоплю свою недоленъку....
 Найду его, прыгорнуся,
 На серци зомлю.
 Тогда, хвыле, несы зъ мылымъ,
 Куды витеръ вie!
 Колы жъ мылый на тимъ боци,—
 Буйнесенъкый, знаешъ,
 Де винъ ходыть, по винъ робыть:
 Ты зъ нымъ размовляешъ.
 Колы плаче, то й я плачу;
 Колы ни—спиваю;
 Колы жъ згынувъ чернобрывый,
 То й я погыбаю.
 Тогда несы мою душу
 Туды, де мій милый;
 Червоною калыною
 Поставъ на могыли.
 Буде легче въ чужимъ поли
 Сыроти лежаты:

Буде надъ нымъ его мыла
Квяткою стояты.

И квяткою й калыною
Цвисты надъ нымъ буду
Щобъ не пекло чуже сонце,
Не топталы люде.

Я въ вечери посумую,
А въ-ранци поплачу;
Зійде сонце—утру слезы,
Нихто й не побачить!
Витре буйный, витре буйный!
Ты зъ моремъ говорышъ,—
Збуды его, заграй ты зъ нымъ,
Спытай сыне море...

На що мени черни бровы,
На що кари очи,
На що лита молодыи,
Весели дивочи?
Лита мои молодыи
Марно пропадають,
Очи плачуть, черни бровы
Одъ витру лнялють.
Серде въяне, нудыть свитомъ,
Якъ пташка безъ воли;
На що жъ мени краса моя,
Колы нема доли?
Тяжко мени сыротою

На симъ свити жыты:

Свои люде—якъ чужши,
 Ни съ кымъ говорыты;
 Нема кому роспытаты,
 Чого плачутъ очи;
 Нема кому розсказаты.
 Чого сердце хоче,
 Чого сердце, якъ голубка,
 День и ничъ воркус;
 Нихто его не пытае,
 Не знае, не чуе.
 Чужи люде не пытаютъ,
 Та й на-що пыта?

Нехай плаче сыротына,
 Нехай лита тратытъ!
 Плачъ же, сердце, плачте, очи,
 Нокы не заснулы,
 Голоснійше, жалибнійше,
 Щобъ витры почулы,
 Щобъ понеслы буйнесенъки
 За сынее море,
 Чорнявому зрадливому
 На лютее горе!

Ляко, важко въ свити жыты
 Сыроти безъ роду:
 Нема куды прыхылиться,
 Хочъ зъ горы та въ воду!
 Утонывся бъ молоденький,

Щобъ не нудыть свитомъ;
 Утопывся бъ—тяжко жыты.
 И нема де дитысь.
 Въ того доля ходыть полемъ—
 Колоскы збирае;
 А моя десь, ледаиця,
 За моремъ блукае.
 Добре тому багатому:
 Его люде знаютъ;
 А зо мною зостризутъся—
 Мовъ не добачауть.
 Багатого губатого
 Дивчына шануе;
 Надо мною, сыротою,
 Сміеться, кепкуе.
 „Чи я-жъ тоби не вродлывый,
 Чи не въ тебе вдався,
 Чи не люблю тебе щыро,
 Чи зъ тебе сміявся?
 Любы жъ соби, мое серце,
 Любы, кого знаешъ,
 Та не смійся надо мною,
 Якъ колы згадаешъ...
 А я пиду на край свита...
 На чужай сторонци
 Найду крапцу, або згыну,
 Якъ той лыстъ на сонци“.

 Пишовъ козакъ сумуючи—
 Никого не кынувъ;
 Шукавъ доли въ чужимъ цоли,
 Та тамъ и загынувъ.
 Умираючи дышывся,

Де сонечко сяе...
Тліжко, важко умираты
У чужому краю!

а думою дума роемъ вылитае.
Одна давыть серце, друга роздырае,
А третяя тыхо, тыхесенъко плаче
У самому серди—и никто не бачыть.

Кому жъ іи покажу я?
И хто тую мову
Прывитае, угадае
Велыкее слово?
Вси оглухлы, похмылысь
Въ кайданахъ—байдуже...
Ты сміешся; а я плачу,
Велыкий мій друже.
А що вродыть зъ того плачу?
Болыголовъ, брате..

Нехай, брате! а мы будемъ
Сміятысь та плакать.

Чого мени тяжко? Чого мени пудно?
 Чого серце плаче, рыдае, крычыть,
 Мовъ дытя голодне?... Серце мое трудне,
 Чого ты бажаешъ? що въ тебе болыть?
 Чи пыты, чи йисты, чи спатонькы хочешъ?
 Засны, мое серце, на-викы засны,
 Невкрыте, голодне... а людъ нависный
 Нехай скаженіе... закрый, серце очи!...

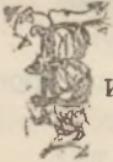
Мынають дни, мынають ночи;
 Мыпае літо; шелестыль
 Пожовкле лыстя... гаснуть очи;
 Заснулы думы, серце спыть;
 И все заснуло,—и не знаю,
 Чи я жыву, чи дожываю,
 Чи такъ по свиту волочусь,
 Бо вже й не плачу, не сміюсь....

Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема піякои!
 Колы доброи жаль, Боже,
 То дай злой, злой!
 Не дай спаты ходачому,
 Сердемъ замираты,
 И гнылою колодою
 По свиту валятысь;
 А дай жыты—сердемъ жыты!

И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ перукотворный
И людей любыты...

Страшно впасты у кайданы,
Умирать въ неволи;
А ще гирше—спаты, спаты,
И спаты на воли,
И заснуты на викъ-вики,
И слиду не кыпнуть
Ніякого!... однаково—
Чи живъ, чи загынувъ.

Доле, де ты? доле, де ты?
Нема ніякои!
Колы доброи жаль, Боже,
То дай злой, злой!...

Итеръ въ гап пагынае
Лозу и тополю,
Лама дуба, котыть полемъ
Перекотыполе...
Такъ и доля: того лама,
Того нагынае,
Мене котыть—и де спынить,
И сама не знае!...

У якому краи мене заховають,
Де я прихылюся—на-вки засну?

Колы нема доли, нема талану,
 То никого й қыннуть... Нихто не згадае,
 Не скаже хоть на смихъ: „нехай сночывае,—
 Тильки его й доли, що рапо заснувъ!...“

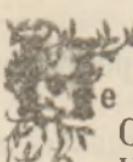

Не хочу я женытыся,
 Не хочу я братысь:
 Не хочу я у запичку
 Дитей годуваты.
 Не хочу я, моя маты,
 За плугомъ ходыты:
 Оксамытови жупаны
 На рилли носыты.
 А ниду я одружуся
 Зъ моимъ вирнымъ другомъ—
 Зъ славнымъ батькомъ запорожськымъ
 Та зъ Велыкымъ Лугомъ.
 На Хортыци у матери
 Буду добре жыты,
 У оксамыти ходыты,
 Меды, вына пыты“.

Пишовъ козакъ нерозумный
 Славы добуваты...
 Осталася сыротою старенькая маты.
 Ой згадала въ недиленьку,
 Сидаочы йисты:
 „Нема мого сына Йвана
 И немае висты!“

Не черезъ два, не три лита,
 Не черезъ четыри
 Вернувся нашъ запорожець,
 Якъ та хыря-хыря,
 Обидраный, облатаный,
 Каликою въ хату.
 Оде тоби Запорожжи!
 И сердешна маты:
 Нема кому прывитаты,
 Ни съ кымъ пожуритись:
 Треба було бъ молодому,
 Треба одружытись.
 Мынулыша молодыи
 Веселыи лита;
 Немае съ кымъ остылого
 Серденъка нагриты,
 Нема кому зостринуты,
 Затопты хату,
 Нема кому воды тыи
 Калици податы.

ДО СЕСТРЫ.

Не пытай ты моихъ писень,
 Сестро моя мыла!
 Цуръ ёму! Воны сумни,
 Мовъ тая могыла.
 Нашо слухать, якъ на хрести
 Пугачъ завывае,

Колы въ саду соловейко
Весело спивае.

Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходыты въ пари,
Твое сонце свитыть ясно,—
Мое давно въ хмари.

Нехай твои квітки квітять,
На твоїй дорози;
Нехай твою весну мынуть
Вітри та морозы.

Нехай доля, що зъ малечку
Мене не злобыла,
Тебе щыро прымитае,
Сестро моя мыла!

Е женыся на багатій, бо выжне съ хаты;
Не женыся на убогій, б пе будешъ спаты;
Оженися на вольній воли, на козацькій дoli;
Іка буде, така й буде,—чи гола, то й гола!—
Та пихто пе розважае, пихто не пытае:
Чого болыть? и де болыть?—самъ про тее знаешъ.
У-двохъ, кажуть, и плакаты—мовъ—легше неначе...
Брещутъ люде. легше плакать, якъ пихто не бачыть.

Не завидуй багатому: багатый не мае
 Ни прыязни, ни любови,—винъ все те наймае;
 Не завидуй могучому, бо той заставляе;
 Не завидуй и славному: славный добре знае,
 Що не его люде люблять, а ту тижку славу,
 Що винъ кровью та слёзами вылье на забаву.
 И молоди, якъ зайдуться, то любо та тыхо,
 Якъ у раю,—а дывыши: ворушыться лыхо..
 Не завидуй же никому,—дывысь кругомъ себе:
 Нема раю на всимъ свити,—хиба-що на неби?

Вильни, городи преславнимъ,
 Оде случилося недавно,
 Ще бувъ тоди... (отъ якъ на те
 Не вбгаю въ виршу сёго слова)
 Тоди здоровый, прездоровый
 Зробылы зъ ёго лазаретъ,
 А бакаляривъ розигналы
 За те, шо шапки не ламалы
 У Острій Брами. дурня знать
 Но походу. Отъ же назвать,
 Ій-Богу, я его не вмю
 Того студента. Що жъ намъ діять?..
 То сынокъ бувъ лытовськои
 Гордои графыни
 И хороше, и багате,
 И одна дытына,
 И училась не панычемъ

И шапку занимало
 Въ Острій Брами. Добре було,
 Та лыхо спіткало:
 Улюбылося сердешне
 (Було молодее)
 У жыдивку молодую,
 Та й думало зъ нею,
 Щобъ сёго не знала маты,
 Звычайне побратысь,
 Бо не можно рады даты.
 Що то за проклята!
 Мовъ змалёвана сидила
 До самой ночи
 Передъ вікномъ и втырала
 Заплакани очи:
 Бо й вона такы любыла!
 И страхъ якъ любыла!
 Та на бульваръ выходыла
 И въ школу ходыла
 Усе зъ батькомъ, то й не можно
 Було рады даты;
 И банкыръ якыйсь изъ Любська
 Жыдивочку сватавъ.
 Що тутъ на свити робыты?
 Хочъ иты попытись
 До Закрету: не хочеться
 Безъ жыдивки жыты
 Студентови. А жыдъ старый,—
 Нибы тее знае,
 Дочку свою одыноку
 Въ хати замыкае,
 Якъ иде до лавокт въ-ранци,
 И найма сторожу—

Стару Рухлю. Ни, небоже,
 Рухля не поможе!
 Уже де вона на свити
 Романъ сей читала
 Зъ шовковою драбынкою?—
 И Рухля не знала,—
 Może сама догадалась;
 Тилько заходылась
 Та сплела ѹ соби такую,
 И въ ночи спустилась
 До студента на улыцю.
 И де бъ утикаты,
 А воны (звычайне, диты)
 Любо цилуватысь
 Коло ворить заходыльсь.
 А жыдъ изъ на-двору,
 Мовъ скаженый, выбига
 Зъ сокирою. Горе!
 Горе тоби, стара маты!
 Нема твого сына:
 На улыци валяеться
 Убыта дытына,
 Убытая жыдовыномъ,
 Горе тоби, маты!
 Жыдивочка... (де та силы
 Взялася въ дытяты?!)
 Выхватыла ту сокыру
 И батькови въ груды
 Ажъ по обухъ вгородыла!

Оттаке-то чудо
 У тимъ мисти преславпому,
 У тій Вильнисталось.

Дыувалысь довго люде,
 Де вона сховалась,
 Жыдивочка та гадюча,
 Шо батька убыла?
 А вона въ почі любечко
 Въ Виліі втопылась,
 Бо пайшли іи въ Закрети;
 Тамъ и поховали,
 А графыня безъ дытыны
 Сердепна осталась.
 Пойихала у Рымъ, кажуть,
 Та десь опынилась,
 Та зъ маркызомъ якимсь голымъ,
 Кажуть одружылась.
 Може й брешуть, бо, звычайпе,
 На те вопы люде:
 И вдовыцю не забудуть
 И тую осудять.

1847.

(Перше півроччя).

РУСАЛКА.

Рородыла мене маты
Въ высокихъ палатахъ,
Та й понесла сердъ-ночи
У Дніпра скупаты,
Купаючи, розмовляла
Зо мною, малою:
— „Плыви, плыви, моя доню,
Дніпромъ за водою,
Та виплыви русалкою
Завтра середъ ночи;
А я выйду гуляты зъ нымъ,
А ты й залоскочешъ:
Залоскочы, мое серце,
Нехай не сміється
Надо мною, молодою;
Нехай пье, уп'ється

Не моими кровъ-слёзами—
Сынёю водою
Днепровою. Пехай соби
Гуляе зъ дочкою.
Плывы жъ, моя едына!
Хвили мои, хвили,
Прывитайте русалоньку! ... —

Та й заголосыла,
Та й побигла. А я соби
Плыла за водою,
Нокы сестры не зострилы,
Не взмыль съ собою
Уже зъ тыжденъ, якъ росту я,
Зъ сестрамы гуляю
О-шивночи, та зъ будынку
Батька выглядаю.
А може, вже поедналась
Зъ паномъ у палатахъ;
Може, внову роскомиуе
Моя грипна маты.
Та й замовкла русалочка,
Въ Днепро порынула,
Мовъ плиточка, а лозына
Тыхо похитнулась.

Выйшла маты ногуляты—
Не спыться въ палатахъ;
Пана Яна нема дома,
Ни зъ кымъ розмовляты.
А якъ прыйшла до берега,
То й дочку згадала,
И згадала, якъ кунала
И якъ прымовляла;
Та й байдуже... Нишла соби

У палаты спаты;
 Та не дійшла: довелося
 Въ Дніпры ночуваты.
 И не счулась, якъ зусили
 Дніпрови дивчата,
 Та до неи: ухопили,
 Та ѹ ну зъ нею гратьсь.
 Радисинъки, що піймали,—
 Гралысь, лоскотали,
 Нокы въ вершу не заихали,
 Та ѹ зареготалысь.
 Одна тилько русалонъка
 Не зареготалась.

Л И Л Е Я.

 а що мене, якъ росла я,
 Люде не любили?
 За що мене, якъ выросла,
 Молодую вбили?
 За що вони темерь мене
 Въ палатахъ витаютъ,
 Царивною называютъ,
 Очей не спускаютъ
 Зъ моего цвitu, дывуютъся,

Не знаютъ, де диты?
 „Скажы мени, мій братику,
 Королевый цвите“
 — „Я не знаю, моя сестро“.—
 И цвить королевый
 Схылывъ свою головоньку
 Червоно-рожеву
 До билого поныклого
 Лыченъка лилеи.
 И заплакала лплея
 Росою-слёзою,
 Заплакала и сказала:
 — „Брате мій! зъ тобою
 Мы давно вже кохаемось,
 А я й не сказала,
 Якъ була я людыною,
 Якъ я мордувалась.
 Моя маты... чого вона,
 Вона все журылась,
 И на мене, на дытыну,
 Дывылась, дывылась
 И плакала? Я не знаю,
 Мій брате едный,
 Хто ій лыхо заподіявъ.
 Я була дытына:
 Я гралася, забавлялась;
 А вона все въяла,
 Та нашого злого пана
 Кляла, проклынала.
 Та й умерла. А мене панъ
 Бзявшъ догодуваты.
 Я выросла, выкохалась
 У билыхъ палатахъ;

Я не знала, що байстрия я,
 Що ёго дытына.
 Папъ пойихавъ десь далеко,
 А мене покинувъ.
 И проклялы ёго люде,
 Будынокъ спалылы;
 А мене, не знаю за що,
 Убылы — не вбылы,
 Тилько мои довги косы
 Острыглы; накрылы
 Острыжену ганчиркою
 Та ще й реготалысь;
 Жыды навить нечыстыи
 На мене плювалы.
 Оттаке-то, мій братику,
 Було мепи въ свити!
 Молодого короткого,
 Не далы дожыты
 Люде вику. Я умерла
 Зимою пидъ тыномъ,
 А весною процвила я
 Цвитомъ пры долини,
 Цвитомъ билымъ, якъ спигъ билымъ,
 Ажъ гай звеселыла.
 Зимою люде, Боже мій,
 Въ хату не пустылы;
 А весною, мовъ на дыво,
 На мене дывылышь.
 А дивчата заквитчалысь
 И почалы зваты
 Лилею-снигоцвитомъ;
 И я процвятаты
 Стала въ гаи, и въ теплыци,

И въ билыхъ палатахъ.
 Скажи жъ мени, мій братику,
 Королевый цвите:
 На-що мене Богъ поставилъ
 Цвитомъ на симъ свити?
 Щобъ людей я веселыла,
 Тыхъ самыхъ, що вбылы
 Мене ѹ матиръ?... Мылосердый,
 Святый, Боже мылый!“—
 И заплакала лился...
 А цвитъ королевый
 Схылывъ свою головоньку
 Червоно-рожеву
 На билее поныклее
 Лыченъко лилеи.

К А Л Ы И А.

Ого ты ходыши на могилу?“
 На-сылу маты говорыла:
 „Чого ты плачешъ идуучы,
 Чого воркуешъ у-ночи,
 Моя голубка сзыокрыла?“
 — „Такъ, мамо, такъ!“
 И зновъ ходыла,
 А маты плакала ждуучы

Не сонъ-трава на могыли
 Въ ночи процвитае:
 То дивчына заручена
 Калыну сажае.
 И слёзамы полывае,
 И Господа просить:
 „Ношам, Боже, дощи въ ночи
 И дрибныи росы,
 Щобъ калына прыйнялася,
 Роспустыла виты:
 Может, пташкою прылыше
 Мылый зъ того свита.
 Зовью ему кубелечко
 И сама прылышу,
 И будемо щебетаты
 Въ-купци на калыни.
 Будемъ илакать, щебетаты,
 Тыхо размовляты
 Будемъ въ купочци у-ранци
 На той звитъ литаты“.

И калына прыйнялася,
 Витыроспустыла,
 И тры лита на могылу
 Дивчына ходыла.
 На четверте — не сонъ-трава
 Въ-ночи процвитае.
 То дивчына зъ калыною
 Илаче-размовляе:

„Шырокая, высокая
 Калыно моя!
 Не водою до схидъ сонца

Полываная!
 Широки слёзы-рики
 Тебе полыны
 Ихъ славою лукавою
 Люде понеслы.
 Зневажаютъ подруженьки
 Подругу свою,
 Зневажаютъ червоную
 Калыну мою;
 Новый мою головоньку,
 Росою умытъ.
 И витамы широкими
 Одъ сонца закрый.
 Мене знайдуть — поховаютъ,
 Мене осміютъ,
 Широки твои виты
 Диты обирвутъ".

Въ-ранци рано на калыни
 Штанка щебетала;
 Пидъ калыною дивчына
 Спала, пе вставала:
 Утомылось молодее,
 На вики спочило.
 Вставало сонце зъ-за могилы,
 Радилы люде встаючи;
 А маты й спаты не лягала,
 Вечерять доню дожыдала
 И тяжко плакала ждучы.

ТРЫ ШЛЯХЫ.

Ё три шляхы широкыи
 До купы зійшлися;
 На чужину зъ Украины
 Братья розійшлися;
 Покинулы стару матиръ;
 Той жинку покинувъ,
 А той сестру, а найменьшый —
 Молоду дивчыну.
 Посадыла стара маты
 Тры ясены въ поли,
 А невистка посадыла
 Высоку тополю;
 Тры яворы посадыла
 Сестра пры долыни,
 А дивчыпа заручена —
 Червону калыну.

Не прыйнялlyсь три ясены,
 Тополя всыхала,
 Повсыхалы три яворы,
 Калына зивьяла —
 Не вертаються три братья.
 Плаче стара маты,
 Плаче жипка зъ диточкамы
 Въ нетопленій хати;
 Сестра плаче — йде шукаты
 Бративъ на чужину,
 А дивчыну заручену
 Кладуть въ домовыну...

Не вретаются три браты,—
По свиту блукают,
И три шляхи широки
Терномъ заростаютъ.

1847, Петербургъ.

ПУСТКА.

 ано въ-ранци новобранци
Выходылы изъ села,
А за иымы молодымы
Одна дивчына пишла.
Подыбала стара маты
Дочку зъ мылымъ розлучаты.
Розлучыла та вмовляла,
Покы въ землю закопала,
А сама въ старци пишла.

Стойти село—не выросло,
Не переминялось,
Тилько пустка на край села
На бикъ похылылась.
Коло пустки на мылыци
Москаль шкандыбае,
На садочекъ позырае,
Въ винко заглидае.

Заглядае,—не выгляне
 Чорнобрыва зъ хаты,
 Не поклыче стара маты
 Вечеряты въ хату.
 А винъ колысь бувъ клыканый,
 Рушники вже ткальсь,
 И хустына мережалась,
 Шовкомъ вышывалась:
 Думавъ жыты, любытыся,
 Весь викъ веселытысь,
 А довелось, мій голубе,
 Слёзамы умытысь!
 Сыдты москаль пидъ хатою,
 На двори смеркае,
 А въ викно, неначе баба
 Сова выглядает.

1847, Петербургъ.

ХУСТЫНА.

 и то на те Божа воля.
 Чи такая іи доля?..
 Росла въ наймахъ, выростала,
 Зъ сыротою покохалась.
 Неборакъ, якъ голубъ, зъ нею,
 Зъ безталанною своею,
 Одъ зироньки до зироньки

Сыдлгъ соби у вдвоинъки
 Сыдятъ соби, розмовляютъ,
 Пречистои дожыдають.
 Дождалыся...

Зъ Чыгырыну
 Пэ всій славній Україпи
 Заревлы велыки дзвоны,
 Щобъ сидлалы хлопци кони,
 Щобъ мечи, шабли гострылы
 Та збиралысь на весилля
 На веселе погуляння
 На криваве залыцяния...

У недиленъку та ранесенью
 Сурмы трубы выйгравали:
 Въ походъ у дорогу славни компанійци
 До схидъ сонечка рушали.
 Выпроводжала вдова свою сына,
 Ту единую дытыну
 Выпроводжала сестра своего брата,
 А сирому—сыротына.
 Выпроводжала, коня нацувала,
 До зирныци изъ крыныци
 Выпосыла збрую: шаблю золотую
 И рушнипю-гакивныю.
 Выпроводжала три поля, три мыли,
 Прощалася пры долыни
 Дарувала шыту шовками хустыну,
 І щобъ згадувавъ па чужкни.

Ой хустыно, хустыночко,
 Мережана шыта!

Тилько ѹ славы козацькои—
Сиделечко вкрыты.

Вернулася журылася,
На шляхъ бытый дывылася,
Квитчалася, прыбиралася,
ІПо-день Божий сподивалася,
А въ недиленъку ходыла
Выглидаты на могылу.

Мынае лиго, мына ѹ друге,
А на третте лынуть
Преславныи компанійци
Въ свою Украину.
Иде війско, иде ѹ друге,
А за треттимъ стыха...!
Не дывыся, безталанна,
Везутъ тоби лыхо:
Везутъ труну малёвану,
Китайкою крыту;
А за нею зъ старшыною
Иде, въ чорній свити,
Самъ полковныкъ компанійський
Характерныкъ зъ Сичи.
За нымъ идутъ есаулы,
Та плачутъ идучы.
Несуть паны есаулы
Козацьку збрую:
Лытый павцърь порубаний,
Шаблю золотую,
Тры рушпыци-гакивыци
 И три самопалы;
А на збруи козацькая

Кровь позасыхала.
 Ведут копя вороцого—
 Розбыти копыта,
 А на ёму сиделечко,
 Хустыною вкрыте.

ВЕЧИРЪ.

(Аф. А. Лазаревскій).

 Гадокъ вышневый коло хаты;
 Хрущи надъ вышины гудуть,
 Плугатари зъ плугамы йдутъ,
 Спиваютъ идучы дивчата,
 А матери вечерять ждуть.

Семья вечеря коло хаты;
 Вечирня зиронька встae;
 Дочка вечерять подае;
 А маты хоче научаты,—
 Такъ соловейко не лаe.

Поклала маты коло хаты
 Маленькихъ диточекъ своихъ,
 Сама заснула коло ихъ,
 Затыхло все . , тилько дивчата
 Та соловейко не затыхъ.

а байракомъ байракъ,
 А тамъ степъ та могыла.
 Изъ могылы козакъ
 Встae сывый, похылый.
 Встae самъ у-ночи,
 Иде въ степъ, а йдучы
 Спива, сумне спивае:
 — „Наносылы земли,
 Та й до-дому пишли,
 И никто не згадае...
 Насъ тутъ трыста, якъ скло,
 Товарыства лягло,
 И земля не прыймае.
 Якъ запродавъ гетьманъ
 У ярмо хрыстіянъ,
 Насъ пославъ погоняты, —
 По свой по земли
 Свою кровь розлылы
 И заризалы брата;
 Крови брата впышись,
 И оттуть поляглы
 У могыли заклятій“.—
 Та й замовкъ, зажурывсь
 И на спысь похылывсь,
 Ставъ на самій могыли
 На Дніпро нозыравъ;
 Тяжко плакавъ рыдавъ;
 Сыни хвили голосылы...
 Зъ-за Дніпра, изъ села
 Луна гаемъ гула,
 Трети нивини спивали.

Провалывся козакъ,
Стрепенувся байракъ,
А могила застогнала.

Ой стричечка до стричечки,
Мережаю тры ничечки,
Мережаю, вышиваю,—
У недимо погуляю!

Ой плахотка-червчаточка,—
Дывуйтесь, дивчаточка,—
Дывуйтесь парубки,
Запорозькы козакы.

Ой дывуйтесь, лыцайтесь,
А зъ иишимы винчайтесь:
Подавани рушины...
Отtake-то, козакы!

Ой одна я, одпа,
Якъ былынонка въ полп,
Та не давъ мени Богъ
А ни щастя, ни доли.

Тильки давъ мени Богъ
Красу, карши очи.—
Та й ти выплакала
Въ самотыни дивочій.

А ни братика я,
Ни сестрычки не знала,
Мижъ чужымы зросла...
Та вже й въянути стала...

Де жъ дружына мои,
Де вы, добрыи люде?!

Ихъ нема,—я сама,
А дружыны й небуде!...

“Е кыдай матери!” казалы;
А ты покынула, втекла.
Шукала маты, не нашла.
Та вже й шукаты перестала;
Умерла плачучы. Давно
Не чуть никого, де ты гралась;
Собака десь помандрувала,
И въ хати выбыте викно;
Въ садочку темному ягнита
У-день насуться, а въ-ночи
Вищують совы та сычи
И не дають сусидамъ снаты;
И твій барвиночокъ хрещатый

Зарисъ богылою, ждучы
 Тебе, неквитчану; и въ гаи
 Ставочокъ чистый высыхае,
 Де ты купалася колысь;
 И гай сумуе, похылывсъ;
 У гай пташка не спивае—
 Й іи зъ собою занесла;
 Въ яру крыпцыя завалылась,
 Верба усохла, похылышла,
 И стежечка, де ты ходыла,
 Колючымъ терномъ поросла.
 Куды полниула, де дилась,
 До кого ты перелетила?
 Въ чужій земли, въ чужій сemyи
 Кого ты радуешь? до кого,
 До кого руки прырослы?
 Вищуе серце, що въ палатахъ
 Ты роскошушъ, и не жаль
 Тоби покынutoи хаты.
 Благаю Бога, щобъ печаль
 Тебе до вику не збудыла,
 Ізобъ у палатахъ не найшла;
 Ізобъ Бога ты не осудыла,
 И матери не прокляла.

С о надъ полемъ иде,
 Не покосы кладе,
 Не покосы кладе—горы:
 Стогне земля, стогне море,

Стогне та гуде.

Косаря у почи
Зостричають сычи;
Тие косарь, не спочывае;
Ни на кого не вважае,—
Хочъ и не просы.

Не крычы й не просы;
Не клепае косы;
Чи то городъ, чи то поле,
Якъ брытвою, старый голыть
Усе, що дасы:

Мужыка й тыпкаря,
Сироту кобзаря;
Прыспивуе старый, косыть,
Кладе горамы покосы,
Не мыне и царя.

И мене не мыне,
На чужыни зотне—
За решоткою задавыть.
И хреста никто не поставыть
И не помъяне!

30 Мая 1847.

— 3 — 1847. — 3 —

(Друге пивроччя).

умы мои, думы мой!
Вы мои едыши!
Не кыдайте хочъ вы моле
Пры лыхій годыни!
Прылітайте, сзыокрыли
Мои голубъята,
Изъ-за Дніпра широкого
У степъ погуляты
Съ кыргызамы убогымы!
Воны вже убоги,
Уже голи... Та на воли
Ще моляться Богу.
Прылітайте жъ, мои люби!
Тыхымы речамы
Прывітаю васъ, якъ дитокъ,
И заплачу зъ вами.

МОИМЪ СОУЗНЫКАМЪ.

гадайте, братія моя,
 (Бодай те лыхо не верталось!)
 Якъ вы гарнесенько и я
 Изъ-за решотки вызырала
 И, певне, думали: „колы—
 На раду тыху, на розмову—
 Колы мы зайдемося знову
 На сій зъубоженій землі?“
 Николы, братія, николы!...
 Зъ Дніпра у-куни не пьемо,
 Розійдемось, рознесемо
 Въ степы, въ лисы свою недолю,
 Повиремъ ще трохы въ волю,
 А потимъ жити почнемо
 Мижъ людьми, якъ люде.

А поки те буде,
 Любитеся, браты мои,
 Україпу любите,
 И за неи безталанну
 Господа молите.
 И ёго забудьте, другы,
 И не проклынайте,
 И мене въ неволи лютій
 Инколы згадайте... .

Въ неволи тяжко, хоча й воли—
Сказать по-правди—не было;
Та все-таки якось жылось—
Хоть на чужому, та на поли...
Теперь же злой тіи доли,
Якъ Бога, ждаты довелось.
И жду іи и выглядаяю,
Дурний свій розумъ ироклынаю,
Що дався дурнямъ одурить,
Въ калюжи волю утопить.
Холопе сердце, якъ згадаю,
Що не въ України поховають,
Що не въ України буду жыть,
Людей и Господа хвалыть.

Е спалося; а ничъ, якъ море,—
Хочъ діялось пе въ-осены,
Такъ у неволи. До стини
Не заговорышъ ни про горе,
„Ни про младенчесkie сны“.
Верчуся, свиту дожыдаю;
А за дверыма про свое
Солдатское нежытіе
Два часовыи размовляютъ.

Першый.

Така ухабиста собой,
И меньше бѣлой не дарила;

А баринъ бедпенькой такой.
Меня-то, слышь, и подсмотрили;
Свезли въ Калугу и забрили.
Такъ вотъ-тѣ случай-то какой!

Другій.

А я... ажъ страшио, якъ згадаю...
Я самъ пишовъ у москали.
Такы жъ у нашому сели
Назнавъ я дивчыну. Вчащаю
И матиръ удову еднаю;
Такъ панъ заклятыи не дае.
Мала, каже,—иехай диждуся.
Я, зпай, вчащаю до Ганнуси.
На той рикъ снову за свое:
Пишовъ я зъ матирью просыты.
„Шкода, каже, и пе просы!
Пятьсотъ, каже, колы дасы,
Беры хочъ заразъ“. Що робыты?
Головко бидна! Позычать?
Та хто таку позычить силу!
Пишовъ я, брате, зароблять.
И де вже ногы не посылы!...
Покы ти гроши заробывъ,
Я годивъ зо-два проходывъ
По Чорноморії, по Дону;
И подарункивъ накупывъ
Найдорогійшихъ. Отъ, вертаюсь
Въ село до дивчыны въ-ночи;
Ажъ тилько маты на печи,
Та и та сердешна умیرае,
А хата пусткою гные.

Я выкressавъ огню; до неи—
Одъ неи пахне вже землею.
Уже й мепе не пизнае.

Я до попа та до сусиды:
Прывивъ попа, да не заставъ—
Вона вже вмерла. Нема й слизу
Моей Ганны. Я спытавъ
Такы сусиду про Ганпусю.

„Хиба ты й доси ще не знаешъ?
Ганнуся на Сибирь пишла.
До паныча, бачышъ, ходыла,
Покы дытыну ирывела,
Та у крыныци й затопыла“.

Неначе згага запекла...

Я ледве, ледве выйшовъ зъ хаты.
Ще не свитало. Я въ палаты
Пишовъ зъ ножемъ—не чувъ земли,
Ажъ паныча вже одвезлы
У школу въ Кныивъ. Отъ якъ, брате!
Осталися и батько, й маты,
А я пишовъ у москали.
И доси странно, якъ згадаю:
Хотивъ палаты запалыть,
Або себе занапастыть.
Та Богъ помылувавъ. А знаешьъ,
Его до насть перевели
Изъ арміи, чи що?

Першый.

Такъ-что-же?
Ну, вотъ теперь и приколи!

Другий.

Нехай соби... а Богъ поможе,
И такъ забудеться колысь.

Воны ще довго говорылы;
Я ставъ передъ-свитомъ дримать,
И панычи мени прыснылысь,
И не далы, пагани, спать.

 Qдынъ у другого пытаемъ:
На що насть маты прывела
 Sчи для добра, чи то для зла?
На-що живемъ? Чого бажаемъ?
И не дознавшись, умираемъ,
А покыдаemo дила.

Яки жъ мене, мій Боже мылый,
Дила осудять на земли?
Бодай ти диты не рослы,
Тебе святого не гнивылы,
Що у неволи народылысь
И стыдъ на тебе понеслы.

 Sамому чудно. А де-жъ дитысь,
Що діяты и що почать?
Людей и долю проклынать
Не вартъ, ій-Богу! Якъ же жыты

На чужыни, на самоти,
 И що робыты взаперти?
 Якъ-бы кайданы перегрызты,
 То грызъ по троху бъ... Такъ не ти,
 Не ти ихъ ковали кувалы,
 Не такъ зализо гартувалы,
 Щобъ перегрызты. Горе намъ,
 Невольникамъ и сыротамъ,
 Въ стену безкраимъ за Ураломъ!

С онде заходить, горы чорніуть;
 Пташечка тыхне; поле ниміє;
 Радіють люде, що одпочинуть;
 А я дивлюся и серцемъ лыну
 Въ темный садочекъ на Украину;
 Лыну я, лыну, думу гадаю,
 И nibы серце одпочивае.
 Чорніе поле, и гай, и горы,
 На сине небо выходить зоря.
 Ой зоре, зоре!—и слёзы кануть—
 Чи ты зійшла вже и на України?
 Чи очи кари тебе шукаютъ
 На неби синимъ, чи забивають?
 Колы забулы—бодай заснулы,
 Про мою доленіку щобъ и не чулы.

Прывыкие, кажуть, собака за возом
Быгты, то біжть и за саньин.—

О такъ и я теперъ пишу:
Цапиръ тилько, черныло трачу.
А першъ (ій-Богу, не бремшу!)
Згадаю що, чи що побачу,
То такъ утну, що ажъ заплачу;
И нibly самъ перелечу
Хочъ на годину на Вкрапину;
На пей гляну, подываюсь,
И мовъ добро кому зроблю—
Такъ любо сердце одпочыне.
Якъ бы сказать, що не люблю,
Що я Україну забиваю,
Або лукавыхъ проклинаю
За те, що я теперъ терплю.—
Ій-Богу, братія, прощаю
И Мылосердому молюсь,
Щобъ ви лыхымъ чимъ не згадали;
Хочъ я вамъ крывды не робивъ,
Та все такы мижъ вами живъ,
То може де-що и осталось.—

И мы ще зійдемося знову,
Чи вже на-вики розійшлись,
И слово правды и любви
Въ степы, вертепы попеслы?
Нехай и такъ!.... Не наша маты,

А довелось поважаты.
 То—воля Господа!.... Годить,
 Смыритеся, молитесь Богу
 И згадуйте одынъ другого,
 Свою Украину любить;
 Любить їй, бо время лютє...
 Въ останню, тяжкую минуту
 За неи Господа молить!

К Н Я Ж Н А.

 оре моя вечирняя,
 Зійди надъ горою,
 Поговорымъ тыхеселько
 Въ неволи съ тобою.
 Розскажы, якъ за горою
 Сонечко сидае;
 Якъ у Дніпра веселочка
 Воду позычае;
 Якъ широка сокорына
 Виты роспустыла,
 А надъ самою водою
 Верба похылылась—
 Ажъ по води розистлала
 Зеленыи виты,
 А на витахъ гойдаются
 Пехрецени диты;
 Якъ у поли на могыли

Вовкулакъ ночуе,
 А сичъ въ лиси, та на стриси
 Недолю вищуе;
 Якъ сонъ-трава пры долыни
 Въ почі росцвитае...
 А про людей... та нехай имъ!
 Я ихъ, добрыхъ, знаю,
 Добре знаю!... Зоре моя,
 Мій друже едыный!
 Ты не знаешъ, що діється
 Въ нась на України,
 А я знаю и розскажу
 Тоби--й спать не ляжу,
 А ты завтра тыхесенько
 Богови розскажешъ.

Село! и серце одпочыне.
 Село на нашій України—
 Неначе пысанка. Село
 Зеленымъ гаемъ поросло,
 Цвитуть сады; биліуть хаты,
 А на гори стоять палаты,
 Неначе дыво; а кругомъ
 Шыроколисты тополи,
 А тамъ и лисъ, и лисъ, и поле,
 И сыни горы за Дніпромъ...
 Самъ Богъ витаетъ надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
 Весели здалека палаты—
 Бодай вы терномъ порослы!

Щобъ люды й слиду не найшли,
Щобъ и не знали, де й шукати!

Въ тому Господнёму сели,
На нашій славній України,
Не знаю де вони взялісь,
Прыблуда князь, була й княгыня.
Ще молоди соби булы,
Жылы сами; булы багати:
Высоки на гори палаты,
Чи-малый у яру ставокъ,
Зеленый на гори садокъ,
И вербы, и тополи,
И витрякы на поли,
И доломъ геть - соби село
По надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело було:
Бувало литомъ и зимою
Музыка тне; выно рикою
Гостей несытыхъ налива;
А князь ажъ синій похожае,
Та самъ несмилымъ наливае,
Та ще й покрыкуе: „вивать!“
Гуляе князь, гуляютъ гости—
И покотылись на помости...
А завтра знову ожыва,
И знову пье, и зновъ гуляе...
И такъ за дніми день мынае...
Мужыцьки души ажъ пыщать;
Судовыкы благаютъ Бога...
Пьяныци, знай соби. крычать:
— „И патріотъ! и братъ убогыхъ!“

Нашъ славный князь! Вивать! Вивать!
 А патріотъ, убогыхъ братъ,
 Дочку й телычку однимае
 У мужыка...—

Кяягыня взаперти сидыть;
 Ии и въ сины не пускае
 Убогыхъ братъ. А що-жъ робить?
 Сама втекла и повинчалась,
 И батько, и маты не пускалы,
 Казалы: „въ гору не залазь!“
 Такъ пи—за князя! Отъ и князь!
 Отъ и пышайсь теперъ, княгыне!
 Загынешъ, серденько, загынешъ,
 Мовъ рястъ весною у ночи;
 Засхнешъ, не знатымешъ ничего;
 Не знатымешъ, якъ хвалить Бога,
 Якъ люде люблять жывучы.
 А жыть такъ, Господы, хотилось!
 Хотилось любыты,
 Хоть годочекъ, хоть часочекъ,
 На свитъ подывытъсь.
 Не довелось,—а все було,
 Всёго ионацбала
 Стара маты. Саму тебе
 Мовъ намалювала:
 Хочъ молысь передъ тобою,
 Мовъ передъ святою.

Красо моя молодая,
 Горенъко съ тобою!
 Жыть бы, жыть, та славить Бога
 И добро творыты,

Та Божою красотою
 Людей веселты—
 Такъ-же ни! А молодыи
 Та карыи очи,
 Щобъ марнилы въ самотыни
 Може, Богъ такъ хоче?
 Боже! Боже! даешь волю
 И розумъ на свити,
 Красу даешь, серце чисте,
 Та не даешь жыты...
 Не даешь на дай веселый,
 На свить твій великий
 Надывытись, памолытись
 И заснуть на вики.

Не весело на свити жыть,
 Колы нема кого любыть;
 Отакъ и ій, одній, едыній,
 Ще молодій моій княгыни,
 Красу и сердце засушыть
 И марно сгынуть въ самотыни—
 Ажъ страшно. А вона молылась
 И жыть у Господа просыллась,
 Бо буде вже кого любыть.
 Вона вже матирью ходыла,
 Уже пышалась и любыла
 Свое дытя; и давъ дожыть
 Господь ій радости на свити—
 Узрить ёго, поцилувать
 Свое едыннее дытя,
 И першыи крыкъ ёго почуты...
 Охъ! диты! диты! диты!
 Велика Божа благодать!

Слёзы высохлы, пропали,
 Сонце просіяло,
 И княгыня зъ дытыною
 Не тію стала:
 Нибы на свитъ народылась,
 Гралась, веселылась,
 И княжни свой маленький
 Сорочечки шыла,
 И маленьки рукавчата
 Шовкомъ вышивала,
 И купала, й колыхала,
 Сама й годувала:
 Бо княгыни тильки вміють
 Прывесты дытыну,
 А годувать, та доглядатъ
 Не вміють княгыпи;
 А потимъ оха: „забувае
 Мене мій Поль, або Филатъ.“
 За що-жъ воно тебе згадас—
 За те хиба, що прывела?
 А моя свою дытыну
 Сама доглядала,
 А пьяного своего князя
 И не допускала.
 Мовъ яблучко у садочки,
 Кохалась дытына;
 И говорить уже стала,
 И вчыла княгыня
 Тилько „мамо“ вымовляты,
 А „тато“ не вчыла...
 И книжечокъ зъ кунштыкамы
 Въ Ромни накупыла,
 Забавляла, розмовляла,

И Богу молытсь
 И азбуку по купштыкахъ
 Заходылась вчты;
 И що Божый день купала,
 Рано спаты клала,
 И пыльночки на неи
 Впасты не давала;
 И всю ниченъку падъ нею
 Витала, не спала,
 Надывлялась, любовалась
 Княжною своею...
 И женыха ій еднала,
 И радила зъ нею,
 И плакала. Довги косы
 Уже розплита
 И, лышенько, своего князя
 Пьянаго згадала
 У мундыри, та й закрыла
 Заплакани очи.
 А дытыни нибы сныться,
 Мовъ вымовыть хоче:
 —Не плачъ, мамо, не розплитай
 Мои довги косы—
 Посичуться...—Що день Божый
 Радости приносить
 Своій матери щасливій
 Дочка уродлыва:
 Мовъ тополя, выростае
 Свитови на дыво;
 Выростае... да недовго
 Буде веселыты
 Свою матиръ: Богъ карае
 Княгыню на свити...

А за вищо? Чудно людямъ,
Бо люде не знауть,
Чому добре умирае,
Злее ожывае...

Занедужала княгыня,
И князь схаменувся—
За бабамы-знахаркамы
На селахъ метнувся.
Найихалы; заходылись,
Личылы, личылы,
Покы іи безталану
Въ труну положылы.

Не стало на сели княгыни.

И гусла знову загулы,
А сырота іи въ сели,
Іи едыная дытына,
Мовъ одирвалось отъ гилли:
Ненагодоване и босе,
Сорочечку до зносу несить,
Спеклося бидне на жару;
Лопуцькы йисть, ставочки гатыть
Въ калюжахъ зъ дитымы у яру.

Умылся, серденъко, бо маты
Онъ дывыться й не пизнае
Мижы дитымы дытя свое
И думае—тебе пе стало.
Умылся, серце, щобъ пизнала
Тебе, едыную свою,
И Господа бъ благословляла
За долю добрую твою.
Умылася; а добри люде
Прыбрали, въ Кыевъ одвезлы

У инстытуть... А тамъ що буде?
Побачымъ.

Гусла загулы...

Гуляе князь, гуляютъ гости,
Ревуть палаты на помости,
А голодъ стогне на сели.

И стогне винъ, стогне по всій України
Кара Господева. Тысячамы гынуть
Голодныи люде... А скырты гныютъ.
А паны й полову жыдамъ продають,
Та голоду ради, та Бога благають,
Щобъ ще хочъ годочокъ хлибецъ не рожавъ:
Тоди бъ и въ Парыжи и иному краю
Нашъ братъ хуторянынъ себе показавъ.

Бо се было бъ дыво,
Щобъ чуты и бачыть и не покаратъ!
Або вже ажъ надто долготерпелый...
Мынаютъ лита. Люде гынуть;
Лютуе голодъ въ України,
Лютуе въ княжому сели.
Скырты вже кляжи погнылы.
А винъ байдуже: пье, гуляе,
Та жыда зъ гришмы выглдае.
Нема жыдка... Хлибы зійшли;
Радіютъ люде, Бога просать;
Ажъ ось изъ Кыева прывозять
Княжну. Мовъ сонечко зійшло
Надъ обикраденнымъ селомъ.

Чернобрыва, кароока--
Вылытая маты!

Тилько смутна, невесела.
 Чого-бъ сумуваты?
 Або, може, вже такою
 Воно й уродылось?
 Або, може, молодее
 Чи не полюбыло
 Кого-небудь? Ни, никого.

Весела гуляла,
 Мовъ ласочка съ кубелечка,
 На свитъ выглядала
 Зъ того Кыева; ажъ пдкы
 Побачыла села
 Знивечени; съ того часу
 Стала невесела.

Мовъ сизая голубонька
 Село облетила;
 У всихъ була, всихъ бачыла,
 Вси повеселилы:
 Тамъ словами нрывитала,
 Тамъ нагодувала;
 Що-день Божий обходыла
 Село; помагала
 Усякому; а сыроты
 До неи въ покой
 Прыходылы и матирью
 Свою святою
 Ии звалы, и все село
 За неи молылось.
 А тымъ часомъ жыды въ село
 Зъ гришмы появылысь....
 Радie князь, запродуе
 Съ полововою жыто

И молотыть выганье
Людей недобытыхъ.
Змолотылы, нивроку имъ,
За одну годыну
И съ клунею провіялы.
Князъ и не спочынувъ:
На могорычъ заклыкае,
Та пье, та гуляе
Ажъ у гаи; бо въ покояхъ
Дочка спочывае.

Гармыдеръ, галасъ, гамъ у гаи;
Срамотни спивы; ажъ ляшты
Жыночый регить; завывае,
Реве хазлинъ:— „Будемъ пыть,
Ажъ покы напа доня сныть“!
А доня взаперти сидыть,
Въ своему сумному покой,
И дывыться, якъ надъ горою
Червоный мисяцъ ажъ горыть,
Зъ-за хмары тихо выступае,
И нибы горы ожываютъ.
Дубы зъ дибровы, мовъ дыва,
У поле тихо одхожаютъ,
И пугачъ пуга, и сова
Зъ-пидъ стрихы въ поле вылитае,
А жабы крякаютъ, гудуть.
Дывитесь очи, молодыи,
Якъ зори Божыи встають,
Якъ сходить мисяцъ, червоніе,
Дывитеся, покы васъ гріе,
А зори спаты не дають.
Головою молодою

На руку схылылась,
До-пивпочи невесела
На зори дывылась
Княжна моя. Дывылася,
Та й плакаты стала.
Може, сердце яке лыхо
Тыхо прошептало...
Та байдуже: поплакала
Трошкы, усмихнулась,
Номолылась, та й спать лягла,
И тыхо заснула.

Въ гаю все покотомъ лежало—
Пляшки и гости: де що виало,
Тамъ и осталось. Самъ пе впавъ,
Остатню каплю допывавъ;
Та й ту допывъ. Встae не пада!
Иде въ покой.

Скверный гаде,
Куды ты лизешъ? Схаменясь!
Не схаменувся. Ключъ выймае,
Прыйшовъ и двери одмыкае,
И лизе до дочки. Прокынься,
Прокынься чистая! Схопысь,
Убый гадюку—покусае!
Убый—и Богъ пе покарае.
Якъ тал Чепчю колысь
Убыла батька кардынал...
Ни, пе прокышулася—спыть.
А Богъ, хочъ бачить, та мовчыть,
Грихамъ великымъ потурае...
Не чуть ничего. Часъ мыпае,
А потимъ крыкъ, а потимъ гвалтъ.

И плачъ почулы изъ палатъ,
Почулы совы; потимъ знову
Не чутъ ничогс.

И въ той часъ

Скрыты и клуя зайнялъсь
И зори зныкли. Хочъ бы слово,
Хочъ бы де голосъ обизвавъ.
Цаны въ гаю не ворушылъсь;
А люде сбаглъсь, та дывылъсь,
Якъ дымъ до неба пидіймавъ.

Прокынулъсь въ-рапци гости;
Ажъ бачять що лыхо—
Покынулы своего князя,
Та любо, та тыхо.
Такъ и мы ёго покынемъ,
Такъ и Богъ покыне.
Тебе тилько не покыне
Лыхая годына,
Княжно моя безталаппа,
Зниченый цвите.
Ты ще будешъ покутовать
Грихи на симъ свити,
Грихи батьковы. О, доле,
Лукавал доле!
Покынь іи хотъ на старистъ.
Хотъ на чужимъ поли,
На безлюдди. Не покынешъ,
Поведешъ до краю,
До самой домовыны,
Сама й поховаетъ.

Въ сели не бачылы й не чулы,
 Де вона подилась.
 Думалы—на пожарыщи
 Небога сгорила

Стоить село. Невесело
 На гори палаты
 Почорнилы. Князь хыріе,
 Нездужае встать;
 А пидвесты нема кому
 Нихто й не загляне
 До гришного болящого
 Въ будынки пагани.
 Люде трохы очунялы;
 Господа благаютъ,
 Щобъ княжна до ихъ вернулась.
 А іи немае
 И не буде вже, святои.
 Дежъ вона подиласъ?
 У Кыеви пресвятыому
 Въ черныци пострыглась.
 Родылась на свитъ жыть, любыть,
 Сіять Господнею красою
 Витать надъ гришными святою,
 И всякому добро творыть,—
 А сталось ось якъ: у черныцяхъ
 Занапастылося добро.

Блukaючи по Украини,
 Прыбывсь якось я въ Чыгырынъ
 И въ манастырь отой дивочый,
 Що за пискамы, на болоти,

У лозахъ, самотный стоить.
Отачъ мени и розсказала
Стара черныця повыну,
Що въ манастырь до ихъ зайдла
Княжна якась изъ-за Дніпра
Позаторикъ. Одпочывала,
Та ѹ Богу душу oddala.
Вона була ще молодою
И прехорошая собою;
На сонци дуже запеклась,
Та ѹ занедужала. Лежала
Недовго щось, седьмыци зъ три,
И все до крыхты розсказала
Мени и Ксеніи сестри,
И вмерла въ нась. И де ходыла,
Въ якыхъ то праведныхъ мистахъ,
А въ нась сердешна опочила...
Оде іи свята могыла...
Ще не поставылы хреста.

И Р Ж А В Е Ц Ъ.

аробылы колись шведы
Белыкои славы:
Утикалы зъ Мазепою
Въ Бендери зъ Полтавы,
А за нымы ѹ Гордіенко.

Якъ мандрували день и ничъ,
 Якъ покыдалы запорожци
 Великий Лугъ и матирь Сичъ,
 Взялы зъ собою Матирь Божу,
 А бильшъ ничего не взялы,
 И въ Крымъ до хана понеслы
 На нове горе-Запорожже.

Заступыла чорна хмара
 Та билую хмару:
 Опанувавъ запорожцемъ
 Поганый татарынъ.
 Хочъ позволивъ ханъ на чискахъ
 Новымъ кошемъ стать,
 Та заказамъ запорожцямъ
 Церкву будуваты.
 У памети поставылы
 Образъ Пресвятои
 И крадъкома молылышя.

Боже мій зъ тобою!
 Мій краю прекрасный, роскошный, багатый
 Хто тебе не мучывъ?... Якъ розсказать
 Про якого небудь одного магната
 Исторію-правду, то перелякатъ
 Саме бъ пекло можно, а Данта старого
 Полупанкомъ нашимъ можно здывувать.

Розсказали кобзари намъ
 Про войны и свары,
 Про тлжкее лыхолитте,
 Про лютыи кары,
 Що ляхы намъ завдавали,—
 Про все розсказали

И здалека
 Запорожци чулы,
 Якъ дзвонылы у Глухови.

Зъ далекого Крыму

Чулы, чулы небожята,
 Чулы та мовчалы,
 Бо и мъ добрѣ на чужыни
 Мурзы завдавалы.
 Мордувалысь сиромахы,
 Плакалы, и зъ нымы
 Заплакала матиръ Божа
 Слёзамы святымы;
 Заплакала мылосерда,
 Непаче за сыномъ.
 И Богъ зглинувъ на ти слёзы
 И на Украину.

Вернулыся запорожци,
 Прынеслы зъ собою
 Въ Гетьманыну той чудовыи
 Образъ Пресвятои,
 Поставылы у Иржавци
 Въ мурованимъ храми.

А. О. КОЗАЧКОВСЬКОМУ.

авно те діялось! Ще въ школи;
 Такы въ учителя дяка
 Гарнепъко вкраду пътака,
 (Бо я було трохы не голе,

Таке убоге!) та й куплю
Паперу аркушъ, и зроблю
Маленьку кныжечку; хрестамы
И везерункамы зъ квиткамы
Кругомъ листочки обведу,
Та й спысую Сковороду,
Або „Тры царіе со дары;“
Та самъ соби у буряни,
Щобъ не почувъ хто, не побачывъ,--
Выспивую було та плачу...

И довелся зновъ мени
На старисть зъ виршамы ховатысь,
Мережать кныжечки, спиваты
И плакаты у буряни,
И тяжко плакать!... и не знаю,
За що мене Господь карае .
У школи мучылось, росло,
У школи й сывить почало,
У школи дурня й поховають;
А все за того пътака,
Що вкравъ маленькымъ у дядко
Мабудь, Господь мене карае...
Ось слухай же, мій голубе.
Мій орле-козаче!
Якъ канают я въ неволи,
Якъ пужу я свитомъ.
Слухай, брате, та научай
Своихъ малыхъ дитокъ,
Научай ихъ, щобъ не вчылись
Зжалку виршуваты;
Болижъ яке покваицься,
То чыщечкомъ, брате,
Нехай соби у куточку

И виршуе, ѹ плаче
 Тыхесенько, ѩобъ Богъ не чувъ,
 Щобъ и ты не бачывъ,
 Щобъ не довелся, брате,
 И ему каратысь,
 Якъ я теперь у певоли
 Караюся, брате...
 Неначе злодій, по за валамы
 Въ недилю крадуся я въ поле,
 Таламы выйду по-надъ Ураломъ
 На степъ широкый, мовъ на волю
 И болящее, побыте
 Серце стрепенеться,
 Мовъ рыбопъка падъ водою;
 Тихо усмихпеться
 И полыне голубкою
 По-надъ чужымъ полемъ.—
 И я нibly ожываю
 На поли, на воли...
 И на гору высокую
 Выхожу, дывлюся—
 И згадую Украину—
 И згадать боюся...
 И тамъ степы, и тутъ степы,
 Та тутъ не такы—
 Руди, руди ажъ червони,
 А тамъ голубыи,
 Зеленыи, мережани
 Нывами, ланами,
 Высокыми могылами,
 Темными лугами...
 А тутъ бурьянъ, писки, талы,
 И хочъ бы на смихъ де могыла

О давнимъ давни говорыла,
 Неначе люде не жылы.
 Одъ споконъ-вику и до пыни
 Ховалась одъ людей пустыня,
 А мы такы іи зпайплы...
 Уже ѹ твердыни поробылы,
 Затого будуть и могылы—
 Всёго наробымо колысь! ...

О моя доле! моя КраиноП...
 Чи я то вырвусь зъ ціі пустыни?...
 Чи може (край Боже!)
 Тутъ и загыну...

И почорніе червоне поле...

Айда въ казармы, айда въ неволю!
 Неначе крыкне хто надо мною,—
 И я прокынусь По за горою
 Вертаюсь, крадуся, по-надъ Ураломъ
 Неначе злодій той по за валамы
 Оттакъ я, друже мій, святкую
 Оттутъ недиленъку святую!

А понедилокъ! Друже-братье!
 Прыходыть ничъ въ смердячу хату,
 Осядутъ думы; розибъютъ
 На сто кратъ серце и надю,
 И те, що вымовыть не вмію—
 И все на свити проженуть,
 И спынять ничъ: часы—литамы,
 Викамы глухо потечутъ...

И я кровавымы слёзамы
 Не разъ постелю омочу.
 Переличу и дни, и лита,
 Кого я, де, колы любывъ;
 Кому яке добро зробывъ?

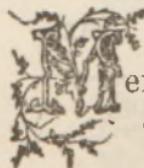
Никого въ свити, никому въ свити!
Неначе по лису ходывъ.

А малась воля, малась сила!
Та силу позычки зносылы,
А воля въ гостяхъ упылась,
Въ степу, небога, заблудыла
Та й упываться зареклась.
Не поможе, мылый Боже!
Якъ то кажутъ люде:
„Буде каяття на свити
Воротя не буде“ ..

Благаю Бога, щобъ свитало;
Мовъ воли, сопця, свиту жду...
Цвиркунъ замовкпе; зорю бьють—
Благаю Бога, щобъ смеркало!
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштруваты,
Щобъ зневъ, якъ волю шануваты,
Щобъ зневъ, що дурня всюды бьють ..

Мынають лита молодыи,
Мынула доля, а надія
Въ неволи знову за свое,
Зо мною знову лыхо діє
И серцю жалю завдае:
А може, ще добро побачу
А може лыхо переплачу,
Воды Дніпровои напьюсь,
На тебе, друже, подивлюсь?
И, може, въ тыхій твоїй хати
Я буду знову розмовляты
Зъ тобою, друже мій.. Боюсь!..
Боюся самъ себе спытаты,
Чи се колы сподіться?

Чи може вже зъ неба
 Подивлюсь на Україну,
 Подивлюсь на тебе...
 А иноди такъ бувае,
 Що й слёзы не стане—
 И благавъ бы я о смерти —
 Такъ тая Україна
 И Дніпро кругоберегий
 И ты, друже-брате,
 Не даете мени Бога
 О смерти благаты!

еши однаково, чи буду
 Я жить въ України, чи ни,
 Чи хто згадае, чи забуде
 Мене въ снigu, на чужыни—
 Однаковисенько мени.
 Въ неволи вырискъ мижъ чужымы,
 И, не оплаканый своимы,
 Въ неволи, плауччи умру
 И все зъ собою заберу,
 Малого слиду не покину
 На нашій славній України,
 На нашій не свой земли.
 И не помъяне батько зъ сыномъ,
 Не скаже сынови: „молысь...
 Молыся сыну! За Україну
 Ёго колысь“.
 Мени однаково, чи буде

Той сынъ молытыся, чи ни...
 Та не однаково мени,
 Якъ Украину злые люде
 Прысплатъ, лукави и въ огни
 Ии окраденную збудять...
 Охъ, неоднаково мени!

Мени тринадцатый мынавъ.
 Я пашь ягната за селомъ.
 Чи то такъ сонечко сіяло,
 Чи такъ мени чого було—
 Мени такъ любо, любо стало,
 Неначе въ Бога
 Уже проклыкалы до паю,
 А я соби у буряки
 Молюся Богу; и не знаю,
 Чого маленькому мени
 Тоди такъ прыязно молылось,
 Чого такъ весело було.
 Господне небо и село,
 Ягни, здається, веселылось,
 И сонце грило—не пекло.

Та недовго сонце грило,
 Недовго молылось:
 Запекло, почервонило
 И рай запалыло.
 Мовъ проклынувся! Дывлюся:
 Село почорнило,

Боже небо голубее
И те помарнило.

Поглянувъ я на ягната--
Не мои ягната;
Обернувшись я на хаты--
Нема въ мене хаты.
Не давъ мени Богъ ничого!
И хлынулы слезы,
Тяжки слёзы... А дивчина,
Пры самій дорози,
Недалеко коло мене,
Плоскинъ выбирала,
Та ѹ почула, ѹо я плачу
Прышла, прывитала,
Утырала мои слёзы
И поцилувала...
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на свити стало
Мое--ланы, гаи, сады...
И мы, жартуючи, погнали
Чужи ягната до воды,
Брыдня!... а ѹ доси, якъ згадаю,
То сердце плаче, та болить.
Чому Господь не давъ дожыть
Малого вику у тимъ раю!
Умеръ бы, орюочы на ныви,
Ничого бъ на свити не зіавъ,
Не бувъ бы въ свити юродывы
Людей бы не проклявъ.

СОНЬ.

оры мои высокыи!
 Не такъ высокыи,
 Якъ хороши, хорошии,
 Блакытни здалека—
 Зъ Переяслова старого,
 Зъ Выблочи-могилы,
 Ще старшои, мовъ ти хмари,
 Що за Днепромъ силы
 Иду я тыхою ходою,
 Дывлюсь—ажъ онъ передо мною,
 Неначе дыва, вырынаютъ
 Обрывъ высокий, гай, байракъ;
 Хатки биленьки выглядяютъ.
 Мовъ диты въ билихъ сорочкахъ
 У пижмурки въ яру гуляютъ;
 А доли сывый напъ козакъ—
 Днепро зъ лугамы выгравае;
 А онъ-де, онъ-де за Днепромъ,
 На прыгори, нibly каплычка,
 Козацька церква невелычка
 Стоить съ похыленымъ хрестомъ.
 Давно стоять выглядяе
 Запорожця зъ Лугу;
 Зъ Днепромъ своимъ размовляе,
 Розважае тугу.
 Оболонкамы старымы,
 Мовъ мертвецъ очымъ
 Зеленымы, позырае
 На світь зъ домовыны.

Може, чаешъ оновления?

Не жды тіи славы:
Твои люде окрадени,
А панамъ лукавымъ
На що здалась козацькая

Велыкая слава?..

И Трахтемыривъ геть горою
Нечепурни свои хатки
Роскыдавъ зъ долею лыхою,
Мовъ пьяный старецъ торбынки.

А онъ—старе Мапастырыще,
Колысь козацькое село.

Чи те воно тоди було?
Та все нишло . . . на грыще:

И Запорожже, и село,
И манастиръ святый, скарбныця—
Все, все несыти рознеслы.

А вы, вы, горы, отдали...

Бодай николы не дывиться,
На васъ, проклятыи... Ни, ни!

Не вы прокляти, а гетьманы,
Усобныки ляхы погани...

Простить, высокыи, мени,
Высокыи и голубыи,

Найкращи въ свити, найсвятыи!
Простить!.. Я Богу помолюсь...

Я такъ іи, я такъ люблю,
Мою Украину убогу...

За неи душу погублю!

Надъ Трахтемировымъ высоко
На кручи, ныбы сырота

Прыйшла тонытыся въ глыбокимъ

Въ Днепри шырокому,—оттакъ
Стоить однымъ-одна хатына.
Зъ хатыны выдно Украину
И всю Гетьманщину кругомъ.
Пидъ хатою дидусь сывенъкъ
Сыдыть; и сопечко нызенько
Уже спустылось надъ Дніпромъ.
Сыдыть, и дывыться, и дума,
А слёзы капають... „Гай-гай!“
Старый промовывъ: „недоумы!
Зе напастылы Божий рай!

Гетьманцына!“... И думнее
Чоло похмарнило:
Мабудь, щось тяжке, тяжкее
Вымовыть хотилось,
Та не вымовыть...

Котылыся
И наши козачи
Дурни головы за правду,
За виру Христову;
Упывалыся и чужой,

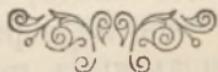
И своеи крови;
А получалы? Ба! де то,—
Ще гиршымы сталы!
Безъ ножа и авто-да-фе
Людей закувалы,
Та й мордують... Ой, ой, паны,
Паны-хрыстіяне.
Затыхъ мій сывый, бытый тугою,
Поныкъ старою буй-головою.
Вечерне сонечко гай золотыло,
Дніпро и поле золотомъ крыло;
Соборъ Мазепынъ сле-біліе,
Батька Богдана могыла мріе;
Киевськымъ шляхомъ вербы похили;
Требратни давни могылы вкрылы;
Зъ Трубайломъ Альта мижъ осокою
Зйшлысь, зъедналысь, мовъ братъ зъ сестрою.
И все те, все те радуе очи,
А серце плаче—глянуть не хоче!

Попрощалось ясне сонце
Зъ чорною землею;
Выступае круглый мисайдъ
Зъ сестрою зарею,
Выступаютъ изъ-за хмари,—
Хмари звеселылы,
А старый мій подывывся—
Слёзы покотылысь.
„Молюсь Тоби, Боже мылый,
Господе великий,
Що не давъ мени загынуть,
Небесный владыко!
Що давъ мени добру сылу

Пересылть горе,
 И нрывивъ мене, старого,
 На си святы горы
 Одынокий викъ дожыты,
 Тебе восхвалыты,
 И Твою красотою
 Серде веселыты,
 И поховать побытее
 Грихамы людськымы,
 На горахъ оцихъ высокыхъ,
 И витать надъ нымы".
 Утеръ слёзы нехолодни,
 Хочъ не молодыи,
 И згадувавъ лита свои,
 Давній благій:
 Де, якъ, колы и що робылось;
 Було що справди, а що снылось;
 Яки моря переплывавъ;
 И темный гаёкъ зелененький,
 И чорнобривка молоденька,
 И мисяць зъ зорямы сіявъ,
 И соловейко на калыни
 То затыхавъ, то щебетавъ,
 Святого Бога выхвалявъ.
 И все то, все то въ Украини!
 И усмихнувся сывый дидъ:
 Бо, може,—нигде правды дить—
 Було таке, що й женыхались,
 Та розійшлыеся, не побрались:
 Покынула самого жытъ,
 Въ хатыни вику дожываты.
 Старый мій знову зажурывсь;
 Ходывъ довгенько коло хаты,

А потимъ Богу помолывсъ,
Пишовъ у хату вочуваты,
А мисяцъ хмарою повывсъ.

Оттакый то на чужыни
Сонъ мени прыснывся,—
Нибы знову я на волю,
На свитъ народывся.
Дай-же, Боже, колы-небудь,
Хочъ на старистъ, статы
На тыхъ горахъ окраденыхъ,
У маленький хати;
Хоча сердце замучене,
Поточене горемъ,
Прынесты и положыты
На Днипровыхъ горахъ.

Н. И. КОСТОМАРОВУ *).

Беселе сонечко ховалось
Въ веселыхъ хмарахъ весняныхъ;
Гостей закованныхъ своихъ
Сердешнимъ чаемъ напувалы
И часовыхъ переминялы—
Сынемундырныхъ часовыхъ...
И до дверей, па ключъ замкнутыхъ,
И до решотки на вики

Прывикъ я трохы, и мепи
 Не жаль було давно одбутыхъ,
 Давно похованыхъ, забутыхъ,
 Монхъ тлжкыхъ, кривавыхъ слёзъ;
 А ихъ чимало розлылось
 На марне поле. Хотъ бы рута,
 А то ничего не зійшло!
 И я згадавъ свое село,
 Кого я тамъ, колы покинувъ?
 И батько, и маты въ домовини!
 И жалемъ серце запеклось,
 Що никому мене згадаты!
 Дывлюсь... твоя, мій брате, маты
 Чорнійпие чорпои земли
 Иде, зъ хреста непаче зията...
 Молюся!... Господы, молюсь!
 Хвалыть тебе не перестану,
 Що я ни зъ кымъ не подилю
 Мою тюрму, мои кайданы!...

— 3 — 1848. — 3 —

нумо знову виршувагъ,
Звычайне нышкомъ. Нумо знову,
Покы новынка на основи,
Старынку Божу лыцювать,
А сиричъ... якъ бы вамъ сказать,
Щобъ не збrehавши... Нумо знову
Людей и долю проклынатъ.
Людей за те, щобъ нась знали,
Та нась шанувалы;
Долю за те, щобъ не спала,
Та нась дogleдала.
А то, бачъ, що наробыла:
Кынула малого
На роспутти, та й байдуже,
А воно убоге,
Молодее, сывоусе—
Звычайне дытына—
И подыбало тыхенько
По-пидъ чужымъ тыпомъ

Ажъ за Уралъ... Опынылось
 Въ пустыни, въ неволи...
 Якъ же тебе не проклынать,
 Лукавая доле?
 Не прокляну жъ тебе, доле,
 А буду ховатысь
 За валамы, та ныщечкомъ
 Буду виршуваты,
 Нудыть свитомъ, сподиватысь
 У-гости въ неволю
 Изъ-за Дніпра широкого
 Тебе, моя доле!

Га не дай, Господы, никому,
 Якъ мени теперь старому,
 У неволи пропадаты,
 Марне лита коротаты.

Ой пиду я степомъ, лугомъ
 Та розважу свою тугу!
 — „Не йди, кажуть, въ ціи хаты!“
 Не пускають погуляти!

Магни горять, музыка грас,
 Музыка плаче, завывае!
 Алмазомъ добрымъ, дорогымъ
 Сіяютъ очи молодыи,
 Витас радость и надія

Въ очахъ веселыхъ. Любо имъ,
 Очамъ негришнымъ, молодымъ!
 И вси рягочутъся, сміютъся,
 И вси танцуютъ. Тилько я,
 Непаче заклтый, дывлюся
 И нышкомъ плачу, плачу я.
 Чого жъ я плачу? Мабудъ никода,
 Що безъ ирыгоды, мовъ негода,
 Мынула молодицъ моя.

Не для людей и не для славы,
 Мережани та кучеряви
 Оди вирши виршую я —
 Для себе, братія моя.

Мени легіпе въ неволи,
 Якъ я ихъ складаю:
 Зъ-за Дніпра, мовъ, далекого
 Слова прылитають
 И стелютъся на папери,
 Плачучы, сміочусь,
 Мовъ ти диты, и радують
 Мою сиру душу,
 Убогую... Любо мени,
 Любо мепи зъ нымы,
 Мовъ батькови багатому
 Зъ диткамы малымы.
 И радый я, и веселый,
 И Бога благаю,
 Щобъ не прыспавъ моихъ дитокъ
 Въ далекому краю:

Чехай летять до домоньку
 Легенъки диты,
 Та розскажуть—якъ то тяжко
 Було имъ на свити...
 И въ семы веселій, тыхій
 Дитей прывигають,
 И сывою головою
 Батько покывае;
 Маты скаже: бодай тыи
 Диты не родылъсь;
 А дивчына подумас:
 Я ихъ полюбыла.

Орская крѣпость.

1848 г.

ВАРНАКЪ.

ыняючысь на чужыни
 По надъ Элекомъ, стривъ я дида
 Вельмы старого. Нашъ землякъ
 И недомученый варнакъ
 Старый той бувъ. Та у недияю,
 Якось у поли мы зострилъсь,
 Та й забалакалъсь. Старый
 Згадавъ свою Волынь святую
 И волю—долю молодую,
 Свою бувальщыну. И мы
 Въ трави за валомъ посидали
 И розмовлялы, сповидалъсь
 Одынъ другому: „Довгый викъ!“

Старый промовывъ. „Все одъ Бога,
 Одъ Бога все! А самъ ничего
 Дурный не вдіє чоловикъ!
 Я самъ, якъ бачышъ, марно, всеу...
 Я самъ занивечывъ свій викъ!
 И ии на кого не жалкую,
 И ни у кого не пропу я,
 Ничого не прошу. Оттакъ,
 Мій сыну, друже мій едynyj,
 Такъ и загыну па чужыни,
 Въ неволи. И старый варнакъ
 Заплакавъ нышкомъ.—Сывый брате!
 Покы живе надія въ хати,
 Нехай живе, не выганяй!

Нехай пустку нетоплену
 Иноди нагріє;

И потечуть зъ очей старыхъ
 Слёзы молодыи;
 И, умытее слёзами,
 Серце одпочыне
 И полыне изъ чужыни
 На свою краину.

„Багато де чого не стало,”
 Сказавъ старый: „Воды чимало
 Изъ Иквы въ море утекло...
 Надь Иквою було село.
 У тимъ сели на безталання
 Та на погибель вирись я...
 Лыхая доленько моя!
 У нашои старои пани
 Малыи панычи булы,
 Такы однолитки во мнюю.

Вона ѹ бере мене въ покон
 Сынкамъ на выграшку. Рослы,
 Рослы паната, выросталы,
 Якъ ти щенята, покусалы
 Не одного мене, мали.
 Оттожъ и вчты почалы
 Пысьму панять. На безголовье
 И я учуся. Слизьмы, кровью
 Пысьмо те полылося! Насъ,
 Дешевшихъ панскои собакы,
 Пысьму учты!?
 Молытыся Богу
 Та за раломъ спотыкаться,
 А бильше ничего
 Неповиненъ знать невольныкъ,—
 Така ёго доля!
 Оттожъ и вывчывся я, вырисъ,
 Прошу соби воли—
 Не дае, и въ москали,
 Проклята, не голить!
 Що тутъ на свити робыты?
 Нишовъ я до рала,
 А панычивъ у гвардію
 Шоопредилялы...
 Годына тяжкая настала,
 Насталы тяжкыи лита!
 Оттожъ працюю я за раломъ.
 Я бувъ убогий сырота,
 А у сусиды выростала
 У наймахъ дивчына. И я...
 О, доле, доленько моя!
 О Боже мій! О мій едный!
 Воно тоди було дытына,

Воно.. Не намъ твои дила
 Судыть, о Боже нашъ великий!
 Оттожъ вона, мени на лыхо
 Та на погыбель пидросла.
 Не довелось й подывытысь...
 А я вже думавъ одружытысь,
 И веселытысь, и жыть,
 Людей и Господа хвалыть...
 А довелось...

Накупылы

И краму, й пыва наварылы—
 Не довелось тилько пыть.
 Старои пани бахуръ сывый
 Окравъ той крамъ, розлывъ те пыво,
 Пустывъ покрыткою... Дарма!
 Мынуло... годи!... Не до ладу
 Теперь и згадувать! Нема,
 Нема, мынулся, пропало...
 Покынувъ ныву я и рало,
 Покынувъ хату и городъ—
 Усе покынувъ. Чортъ нарадывъ,
 Пишовъ я въ пысари въ громаду.
 То сякъ, то такъ мынае годъ...
 Пышу соби, зъ людьмы братаяюсь
 Та добрыхъ хлопцивъ добираю.
 Мынувъ и другой. Панычи
 На третте лито позъижжалысь,
 Уже засватани. Жылы,
 Въ двори гулялы, въ карты гралы,
 Та молодыхъ дивчатъ въ сели,
 Мовъ бугай, перебиралы,—
 Звычайне панычи. Ждемо,
 И мы ждемо весилля.

Оттожъ у клеччану цедилю
 Ихъ и повинчано обохъ,
 Такы въ домашнему костёли,—
 Воны ляхы булы. Николы
 Ничого кращого самъ Богъ
 Не бачывъ на земли великой,
 Якъ молодіи ти булы...
 Заграла весело музыка—
 Ихъ изъ костёлу повелы
 Въ возобновленный покой...
 А мы ѹ зострилы ихъ и всихъ
 Княжатъ, панятъ и молодыхъ—
 Всихъ переризалы. Рудою
 Весилля вмылося. Не втиѣ
 Ниже едыній католыкъ—
 Вси поляглы, мовъ поросята
 Въ багни смердячому. А мы,
 Упоравшись, пиплы шукаты
 Новой хаты; и найдлы
 Зелену хату и кимнату
 У гаи темному. Въ лугахъ,
 Въ степахъ широкыхъ, въ байракахъ
 Крутыхъ, глубокыхъ—всюды хата!
 Було де въ хати погуляты
 И одночиты де було.
 Мене господаромъ обралы.
 Семья моя що-день росла
 И вже до сотни доростала.
 Мовъ поросяча, кровъ лылась!
 Я ризавъ все, що паномъ звалось,
 Безъ мылосердія и зла,
 А ризавъ такъ. И самъ не знаю,
 Чого хотилося мени?

Ходывъ три годы я зъ ножамы,
 Неначе пьяный той ризныкъ.
 До слёзъ, до крови, до пожару
 До всёго, всёго я прывыкъ.
 Було, мовъ жабу, ту па спыси,
 Спряжешь дытыну на огни,
 Або панянку билолыцю
 Розипнешъ голу на кони,
 Та й пустышъ въ стень!...
 Всёго, всёго тоди бувало—
 И все докучило мени...

Одуривъ я, тяжко стало
 У вертепахъ жыты,
 Думавъ самъ себе заризать,
 Щобъ не нудыть свитомъ.
 И заризавъ-бы, та дыво,
 Дыво дывне сталося
 Надо мною недолюдомъ.
 Вже на свитъ зaimалось...
 Вышовъ я зъ ножемъ въ халяви
 Зъ броварського лису,
 Щобъ заризаться. Дывлюся,
 Мовъ на неби высыть
 Святый Кыеvъ напъ великий!
 Святымъ дывомъ слють
 Храмы Божи, нibly зъ самымъ
 Богомъ розмовляютъ.
 Дывлюся я, а самъ млію.
 Тыхо задзвонилы
 У Киеvi, неначе на неби...
 О, Боже мій мылый!
 Який дывный Ты! Я илакавъ,
 До полудня илакавъ...

Та такъ мени любо стало!
 И малого знаку
 Нудыгы тыи не осталось,
 Мовъ переродыся...
 Нодывыся кругомъ себе
 И, перехрестыясь,
 Пашовъ соби тыхо въ Киевъ
 Святымъ помолытись,
 Та суда, суда людського
 У людей просыты.

Ч Е Р Н Е Ц Ъ.

(П. А. Кумишу).

Кыиви, на Подоли,
 Було колысь, и николы
 Не вернеться, що діялось,
 Не вернеться сподиване...
 Не вернеться... А я, брате,
 Такы буду сподиватись,
 Такы буду выглядаты,
 Серцю жалю завдаваты.

У Кыиви, на Подоли,
 Брательская наша воля,
 Безъ холона и безъ пана,
 Сама соби у жупани,

Розвернулася весела:
Оксамитомъ шляхы стеле,
И едвабомъ застилае,
И никому не звертае.

У Кыиви, па Подоли,
Козакы гуляють:
Якъ ту воду, видромъ-цебромъ
Выно роззывають;
Лёхи, шинки зъ шынкарками,
Зъ вынамы, медамы
Закупылы Запорожци
Та й тнуть корякамы!
А музыка реве, грае,
Людей звеселяе,
А изъ Братства те бурсацьство
Мовчки выглядаете;
Нема голій школи воли,
А то бъ догодыла!...
Кого жъ то тамъ зъ музыкамы
Люде обступылы?

Въ червопыхъ штаняхъ оксамитныхъ
Матнею улыцю мете—
Иде козакъ... Охъ, лита, лита!
Шо вы творыте? На то те жъ
Старый ударывъ въ закаблуки,
Ажъ встала курява. Оттакъ!
Та ще й прыспивуе козакъ:
„По дорози ракъ, ракъ,
Нехай буде такъ!
Якъ бы такы молодыци
Цосіяты макъ, макъ!

Дамъ лыха закаблукамъ,
 Закаблукамъ лыха дамъ,
 Достанеться ѹ передамъ!
 А вже жъ тыи закаблукы
 Набралыся лыха, муки...
 Дамъ лыха закаблукамъ,
 Дамъ лыха закабламъ,
 Достанеться ѹ передамъ!“

Ажъ до Межыгорського Спаса
 Протанцовавъ сывый,
 А зъ нымъ и товарыство
 И ввесь святый Кыивъ.
 Дотанцовавъ ажъ до брамы,
 Крыкнувъ: „пугу, пугу!...
 Прывитайте, святы ченци,
 Товарыша зъ Лугу!“
 Свята брама одчынылась—
 Козака впустылы;
 И зновъ брама зачынылась,
 На викъ зачынылась
 Козакови.

Хто жъ це сывый
 Попрощався зъ свитомъ?
 Семенъ Палій запорожець,
 Лыхомъ недобытый.

Ой высоко сонце сходить,
 Нызенько заходить:
 Въ довгій ряси по келіи
 Старый чернець ходить.
 Иде чернець у Вышгородъ
 На Кыивъ дывытысь,

Та посыдить на пригора,
 Та хочь пожурытись;
 Иде чернецъ дзвонковую *)
 У яръ воду пыты,
 Та згадуе, якъ-то тяжко
 Було въ свити жыты;
 Иде чернецъ у келію
 Мижъ стини нимыи,
 Та згадуе лита своя—
 Лита молодыи;
 Бере пысьмо святе въ руки,
 Голосно чытае,
 А думкою старый чернецъ
 Далеко литае...
 И тыхнуть Божыи слова...
 У въ келіи, непаче въ Сичи,
 Брательство славне ожыва,
 А сывый гетьманъ, мовъ сова,
 Ченцеви зазырае въ вичи!
 Музыкы... танци.., и Бердычивъ...
 Кайданы брязкаютъ... Москва...
 Боры, спигы и... Епысей...
 И покотылышь пазъ очей
 На рису слёзы...

„Бый поклон!

И плоть старечу усмыряй,
 Святе пысаніе чытай!
 Чытай, чытай, та слухай дзвона,—
 А серцеви не потурай:
 Вово тебе въ Сибирь водыло,

*) Дзвонковою крыніцаю называється недалеко одь монастыря.
Прим. автора.

Вою тебе ввесь викъ дурыло,
Прыспы жъ ёго, и занехай
Свою Борзну и Хвастовицу:
Загыпе все, ты самъ загынешъ,
И не згадають—щобъ ты знаў...“

И старець тяжко зарыдавъ,
Чытать пысаніе покынувъ,
Ходывъ по келіц, ходывъ,
А потимъ сивъ и зажурыўся:
„Для чого жъ я па світъ родывся,
Свою Україну любывъ?“

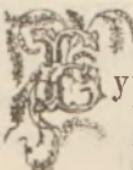
До утрени завывъ зъ дзвиници
Великъ дзвинъ; чернець мій вставъ,
Надивъ клобукъ, взявъ патырьцю,
Перехрестыўся, чотки взявшъ...
И за Україну молытись
Палій-Чернець пошкандаставилъ.

1848. Орскал крѣпость.

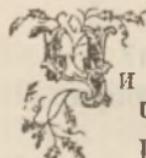

За батька бисового трачу
И дни, и пера, и наперь?
А иноди—то ще й заплачу.
Такы ажъ надто. Не па мыръ
И па дила ёго дывившись,
А такъ, мовъ иноди упывшиесь,
Дидусь сывесенъкій рыда
Того, бачте, що сырота.

 Й гляну я, подывлюся
 На той степъ, на поле,
 Чи не дастъ Богъ мылосердый,
 Хочъ на старисть, воли?
 Пишовъ бы я въ Украину
 Пишовъ бы до-дому—
 Тамъ бы мене прывитали,
 Зрадили бъ старому,
 Тамъ бы я спочывъ хочъ мало,
 Молывшысь Богу.
 Тамъ бы я... та шкода й гадки:
 Не буде ничего!
 Якъ же его у неволи
 Жыты безъ надії?
 Навчить мене, люде добри,
 А то одурю!

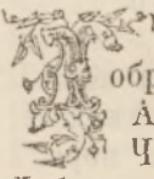

 Увае, иподи старый
 Не знае самъ чого зрадіє,
 Неначе стане молодый
 И заспивае, якъ уміє.
 И стане ясно передъ нымъ
 Наділ ангеломъ святымъ
 И зоря, молодиство ёго,
 Витае весело надъ нымъ.
 ІЦо жъ се зробылося зъ старымъ,
 Чого зрадивъ оце? Того,
 ІЦо бачыте, старый подумавъ

Добро якесь комусь зробыть.
 А що жъ якъ зробыть! Добре жыть
 Тому, чыя душа и дума
 Добро навчилася любыть.
 Не разъ такому любо стане,
 Не разъ барвинкомъ зацвите.
 Оттакъ, бувае, въ темну яму
 Святее сопечко загляпе,
 И въ темній ями, якъ на те,
 Зелена травка поросте.

И то недоля та неволя,
 Чи то лита ти, летячи,
 Розбылы душу? Чи николы,
 Й не жывъ я зъ пею? Жывучы
 Зъ людьмы въ паскуди, опаскудывъ
 И душу чистую!... А люде
 (Звычайне люде), сміочысь,
 Зовуть іи и молодою,
 И непорочною, святою,
 И ще якоюсь... Ворогы!
 И люти, люти!... Вы жъ укралы,
 Въ багно погане заховалы
 Алмазъ мій чистый, дорогий—
 Мою, колысь святую, душу;
 Та й сміетесь!... Нехрыстяне!
 Чи не мижъ вами жъ я, пагани,
 Такъ онаганыvсъ що й не знать,
 Чи й бувъ я чистымъ колы-небудь!

Бо вы мене зъ святого неба
 Взялы миже себе, и пысать
 Нагани вирши научылы.
 Вы тяжкий камень положылы
 По-середъ шляху и розбылы
 О ёго, Бога боячысь,
 Мое малее та убоге
 Те сердце, праведне колысь .
 Теперь иду я безъ дорогы,
 Безъ шляху бытого А вы
 Дывуетесь, що спотыкаюсь,
 Що васъ и долю проклынаю,
 И плачу тяжко, и, якъ вы,
 Души убогой цураюсь--
 Своей гришной дүни.

обро, у кого йе господа,
 А въ тій господи йе сестра,
 Чи маты добрая! Добра,
 Добра такого такы зъ роду

У мене, правда, не было,
 А такъ соби якось жылось

И довелось колысь мени,
 Въ чужий далекий сторони
 Заплавать, що немае роду,
 Нема пристаныца, господы..

Мы довго въ мори пропадалы;
 Прыйшли въ Дарью, на якорь стали;
 Зъ „Ватагы“ пысъма прынеслы,

И вси тыхенько зачыталы.
 А мы зъ... ляглы,
 Та щось такее розмовлялы.
 Я думавъ: де-бъ того добра,
 Пысьмо чи матиръ, взять на свити?
 А въ тебе есть? — „Жона и диты,
 И домъ, и маты, и сестра...
 А пысьма нема...“

• • • • •

иба самому напысать
 Такы посланіе до себе
 Та все до-чыста розсказать.
 Усе, що треба, що й не треба?
 А то не диждешся ёго.
 Того пысапія святого,
 Святои правды ни одъ кого.
 Та й ждать не маю одъ кого,
 Бо вже бъ, здавалося, пора:
 Лыбонь уже десяте літо,
 Якъ людямъ давъ я „Кобзаря“,
 А имъ неначе ротъ зашыто:
 Нихто й не гавкне, не лайне,
 Неначе й не було мене!
 Не похвалы соби, громадо,—
 Безъ неи може обійдусь—
 А рады жду соби, порады;
 Та мабудъ въ яму перейду
 Изъ москаливъ, а не диждусь..
 Мени було, ажъ серце млило,
 Мій Боже мылый, якъ хотилось.

Щобъ хто-пебудь мени сказавъ
 Хочъ слово мудре; щобъ я знатъ,
 Для кого я пышу для чого,
 За-що я Украину люблю,
 Чи вартъ вона огня святого?
 Бо хочъ зостарюсь за-того,
 А ще не знаю, що роблю.
 Пишу соби, щобъ не миняты
 Часа святого такъ на такъ,
 Та иподи старый козакъ
 Верзеться гришному,—усатый,
 Зъ своею волею мени
 На чорнимъ ворони-кони.
 А бильшъ ничого я не знаю,
 Хочъ я за це и пропадаю
 Теперъ въ далекій сторони...
 Чи до я такъ оце зробила,
 Чи мати Богу не молилася.
 Якъ понесла мене,—що я,
 Неначе лютая змія
 Ростоптана въ степу здыхас,
 Захода сонця дожыдає.
 Оттакъ-то я теперъ терплю,
 Та смерть изъ степу выглядаю!..
 А за що?—їй-Богу, не знаю!
 А все такы іи люблю,
 Мою Украину широку,
 Хочъ я по ій и одынокий,
 (Їо, бачте, пары не найшовъ),
 Ажъ до погибели дїшовъ.

Ничого, друже, не журися:
 Въ дулевину (?) себе закуй,

Гарненько Богу помолыся,
 А на громаду хочъ наплюй—
 Вона капуста головата.
 А въ тимъ, якъ знаешь папебрате:
 Не дуренъ—самъ соби миркуй.

золотои, ѿ дорогой
 Мени, щобъ зпали вы, не жаль
 Моей доли молодои.
 А иноди така печаль
 Остуپыть душу, ажъ заплачу! ..
 А ще—до того, якъ побачу
 Малого хлопчыка въ сели:
 Мовъ одирвалось одъ гилли,
 Одно-одвісеньке пидъ тыномъ
 Сыдьть соби въ старій рядныни.
 Мени здається, що се я,
 Що це-жъ та молодисть мої.
 Мени здається, що николы
 Воно не бачитымъ воли,
 Святои воленъки; що такъ
 Даремне, марне пролетять
 Ёго найкращыи лита;
 ІПо винъ не знатымъ, де дитысь
 На симъ шырокимъ вольнимъ свити.
 А пиде въ наймы; и колысь,
 Щобъ винъ не плакавъ, не журывсь,
 Щобъ винъ де-небудъ прыхыльвсь,
 То отгадутъ у москаля.

доси сныться: пидъ горою,
 Мижъ вербамы, та надъ водою,
 Биленька хаточка; сыдты,
 Неначе и доси сывый дидъ
 Коло хатыночки, и бавыть
 Хорошее та кучеряве,
 Свое маленькое внуя.
 И доси сныться: выйшла зъ хаты
 Веселая сміючысь маты,
 Цилуе дила и дытя—
 Ажъ тръчи весело цилуе,
 Прыма на руки и годуе,
 И спать несе; а дидъ сидты
 И усмихаеться,—и стыха
 Промовыть нышкомъ: „де жъ те лыхо?
 Печали тіи, ворогы?...“
 И ныщечкомъ старый чытае
 Перехрестившись „Отче-нашъ“.
 Кризъ вербы сонечко сіле
 И тыхо гасне... День погасъ,—
 И все почыло... Сывый въ хату
 И самъ пишовъ опочываты.

въ купочци колысь рослы,
 Маленькымы соби любыльсь;
 А матери на насъ дывыльсь
 И говорылы, що колысь
 Одружымо ихъ. Не вгадалы.

Стари зарания повмирали,
 А мы малымы розійшлись,
 Та вже й не сходылись николы.
 Мене, по воли и неволи,
 Носыло всюды. Прынесло
 На старисть ледве и до-дому.
 Веселее колысь село
 Чомусь теперь мени старому
 Здавалось темнымъ и нимымъ,
 Такымъ, якъ и теперь старымъ;
 И, бачытесь, въ сели убогимъ—
 Мени такъ бачытесь—ничого
 Не выросло и не згнило—
 Таке соби, якъ и було:
 И яръ, и поле, и тополя,
 И надъ крыныцею верба
 Нагнулася, якъ та журба
 Далеко въ самотній неволи;
 Ставокъ, гребелька и витрякъ
 Зъза гаю крыламы махае,
 И дубъ зеленый, мовъ козакъ
 Изъ гаю выйшовъ та й гулле
 По-пидъ горою; по гори
 Садочокъ темный, а въ садочку
 Лежать соби у холодочку,
 Мовъ у раю, мои стари.
 Хресты дубови посыплялысь,
 Слова дощемъ позалывалысь...
 И не дощемъ, и не слова
 Гладесенько Сатурпъ стырае...
 Нехай святымы спочывають
 Мои стари!... „Чи жыва
 Отта Оксаночка?“ пытаю

У брата тыхо л.— „Ика?“
 „Отта маленька, кучерява,
 Що зъ намы гралася колысь“. — „Чого жъ ты, брате, зажурывсь?“
 „Я не журюсь“. — „Помандрувала
 Отта Оксаночки въ походъ
 За москалями, та й пропала...
 Вернулась, правда, черезъ годъ,
 Та що зъ того! Зъ байст्रямъ вернулась
 Острыжена. Бувало, въ-ночи
 Сыдить пидъ тыпомъ, мовъ зозуля,
 Та кукае, або кричить,
 Або тыхесенъко спивае,
 Та nibы косы росплитае.
 А потимъ зновъ кудысь пишла,
 Нихто не знае, де подилась.
 Занапастылась, одурила...
 А що за дивчына була,
 Такъ-такъ що краля! И не вбога,
 Та талану Господь не давъ ..
 А може й давъ, та хтось укравъ..

станомъ гнучымъ, и красою
 Пренепорочно молодою,
 Старни очи веселю.

Дывлюся иноди, дывлюсь...
 И чудно... мовъ передъ святою,
 Передъ тобою помолюсь.
 И жаль мени старому стане
 Твоей божои красы.

Де зъ нею динешся еси?
 Хто коло тебе въ свити стане
 Святымъ хранытелемъ твоимъ,
 И хто заступить? Хто укрые
 Одъ зла людського въ чась лыхий?
 Хто серце чистее нагріе
 Огнемъ любовы, хто такый?
 Ты сырота— нема никого,
 Оприче праведного Бога.
 Молысь же, серце! Помолюсь
 И я зъ тобою.

Шось пророче
 Мени вже зазырае въ очи—
 И я вже Богу не молюсь,
 Уже й на тебе не дывлюсь.
 Мени прыспылось— ты вже маты.
 Не въ оксамитахъ, не въ палатахъ
 Твое голоднее дытя...
 И въянешъ ты. А дни летять,
 Несуть все добре за собою,
 Уже й надію понеслы,
 О ты осталась на земли.
 Одна, однисенька. Зъ тобою
 Едине добро було—
 Твое дытя— покы росло,
 Въ колодочки покы вбывалось.
 Онѣрылось, а ты осталась
 Стара и немощна. Людей,
 Людей непріязныхъ благаешь
 И, Христа-рады, простягаешь,
 Коло зачищенныхъ дверей
 Старыи руки.

Отакъ я иноди тобою,
 Тобою, серце, молодою
 Старши очи веселю.
 Дывлюся иноди, дывлюсь
 На станъ твій гнучый, и за тебе
 Тыхенько Богу помолюсь.
 Молысяй ты, щобъ и на тебе
 Зъ святого неба низійшла
 Твоя и доля, и недоля.

Мы въ-осени такы похожи
 Хочъ капельку на образъ Божий,—
 Звычайне, що не вси, а такъ,
 Хочъ де-яки.

Крутый байракъ,
 Неначе цыганъ чорный, голый,
 Въ диброви вбытый, або спить;
 А по долини, по роздолли
 Изъ степу перекотыполе
 Рудымъ ягняточкомъ бижть
 До ричечки соби напытысь.
 А ричечка ёго взяла
 Та въ Дніпръ широкий понесла,
 А Дніпръ—у море; на край свита
 Былыну море покотыло,
 Та й кынуло на чужыни.

И жаль тоби іи стане,
 Малои былыны.
 Пидешъ соби зажурывшись

Гаємъ по долыни...
 Гай шепоче, гнуться лозы
 Въ яру пры дорози...
 И хочеться словидатысь,
 Серде росповыты!
 И хочеться... Боже мылый!
 Якъ хочеться жыты
 И любыты твою правду,
 И весь свитъ обняты!

Благо тоби, друже, брате,
 Якъ йе въ тебе хата;
 Благо тоби, якъ у хати
 Йе зъ кымъ розмовляты...
 Хочъ дытына немовляща:
 И воно вгадае
 Твои думы веселыи!—
 Самъ Богъ розмовляе
 Непорочнымы устамы.

А тоби, мій одынокый,
 Мій друже едыный,
 Горе тоби на чужыни
 Та на самотыни!
 Хто зъ тобою заговорыть
 Прывитае, гляне?...
 Кругомъ тебе простягнуласъ
 Трупомъ бездыханнымъ
 Помарнилая пустыня,
 Кынутая Богомъ.

Готово! Парусъ роспустылы;
 Посунулы по синій хвыли,
 По-мижъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
 Байдару та баркасъ чималый.
 Прощай, убогый Кось-Арале!
 Нудьгу заклятую мою
 Ты розважавъ такы два лита.
 Спасыби, друже! Похвались,
 Що люде и тебе знайшли
 И зналы, що зъ тебе зробить...
 Прощай же, друже! Ни хвалы,
 А ни ганьбы я не сплитаю
 Твоїй пустыни; въ инишмъ краю,
 Не знаю, може й нагадаю
 Нудьгу колышиюю, колысь...

Бога за дверьмы лежала сокыра.
 А Богъ тоди зъ Петромъ ходывъ
 По свиту, та дыва творывъ.
 А кайзакъ на хырю,
 Та на тяжке лыхо
 Любенько та тыхо
 И вкравъ ту сокыру;
 Та й потягъ по дрова
 Въ зелену диброву;
 Древину выбравши, та й цюкъ!
 Якъ вырвелься сокыра зъ рукъ,—
 Нишла по лису косовыця!
 А жъ страхъ, ажъ жаль було дывыться!

Дубы и всяки дерева
 Великолитни, мозъ трава,
 Въ покосы стелеться; а зъ яру
 Встает пожаръ и дыму хмара
 Святое сопще покрыва.
 И стала тьма и одь Уралу
 Та до Тынгыза, до Аралу ¹⁾
 Кыпила въ озерахъ вода;
 Палаютъ села, города;
 Рыдають люде; выиуть звиры
 И за Тоболемъ у Сибири
 Въ снегахъ ховаются. Симъ лить
 Сокира Божа лисъ стынала,
 И пожарыще не вгасало
 И меркъ за дымомъ божий свить

.

На восьме лите у недилю,
 Неначе ляля въ лёли билій,
 Святое сонечко зійшло.
 Пустыня цыганомъ чернила:
 Де городъ бувъ, або село,—
 И головня уже не тлила.
 И попиль витромъ рознесло,
 Былны навить не осталось.
 Тилько однимъ одно хыталось
 Зелене дерево въ степу.
 Червоніе по пустыни
 Червона глына, та тычына,
 Бурьянъ колючый, та будякъ,
 Та инде тырса зъ осокою
 Въ яру чорніе пидъ горою.

¹⁾ Аральское море.

Та дыкъи инколы кайзакъ
 Тыхенько выйиде на гору
 На тимъ захылимъ верблоди.
 Непевне діеться тоди:
 Мовъ степъ до Бога заговорыть,
 Верблодъ заплаче и кайзакъ
 Понурить голову и гляне
 На степъ и на Карапутакъ ¹⁾,
 Сынгичъ-агачъ ²⁾). Кайзакъ всномъяпе,
 Тыхенько спустыться зъ горы
 И згыне въ глыняній пустыни.
 Однымъ едыне пры долыни,
 Въ стечу край дорогы,
 Стоить дерево высоке,
 Покынуте Богомъ,
 Покынуте сокырою,
 Огнемъ не палыме,
 Шепочеться зъ долыпою
 О давній годыни.
 И кайзакы не мынаютъ
 Дерева святого,
 На долыну зайижжаютъ,
 Дывуються зъ ёго,
 И моляться, и жертвами
 Дерево благаютъ,
 Щобъ парости роспустило
 У ихъ биднимъ краи.

¹⁾ Невельчка ричка.

²⁾ Одно дерево.

е знаю, якъ теперъ ляхы живуть
Зъ своимы вольными братамы:
А мы браталыся зъ ляхамы,
Ажъ покы третій Сыгнзмондъ
Зъ проклятымы ёго ксёндзамы,
Не розъедналы нась. Оттакъ
Те лыхо діялося зъ наамы.

Во имя Господа Хрыста
И матери Ёго Святои,
Ляхы прыйшли на нась войною.
Святыи Божыи миста
Ксёндзы скажени осквернылы.
Земля козача зайнялась,
И кровью, сину, полылась,
И за могылою могыла,
Неначе горы, порослы
На нашій, сыночку, земли.

Я живъ на хутори,
Я старъ бувъ, немощенъ. Пославъ
Съ табунъ я коней до обозу,
Гармату, гакивныць два возы,
Ишона, пшеныци, що прыдбавъ;
Я всю мызерію отдавъ
Моїй України небози
И трёхъ сынивъ своихъ. Нехай,
Я думавъ, гришный, передъ Богомъ,
Нехай хоть часточка убога
За мене пиде, за нашъ край,
За церковъ Божью, за люде,

А я молытысь въ хати буду.
 Бо вже нездужавъ, сыну, встать,
 Руки на ворога пиднять.

Зо мною, слухай же, осталысь,
 Даныло, чура мій, та я,
 Та Прися, донечка моя.
 Воно ще тилько выростало,
 Ще тилько, тилько наливалось,
 Мовъ та черешенька. За грихъ,
 За тяжкий, мабудь, грихъ, велыкий,
 Не давъ мени Святый Владыка
 Очей нарадувать старыхъ
 Моимъ дытяткомъ.

Не ходылы
 Ксендзы по селахъ, а возылы
 На людяхъ ихъ зъ села въ село.
 Такее то у насъ було!
 Якосъ ихъ, клятыхъ, и до мене
 Въ-ночи на хутиръ занесло;
 А зъ нымы челядь ихъ скажена,
 Та ще драгуны. Дай мени
 Хочъ колы-небудь, Боже мылый,
 На свитъ твій выглянуть зъ могилы—
 Спряжу всю шляхту на огни!
 Воны, воны—не бійся, сыну—
 Воны, ксендзы, мою дытыну
 Зъ собою въ хату завели,
 Замкнулись пьяны, я бачывъ...
 А челядь пьяна полягала
 У клуни на соломи спать;
 Драгуны тежъ. А мы зъ Даниломъ

Соломы въ сины напосылы,
 А клуню просто запалылы.
 Не встануть, прокляти, опять
 Дитей козачыхъ мордувать!
 Уси до одного згорилы.
 И Прися бидная моя
 Згорила зъ клятымы. А я
 На пожарыщи хрестъ зъ Даныломъ
 Поставылы, та помолылысь,
 Защакалы, та й потяглы,
 На коней сивши, до обозу.
 Сынивъ всихъ трехъ моихъ найшли,
 Та въ добрый часъ и поляглы
 Оттутъ у-купи...

А якъ мы бывысь, умиралы!
 За що мы головы складалы
 Въ оци могылы? Будешъ жыть,
 То може й знатымешъ, небоже;
 Бо слава здорово кричыть
 За наши головы. А може,
 И про могылы, и про нась
 Зъ старцымы божымы по селахъ
 Правдыва дума невесела
 Мижъ людьмы ходыть...

НА РИЗДВО.

(θ. М. Лазаревскому).

е до-дому въ-ночи йдучы
 Зъ кумынои хаты,
 И не спаты лягаючи,
 Згадай мене, брате,—
 А якъ прыйде нудьга въ гости,
 Та й на ничъ засяде...
 Отоди мене, мій друже,
 Зовы на пораду!
 Отоди згадай—въ пустыни,
 Далеко, надъ моремъ,
 Свого друга веселого,
 Якъ винъ горе боре;
 Якъ винъ, свои думы тыи
 И серце убоге
 Заховавши, ходыть соби
 Та молыться Богу,
 Та згадуе Украину
 И тебе, мій друже,
 Та иноди й пожурыться...
 Звычайне—не дуже;
 А такъ-тильки... На-двори, бачъ,
 Наступае свято...
 Тяжко его, друже-брате,
 Самому стричаты
 У пустыни!.. Завтра рано
 Заревуть дзвиници
 Въ Украини, завтра рано
 До церкви молытись

Пійдуть люде... Завтра жъ рано
 Завые голодный
 Звиръ въ пустыни, и повіе
 Ураганъ холодный,
 И занесе пискомъ, снигомъ
 Куринь—мою хату.
 Отакъ мени доведеться
 Свято зостричаты!..
 Що жъ діяты?.. На те й лыхо,
 Щобъ зъ тымъ лыхомъ бытысь...
 А ты, друже мій едыный,
 Якъ маешъ журитысь,
 Прочытай оцю цидулу
 И знай, що на свити
 Тильки й тяжко, що въ пустыни
 У неволи житы...
 Та й тамъ живутъ, хочъ пагано!..
 Що жъ діяты маю!..
 Треба бъ вмерты,—такъ надія,
 Брате, не вмира!

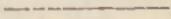
Кост Арапъ на Аральскому мори, 24 Декабря 1848.

— ♫ — 1849. — ♫ —

 Деначе степомъ чумакы
У-осены верству проходяте,
Такъ и мене мынаютъ годы;
А л й байдуже. Кныжечки
Мережаю, та начыняю
Такы виршамы,—розважаю
Дурную голову свою
Та кайданы соби кую...
Ясь ци добродіі дознаютъ!..
Та вже жъ пехай хочъ розинчутъ,
А я безъ вирти пе улежу:
Уже два годы промережавъ
И третій въ добрый часъ почну.

 Са сонцемъ хмаронька плыве,
Червони полы розстилае,
И сонце спатоньки зове
У сине море: покрывае .

Рожевою пеленою,
 Мовъ маты дытыну..
 Очамъ любо... годыночку,
 Малую годыну
 Нибы серде одпочыне,
 Зъ Богомъ заговорыть...
 А туманъ—неначе ворогъ—
 Закрывае море
 И хмароньку рожевую;
 И тьму за собою
 Розстилае туманъ сывый,
 И тьмою нимою
 Оповые тоби душу,
 Й не знаєшъ, де дитысь.
 И ждешъ ёго, того свиту,
 Мовъ матери диты...

небо невмыте, и заспани хвыли
 И по-надъ берегомъ геть-геть,
 Неначе пьяный, очеретъ
 Безъ витру гнеться. Боже мылый!
 Чи довго буде ще мени
 Въ оцій незамкнутій тюрми,
 По-надъ сцімъ никчемнымъ моремъ,
 Нудыты свитомъ?. Не говорыть—
 Мовчыть и гпѣться, мовъ жыва,
 Въ степу пожовкля трава;
 Не хоче правдоноўки сказать,
 А бильше ни въ кого спытать...

овъ за подушне, оступылы
Оде мене на чужыни
Нудьга и осинъ... Боже мылый!
Де жъ заховатысл мени?
Що діяты? Уже й гуляю
По цимъ Арапу, и пышу—
Виршую—нищечкомъ гришу—
Богъ-зна-колышніи слу чаи
Въ души свойі перебираю
Та спысую, щобъ та печаль
Не перлася, якъ той москаль,
Въ самотню душу... Лютый злодій
Впираеться такы та й годи...

зновъ мени не прывезла
Ничого почта зъ Україны!
За гришныи, мабудь, дила
Караюсь я въ одій пустыни
Сердитымъ Богомъ. Не мени
Про тее знать, за що караюсь;
Та й знать не хочеться мени...
А сердце плаче, якъ згадаю
Хочъ певеселыи слу чаи
И невеселыи ти дни,
Що пронеслыся надо мною
Въ моій України колысь.
Колысь божылысь та клялысь,
Браталысь, сестрылысь зо мною,

Покы, мовъ хмара, розійшлысь—
 Безъ слёзъ—росы тіи святои.
 И довелось зновъ мени
 Людей на старости... Ни, ни!
 Воны зъ холеры повмиралы—
 А то бъ хочъ клаптыкъ переслалы
 Того панеру...

Ой изъ журбы та изъ жалю,
 Щобъ не бачыть, якъ чытають
 Листы тыи,—погуляю,
 Погуляю по-надъ моремъ,
 Та розважу свое горе,
 Та Україну згадаю.
 Люде скажуть, люде зрадять,
 А вона мене порадыть,
 Я порадыть и розважыть,
 И правдоњку мени скаже.

НА ВКРАИНУ.

Семае гирше, якъ въ певоли
 Про волю згадувать. А я
 Про тебе, волепъко моя,
 Оде нагадую. Николы
 Ты не здавалася мепи
 Такою свиже-молодою
 И прехорошою такою,

Якъ на далекій чужыни,
 Та ще й въ неволи. Доле! доле!
 Моя проспиваная воле!
 Хочъ глянь на мене зъ-за Дніпра,
 Хочъ усміхнися зъ-за...

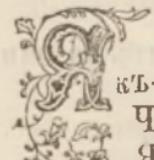
И ты, моя едыная,
 Встаешь изъ-за моря,
 Зъ-за туману, слухняная
 Рожевая зоре!
 И ты, моя едыная,
 Ведешъ за собою
 Лита мои молодыи,
 И передо мною,
 Нибы море, выступаютъ
 Широкыи села
 Зъ вышневымы садочкамы,
 И люде весели;
 И ти люде, и село те,
 Де колысь, мовъ брата,
 Прывіталы мене. Маты,
 Старесенька маты!
 Чи збираються ще й доси
 Веселыи гости
 Погуляты у старои,
 Погуляты просто
 По давнёму, по-старому—
 Одъ свиту до свиту?
 А вы, мои молодыи,
 Чорнявыи диты,
 Веселыи дивчаточка!
 И доси въ старои
 Танцуете? А ты, доле,

А ты, мій покою!
 Мое свято чорнобрыве!
 И доси мижъ нымы
 Тыхо, пышно похожаешь?
 И тымы очыма
 Ажъ чорнымы голубымы
 И доси чаруешь
 Людськи души? Чи ще й доси
 Дывуються всуе
 На станъ гнучкий? Свято мое,
 Едынее свято!
 Якъ оступлять тебе, доле,
 Диточки-дивчата
 Й защебечуть по своему
 Доброму звычаю,
 Може й мене ненарокомъ
 Диточки згадають;
 Може, яка и про мене
 Скаже яке лыхо.
 Усмихнися, мое серце,
 Тыхесенько тыхо,
 Щобъ никто и не побачывъ,
 Та й бильше ничего.
 А я, доленько, въ неволи
 Помолюся Богу.

широкую долину,
И высокую могилу,
И вечернюю годину,
И що снылось, говорылось—
Не забуду я.

Та що зъ того?... не побралысь:—
Розійшлися, мовъ не знальсь....
А тымъ часомъ дороги
Лита наши молодыи
Марне пронеслысь.
Помарнилы мы обое,
Я—въ неволи, ты—вдовою.
Не живемъ, а тильки ходымъ
Та згадуемъ тихи годы,
Якъ жылы колысь.

акъ-бы зострилыша мы знову,
Чи ты злякалася бъ, чи ни?
Якее тыхее ты слово
Тоди бъ промовыла мени?
Ніякого! и не пизнала бъ!
А може бъ потимъ нагадала,
Сказавши: снылся дурній...
А я зрадивъ бы, мое дыво,
Моя ты доле чернобрыва,
Якъ бы побачывъ, нагадавъ
Веселее, та молодее
Колышпне лышенько лыхее.

Я зарыдавъ бы, зарыдавъ
 И помолывсь, что не правды вымъ,
 А сномъ лукавымъ розійшлось,
 Слизмы-водою разлылось
 Колышнее святое дыво.

къ маю я журытыся—
 Докучаты людямъ:
 Пійду соби свитъ-за-очи!
 Шо буде, те й буде!
 Найду долю—одружуся,
 Не найду—втоцлюся,
 Та не продамсь я никому,
 Въ наймы не наймуся.

Пишовъ же я свитъ-за-очи...
 Доля заховалась,
 А воленъку люде добри
 И не торгувалы,
 И безъ торгу закынулы
 Въ далеку неволю,
 Щобъ не росло таке зилля
 На нашему поли...

КОВАЦЬКАЯ ДОЛЯ.

 а що мени женитися?
 На що мени братися?
 Будуть зъ мене молодого
 Козакы сміятысь.
 „Оженывся“, вопы скажуть.
 „Голодный и голый,
 Запастьивъ, нерозумный,
 Молодую волю“!
 Воно й правда. Що жъ діяты?
 Навчить мене, люде,
 Иты хиба до васъ въ наймы?
 Чи до ладу буде?
 Ни, не буду чужи волы
 Пасты, заганяты;
 Не буду я въ чужій хати
 Тещу поважаты;
 А буду я красуватысь
 Въ голубимъ жупани
 На коныку вороному
 Передъ козакамы.
 Найду соби чорнобриву
 Въ степу пры долини—
 Высокую могилоньку
 На тій України.
 На весилля товарыство
 Выйде погуляты,
 Та вынесе самопалы,
 Выкотыть гармату,
 Якъ понесуть товарыша

Въ новую свитлыцю,
 Загомонять самопалы,
 Гукнуть гакивныци.
 Якъ положить отамана
 Въ новій хати спаты—
 Загомонить, якъ та мати,
 Голосна гармата.
 Гукатыме, крычатыме
 Не одну годину,
 И рознесе тую славу
 По всій України.

1849 р. Пидъ Арамоль.

А къ бы тоби довелось
 Въ насъ попануваты,
 То зновъ бы ты, пане брате,
 Якъ ихъ называты,
 Отыхъ твоихъ безталанныхъ
 Дивчатокъ покрытыхъ;
 А то верзе бисы-зпа-що,
 Та й думае: мы-то,
 Мы то людямъ покажемо
 Оцихъ безталанныхъ,
 Та навчымо шануватысь
 Панычивъ паганыхъ.
 Шкода й праці! Покы села,
 Покы паны въ селахъ—
 Будуть соби тынятыся

Цокрытки весели
По шынчкахъ зъ москалями,
И не турбуйсь, брате!

— Добре, кажу. А все таки
Невелычу нате
Оцию одпу останнюю.

Слухайте жъ, панята!
Дивчата на луди греблы,
Л парубкы кошцы и клалы,
Та и знаѣ на сонце нозыралы,
Та висенитныцю верзлы;
Звычайне, хлопци; а дивчата,
Мовъти сорокы цокоталы,
Та до крьныци учащалы—
У яръ погуляты.

Найкращая зъ всёго села
Давненъко вже у яръ пишла,
Узявшы глечыкъ, та й немае;
А лановый и не шукае,
Мовъ и не бачыть. Не новый
Оцей лукавый лановый—
Стара собака, та ѿй быта.
У бальци стало щось крычать.
Побиглы хлопци рятовать.

А тамъ панычъ несамовытый,
Недолитокъ та же творыть—
Сердешну дивчыну мордуе;
Сердешна дивчына дивчыть...
Прибиглы хлопци, не рятую..
Бояться пана. А одынъ,
Що наймолодшый, озырнувшись,
 Та вылами пана
И просадывъ, мовъ ту жабу..

Застогнавъ поганецъ
 Та й... Порадылъсь,
 Далы въ городъ знаты.
 Судъ найихавъ; подывылъсь,
 Попылъсь завзято
 Судовыкы. Закувалы
 Хлопця молодого,
 Та въ тюрму заквасувалы.
 Та й бильше ничего.

На верстовимъ шляху въ поли,
 Корчма пидъ вербою
 Стоить соби въ холодочку;
 А по-пидъ корчмою
 Сыдять въ путахъ арестанты.
 Трохы одпочыты
 Позволено бидолахамъ,
 Та воды напытъсь.
 Сыдять соби розмовляютъ,
 А де-хто й куняе.
 А зъ-за горы пойизжане
 На шляхъ выйизжаютъ,
 Ажъ тры тройки. И звычайне,
 Коло корчмы стали:
 Даты конямъ одпочыты,
 Та й дружкы прысталы,
 Спиваючи. Оттожъ стали.
 Молодая встала,
 Взяла кварту оконшты.
 Та й ...астувала
 Сердешного невольника
 И ёго сторожу.....
 Колы дывыться, погляне—
 Боже, мылый Боже!

Мижъ невольныкамы въ путахъ
 Той самый едыйный,
 Ии местникъ безталапный,
 Несе зъ Украины
 Ажъ у Сибиръ ланцюгъ, шута.
 А ты будешъ тута
 У роскоши и не будешъ
 Ни знаты, ни чуты
 Его плачу вседневного.
 Не почастувала
 Свого местныка святого
 И не прывитала;
 Тилько глянула на ёго
 Та й бильшеничего.
 По-переду пойизжане
 Рушылы въ дорогу,
 А за нымы й невольныки
 Побрязкалы путомъ
 По-надъ шляхомъ. И никого
 Не видно, не чуты
 Коло корчмы; одна соби
 Покы-що осталась
 Зъ шынкаркою. Кругомъ неи
 Дымомъ розстилалась
 Въ поли курява.
 И смерклося.
 И викъ невелыкий,
 Не тилько день. На хутори
 Танци та музыки
 Ажъ до пивночи. Прыдаине
 Постиль пишлы стлаты
 У комору; а молода
 Выйшла мовчки зъ хаты,

Та и пропала. Скризь шукалы,
 До свиту шукалы,
 Та не нашлы. Де-жъ цодиласъ?
 Де? Помандрувала
 За невольникомъ убогымъ
 У Сибиръ... Та и годи.

МАТЫ ПОКРЫТКА.

 нашимъ раи, на земли,
 Ничого кращого немае,
 Якъ тая маты молодая
 Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ.
 Бувае иноди дывлюся,
 Дывуюсь дывомъ—и печаль
 Охватыть душу, стане жаль
 Мени іи... и зажурюся,
 И передъ нею помолюся,
 Мовъ передъ образомъ святымъ
 Тієи матери святої
 Що въ миръ напъ Бога прынесла.

Теперь ій любо, любо жыты!
 Вона середъ ночи встае,
 И стереже добро свое,
 И дожыдае того свиту,
 Щобъ зновъ на ёго подывытысь,—
 Наговорытысь... „Це мое.

Мое...“—и дывыться па ёго,
 И молыться за ёго Богу,
 И йде на улыцю гулять
 Гордише самои царыци,
 Щобъ людлмъ, бачте, показать
 Свое добро... „А подывиться —
 Мое найкраще надъ всима“!
 И ненарокомъ ишый гляне,—
 Весела, рада,—Боже мій!
 Несе до дому своего Йвана,
 И ій здаеться все село
 Весь день дывылося на ёго,
 Що тильки й дыва тамъ було,
 А бильше не було ничего...
 Щасливая!...

Лита минаяуть;
 Но троху диты выростають;
 И вырослы, и розійшлись
 На заробитки, въ москали...
 А ты осталася, небого,
 И не остался никого
 Съ тобою дома... Наготы
 Старои ничымъ одягты
 И выточить зимою хату;
 А ты нездужаешь и встаты,
 Щобъ хочъ огонь той розвесты...
 Въ холодній молышся осели
 За ихъ, за диточокъ...

А ты,
 Велыкомъ ученыце! села
 Мынаешъ, плачучы, въ-ночи;
 И полемъ, степомъ идучы,
 Свого ты сына закрываешъ,

Бо ѹ пташка иноди пизнае
 И защебече:—онъ, байстря
 Несе покрытка на базаръ.—
 Безталанная! де дилась
 Краса твоя тая,
 Що вси люды дывовалысь?
 Пропала, немае!...
 Все забрала дытыночка...
 И выгнала зъ хаты;
 И выйшла ты за царыну,
 Зъ хреста нибы знята;
 Старци тебе цураются,
 Мовъ тыи проказы;
 А воно таке маленьке—
 Воно ще ѹ не лазить.
 И колы то воно буде
 Гратысь—и нромовыть
 Слово: „мамо“—великое,
 Найкращее слово!....
 Ты зрадіешь—и розскажешъ
 Дытыни правдыво
 Про паныча лукавого,—
 И будешъ щаслива...
 Та недовго: бо не дїиде
 До-зросту дытына,—
 Пїйде соби слипця водыть,
 А тебе иокыне
 Каликою па роспутти,
 Щобъ собакъ дражныла,
 Та ще ѹ вылае... за те, бачъ,
 Що на свитъ родыла,
 И за те ще, що такъ тяжко
 Дытыяу любыла...

И любытымешъ, небого,
 Покы не загынешъ
 Межы псамы на морози,
 Де-небудь пидъ тыномъ...
 Отъ тымъ мени и жаль стане
 Матери небогы,
 Шо вона ёго такъ любить
 Такъ гыне за ёго;
 За те чадо поганес
 Занапастыть въ свити
 Найкращее добро свое—
 Молодый лита.
 А воно,—бувае зъ ёго
 Не выйде ничего,
 Або выйде недолюдокъ,
 Сатана безрода!
 И николы изъ байстряты
 Не матыме маты
 Соби доброи дытыны,
 Хочъ вона й багата.
 Добре оттимъ панамъ жыты—
 Ничого не знаютъ!
 И не знать, якъ ихъ диты
 У ихъ выростають?
 Бо матери тамъ не мають,
 А мамку паймають.

ацвила въ долыни
 Червона калына,
 Нибы засміялась
 Дивчына-дытына.
 Любо-любо стало,—
 Пташечка зрадила
 И защебетала...
 Почула дивчына
 И, въ билій свытыни,
 Зъ биленькои хаты
 Вышла погуляты
 У гай па долыну.
 И выйшовъ до нея
 Зъ зеленого гаю
 Козакъ молоденький.
 Цилуе, витае,—
 И йдуть по долыни,
 И йдучы спивають,
 Якъ диточокъ двое;
 Пидъ тую калыну
 Прыйшли, посидалы,
 И поцилувалысь...
 Якого жъ мы раю
 У Бога благаемъ!

е такъ тіи ворогы,
 Якъ добрыи люде—
 И окрадутъ жалкуючи,
 Плачуучы осудять,

И попросить тебе въ хату,
 И будуть витаты,
 И пытать тебе про тебе,
 Щобъ потимъ сміятысь,
 Щобъ зъ тебе сміятысь,
 Щобъ тебе добыты.

Безъ ворогивъ можно въ свити
 Якъ-небудь прожыты;
 А си добри люде
 Найдутъ тебе всюды,
 И на тимъ свити, добряги,
 Тебе не забудуть.

П. С.

 е жаль на злого: коло ёго
 И слава сторожемъ стоить;
 А жаль на доброго такого,
 Що й славу вміє одурить.

И доси нудно, якъ згадаю:
 Готыческый зъ часамы домъ,
 Село обидране кругомъ,
 И шапочку мужыкъ знимае,
 Якъ флагъ побачыть: значыть панъ
 У себе зъ прычетомъ гуляютъ.
 Одей годованый кабанъ,

Оде ледающ—щырый панъ,
 Потомокъ гетьмана дурного
 И презавзятый патрють,
 Та ѹ христіянынь ще до того!
 У Кыивъ йиздить всякий годъ;
 У свыти ходить миже панамы
 И пье горилку зъ мужыкамы,
 И вольнодумствуе въ пынку.
 Отутъ винъ ввесь, хочъ надрукуй!
 Та ще въ сели своихъ дивчатокъ
 Перебирае; та спроста
 Такы своихъ байстрять зъ десятокъ
 У годъ подержыть до хреста.
 Та ѹ тилько-жъ то...—Кругомъ паскуда!
 Чому же ёго не такъ зовуть?
 Чому на ёго не плюютъ?
 Чому не топчутъ? Люде, люде!
 За шматъ гнылои ковбасы
 У васъ хочъ матиръ иопросы,
 То оддасте... Не жаль на его,
 На пьянного Петра крывого,
 А жаль велыкый на людей,
 На тыхъ юродивыхъ дитей.

М А Р Ы Н А.

 Еначе цвяшокъ въ серце вбытый
 Одю „Марыну“ я ношу.
 Давно бъ спысать несамовыту,
 Такъ що же? сказали бъ, що брешу:

Що на панивъ, бачыпъ, сердытый,
 То все таке и пышу
 Про ихъ собачни звычаи,
 Сказали бъ просто: дурень лае
 За те, що самъ крипакъ,
 Неодукованый сирякъ.

Не правда—ій Богу, не лаю!
 Мени не жаль, що я не панъ,
 А жаль мени, и жаль велыкай,
 На просвищенныхъ хрыстіянъ.
 И звирь того не зробыть дыкай,
 Що вы, бьюочы поклоны,
 Зъ братами діете, законы...

. пысани за васъ,
 То вамъ байдуже—въ добрый часъ!
 У Кыивъ йиздите що-року
 Та сповидаетесь, нивроку,
 У схимника.

Та й те сказать,
 Чого я турбуюсь;
 А ни злого, ни доброго

Я вже не почую.

А якъ, кажу, хто не чуе,

То тому й байдуже.

Прылитай же зъ Украины,

Едный мій друже,

Моя думо пречистая,

Вирная дружыно!

Та розскажы, моя зоре,

Про тую Марыну:

Якъ вона у пана злого

И за що страдала;

Та ныщещкомъ, щобъ не чулы,

Лбо не дозналысь;
 А то скажуть, що по шляхахъ
 Чынemo розбой,
 Та ще дальше заправторять;—
 Пропадемъ обое.

.
 Недавно се було.
 Черезъ село весилля йшло,
 А панъ зъ костёлу йихавъ,
 Чи управытель, а не панъ.
 За выхылсамы прыданъ,
 За зыкомъ, та за смихомъ,
 Нихто й на бачывъ, якъ пройихавъ
 Той управытель, ляхъ ледачый!
 А винъ такъ добре бачывъ,
 А надто молодую.
 За що пакъ мылуе Господь
 Лыхую тварь такую,
 Якъ сей правытель? Другый гдъ,
 Якъ винъ зъ нимецкымы плугами
 Забрався голый въ цей кутокъ,—
 А що тыхъ бидпыхъ покрытокъ
 Пустывъ по свиту съ байстрюкамы!
 Отъ-же й ничего! А жонатый,
 И мае двое диточокъ,
 Якъ янголяточокъ.
 Дывитесь—выйшла погуляты,
 Мовъ краля, пани молодая,
 Зъ двома маленькымы дитъмы.
 Изъ коча папъ мій вылизает
 И посыла за молодымъ
 А потимъ диточокъ витае

И жинку, кралю молодую,
Ажъ трычи бидную цилуе.
И розмовляющы, пишлы
Соби въ покои. Незабаромъ
И молодаго прывелы.
На завтра въ городъ одвезлы,
Та й заголылы въ москали.
Отакъ, по нашому звычаю,
Не думавшы кончаютъ!

А молода? Мабудь безъ пары
Судылось Господомъ зносить
Красу и молодость. Мовъ чары,
Розсыпалось та розлылось...
И знову въ люде довелось
Просытись въ наймы? Ни, не знову
Вона вже панна покоёва,
Уже Марысею зовуть,
А не Марыною. Найпаче
Сердешній плакать не даютъ;
Вона жъ сховается, та й плаче,
Дурна! Ій шкода мужыка,
Та жаль святого сиряка.—
А глянь лышъ гарно кругомъ себе
И раю кращого не треба!
Чого ты хочешь—забажай,
Всёго дадуть, та ще й багато.
Не треба, кажешъ, дайте хату!
Сёго вже лучче й не благай,
Бо це.. сама, здорова, знаешь...
Дывыся, огеремъ якымъ
Самъ панъ кругъ тебе похожае,—
Уже чи добрымъ чи лыхымъ,

А будешь панською риднею,
Хиба повисышся... За нею
Приходыла маты
У пана просыты;
Звеливъ не пускаты,
А якъ прыйде—быты.
Що тутъ ій робыты?
Шишила рыдаочы въ село,—
Однымъ одно дытя було.
Та й те пропало...

Неначе воронъ той, летячи,
Про непогоду людямъ кряче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрять отыхъ ледачыхъ,
Хоть и никому ихъ не жаль,
Розсказую, та плачу.
Мени ихъ жаль!... Мій Боже мылый!
Даруй словамъ святую сылу—
Людськее седце пробывать,
Людскны слезы пролывать,—
Щобъ мылость душу осинила,
Щобъ спала тыхая печаль
На очи ихъ, щобъ стало жаль
Моихъ дивчатокъ, щобъ навчылись
Путямы добрымы ходыть,
Святого Господа любыть
И брата мыловать.

Насылу

Прышла до-дому. Подывылась—
Цвity за образомъ святымъ,
И на викни стоять цвity;
На стиахъ хварбамы хресты,

Неначе добрая картина,
 Понамалевани... Марына,
 И все Марына, все сама...
 Тилько Марыночки нема...
 И ледве, ледве выйшла зъ хаты.
 Пишла на гору—на прокляти
 Палаты глануть; та й пишла
 Ажъ до палатъ. Пидъ тыномъ сила
 И ничъ цилисиньку сидила
 Та плакала. Уже зъ села
 Ватажныки ватагу гнали,
 А маты плакала, рыдала.
 Уже и сонечко зійшло,
 Уже й зайшло—смеркать стало,
 Не йде, сердешная, въ село—
 Сидыть пидъ тыномъ. Проганиялы,
 Уже й собакамы цъкувалы—
 Не йде, та й годи.

А Марына въ сукни билій,
 Неначе бillyца,
 Богу молыться, та илаче,
 Замкнута въ свитлыци.

Опричъ пана, у свитлыци
 Нихто не вступає:
 Самъ и йисты ій прыносить,
 И просыть, благае,
 Щобъ на его подывылась,
 Щобъ утерла очи.
 И дывытыся не хоче,
 И йисты не хоче.
 Мордуется ляхъ наганый,—
 Не зна що й початы.

А Марына въяне, сохне
 У бильхъ палатахъ.
 Уже й лито мынулося,
 Зима вже на двори;
 А Марына сидыть соби,
 Уже й не говорыть,
 И не плаче. Отакъ іи
 Доканавъ, небогу,
 Той правытель! А все-такы
 Не вдіе ничего...
 Хочъ зарижъ іи та й годи!
 Така вже вродылась.

Разъ у-вечери зимою
 Марына дывилась
 На листъ чорный; а зъ-за лису
 Червоный дижою
 Мисядь сходывъ.—„И я колысь
 Була молодою!.....“—
 Прошептала, задумалась,
 Потимъ заспивала:

„Хата на помости!
 Найихалы гости.
 Росплиталы косы,
 Та стричкы знimalы.
 А панъ просыть сала,
 А чортъ йисты просыть.
 Гусы, гусы били
 Въ ирій полетилы,
 А сири—на море.

Завылы псы на двери,
 Зареготалыся псари.

А панъ, червоныі ажъ горыть,
Иде въ свитлыцю до Марыны,
Якъ Кырыкъ пьяный...

Нибы въ хати,
На холоди сердешна маты
Пидъ тыпомъ, знай соби, сыдтыть.
Стара неначе одурила.

Морозъ лютуе, ажъ скрыпить,
Луна червона побилила,
И сторожъ боязно крычыть,
Щобъ злого пана не збудыть.
Ажъ глядь—палаты зайнялыша.
Пожаръ! пожаръ!.... И де взялыша
Ти люде въ Бога! Мовъ зъ земли
Родылыша и тутъ рослы,
Неначе хвыли наплывали,
Та на пожаръ той дывувалыша.
Та ѹй дыво тамъ такы було!

Марына гола-на-голо
Передъ будынкомъ танцовала
У-пари зъ матирю, и—страхъ!—
Зъ вожемъ окровленнымъ въ рукахъ,
И прыспивуала:

„Чи не це-жъ та кумася,
Що пидтыкалася!...

Якъ була я пани
Въ новому жупани.—

Папычи лыцялыша.

Руку цилувалы“. (До матери)

— А вы до мене на висилля
Зъ того свиту прыйшли?
Мени вже ѹй косу росплелы,

Та панъ прыйихавъ. Гыля! гыля!
 Чи то не гусы, то паны!
 Дывыся—въ ирій полетилы...
 Агу! гыля до сатаны,
 До чорта въ гости.... Чуешь! чуешь!
 У Кыиви вси дзвоны дзвонять.
 Чи бачышъ—онъ огонь горыть,
 А панъ лежыть соби, чытае
 И просить пыты... А ты знаешьъ,
 Що я заризала его?...
 Дывыся—онъ—де головнею
 Стоить на комини... Чого,
 Чого ты дывышся на неи?
 Це маты, маты! не дывысь!
 А то зльисы. Ось на, дывысь!
(Дае дули и спивае.)
 „Полюбыла москаля,
 Та ще й зубы выскаля!
 Москали, москали
 Запасокъ навезлы;
 Панычи—
 Дукачивъ;
 А поповычи зъ миста
 Навезлы намыста.
 Бый, дзвоне, бый—
 Хмару розбый?
 Нехай хмара
 На татары;
 А сонечко на хрыстяно!
 Бый, дзвоне, бый!“

Маты.

Марыночки! ходимо спать!

Марыни.

Ходимо спать, бо завтра рано
До церкви пидемо. Паганый—
Дывыся—лизе цилувать.
Ось тоби, на!

Маты.

Ходимо спать! (До людей).
Хрыщены люде, поможите!

Марына.

Берить мене! берить въяжите,
Ведить до пана у свитлыцю!
А ты чи пидешъ подывыться,
Якою панною Марына
У пана взашерти сыдьть
И въяне, сохне, гыне, гыне
Твоя едыная дытына,
Твоя Марыночка (Спивае).

„Ой гыля, гыля, сирни гусы,
Гыля на Дунай!

Завъязала головоньку—
Теперь сиды, та думай!“
И пташкамъ воля въ чистимъ поли,
И пташкамъ весело литать...
Л я завъяпула въ неволи.... (Плаче).
Хоча-бъ намысто було взять,—
Оде бъ повисылась... отъ бачышъ
Теперь и шкода!.. Хочъ топысь!
Чого жъ ты, мамо моя плачешъ?
Не плачь, голубочки, дывысь:
Це я—Марыночка твоя,

Дывыся—чорная змія
 По снigu лизе... Утечу!
 У ирій знову цолечу!
 Бо я зозулею вже стала...
 Чи винъ у гости не прыходывъ?
 Убылы мабудь, на войни...
 А знаешъ—снылося мени:
 У-день пеначе мисяць сходывъ;
 А мы гуляемъ по-надъ моремъ
 У-двохъ соби. Дывлюся—зори
 Цопадалы, неначе въ воду;
 Тилько осталася одна,
 Одна, однисенька на неби.
 А я, неначе нависна,
 Въ Дунаеви шукаю броду;
 Зъ байстрямъ розхристана бреду.
 Сміються люде надо мною,
 Зовуть покрыткою, дурною;
 И ты смієшся, а я плачу.
 Ба ни! не плачу--регочусь...
 Дывыся—якъ я цолечу.
 Бо я—сова....“

Та й замахала
 Неначе крылами, рукамы
 И пострыбала черезъ дверъ
 У поле, выючи, мовъ звиръ.
 Пошканцыбала стара маты
 Свою Марыну доганяты.
 Паны до одного спеклысь,
 Неначе добри поросята;
 Згорили билы палаты;
 А люде тихо розійшлись.

Марыны й матери не стало...
 Уже веспою, якъ оралы,
 Два труны на поли наийналы
 И па могылы поховалы.

С О Т Н Ы К Т Ъ.

Оглави... Чи по зпаку
 Кому цей Оглавъ билохатый?
 Троха лышь! Треба розсказаты
 Щобъ зъ жалю не зробить смиху.

Одъ Борисполи педалеко,
 А буде такъ, якъ Борисполь,
 И доси ще стоить любенько
 Рядокъ па выгони тополь;
 Непаче зъ Оглава дивчата
 Ватагу выйшли выглядаты,
 Та й сталы.

Буде вже давно—
 Оттуть, бувало, изъ-за тыну
 Вылась квасоля по тычиши;
 И зъ оболонкамы викно
 Въ садочокъ литомъ одчынялось,
 И хата, бачыте, була
 За тыномъ—сотпыкова хата.
 А сотникъ бувъ соби багатый,

То въ ёго, знаете, росло
 На Божій харчи, за дытыну,
 Чіесь байстря. А може й такъ
 Узявъ соби старый козакъ
 Чію сыритку за дытыну,
 То й доглядае въ-затышку,
 Якъ квиточку, чужу дочку.
 А сына—(Сотныкъ бувъ жопатый,
 Та жинка вмерла) сына ддавъ
 У бурсу въ Кыивъ обучатысь.
 А самъ Настусю пиджыдавъ,
 Такы годованку, щобъ зъ нею
 Соби зробытыся риднею:
 Не сына зъ нею поеднать,
 А забандюрылось старому
 Самому въ дурняхъ побувать.
 А щобъ не знать було никому,
 То ще й не радывся ни зъ кымъ,
 А тилько самъ соби гадае;
 А жиночки... лыхай ихъ знае!
 Уже сміялыша надъ нымъ,—
 Вопы цю страву посомъ чують.

Сыдить сотныкъ—
 Та думу гадае:
 А Настуся по садочку
 Пташкою литае.
 То посыдить коло ёго,
 Руку поцилуе;
 То усамы страшенимы
 Сывымы пустуе.
 Ну—зычайне, якъ дытина—

Пестуе старого.
 А старому не до того:
 Ишого якогось,
 Гриховпого пестувания
 Старе тило просить
 И пальцамы старый сотыкъ
 Пастусыны косы,
 Мовъ два гадыны велыки
 До-купы сплитае;
 То росплете, та круги шын
 Трычи обмотае.
 А вона, моя голубка,
 Ничого не знае;
 Мовъ кошени на прыничку
 Зъ старымъ котомъ грае.

Сотыкъ.

Та одчепись, божевильна!
 Дывысь лышень—косы,
 Мовъ русалка, розтриала.
 А чому ты й доси
 Николы не вплетепъ кисныки,—
 Отти що титка прывезла?

Насти.

Лкъ-бы пустылы на музыки,
 То я бъ кисныки заплела,
 Надила бъ жовти черевыки,
 Червону бъ юбку одягла,
 Заквитчала бъ барвинкомъ косы.

Сотникъ.

Стривай, стривай, простоволоса!
Дурнепенька: де бѣ же ты взяла
Того барвинку заквичатысь?

Настя.

А коло тыну. Тамъ такой
Норисъ зеленый, хрещатый,
Та синій, сине-голубый,
Зацвивъ. . .

Сотникъ.

Не будешъ дивуваты!

Настя.

А що жъ умру хиба?

Сотникъ.

Ба ни!

А снылось въ-осены мени,
Тоди якъ щепы мы щепылы,
Якъ прыймуться... мени прыснылось...
Якъ прыймуться, то въ-осени
Ты выйдешъ замижъ.

Настя.

Схаменысь!
И щепы ваши поламаю.

Сотникъ.

И якъ барвинокъ зацвите...

Настя.

То я й барвинокъ позрываю.

Сотникъ.

А одъ весилля не втечешъ!

Настя.

Ба ни, втету, та ще й заплачу. (Плаче).

Сотникъ.

Дурна ты, Насте, якъ я бачу,—
И посміяться не дасы!
Хиба не бачыши, я жартую.
Пиды лыпъ скрыпку прынесы:
Та зъ лыха гарно потапцюешъ,
А я заграю.

Настя.

Добре, тату!
(И веселенька шасть у хату).

Сотникъ.

Ни, трохи треба пидождатъ.
Воно-бъ то такъ, та отъ що, брате:
Лита не ждуть, лита летять;
А думка проклята марою
До серця такъ и прыросла!
— А ты вже й скрыпку прынесла!
Яку жъ мы вчыстемо зъ тобою?

Настя.

Е, ни, стривайте, цуръ пе гратъ!
А то не буду й танцювать,

Покы барвинку не нарву,
Та не уквитчаюсь. Я заразъ!

(Иде недалечко, рве барвинокъ, квичается и спивае. Сотникъ налагожу скрылку).

Сотникъ.

Отъ же одна вже й увирвалась;
Стривай, и другу увирву.

Настя.

(Вертается заквичтана, спиваючи).

Якъ-бы мени крыла
Соколыныи,
Полетила бъ я за мыльмъ
За дружыпою,
Полетила бъ у дуброву,
У зелений гай,
Полетила бъ черноброва
За тыхий Дунай!

(Тымъ часомъ, якъ вона спивае, у садочокъ входитъ молодый хлопецъ въ соломяному брыли, въ короткому синему жупанку, въ зеленыхъ шароварахъ, зъ торбыною за плечами и зъ пагаемъ).

Петро.

Зъ тымъ днемъ, що сёгодня,
Боже, помогай!

Настя.

Тату? тату! Петро, Петро
Изъ Кыива прыйшовъ!

Сотникъ.

А, выдомъ выдаты, слыхомъ слыхаты! Чи по воли, чи по неволи?

Петро.

По воли, тату, та ще й богословомъ.

Сотникъ.

Овъ!

Настя.

Богословомъ! Ажъ страшно!

Сотникъ.

Дурна, чого ты боишся! (Пидходыть до сына, хрестить его и цилуе). Боже, тебе благословы, моя дытыно. Настусю, поведы ёго въ покон, та нагодуй: бо зинъ ще, може, й не обидавъ.

Петро.

Та такы й такъ. (Йде въ свитлыцу зъ Настею).

Сотникъ. (Самъ).

И дарувавъ же мени Богъ
Таке дытя, такого сына!
И богословъ уже... прычина,
Прычина мудрая (Задумується) Чого,
Чого я думаю? Въ поны!
А якъ не скоче, то на Сичъ—
И тамъ не згыпе, враждй хлопецъ.
Итты лышъ въ хату. Отъ ще ричъ:

Заставыть треба богослова,
 Щобъ дома байдыквъ не бывъ,
 Щобъ винъ гуляющы павчывъ
 Наастусю заповидь. Щобъ знову
 Не довелось дяка паймать,
 Якъ для покойной. А знаю,
 Безъ сёго вже не повинчае
 Отець Хома... Питты сказать,
 А то забуду. (Йде въ хату).

Жыть бы, жыть, хвалыты Бога,
 Кохатыся въ дитяхъ;
 Такъ же ни, самому треба
 Себе одурыты.
 Оженытыся старому
 На такій дытыни!
 Схаменыся, не женися:
 И вона загыне,
 И самъ сывымъ посмишыщемъ
 Будешъ въ свой хати.
 Будешъ самъ отте весилля
 По викъ проклынаты;
 Будешъ плакать, и никому
 Ти слёзы старечи
 Буде втерты. Не женися,
 И гычъ не доречи!
 Дывыся—рай кругомъ тебе
 И диты, якъ квиты.
 За що жъ ты ихъ, молоденькихъ,
 Думаешъ убыты?
 Ни! старый мій чепурыться,
 Ажъ брыдко дывыться.

А Настуся зъ богословомъ
 Заповиди вчыться.
 Опъ дывитъся: у садочокъ
 Выйшли погулаты,
 У-двохъ соби похожаютъ,
 Мовъ ти голубъята.
 А старого пема дома,
 То имъ своя воля
 Награтыся. Дывитеся—
 Тамъ коло тополи
 Сталы соби, та й дывляться
 Одпо на другого.
 Оттакъ ангелы святны
 Дывляться па Бога,
 Якъ воны одно на друге.
 И Петрусь пытае:

Петро.

Чомъ же ты оце, Настусю,
 Справди не чытаешъ?

Настя.

А хиба я пиколяръ, чи що? Не хочу, та й годи!

Петро.

Хочъ одну невеселычку заповидъ сёгдия выв-
 ты, хоть пъяту.

Настя.

И пъятои, и шостоп. ніякои не хочу.

Петро.

То ииць и не винчатыне николы, якъ не
вмитымешъ.

Настя.

Байдуже, нехай соби не винчае.

Петро.

А зо мною?

Настя.

И зъ тобою нехай соби... Е, ии, нехай по-
винчае!

Петро.

Та чытай же, а то...

Настя.

А то що ты зробыши?

Петро.

Поцилую. Ось побачышъ!

Настя.

Хочъ якъ хочешъ, цилуй соби, а я такы не
читатыму.

Петро. (Цилуе іи и промовляє).

Оце тоби разъ, оце тоби два.

(А сотыкъ выглядаетъ за тыну и входить въ хату, не давши знаку)'

Настя. (Пручаеться)

Годи бо вже, годи! Незабаромъ батько прыайде: треба справди читать.

Петро.

А, теперъ и читать!

Сотникъ. (Выходить зъ хаты).

Диты! годи вже вамъ учиться. Чи не часть обидать?

(Петро и Настя мовчкы идутъ у хату).

Сотникъ. (Самъ).

Навчыласъ, ничего сказать!
 Оде дытына! Ни, Настусю,
 Я коло тебе захожуся
 Тенеръ, лебедонъко, не такъ!
 Покы сто разъ не поцилуе,
 Й читать не хоче. А бурсакъ!
 Собачий сыну, знаешъ смакъ!
 Ось я тебе попомуштрую
 Не такъ, якъ въ бурси. Помеломъ!
 Щобъ духу въ хати не було.
 Велыкий свитъ нашъ—не загынешъ!
 Дывися, ися ёго лычина,
 Оде-то такъ, ишо богословъ—
 У батька краде. Добре, свате!...
 Яки то стали люде зли!...
 А ишо то діеться у хати?
 Тамъ знову, знать, мои мали
 Чытаютъ... Треба розигнаты,

Оттаки батькы на свити,
На що воны дитямъ?
На наругу передъ Богомъ!
А шануйте, чтите,
Поважайте ёго, диты.
Бо то батько сывый,
Батько мудрый. Добре оттымъ
Сыротамъ щасливымъ,
Що пе мають отыхъ батькивъ,
То й не согришаютъ.

Настя. (Выбигае зашлакана зъ хаты).

Не дае и пообщидать—
Въ Кыивъ проганяе.
А, Боже мій мылостивый!
Що мени робыты?
Помандрую.... (Дывиться въ хату; замира вся)
Ухъ, який сердитый!
Та не вдарить.... А я такы
У Кыивъ зъ Петрушемъ
Помандрую, хочъ що хочешъ...
Я не побоюся,
Середъ ночи помандрую!...
А видьма злякае!...
Ни, не зляка. (Загляда знову).

Сердешненъкыи!
Кыижечки складае
У торбыну и брыль бере.
Прощай, мое любе,
Мое серце!... У-вечери?
За царыну? Буду,

Раньше буду!... Ось па, ловы!
 (Кыдае черезъ тыпъ цвигокъ).
 Чуешь! дожыдайся! (Выходить сотыкъ).

Настя. (Спивае).

„Не ходы, не иуды, пе залыцайся—
 Не сватай, не пиду, не сподивайся!“

Сотникъ.

А ій байдуже, мовъ пе знае!
 Неначе та сорока скаче.
 Настусю! чомъ же ты не плачешь?
 Адже-жъ Петруся вже немае.

Настя.

Дывитеся, яка печаль!
 То й плачте, колы жаль.

Сотникъ.

Мени байдуже.

Настя.

Л мени
 Ще байдужійше—винъ не мій.
 Л я вже заповиди знаю
 Уси до одной.

Сотникъ.

Уси?

Настя.

Нехай хочъ заразъ сповидае
 Отець Хома вашъ голослій.

Сотникъ.

А повинчаемось въ недилю?

Настя.

А вже-жъ! Такъ мы ще не говилы!
Якъ одговіемось—тоди.

Сотникъ. (Цілуе іи).

Моя голубко съвокрыла,
Моя ты ягидко! (Танцює и приговорює).

„У горохъ
Въ четырёхъ
У-ночи ходыла;
У-ночи,
Ходачы,
Намысто згубыла“.

Настя.

Та годи вже вамъ зъ тымъ намыстомъ! Ишли бъ
швыдче до отця Хомы, та порадылышя. Отъ що!

Сотникъ.

Правда, правда, моя квиточко! Шобижу жъ я
швиденько, а ты тутъ, моя любко, погуляй соби
тыхенъко. Та заквитчайся! Та не жды мене: бо
буты мае, що я остануся и на вечерню.

(Цілуе іи и йде).

Настя.

Добре, добре! Не ждатыму.

Не ждатыму, не ждатыму,
У свытыну вдягатымусь,

У намысто уберусл—
Доганятыму Петруся.

Обнимемось, поцелуемось, поберемося за рученьки, та ѹ пидемъ у-двохъ соби ажъ у Кыивъ. Треба заквитчаться, може въ останній разъ, бо винъ казавъ, що у Броваряхъ и повинчаемось.

(Квитчаеться и спиває).

„Ой пиду я не берегомъ—лугомъ,
Зостринуся зъ несуженымъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ, несуженый друже!
Любылыся мы зъ тобою дуже;
Любылыся, та не побралыся,
Тилько жалю серцю набралыся“.

Оде нагадала яку! Цуръ ій, яка пагана. Побіжу лышъ швидче. Оставайтесь здорови, мої високи тополи и хрецатий мій барвиночку! (Виходить).

Иде до-дому у-ночи
Пьяненький сотникъ, а йдучи
Соби веселый размовляє:
— Нехай и кашыхъ люде знаютъ!
Нехай и сивый, и горбатый,
А мы... хе! хе! а мы жопати!
А мы...—Насылу влизъ у хату,
Та ѹ лигъ соби тыхенько спаты,
Щобъ Настю, бачте, не збудыть,
Та сорому пе наробить.
Уже ѹ „достойно“ одзвонили,

Уже до-дому люде йдутъ,—
 Не ѿде Настусенька, не чуть.
 Насылу сотыка збудылы,
 Та розсказалы— „такъ и такъ!“
 Перехрестывся неборакъ;
 Коня найкращого сидлае
 И скаче въ Кыивъ. Въ Броваряхъ,
 Уже повинчана, гуляе
 Ёго Настуся молода.
 Вернувся сотыкъ мій до-дому,
 Тры дни, три ночи не встававъ,
 Никому й слова не сказавъ
 И не пожалувавсь никому.

• • • • •

Турбуется, заробляе,
 А того не знае,
 Што на старисть одуріе
 И все занехаетъ.
 Оттакъ теперъ и съ сотыкомъ,
 Зъ дурнымъ моимъ, сталось:
 Розигнавъ дитей по свиту,
 А добро осталось,—
 Немае зъ кымъ подилыты.
 Довелось самому
 Роскыдаты, росточты,
 И добра никому
 Не зробыты ни на шелягъ,
 И притчею статы
 Добрымъ людямъ; и охаты

У холодній хати
 Нидъ кожухомъ; и никому
 Хату затопты
 И вмести; по смитныку
 Ходыты, нудыты,—
 Покы пугачъ надъ стрихою
 Въ викно не завые,
 А наймычка холодного
 Трупу не пакрые
 Кожумыпою старсю,
 А ключъ одъ коморы
 Изъ-за пояса украде.
 Оттаке-то гэре
 И зъ сотникомъ оце сталось:
 Не мынуло году,
 Якъ Настусеньки не стало,
 А вже на городи
 Не осталося пичого,—
 Свыни та телята
 Уже бродять. А барвинокъ,
 Барвинокъ хрещатый,
 Притоптаний коло тынъ,
 Засыхае, въяне.
 А самъ сотникъ у ъожуси,
 Одутлый, погачный
 Коло клуни похожае:
 И стогы невкѣти,
 И покони немазанн.
 И єволокъ немытый,
 И челяди нема дома,
 И худобы немае...
 А наймычка задриана,
 Та й та помыкае

Старымъ паномъ. Такъ и треба:
 Не розгай дитое,
 Сывый дурню! Недовго жывъ
 На свій заробитокъ
 Пьяній сотникъ. Ще мынуло
 Лито коло свита,
 А въ-осены на улыци
 Сотника убыто;
 А може, вмеръ неборака,
 Одъ шынкарки йдучы.
 Байдуже кому пытали!
 Забралы й опучи
 Добри люде, а самого
 Гарно поховалы
 У левади и хрестыка
 Надъ нымъ не вкопали.
 Ажъ жаль его: бувъ багатый,
 И ридня, и диты
 Есть у него, а никому
 Хрестъ постановыты!
 Умеръ сотникъ, и покой
 Згнылы, повалялысь;
 Все пропало, погыбуло;
 Тилько и остались—
 Що тополи на выгопи
 Стоять, мовъ дивчата
 Выйшли зъ Оглава ватагу
 Зъ поля выглядаты.

Ижъ скаламы, пеначе злодій,
По-надъ Дniestромъ иде въ-ночи
Козакъ, и дывыться йдучы
На каламутну темну воду,
Неначе ворогови въ очи,
Неначе вымовыты хоче:

— „Днистре, водо каламутна!
Вынесы на волю,
Або втоцы,
Ко́лы така доля!“

Та ѹ роздигся на камени,
У воду кынувся; плыве,
Ажъ хвиля синяя реве,
И, ревучы, на той берегъ
Козака выносить.
Стрепенувся сиромаха:
И голый, и босый,
Та на воли; ѹ бильшъничого
У Бога не просить.
Постривай лышъ: може, брате,
На чужому поли
Талану того попросыши,
Та тыней доли...

Пишовъ соби темнымъ яромъ,
Та сипивае йдучы:
„Ой зъ-пидъ горы, та зъ-пидъ кручи
Йшли мажи рыпучи;
А за нымы иде та чорнивая
Та плаче, рыда йдучы“.

Уже якъ хотите: хочь лайте,
Хочь и не лайте, ѹ не чытайте,

Про мене... и не прошу...
 Для себе, братики, спышу,
 Ще разъ те ольво потрачу,
 А може, дастъ Богъ, и заплачу,
 То й буде зъ мене...

Нумо зновъ!

Покинувъ матирь и господу,
 Покинувъ жинку; жаль та й года!
 На Бесарабію пшиовъ
 Одѣй Козакъ. Щогпало горе
 До моря пыты. Хочъ говорять:
 Абы оранда въ рукахъ була,
 А хлоша, якъ того вола,
 У плугъ голоднаго вприжешъ.
 Троха лышень, чи такъ?
 Ще зъ малку зъ матирью старою
 Ходывъ зъ торбами сей козакъ.
 Оттакъ и вырнисъ сыротою
 У наймахъ. Сказано шарнакъ—
 То й одружывся соби такъ:
 Узявъ хорошу, та убогу,—
 Звычайне паймычку. А панъ...
 (И пе-таланъ напъ и таланъ,
 Якъ кажутъ люде,—все отъ Бога)
 Нагледивъ, клятий. Панъски очи!—
 Та й ну гостыници засылатъ.
 Такъ и гостыници братъ не хоче,
 Не хоче й пана закохать.
 Що тутъ робыть? За чоловика.
 Укоротывши ёму вика...
 А жинку можно прывитать.
 Ерохи не еталося оттакъ;

До ныtkи звився мій козакъ,
 Усе на панщыни проклятій,
 А бувъ хазяинъ.
 А жиночку свою любывъ—
 И, Господы едыны!—
 Якъ те пания, якъ ту дытыну,
 У памыстахъ водывъ!
 Та знемигся неборака—
 Хочъ продавай хату
 Та йдь въ наймы. Оттакъ его
 Оттой панъ проклятый
 Допникъ добре! А жиночка,
 Мовъ сего не знае,
 У добруму памысточку
 Въ садочку гуляе.
 Якъ та краля!— „Що тутъ робыть?“
 Сердега миркуе:
 „Покыну ихъ та утечу ..
 Хто жъ ихъ нагодуе,
 Хто догляне? одна— стара,
 Нездужае встаты;
 А другая молодая,
 Дума погуляты.
 Якъ же его?.. Що діяты?
 Горе мое, горе!..“
 Та й пиповъ, торбыну взяты,
 За сыннее море
 Шукать доли... Думавъ прыйты,
 Та хочъ жинку взяты—
 Стара маты и тутъ буде
 Вику дожываты
 На господи...

Такъ оттакъ-то
 Трапляеться въ свити!
 Думавъ жыты, пожываты,
 Та Бога хвалыты;
 А довелось па чужыни
 Тилько слезы лыты,
 Бильшъ ничего. Нудно ёму
 На чужому поли.
 Всего падбавъ, роботяга,
 Та не прыдбавъ доли,
 Талану того святого.
 Свить Божий немылый—
 Нудно ему на чужыни,
 И добро остыло.
 Хочеться хочъ подывыться
 На свій край на мылый,
 На високии могилы,
 На стены широки,
 На садочекъ, на жиночку,
 Кралю карооку.
 Та ѹ поплывъ Днистромъ па сей бікъ,
 Покынувшы волю,
 Бродягою. О, Боже мій!
 Якее ты, поле,
 Свое поле! яке-то ты
 Широке, широке,
 Якъ та воля!...

Прыйшовъ до-дому у-почи,
 Стогнала маты на печи,
 А жинка у комори спала
 (Бо нацъ нездужа). Жинка встала,
 Неначе пьявка та впылась

И, мовъ водою, залылась
Дрибными, якъ горохъ, слезами.
И се трапляеться мижъ нами,
Що нижъ на серце наставля,
А самъ цилуе! Ожыла
Моя сердешна молодыца:
И де ти въ господа взялыша
Усяки штучныя йиства!

Сама жъ, неначе нежыва,
На плечи пада. Напоила
И нагодувала,
И спать его, веселого,
Въ комори поклала.
Лежыть соби неборака,
Думае, гадае,
Якъ то будемъ мандроваты,
И тыхо дримае.
А жиночка молодая
Кынулась до пана:
Розсказала. „оттакъ и такъ!“
Любо та кохано
Прыйшли, взяллы сиромаху,
Та й повезлы зъ дому
Пройдышвита, волоцюгу,
Прямо до прыёму.

И тамъ доля не кынула.
Дослужывсь до чыну,
Та й вернувся въ село свое,—
И служыть покынувъ.

Уже матиръ поховалы
Громадою люде,
И панъ умеръ. А жиночка
Московкою всюды

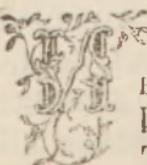
Хыляеться—и по жыдахъ,
И по панахъ... боса.
Найшовъ іи, подывысся
И, сывоволосый,
Ниднявъ руки каличени
До святого Бога,
Зарыдавъ, якъ та дытына,
И—простывъ небогу.

Оттакъ, люде, научайтесь
Ворогамъ прощаты,
Якъ сей неукъ!...
Де жъ намъ гришнымъ
Добра сёго взяты?

арослы шляхы тернами
На тую Краину.
Мабуть я іи на-вики,
На-вики покынувъ...
Мабуть мени не вернутысь
Николы до дому;
Мабуть мени доведеться
Чытаты самому
Оци думы... Боже мылый,
Тяжко мени жыты!
Маю серце широкее—
Ни съ кымъ цодилыты.
Не давъ есы мени доли,
Молодой доли;
Не давъ есы николы,
Николы, николы!

Не давъ серця молодого
 Зъ тымъ сердемъ дивочымъ
 Поеднаты. Мишулся
 Мои дни и почи
 Безъ радости, молодіи,
 Такъ соби мишили
 На чужыни. Не найшлося
 Зъ кымъ сердемъ дилитись;
 А теперъ ге маю павйтъ
 Зъ кымъ поговорыти.
 Тяжко мепи, Боже мылый,
 Носыты самому
 Оци думы и не дилить
 Ни съ кымъ, и никъ му
 Не сказать святого слова,
 И душу убогу
 Не радовать, и не корыть
 Чоловика злого,
 И умерты... О, Господы!
 Дай мени хочъ гляпуть
 На народъ отой убытый,
 На тую Украину.

вырискъ я па чужыни,
 И сывію въ чужому краи;
 То одынокому мени,
 Здається, крацкого немае
 Ничого въ Бога, якъ Дніпро,
 Та наша славная краина.
 А жъ бачу — тамъ тилько добро,

Де нась нема. Въ лыху годыну,
 Якось недавно довелось
 Мени зайихать въ Украину,
 У те найкрашее село,
 У те, де маты повывала
 Мене малого и въ-ночи
 На свичку Богу заробляла,
 Поклонц тижкии бьючы;
 Пречистій ставила, молыла.
 Щобъ доля добрая любыла
 Іи дытыну... Добре, мамо...

.

... Ажъ страхъ погано
 У тимъ харошому сели:
 Чорнише чорнои земли,
 Блukaютъ люде; цовсихалы
 Сады зелени; погнылы
 Биленькы хаты, повалялись;
 Ставы бурьянномъ порослы.
 Неначе люде подурили,—
 Ними на пашину идутъ
 И диточекъ своихъ ведуть...
 И я, заплакавши, назадъ
 Пойихавъ знову на чужыну.
 И не въ однимъ оттимъ сели,
 А скрізь на славній України
 Людей у ярма запрягалы
 Паны лукави... Гынуть, гынуть
 У ярмахъ лыцарьски сыни...
 А препоганыи напы
 Жыдамъ, братамъ своимъ хорошымъ,
 Остатни продають штаны...

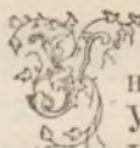
Погано, дуже, страхъ погано
 Въ оцій пустыни пропадать;
 А ще поганше на України
 Дывытысь, плакать и мовчать.
 А якъ не бачышъ того лыха,
 То скризъ здається любо, тыхо
 И на України 'добро.
 Мижъ горамы старый Дніпро,
 Неначе въ молоци дытына,
 Красується, любується
 На всю Україну;
 А по-надъ нымъ зеленіють
 Широки села;
 А у селахъ у веселыхъ
 И люды весели.
 Воно бъ може такъ и сталося...

· ·

Й чого ты почорнило,
 Зеленее поле?
 — Почорнило я видъ крови
 За вольную волю.
 Кругъ мистечка Берестечка,
 На четыри мыли,
 Мене славни Запорожжи
 Своимъ трупомъ вкрылы.
 Та ще мене гайвороны
 Укрылы зъ пивночи...
 Клюютъ очи козацькии,

А трупу—не хотуть.
 Почорнило я, зелене,
 Та за вашу волю...
 Я зновъ буду зеленитъ,
 А вы вже николы
 Не вернетесь па волю...
 Будете ораты
 Мене стыха, та орючи
 Долю проклынаты...

недиленъку у святую,
 У досвітнюю годину,
 У славному, преславному
 Мисти, въ Чигирини,
 Задзвонылы въ уси дзвоны,
 Зъ гарматы стрелялы,—
 Превелебпую громаду
 До-куны склыкалы.

Зъ святымы корогвамы,
 Та зъ пречестнымы образамы
 Народъ зъ попами
 Зъ усихъ церковъ на гору йде,
 Мовъ та Божа бжола гуде.
 Зъ монастыря святого
 У золоти, ажъ сле,
 Самъ архимандрытъ выхожае,

Акахвѣсть чытае,
Поклоны покладае.

Новажно та тыхо,
У раннюю пору,
На высоку гору
Сходылъсь полковныки.
И військо, якъ море,
Зъ знаменамы, зъ бунчукамы,
Зъ лугу выступало,
Та на трубахъ выгравало,
И на гори разомъ стало.

Замовѣлы гарматы,
Опимили дзвоны,
И громада покладае
Земныи поклоны.
Молебствіе архимандрыть
Самъ на гори иправыть,
Святого Бога просыть, хвалыть,
Щобъ давъ имъ мудрости дознаты—
Гетьмана доброго обраты.
И одногласне, одностайше
Громада выбрала гетьмана—
Преславного Лободу Івана,
Лыцаря старого,
Брата війскового.

У трубы затрубылы,
У дзвоны задзвонылы,
Вдарылы въ гарматы,
Знаменамы, бунчукамы
Гетьмана укрылы.

Гетьманъ старый рыдае,
 До Бога руки здіймае,
 Тры поклоны покладае
 Велыкій громади
 И, мовъ дзвономъ дзвопыть,
 Говорыть:

— „Спасыби вамъ, папове-молодцы,
 Преславныи Запорожцы,
 За честь, за славу, за повагу,
 Що вы мени учынылы!
 А ще бъ краще вы зробили,
 Якъ-бы, замисць старого,
 Та обралы молодого
 Завзятого молодца,
 Преславного запорожца,
 Павла Кравченка-Налывайка:
 Я старъ чоловикъ, нездужаю встаты.
 Буду ёму поралу даваты,
 Но-батькivскы научаты,
 Якъ на ляха статы.
 Теперъ прелютая година
 На нашій славній України:
 Не мени васъ, братца,
 На ляха водыты;
 Не мени теперъ, старому,
 Булаву носыты.
 Нехай посыть Налывайко
 Козакамъ на славу,
 Щобъ лякалысь вражи ляхи
 У своїй Варшави!“

Громада чмелемъ загуза,
 У дзвонахъ задзвонили;

Гармата заревла,
И бунчукамы вкрылы
Преславного запорожця
Павла Кравченка-Налывайка.

Ш В А Ч К А.

Ш не пьеться горилочка,
Не пьються й меды;
Не будете шынкуваты,
Прокляти жыды!
Ой не пьеться тее пыво,
А я буду пыть;
Не дамъ же я вражымъ ляхамъ
Въ Украини жыть.
Ходимъ, батьки-отаманы,
У Хвастовъ въ недилю,
Та иадинемъ вражымъ ляхамъ
Кошуленьку билу;
Ни, не билу, а червону...
Ходимъ—погуляемъ,
Та въ пригоди своего батька
Старого згадаемъ,
Полковника Хвастовскаго,
Славицаго Семена.
Ходимъ, браты: не згынете,
Хлопци, коло мене“.

Въ Переپъти гайдамакы
 Нышкомъ почували;
 До схидъ сонця у Хвастови
 Хлопъята гулялы.
 Прийди зъ того Межыгорья,
 Нашъ славный Налю,—
 Подывыся, що той Швачка
 У Хвастови діе.
 Добре діе!... У Хвастови,
 У славному мисти,
 Покотылось ляхивъ, жидивъ
 Не сто и не двисти,
 А тысячи; а майданы
 Кровью червопилы;
 А оранды зъ костёлами,
 Мовъ свички, згорили.
 Въ самимъ замку невельичку
 Церковку святую
 Не спалено. Оттамъ Швачка
 Спива: „аллы лу й я!“
 Хвалыть Господа, веселый,
 И каже сидлаты
 Коня своего воропого:
 Мае погуляты
 У Быхови, славнимъ мисти,
 Зъ Левченкомъ у-купи,—
 Потоптаты жыдивського
 Й шляхетського трупу.

СЫЧИ.

На ныву въ жыто у-ночи,
 На поли, на роздолли
 Злиталыся по воли
 Сычи—
 Пожартувать,
 Помиркувать,
 Щобъ бидне штаство застуныгъ,
 Орлыне царство затопыть
 И геть спалыть;
 Орла жъ повисыть на тычини
 И, пры такій годыни,
 Республыку зробыть.
 И все бъ здавалося? А ни!
 Щобъ не толочылы пашни—
 Воно було бъ не дыво,
 Якъ-бы хто иншый на тій ныви
 Сильце поставывъ, а то зыркъ—
 Такы голисинъкій мужыкъ
 Поставывъ любо, та й пишовъ
 Въ коныци спать соби. А рано,
 Не вмывшыся, зайшовъ
 Гостей довидать. Та й ногаги—
 Уси до одпого Сычи!
 Оде тоби вары й печы!
 Щобъ не несты до-дому
 Таке добро, то повбывавъ;
 А иныхъ гратаця оддавъ
 Прыборканыхъ воронамъ,
 И не сказавъ никому.

Ч У М А.

Ума зъ лодатою ходыла,
Та гробовыща рыла, рыла,
Та трупомъ, трупомъ начыняла,
И „со святымы“ не спивала.
Чи городомъ, чи то селомъ
Мете соби, якъ помеломъ.

Весна. Садочки зацвили,
Неначе полотномъ укрыти,
Росою Божою умыти,
Биліютъ. Весело земли.
Цвите, красуетесь цвитами,
Садамы темнымы, лугами;
А люде бидныи въ сели,
Неначе злякаши ягнятъ,
Позамыкалися у хатахъ
Та ѹ мрутъ... По улыцяхъ волы
Ревуть голодни; па городи
Пасутесь кони: не выходить
Нихто загнать, нагодувать,
Непаче люде тыи сплять.
Заснулы, добре, знать, заснулы,—
Святу недиленьку забулы,
Бо дзвона вже давно не чутъ;
Сумують комини безъ дыму;
А за городамы, за тыномъ
Могилы чорныи ростуть.
Индъ хатамы, по-мижъ садамы,
Зашыти въ шкуру и въ смоли,

Гробокопатели въ сели
 Волочатъ трупы ланцюгами
 За царыну... и засыпаютъ
 Безъ домовыны. Дни мыпаютъ,
 Мыпаютъ мисяци... Село
 На викъ замовкло—онимило
 И крапивою поросло.
 Гробокопатели ходылы,
 Та и ти пидъ хатамы ляглы.
 Нихто не вышовъ въ-ранци зъ хаты,
 Щобъ ихъ, сердешныхъ, поховать,—
 Пидъ хатамы и погнены.

Мовъ оазысь въ чистимъ поли,
 Сел зеленіе.
 Нихто въ ёго не заходыть;
 Тилько витеръ віе,
 Та розносить жовте лыстя
 По жовтому полю.
 Довго воно зеленило,—
 Поки люде зъ исля
 Пожарыще не иустылы,
 Та не запалмы
 Села того зеленого.
 Згорило, зотлило,
 Попиль витромъ розмахало,
 И слизу не стало.
 Оттаке-то людямъ горе
 Чума выробляла!

тыеи Катерны
 Хата на помости;
 Изъ славного Запорожжя
 Найихалы гости:
 Одынъ—Семенъ Босый,
 Другой—Иванъ Голый,
 Третій—славный вдовыченко
 Иванъ Ярошенко.
 Зъйизылы мы Польщу
 И всю Украину,
 А не бачылы такои,
 Якъ се Катерна.—
 Одынъ каже: „Брате!
 Якъ бы я багатый,
 То оддавъ бы все золото
 Оцій Катерни
 За одну годыну.“
 Другой каже: „Друже!
 Якъ бы я бувъ дужий,
 То оддавъ бы я всю силу
 За одну годыну
 Оцій Катерни“.
 Третій каже: „Диты!
 Нема того въ свити,
 Чого бъ мени не зробыты
 Для сіен Катерны
 За одну годыну“.

Катерна задумалась
 И третому каже:
 „Есть у мене братъ едный,

У неволи вражій—
 У Криму десь пропадае.
 Хто ёго достане,
 То той мени, запорожци,
 Дружыною стане“.
 Разомъ повставали,
 Коней посидлалы,
 Пойихалы вызволяты
 Катрыного брата.
 Одынъ утопився
 У Дніпровимъ гирли;
 Другого въ Козлови
 На киль посадылы;
 Третій—Іванъ Ярошенко,
 Славный вдовыченко,—
 Зъ лютои неволи,
 Изъ Бакчысараю,
 Брата вызволяе.
 Заскрыпили рано двери
 У велыкій хати.
 „Вставай, вставай, Катрыно,
 Брата зостричаты!“
 Катрына подывилась,
 Та й заголосыла;
 —Се не братъ мій, се мій мылый,
 Я тебе дурыла.—
 „Одурыла!“ и Катрына
 До-долу скотылася
 Головонька... „Ходимъ, брате,
 Зъ поганой хаты!“
 Пойихалы запорожци
 Витеръ доганяты...
 Катрыну чернобрыву

Въ поли поховалы;
А славныи запорожци
Въ степу побраталысь.

УДОВЫЦЯ.

 й крикнулы сири гусы
Въ яру на ставу;
Стала на все село слава
Про тую вдову.
Не такъ слава, не такъ слава,
Лкъ той поговоръ,
Що зайдзывъ козакъ зъ Сичи
До вдовы на дверь;
Вечерялы у свитлыци,
Медъ, выно пылы,
И въ кимнати на кровати
С почты ляглы...

Не мынула слава тая—
Не марно пишла:
Удовыця у мъясныци
Сына прывела...
Выгодувала малого,
До школы отдала,
А изъ школы ёго взявиши,
Коня купыла;
А коня ему купывши,
Сидельце сама

Самымъ шовкомъ вышивала,
 Злотомъ окула;
 Одягла ёго въ червоный
 Въ жупанъ дорогий,
 Посадыла на коныка:
 „Гляньте вороги!
 Подывитесь!“—Та й повела
 Коня вдовжъ села,
 Та й привела до обозу—
 Въ військо oddala...
 А сама на прощу въ Кыивъ
 Въ черныци пишла...

о улыци витеръ віе
 Та снигъ замитае.
 По улыци, по-пидъ тынню
 Вдова шкандыбае—
 Нидъ дзвиницю сердешная
 Руки простягаты
 До тыхъ самыхъ, до багатыхъ.
 Що сына въ салдаты
 Позаторикъ заголылы...
 А думала жыты,—
 Хочъ на старисть у невистки
 Въ добри одпочыты...
 Не довелось! Выблагала
 Тую копійчыну....
 Та Пречистій поставила
 Свичечку за сына.

а велыкдень, на соломи
 Проты соця диты
 Гралысь соби крашанкамы,
 Та и сталы хвалытъись
 Обновамы. Тому къ святкамъ
 Зъ лыштвою пошилы
 Сорочечку, а тій стёжку,
 Тій стричку купылы;
 Кому шапочку смушеву,
 Чобитки шкапови,
 Кому святку... Одна тильки
 Сыдыть безъ обновы
 Сыриточка, рученята
 Сховавши въ рукава.
 — Мени маты купувала,
 · Мени батько справывъ.
 — А мени хрыщена маты
 Лышту вышивала.
 „А я въ нопа обидала“!
 Сыритка сказала...

й умеръ старый батько
 И старенькая маты;
 Та нема кому щырон
 Тыи радонькы даты...
 Що мени на свити
 Сыроти робыты:
 Чи иты въ люде жыты,
 Чи дома журтытъись?

Ой пійду я въ гай зеленый
 Посажу я руту:
 Якъ що зійде моя рута,
 Остануся тута,—
 Прыйде мылый въ мою хату
 Хазлинуваты;
 А якъ же ни—то я пійду
 Доленьки шукаты...
 Посходыла тая рута,
 Въ гаи зеленіе...
 А дивчына-сиротына
 У паймахъ марніе!

акувала зозуленька
 Въ зеленому гаи:
 Заплакала дивчинонька.—
 Дружины немае.
 А дивочи молодыи
 Веселыи лита,
 Якъ квіточки за водою,
 Плынутъ зъ сёго свита.

Е тополю высокую
 Витеръ нагынае:
 Дивчинонька одынока
 Лодю зневажае:

— Бодай тоби, доле,
 У мори втопыться,
 Що не даетъ мени ѹ доси
 Ни зъ кымъ полюбыться.
 Якъ дивчата цилуються,
 Якъ ихъ обпимауть
 И що тоди имъ діеться,—
 Я ѹ доси не знаю...
 И не знатыму... Ой, мамо!
 Страшно дивувати,
 У-весь викъ свїй дивувати,
 Ни зъ кымъ не кохаться.—

На улыци невесело,
 Въ хати батько лае,
 А до вдовы на досвитки
 Маты пе пускае.
 Щожъ мени робыты,
 Де мени подитись,—
 Чи то зъ инишымъ полюбыться,
 Чи то уточыться?
 Ой надину я сережки
 И добре намысто,
 Та пиду я па ярмарокъ
 Въ педилю па мисто.
 Скажу ёму: „сватай мене,
 Або одчепыся,—
 Бо якъ мени у матери,
 Толуче втопыться“.

Къ бы мени, мамо, намысто,
То пишла бъ я завтра на мисто;
А на мисти, мамо, на мисти—
Грае, мамо, музыка троиста,
А дивчата зъ нарубкамы
Лыдяются... Мамо! мамо!

Безталанна я!

Ой пійду я Богу помолюся,
Та пійду я у наймы наймуся,
Та куплю я, мамо, черевыки,
Та найму я троисти музыки:
Нехай люде не здывують,
Лкъ я, мамо, потанцюю...
Доленько моя!

Не дай мени викъ дивуваты,
Косы мои плесты, заплита ты,
Бровенята дома зноситы,
Въ самотыни вику дожыты...
А покы я зароблю—
Чорни бровы полыняютъ...
Безталанна я!

Къ бы мени черевыки,
То пишла бъ я на музыки...
Горенько мое!
Черевыкивъ немас!
А музыка грае, грае,
Жалю завда!

Ой пиду я боса полемъ,
Попшукаю свою долю:
Доленько моя!
Глянь на мене чорнобрыву,
Моя доле неправдыва,
Безталанна я!
Дивчаточка на музыкахъ
У червоныхъ черевыкахъ—
Я свитомъ нужу...
Безъ роскоши, безъ любови,
Зношу свои чорни брови—
У наймахъ зношу!...

багата я,
И вродлыва я,
Та не маю соби нары.
Безталанна я!
Тяжко, важко въ свити жыть
И никого не любыть,
Оксамытови жупаны
Одынокій носыть!
Полюбылась бы я,
Одружилась бы я
Зъ чорнобрыымъ сыротою,
Та не воля моя!
Батько, маты не сплять,
На сторожи стоять:
Не пускаю саму мене
У садочокъ гулять!

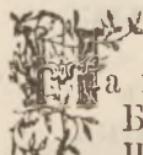
А хочъ пустять, то зъ нымъ,
 Зъ препоганымъ старымъ,
 Зъ моимъ нелюбомъ багатымъ,
 Зъ моимъ ворогомъ злымъ!

Сородыла мене маты
 У высокыхъ у палатахъ,—
 Шовкомъ повыла;
 У золоти, въ оксамыти,
 Мовъ та квиточка укрыта,
 Росла я, росла.
 И выросла я на дыво:
 Кароока, чорнобрыва,
 Билолыцая.
 Убогого полюбыла,—
 Маты замижъ не пустыла:
 Осталася я
 У высокихъ у палатахъ
 Увесь викъ свій дивуваты...
 Недоля моя!
 Якъ быlyна пры долыни,
 Въ одынокій самотыни
 Старіюся я;
 На світъ Божый не дывлюся,
 Ни до кого не горнуся,
 А матиръ стару...
 Просты мене, моя маты!
 Буду тебе проклынаты,
 Покы не умру...

О сяду я пидъ хатою,
На улыцю глану,
Якъ то тыи дивчаточка
Безъ своеи Ганцы,
Безъ моен Ганнусеньки,
У хрещыка грауть!
И граоться не весело,
И не такъ спиваютъ
Дивчаточка... А моен
Голубки пемас:
У свекрухы десь воркуе
Мене выглядас.

О на городи коло броду
Барвинокъ не сходить;
Чомусь дивчына до броду
По воду не ходить.

На городи коло тыну
Сохне на тычыни
Хмиль зеленый; не выходить
Дивчына зъ хатины.

На городи коло броду
Верба похылылась;
Зажурылась чорнобровыя,
Тяжко зажурылась.

Плаче, плаче та рыдае,
Якъ рыбопыка бьеться...
А надъ пею, молодою,
Ноганецъ смѣеться.

Еще вернувся изъ походу
Гусарыпъ-москаль.
Чого жъ мени ёго шкода,
Чого ёго жаль?
ИДо на ёму жупанъ куцый,
Що гусарынъ чорноусый,
Що Машою звавъ?
Ни, не того мени шкода;
А марніе моя врода,
Люде не беруть;
А на улыци дивчата
Насмихаются, прокляти,—
Гусаркою звуть!...

Олюбылася я
Одружылася я
Зъ безталаннымъ сыротою—
Така доля моя!

Люде горды, зли
Розризпилы, взяли
Та повезли до прыёму—
Оддалы въ москали!

И московкою я,
Одынокою я
Старіюся въ чужій хати--
Така доля моя!

уло роблю що, чи гуляю,
Чи Богу молюся,—
 все думаю про ёго
И чогось боюся.
Дурна була, молодал—
Я все выглядала,
Чи не пле за рушыками.
И не сподивалась,
Що винъ мене, дурну, дурыть.
А серде болило,
Нибы знало, що такъ буде,—
Сказати не вміло.
А якъ-бы було сказано,
То я бъ не любила;
Може була бъ до крыныци
У гай пе ходила.
А то въ-ранци и въ-вечери
Ходила, гуляла;
Доходилася—осталася,
На вики осталась
Дивувати. Тяжко мени
У матери въ хати
Старитися; а своєї
Вже хаты не мати.

А ще й доси, чи роблю що,
 Чи то такъ гуляю,
 Усе думаю про ёго,
 И сама не знаю,
 Чого думаю, чого я
 У той гай ходыла,
 И за що его такъ довго,
 Такъ тяжко любыла.

Люли, люли, моя дытыно,
 Въ десь и въ-ночи...
 Пайдешъ, мій сыну, по України,
 Насъ клепучы.
 Сыну мій, сыну! не клены тата,
 Не помъяны.
 Мене, прокляту, л—твол маты,—
 Мене клены...
 Мене не стане,—не йди мижъ люде,
 Иды ты въ гай:
 Гай не спытае й бачыть не буде...
 Тамъ и гуляй.
 Найдешъ у гаи тую калышу,
 То прыгорнысь...
 Бо я любыла, моя дытыно,
 И колысь.
 Якъ пайдешъ въ села, у тыи хаты,
 То не журысь,
 А якъ побачыши зъ диткамы матиръ,
 То--пе дывись!

 Ой не пьоться пыва, мёды,
 Не пьеться вода,—
 Прылучиласъ зъ чумаченькомъ
 У степу бида:
 Заболила головопъка,
 Заболивъ жывитъ,—
 Упавъ чумакъ коло возу,
 Упавъ та й лежыть.
 Изъ Одессы преславной
 Завезлы чуму;
 Покынулы товарыша,
 Горепъко ёму!
 Волы ёго коло возу
 Шонуро стоять;
 А изъ степу гайвороны
 До ёго летять.
 „Ой не клюйте, гайвороны,
 Чумацкого трупу:
 Наклювавшысь, подохнете
 Коло мене въ-купи.
 Ой полетить, гайвороны,
 Моп съзокрыли,
 До батечка, та скажите,
 Щобъ службу служыли,
 Та за мою гришпу душу
 Псалтыръ прочитали,
 А дивчини молоденъкій
 Скажить, щобъ не ждала”.

недиленъку та ранеселько;
 Ще сонечко не зиходыло,
 А я, молоденька,
 На шляхъ, на дорогу
 Невеселая выходыла.
 Я выходыла за гай, па долину,
 Щобъ не бачыла маты,
 Мого молодого
 Чумака зъ дорогы
 Зостричаты.
 Ой зострилась я
 Зъ тымы лозамы:
 Та зъ чумашкымы возамы
 Идуть ёго волы,
 Волы половыи,
 Идуть, ремыггають;
 А чумаченька мого молодого
 Коло волыкивъ немас.
 Ой копали ёму въ стечу иры дорози
 Та прытыкамы яму;
 Завернулы ёго у тую рогожу,
 Та и спустилы Йвана
 У ту яму глыбокую
 На высокий могыли.
 Ой, Боже мылый, мылосердый!
 А я такъ ёго любыла...

Й пишила я у яръ за водою,
 Ажъ тамъ мылый гуляе зъ другою.
 А другая тая,
 Розлучынца злая,—
 Багатая сусидонька,
 Вдова молодая.
 А я вчора зъ нею,
 Зъ сieю змieю,
 Въ поли цлоскинь выбирала,
 Та все й розсказала,—
 Що якъ мене любыть,
 Женытыся буде,
 И до себе злую суку
 Просыла въ прыдане.
 Іване мій, Иване,
 Друже мій коханый!
 Побый тебе сыла Божа
 На наглій дорози!

оло гаю, въ чистимъ поли,
 На самiй могыли,
 Дви тоцоли высокыи;
 Одна одну хылыть,
 И безъ витру гойдаются,
 Мовъ борются въ поли...
 Отто сестры чаривныци
 Отны тополи.

Закохалыся обыдни
 Въ одного Ивана;

А Иванъ — козакъ звычайпый —
 Обохъ ихъ не ганывъ,
 И лыцався то зъ тію,
 То зъ другою любо,—
 Покы въ лру, у-вечери,
 Нидъ зеленымъ дубомъ
 Не зйшлыся уси трос...
 — Оттакъ то ты, кате,
 Згнущаешся надъ сестрамы?..

И пишли шукаты
 Труты-зилля, щобъ Ивана
 Завтра отруиты.
 Найшли зилля, накопалы,
 И стали варыты.
 Заплакалы, зарыдалы,
 Та нема де дитысь —
 Треба варить!..

Наварылы;
 Ивана струили,
 Й поховалы коло гаю
 Въ поли на могыли.

И байдуже?.. Ни, не дуже!
 Бо сестры ходылы
 Що-день Божий въ-ранци рапо
 Плакать надъ Иваномъ,
 Покы й самы потруились
 Тымъ зиллямъ поганымъ.

Л Богъ людямъ па пауку
 Поставывъ ихъ въ поли,
 На могыли тополямы, —

И тыи тополи
 Надъ Иваномъ на могыли,
 Коло того гаю,
 И безъ витру гойдаются,
 И витеръ гойдае.—

й я своего чоловика
 Въ дорогу послала;
 А одъ шынку та до шынку
 Стежечку топтала.
 Та до кумы заходыла
 Шона позычаты —
 Отыхъ дитет годуваты
 Въ нетопленій хати,

И нагодувала,
 И спаты поклала,
 Сама шшла до дяка
 Добуваты пъятака,
 Та й заночувала.

А изъ Крыму чоловикъ
 Ледве ногы доволикъ:
 Волы поздыхалы,
 Возы поламались,—
 Зъ батижкамы чумаченьки
 До дому вертались.
 Увійшовъ у хату,
 Ударывсь объ полы, —

Лазять диты у заичку,
Голодни и голи.
 „А де вапа, диты, маты?“
 Сердешный пытае,
 — „Тату! тату! наша маты
У шы'ку гулле“.

топтала стежечку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, серденько,
На базарь.
 Продавала бублыки
Козакамъ,
Вторговала, серденько,
Цытака.
 Я два шагы, два шагы
Пропыла,
За кошайку дудныка
Найняла.
 Заграй мени, лудныку,
На дуду,
Нехай свое лышенько
Забуду.
 Оттака я дивчына,
Така я!
 Сватай мене, серденько, —
Выйду я!

перетыку ходыла
По горихы,
Мирошина полюбила
Для потихы.

Мельникъ меле, шеретуе,
Обернеться, поцилус —
Для потихы.

У перетыку ходыла
По опеньки,
Лымаренка полюбила
Молоденька.

Лымарь кычку зашывае,
Мене горне, обнимае —
Молоденьку.

У перетыку ходыла
Я по дрова,
Та бондаря полюбила
Чорноброва.

Бондарь видра набывае,
Мене горне, прыгортает—
Чорноброву.

Колы хочепъ добре знаты,
Моя маты,
Кого будешъ по-переду
Зятемъ зваты —

Усихъ, усихъ, моя мамо,
У недиленьку зятимы
Будешъ зваты.

уманъ, туманъ долыною —
 Добре жыты зъ родыною;
 А ще лучче за горою
 Зъ дружыною молодою.
 Ой пійду я темпымъ гаемъ —
 Дружынонкы пошукаю.
 „Де ты? де ты? озовыся!
 Прыиды, серце, прыгорныса!
 Нумо, серце, лыцятыся
 Та пойидемъ винчатыся,
 Щобъ не зналы батько й маты,
 Де мы будемъ почуваты“.
 Одружились, заховалысь...
 Бодай булы не кохалысь!
 Легше було бъ самій жыты,
 Якъ зъ тобою въ свити бытысь.

Еначе праведныхъ дитей,
 Господь, любя своихъ людей,
 Пославъ на землю имъ пророка —
 Свою любовь благовистыть,
 Святому розуму учыть.
 Еначе напъ Дніпро широкий,
 Слова ёго лылышь, теклы
 И въ серце падалы глыбоко,
 И, nibы тымъ огнемъ, пеклы
 Холодни душпи. Полюбылы
 Пророка люде, и молышь

Ёму, и слезы знай лымы.
 А потимъ... люде, родъ лукавый,
 Господиою святую славу
 Ростлилы и чужымъ богамъ
 Пожерлы жертвы, омерзылысь
 И мужа свята — горе вамъ!—
 На стогнахъ каменемъ побылы,
 И заходылыша гулять,
 Святою кровью шынкувать.
 И праведно Господь великий
 На васъ на лютыхъ, на васъ дыкыхъ
 Кайданы повеливъ кувать,
 Глыбоки тюрмы муровать.

• • • • • • • • • •

Въ-за гаю сонце сходить,
 За гай и заходить.
 По долины у-вечери
 Козакъ смутный ходить.
 Ходить винъ годыну,
 Ходить винъ и другу, —
 Не выходить чорнобрыва
 Изъ темного лугу.
 Не выходить зрадливая...
 А зъ яру та лису,
 Зъ собакамы та псарямы,
 Иде панъ-гульвиса.
 Цѣкуютъ его собакамы,

прутять назадъ руки,
И завдають козакови
Смертельный муки.
У лѣхъ его молодого,
Той панъ замыкае,
А дивчыну покрыткою
По свиту пускае.

Га выгострю товарыша,
Засуну въ халяву;
Та пиду шукаты и правды
И тієи славы.
Ой пиду я не лугамы
И не берегамы,
А пиду я не шляхамы,
А по-надъ шляхамы.
Та ссытаю въ жыдовына,
Въ багатого пана,
У шляхтыча паганого
Въ паганимъ жупани,
И у ченця, якъ трапыться,
Нехай не гуляе,
А святе пысьмо чытае,
Людей поучает:
Щобъ братъ брата не ризалы,
Та не окрадалы.
Та въ москали вдовыченка
Щобъ не оддавалы.

— 1850. —

Ичу въ неволи дни и ночи,
И ликъ забываю!
О, Господы! якъ то тяжко
Гіи дни мышають!
А лита плывуть за нымы,
Плывуть соби съ-тыха,
Забирають за собой
И добро, и лыхо;
Забирають, не вертають
Николы ничего...
И не благай, бо пропаде
Молытва...

Каламутнымы болотами
Мижъ бурьянамы, за годами
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взялы
Зъ мои темнои коморы
И въ море нышкомъ однеслы;
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато-серебро—

Мои лита—мое добро,
 Мою пудьгу, мои печали—
 Тыи пезрымыи скрыжали,
 Незрымыи пысапи перомъ...
 Нехай гнылымы болотамы
 Течуть соби мижъ бурьянамы
 Лита невольнычи! А я...
 (Такая заповидь моя)
 Посыжу, тропики погуляю,
 На степъ, па море подывлюсь,
 Згадаю дё-що, заспиваю,
 Та ѹ зновъ мережать захожусь
 Дрибнепъку кыжечку... Рушаю!

аступыла чорна хмара
 Та билую хмару:
 Выступылы зъ-за Лыману
 Зъ туркамы татары;
 Изъ Полоссия шляхта лизе,
 А гетьманъ поповычъ
 Изъ-за Дніпра напирае,
 Дурный Самойловычъ.
 Зъ Ромодапомъ; мовъ та галичъ,
 Вкрылы Украину
 Та ѹ клюютъ, елыко-мога.
 А ты, Чыгырыне!
 А ты, старый Доротенку,
 Запорозький брате!
 Нездужаешь, чи боишся
 На ворога статы?

„Не боюсь я, отамапы,
 Та жаль Украины!“
 И заплакавъ Дорошенко,
 Якъ тая дытына:
 „Не розсыплемъ вражу силу,
 Не встану я знову!
 Возьмить мои гетьманськыи
 Клейноды, ианове,
 Та однесить москалеви:
 Нехай Москва знае,
 Що гетьмана Дорошенка
 На свити немае.
 А я, браты запорожци,
 Возьму соби рясу
 Та ииду поклоны быты
 Въ Межыгоръ до Спаса“.

Задзвонилы въ уси дзвоны,
 Гармата гримала;
 У дзи лавы задніпрянци
 Зъ москалямы стали,
 Ажъ на мылю. Мижъ лавамы
 Понеслы клейноды.
 — Годи тоби, Петре, пыты
 Изъ Тясмына воду!
 Положилы ти клейноды
 Попенкови въ ноги;
 — Иды, Петре, въ Межыгорье
 Молытися Богу!
 Не пустылы Дорошенко,
 У ряси пизналы,
 Закувалы у кайданы,
 Въ Сосныцю послали;

А зъ Сосныци въ Ярошолче *)
 Вику дожываты.
 Оттакъ тоби довелось,
 Запорозьский брате!

Выглянуло падъ Чыгрыномъ
 Сонце изъ-за хмари:
 Потяглы въ свои улусы
 Зъ туркамы татары.
 А ляхы зъ своимъ Чарнецькымъ,
 Зъ паганымъ Степаниомъ,
 Запалылы церкву Божу,
 И кости Богдана
 Й Тымошевы въ Субботови
 Гарнечко спалылы,
 Та й пишли соби у Польшу,
 Мовъ добре зробылы.
 А москали зъ Ромоданомъ
 Въ недиленьку рано
 Пишли соби зъ поповычемъ
 Шляхомъ Ромоданомъ.

Мовъ орель той прыборканый,
 Безъ крыль та безъ воли,
 Зпемигъ славный Дорошенко,
 Сыдичы въ неволи,
 Та й умеръ зъ нудьги. Остыло
 Волочить кайданы!
 И забулы въ Украини
 Славного гетьмана.

*) Село коло Москвы.

Тилько ты, святый Ростовський,
 Згадавъ у темныци
 Свого друга великого,
 И звеливъ каплыцу
 Надъ гетьманомъ змуруваты
 И Богу молытесь,
 За гетьмана панахыду,
 За Петра служыты.
 И доси ще, що-рикъ Божий,
 Якъ день той настале,
 Идуть правыть панахыду
 Надъ нашымъ гетьманомъ.

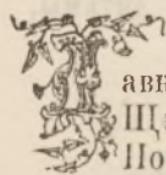
Гъ бы вы знали, панычи,
 Де люде плачутъ жывучы,
 То вы-бъ идилій не творылы,
 Та марне Бога бъ не хвалылы,
 На наши слёзы сміються.
 За що, не знаю, называютъ
 Хатыну въ гаи тыхымъ раемъ?
 Я въ хати мучывся колысь,
 Мои тамъ слёзы пролылысь,—
 Найперши слёзы! Я не знаю,
 Чи есть у Бога луте зло,
 Щобъ у тій хати не жыло?
 А хату раемъ называютъ!
 Не называю іи раемъ,
 Тіи хатыночки у гаи,
 Надъ чистымъ ставомъ край села.
 Мене тамъ маты повыла

И повывающы спивала,
 Свою нудьгу перелывала
 Въ свою дытыну; въ тимъ гаю,
 У тїй хатыни—у раю,
 Я бачывъ пекло... Тамъ неволл,
 Робота тяжкае; николы
 И помолытысь не даютъ.
 Тамъ матиръ добрую мою
 Ще молодую, у могылу
 Нужда та праця положылы;
 Тамъ батько, плачучы въ дитымы,
 (А мы мали булы и голи)
 Не вытерпивъ лыхои доли,—
 Умеръ на панцыни!... а мы
 Розлизалыся межи людьмы,
 Мовъ мышенията. Я до школы—
 Носыты воду школярамъ,
 Братьы на панцыну ходылы,
 Покы лобы имъ поголылы.
 А сестры!.. сестры! Горе вамъ,
 Мои голубкы молодыи!
 Для кого въ свити живете?
 Вы въ наймахъ вырослы, чужыи,
 У наймахъ косы побиліуть,
 У наймахъ, сестры, й умрете!
 Мени ажъ страшно, якъ згадаю
 Отту хатыну край села:
 Такіи, Боже нашъ, дила
 Мы творымо у нашимъ раи!
 На праведній Твой земли
 Мы въ раи пекло розвели,
 А въ тебе другого благаемъ.
 Зъ братамы тыхо жывемо,

Ланы братамы оремо
И ихъ слёзамы полываємъ...

ТЫТАРИВНА.

авно се діялось колысь:
Ще якъ борди у насть ходылы
По селахъ, та дивчать дурылы,
Зъ громады киылы, хлоицивъ былы,
Та верховодылы въ сели,
Якъ ти гусары на постой;
Ще за гетьманщины святои—
Давно се діялось колысь.

У недилю на сели,
У орапди, на столи
Сыдилы лирныки, та гралы
По шелягу за танець.
Кругомъ ажъ курява вставала—
Дивчата танцовалаы
И парубки.—„Уже й кинець!
А нуте иишу!“—„Та й се добра!“
И знову лиры заревлы,
И зновъ дивчата, мовъ сорокы,
А парубки, узявишись въ бокы,
Навпрысадкы пишлы...

Найкращый парубокъ Мыкыта
 Стоить на лави въ сирій свыти.
 Найкращый хлопець, та байстрюокъ,
 Байстрюокъ соби, та ѿ й убогый,

Такъ и никому пе до ёго.

Стоить со и. Якъ той...

Плечыма стело пидпирае
 Та дывыться и замирае
 На тытаривну. А та въ квитахъ,
 Мовъ намалёвана, стоить
 Сама соби, и на Мыкыту
 Неначе глянула. Горыть,
 Горыть Мыкыта въ сирій свыти!

Шелляга выймае,
 И за того остатнёго
 Музыку паймае,
 И неривню тытаривну
 У танець витae...

-- „Одчепыся, пройдышвите!“
 И зареготалась
 Тытаривна: „хиба тоби
 Наймычокъ не стало?“
 Насміялась Тытаривна
 Зъ бидного Мыкыты,
 Насміялася пры людяхъ,
 Шо винъ въ сирій свыти.
 Буде тоби, тытаривно!
 Заплачешъ, „небого,
 За ти смихы!

Де жъ Мыкыта?
 Въ далеку дорогу
 Пишовъ соби... Зъ того часу

Не чуть ёго стало...
 Зъ того часу тытаривни
 Щось такеे стало... .

До-дому плачуы прыйпла,
 И спаты плачуы лягла,
 И не вечеряла, не спала ---
 Яка лягла, така и встала,
 Мовъ одурила. Що робыть —
 Сама не знае. А Мыкыта,
 Неначе сычъ, у сирій свити
 Цередь очыма все стоить:
 Мара та й годи! Тытаривно,
 Въ недобрый часъ зъ того неривни
 Ты насміялась. Стало жаль
 Тобя ёго... Нудьга, печаль
 И соромъ душу оступылы,
 И ты заплакала. Чого?
 Того, що тяжко полюбыла
 Мыкыту бидного того!

Дывэ дывнєе на свити
 Зъ тымъ сердемъ бувае:
 У-вечери цураеться,
 Въ-ранци забажае.
 Та такъ тяжко забажае,
 Що хочъ на край свита
 Шукать пиде. Оттакъ теперъ
 Не знае, де дитысь
 Тытаривна... Хочъ у воду,
 Абы до Мыкыты!
 Стережитесь, давчаточка,
 Смытысь зъ неривни,

Щобъ не було и вамъ того,
Що тій тытаривни.

Якъ та былина засыхала;
А батько, маты турбувалсь;
На прощу въ Кыивъ повезли,
Святыми травами поили,—
И все-таки не помогли.
Втонтала стежку на могилу,—
Все выглядать ёго ходила.
И стежка стала заростать,
Бо вже нездужає и встать.
Такъ отъ що смихи наробыли!
А винъ канувъ, провалывся;
Его вже й забули,
Чи й бувъ коли. Годъ за годомъ
Три годы мынули.
На четвертый годъ въ недилю,
У оранди на сели,
На широкому столи
Слили лирныки сидили;
По шелягу бралы
И ту саму гралы,
Що и позаторикъ. Дивчата
Такъ само дрибно танцювали,
Якъ и позаторикъ.
Завзятый,
У синій шапци, у жупани,
Въ червоныхъ, якъ калына, штаняхъ
Навпрысядки влита козакъ,
Та ще прыспивуе оттакъ;

„Та спасыби батькови,
 Та спасыби матери,
 Що нась добулы!
 Якъ нась добувалы,
 Жыто розсыпалы
 Въ-ночи на печи!“

— „Горилки! меду! Де отаманъ.
 Громада, сотськи? Преногане,
 Мерзене, мерзле парубоцтво!
 Ходите быться, чи бороться!
 Бо я борецъ“.

Не педилю,
 Не дви, не тры й не четыри,
 Якъ тій болячци, якъ тій хыри,
 Громадою годылы
 Тому борцеви. Вередуе,
 Якъ той панычъ... и де взялось
 Таке хыренпе! Все село
 Проклятого не нагодуе;
 А вінь соби гуляе, пье,
 Та хлоццямъ жалю завдае
 Тымы дивчатамы. Дивчата
 Ажъ понедужалы за нымъ:
 Такый хороший та багатый!
 Уже й не бореться ни зъ кымъ,
 А такъ соби гуляе,
 Та вечерамы у садочокъ
 До тытаря вчаще.
 А тытаривна зостричае,
 Прыснивуе, прымовлие:
 „Чи, не той де Микута,
 Що зъ вылётамы свыта?“

Той це, той, що на сели
 Ты насміялася колись;
 А теперъ сама до ёго
 У садочокъ ходышъ,
 Сама ёму, байстрюкови,
 Якъ панови годышъ.
 Не день, не два тытаривна
 Въ садочокъ ходыла;
 Не день, не два, якъ панови,
 Микути годыла.
 Догодылась тытаривна
 До самаго краю
 И не счулась...

Дни мынулы,
 Мисяци мынаютъ;
 Мина лито, мына осинъ;
 Мына семый мисяцъ, осмыій,
 Уже й девятый настает,—
 Настапе горенько твое!

У тытаря у садочку,
 У яру, крыныця
 Нидъ вербою. До крыныци,
 Не воды напыться
 Ледве ходыть тытаривна, --
 Трохы пожурыться,
 Поплакаты, погадаты,
 Якъ ій дивуваты,
 Де ій дитысь одъ сорому,
 Де ій заховатысь.
 Разъ у-вечери, зимою,
 У одній свитини,
 Іде боса тытаривна

И несе дытыну.
 То підійде до крыныци,
 То зновъ одступае,
 А зъ калыны, мовъ гадына,
 Байстрюкъ выглядает.

Положыла на цымрыну
 Тытаривна сына,
 Та й побигла... А Мыкыта.
 Вылизъ изъ калыны,
 Та й укынувъ у крыныцио,
 Неначе щеня те.
 А самъ пійшовъ, спивающы,
 Сотському сказаты, —
 Та щобъ ишовъ зъ громадою
 Дытыну шукаты.

У недиленьку раненько
 Збидалася громадонька!
 Та крыныцио вылывалы,
 Та дытая тее шукалы.

Найшли, найшли твого сына,
 Тытаривно, въ баговинни!
 Ой узялы безталанну,
 Заikuвалы у кайданы,
 Сповидалы, прычацалы,
 Батька, матиръ нарикалы,
 Громадою осудылы,
 И живу положылы
 Въ домовыну, й сына зъ нею,
 Та й засыпалы землею.
 Стovпъ высокий мuroвали,

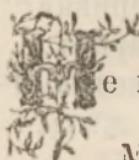
Щобъ про неи люде зналы —
Дитей своихъ научалы;
Щобъ навчалыся дивчата,
Колы не вчить батько, маты.
Борца того въ сели не стало.
А люде въ Польщи зостричали
Якогось паныча; пытавъ:
— „Чи жыва, каже, тытаривна,
Чи насмихаеться зъ неривни?“
Отто винъ самый. Покаравъ
Ёго Господь за грихъ великий—
Не смертю: винъ буде жыть,
И сатаною-чоловикомъ
Винъ буде по-свиту ходыть,
И васъ, дивчаточка, дурыть
Бо-вики.

Мы заспивалы, розійшлись
Безъ слёзъ и безъ розмовы.
Чи зійдемося жъ знову,
Чи заспиваемо колы?
А може й те... та де? Якымы?
И заспиваемо яку?
Не тутъ и, певне, не такымы,
И заспиваемъ не таку!
И тутъ не весело спивалы,
Бо й тутъ не весело було,
Та все-такы якось жылось—
Прынаймни, въ-купи сумовалы,
Згадавши той веселый край

И Дніпръ той дужий, крутогорий,
И молодее тое горе,
И молодый той грипиний рай,

Х А Т Ы Н А.

е молылася за мене,
Поклоны не клала
Моя маты; а такъ соби
Мене повыва а,
Спиваочы; „пехай росте
Та здорове буде!“
И выристъ я, хвалыть Бога,
Та не вылизъ въ люде.
Лучче бъ було не родыты,
Або утоныты,
Якъ мавъ бы я у недоли
Госиода гнивыты.

А я такъ мало пебагато,
Благавъ у Бога,—тилько хату,
Одну хатыночку въ гаю,
Та два тополи коло неи,
Та безталанную мою...
Мою Оксаночку, щобъ зъ нею
У-двохъ дывытися зъ горы
На Дніпръ широкий, па яры
Та на ланы золотополи,
Та на высокыи могилы,—

Дывытысь, думаты, гадать;
Колы то ихъ понасыпалы?
Кого тамъ люде поховалы?
И въ-двохъ тыхенъко заспивать
Ту думу сумпую, днедавну,
Про лыцаря того гетьмана,
Що па огни ляхы спеклы.
А потимъ бы зъ горы зійшли,
По надъ Дніпромъ у темнимъ гаю
Гулялы бъ, покы не смеркае,
Покы мырь Божий не заснё;
Покы зъ вечернію зарёю
Не зійде мисаць надъ горою,
Туманъ на ланъ не прожене,—
Мы бъ подывыльсь, помолыльсь,
И розмовляючи пишли бъ
Вечеряты въ свою хатыну.

Я тилько хаточку въ тимъ раи
Благавъ, и доси іще благаю.
Щобъ хочъ умерты на Дніри,
Хочъ на малесенькій гори.

1850 p. Надъ Каспіемъ

П Е Т Р У С Ъ.

улы на хутори паны—
И панъ, и пани небагати,
И дочечка у ихъ росла,
Уже чимала пиднялась;
И генералъ іи посватавъ,
Бо страхъ хорошая була;
А генералъ бувъ страхъ багатый.
Отъ и таланъ Господь пославъ
На вбогый хуторъ... ублагали
Царя небесного!.. Взялы—
И гарненько одяглы,
Та у недилю й повинчалы,
И генеральшою назвалы,
И цугомъ въ Кыеvъ повезалы.

Було на хутори логане
Мале байстря—свыней пасло,
Петрусемъ звалось; на придане
Воно за панною пишло
У генеральскее село
Свыней же пасты, безталанне.

За баломъ балъ у генерала
За генеральшою чимала
Орда панивъ и панычивъ;
А генеральша у ночи
Уже тыхенько й плакать стала.
— „Запапастыла мене маты...
Зовъяне марие у палатахъ

Краса и молодость моя.—

„Ты, душко, плачешь?— „Хто се? я?

Ни, я не плачу...“ „Знаешь, Маню?

У городи теперь армяне:

Купы соби, Машуню, шаль“.

— „Мени не треба тии шали...“—

„Не задавай же сердю жалю!

Купы, голубко. Не печаль

Мого ты сердя!... А весною

Въ Парижъ пойидемо въ тобою,—

Або пойидемо въ село...

Якъ скочешъ, сердце...“

Тихо, тихо

Зима мынала; кралось лыхо

Та въ самимъ серди й уляглось

У генеральши молодои.

Пойихалы въ село весною;

Въ сели банкеты загулы;

А генеральша плаче, плаче,

А генералъ того не бачить;

А вси вже бачылы въ сели.

Зъ нудьги изъ двору погуляты

Якось задумавшись пишла,

Та ажъ за царыну зайшла.

Та й бачыть, що пасе ягнята

Мале хлопъяточко въ стерни.

— „Ой, горе, горенько мени!

Що я робытыму на свити?

— „Се ты, Петрусь?— „Аже жъ я...“

— „Ходимъ до мене; будемъ жыты,

Лѣтъ тамъ на хутори колысь

Жылы, жылы...“ ТА Й ПОХЫЛЫЛАСЬ,
 Очей не зводячы, дывылась
 На Петруся. „Однымъ одна
 И выростала, й дивувала,
 И за старого генерала
 Занапастылы—продалы,
 И вкупи гроши пропылы...“
 И тяжко, тяжко зарыдала.
 — „Ходимо серце погулять!
 Ходимъ, Петрусю, въ садъ, въ палаты“.
 „А хтожъ тутъ буде доглядатъ,
 Хто попасе мои ягнята“?
 — „Нехай хто хоче!“ Й повела
 Его въ палаты. А въ палатахъ
 Прыченурлы, одягла,
 А потимъ въ школу oddala...
 И любо ій... Нехай радie,
 Нокы надлю серце грie,
 Нокы росте съ того зерна
 Або кукиль, або ишениця...
 Бо мы не знаемъ, що творыться
 У ёго тамъ. А винъ хочъ зна,
 То намъ не скаже... Якъ бы знала
 Матуся горенько твое,
 Чи oddала бъ за генерала
 Дытя едыннее свое?
 Не oddала бъ... А въ тимъ,—не знаю,
 Бо всяки матери бувають...

Мынають дни соби на воли;
 Петрусь до школы да изъ школы
 Зъ книжкамы ходыть, та росте;
 Сама ажъ пибы молодie,

А генераль соби радіе,
Що дило, бачите, святе
У-двохъ такы воны зробылы.

Петра на волю одпustылы;
Зимою въ Кмевъ видвезлы,
И тамъ у школу oddалы,
И тамъ чи мало поповчылы.
Вернувся зъ Кмева Петрусь
Уже Петромъ и панычень,
И кучери ажъ по плече,
И высыпався чорный усь
И ще... Та се ще не втече:
Розскажемъ иноди колысь
Про те, що снылося Петрови.
А генеральши чорнобровій
Що сныться?:

Передъ Пречистою
Горыть лампада у-ночи.
Поклоны тяжкыи бьюочы,
Рыдала, былася... нечистую,
Огненнную слёзу лыла.
Вона благала Пресвятую,
Щобъ та ій... щобъ та спасла,
Щобъ одурить ій пе дала,
Пренепорочная... И всуе,
Молитва ій не помогла:
Вона, сердешна, одурила,--
Вона, небога, полюбила
Свого Петра!... И тяжко ій,
Душа не гришній молодій!
Та що жъ робыть? Не стало сылы!
Сердега разомъ одурила.
Та і якъ ёго одній святыи

Прожыты лита молодыи?
 Воны жъ не вернуться!.. Якъ хочъ!
 А лыхо, кажуть, перескочъ,
 А то задавыть. Генеральша
 Не перескочыла,—бо ій
 Хотилось жыты, молодій!
 Хотилося бъ... Густенька каша,
 Та каша, бачте, то не наша;
 А нашъ песоленый кулишъ—
 Якъ знаешъ, такъ его и йижъ!
 — Петрусь! Друже мій едыный!
 Мое серце! Мій ты сыну!
 Рятуй мене, рятуй! рятуй!
 О, Матиръ Божая! Роскуй
 Мою ты душу!—И рыдала,
 И батька, і матиръ проклынала,
 И все на свити. А Петрусь—
 И единая дытына—
 Гулявъ соби пренеповынныи
 Въ саду, та арію якусъ
 Мугыкавъ стыха. Бильшъничого
 Петрусь не бачывъ. А небога
 Сама не знае, що робыть
 И що ій діяты зъ собою?
 — Пойду въ Кыевъ, помолюся:
 Молытва може прожене
 Діавола... О мій Петрусь!
 Молытва не спасе мене—
 Я у Дніпрови утоплюся!—

Молите, Господа, дивчата,
 Молите Господа, щобъ маты
 И васъ оттакъ не завдала

За генерала, за палаты
 И вაсть оттакъ не продала...
 Любитесь, диточки, весною...
 На свити йе кого любыть
 И безъ корысти; молодою,
 Пренепорочною, святою,
 Въ малій хатыни буде жыть
 Любовъ та чистая, и буде
 Святый покой вашъ стерегты
 И въ домовыни.

Щожъ то буде
 Зъ превосходытельною? Що ты
 Теперь робытымешъ зъ собою,
 Съ своею божою красою?
 Хто стерегтыме твій покой,
 Украденый твоимъ Петру емъ?
 Нихто
 Не встереже теперъ! Боюся,
 И вымовыть боюсь теперъ
 Твое грядущее...

У Кьевъ йиздыла, молылась,
 Ажъ у Почаеви була—
 Чудовная не помогла,
 Не помогла святая сила.
 А ты ажъ плакала—молылась,
 Та й занехаяла. Везла
 Назадъ гадюку въ серци люту,
 Та трошки въ пляшечци отруты.

Не йила три дни й не пыла,
 Вернувшись съ прощи, и три ночи
 Не спала; впалы кари очи;
 Засохлы губы; и въ ночи

Щось ходя шепче сміочьсь...
 Ажъ тыжденъ такъ соби пудыла.
 А потимъ труты розвела
 И генерала напоила,
 Та й спать упоравшись лягла.
 — Тенеръ старого поховаю,
 А молодого прывитаю,
 Та й буду жыть соби, та й жыть,
 Нетруся—серденька любыть...—
 Шодумала, чи то сказала,
 Хотила спать, але не сиала;
 И ждала свиту—и дожыть
 До свиту Божого боялась.

И задзвонили въ-ранци рано
 По генераловій души;
 Заговорили щось погане,
 До генерала идучи
 Прощатысь, люде. Ажъ гуде,
 Зъ усихъ усюдъ народу йде:
 Та щось шепочуть про огруту
 И судовыхъ неначе ждуть.
 И разомъ стыхлы на мынуту—
 Прыйхали. Ножи беруть,
 И генерала росчыняютъ,
 И ядъ находять въ животи.
 Громада глухо прыслагае,
 Запрысягла. Пытае судъ:
 — Тенеръ скажите, християне,
 Хто отруивъ ёго?—Гудуть,
 Мовъ стыха здвоны: „Пани, пани!“
 Громада зычно загула.

Тоди на кганокъ выхожае
 И до громады промовляе

Петрусь и каже:—Я зробывъ,
 Я генерала отруивъ,
 А вы не знаете вничого!
 Взялы Петруся молодого,
 Та въ городъ въ путахъ одвезлы;
 Его не довго мордувалы
 Въ тюрми, въ суди; а въ добрый часъ
 Въ кайданы добре закувалы,
 Переоголылы про запасъ;
 Перехрестысь, отакъ убраний,
 И поволикъ Петрусь кайданы
 Ажъ у Сибирь.

С увае, въ неволи иноди згадаю
 Свое стародавне—шукаю, шукаю,
 Щобъ чымъ похвалытысь, що й я такы жывъ,
 Що й я такы Бога колысь-то хвалывъ;
 Шукаю, шукаю... Господы бъ, хотилось
 Згадать хоть ишо небудь! То оде й наткнувшись
 На таке погане, що такъ и заснувъ,
 Богу не молившись. Отъ мени прыснилось
 (Свынею заснувшы, звычайне такой
 И сонъ прыверзеться), нибы край могилы
 Насу я ягнита—а я ще малый.
 Дывлюся: могила нибы розвернулась,
 А зъ неи выходыть неначе козакъ,
 Уже й сывоусый соби, неборакъ,
 Та и йде до мене... Я соби звернулось,
 Щеня мовъ цидъ тыномъ — звычайно мале,

То й перелякалось. Отъ мене бере
 Неначе на руки, та несе въ могылу;
 А чорна могыла ще гирше розкрылась.
 Дывлюся—въ могыли усе козакы:
 Який безголовый, який безъ руки,
 А хто по колина неначе одтлый;
 Лежать соби хлопци, мовъ у теплій хати.

— „Дывся, дытыно—оце козакы!“ —

Нибы мени каже: „На всій України
 Высоки могылы; дывися, дытыно,
 Уси ти могылы—уси оттаки:
 Начыпени нашымъ благороднымъ трупомъ,
 Начынени тugo... Оце воля спыть.
 Лягла вона славно, лягла вона въ-купи
 Зъ намы козакамы. Бачыпъ, якъ лежыть!
 Наначе сповыста... Тутъ пана немае:
 Уси мы одпако на воли жылы;
 Уси мы однако за волю ляглы;
 Уси мы и встанемъ; та Богъ ёго знае,
 Колы то те буде. Дывся жъ, дытыно,
 Да добре дывся! А я розскажу,
 За що Україна наша стала гинуть,
 За що й я мижъ нымы въ могыли лежжу.
 Ты жъ людямъ розскажешъ, якъ выростешъ, сыну,
 Слухай же, дытыно...“

А потимъ лгнята

Прыснылъсь у жыти; лановый бижыть,
 Та бье мене добре и нибы, проклтый,
 Святыну здырае... И доси болыть,
 Якъ сонъ той згадаю! А якъ нагадаю

Козака въ могыли,—то й доси не знаю,
 Чи то було справди, чи то було такъ—
 Мара яка-небудь. Мени той козакъ
 Ровсказувавъ ось що.....

Ени здаеться—я не знаю,
 А люде справди не вмираютъ.
 А перелизе ще живе
 Въ свыню, а бо що, та й живе,
 Купаеться соби въ калюжи,
 Мовъ першъ купалася въ грихахъ.
 И справди такъ! Мени байдуже
 За простыхъ сирыхъ сиромахъ—
 Воны и Господомъ забути—
 Такъ щожъ мени тутъ...
 А де отти? Не вже въ сажахъ
 Годуе хамъ соби на сало?
 А може й такъ!... Добра чимало
 Воны творылы на земли:
 Рикамы слёзы розлылы,
 А кровъ морямы... Люде знаютъ,
 Кого годують, доглядаютъ.
 И що жъ вы скажыте—за славу
 Лылы воны моря кровави,
 Або за себе? Ни! за нась,
 За нась сердешныхъ мыръ палылы,
 Покы ихъ въ сажъ не засадылы.
 Якъ бы не те, то певне бъ пасъ
 Свынарь въ толоци. Кляти! Кляти!

Дежъ слава ваша? На словахъ!
 Де вашо золото, палаты,
 Де власть великая? Въ скленахъ,
 Въ скленахъ, новаиленыхъ катамы,
 Такымы жъ самыми, якъ вы!
 Жылы вы лютыми звиры,
 А въ свыни перейшли..

Де жъ ты,
 Великомученые святый,
 Гороche Божий! Ты мижъ намы;
 Ты, присносущий, всюды зъ намы
 Витаешъ ангеломъ святымъ.
 Ты, любой друже, заговорышъ
 Тыхенько-тыхо про любовъ,
 Про безталаиную, про горе,
 Або про Бога, та про море,
 Або про марпе лыту кровъ
 Зъ людей великими катамы;
 Заплачешь тяжко передъ намы—
 И мы заплачено... Жыва
 Душа постова святая,
 Жыва въ святыхъ своихъ речахъ;
 И мы читая, ожываемъ
 И чуемъ Бога въ небесахъ.

Спасыби, друже мій убогый,—
 Ты, знаю, ленту роздилывъ
 Свою едыну. Передъ Богомъ
 Багато, брате, заробивъ.
 Ты переславъ мени въ неволю
 Поста иштого; на волю
 Мени ты двери одчинывъ.
 Спасыби, друже! Прочытаю

Соби, хоть мало ожыву,
Надію въ серди прывітаю.
Тыхенько—тыхо засниваю
И Бога Богомъ назову.

У що бъ, здавалося, слова...
Слова та голосъ, бильшъ начого.
А серце бьеться, ожыва,
Якъ ихъ почуе... Знать, отъ Бога
И голосъ той, и ти слова
Идуть мижъ люде.

Помолывшиесь,
Не те щобъ дуже зажурывшись,
А такъ на палуби стоявъ
И сторчъ па море поглядавъ,
Мовъ па Іуду. Изъ туману,
Якъ кажутъ, стала выглядать
Червонопольця Діана.
Я вже думавъ спать лягать,
Та й ставъ, щобъ трохы подывыться
На круглыцию молодыцию,
Чи тес—дивчыну. Матрось,
Такы землякъ пашъ зъ Островнои *),
На вахти стоя,
Журмлеся самъ соби чогось.
Та й заспивавъ, звычайно тыхо,
Щобъ капитанъ не чувъ: бо зъ лыха
Якыйсь лыхый, хочъ и землякъ.
Спива матрось, якъ той козакъ,

*) Орловской губ.

Що въ наймахъ вырисъ сыротою,
Иде служыты въ москали.

Давно, давно колысь
Я чувъ, якъ стоя пидъ вербою,
Тыхенъко дивчына спивала,
И жаль мени, малому, стало
Того сирому сыроту,
„Що винъ утомывся,
На тынъ похылыся;
Люде кажуть и говорять!
Мабудъ винъ упывся“.
И я заплакавъ: жаль малому
Було сиромы сыроты.

Чого жъ теперь заплакавъ ты,
Чого теперь тоби старому
У сїй неволи стало жаль,
Що свитъ заввязаный, закрытый,
Що самъ есы теперь москаль,
Що серце порване, побыте,
И що хороше, дороге,
Було въ ему, то розмылося,
Що ось якъ жыты довелось?
Чи такъ, лебедыку?...—Еге!..

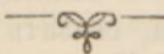

ЧИНИЦЫ ДИЗЛАКОЙ

— 3 — 1857. — 3 —

въ неволи, въ самоти немае,
 Нема зъ кымъ серде поеднать,
 То самъ соби оце шукаю
 Когось-то, зъ нымъ щобъ розмовлять...
 Шукаю Бога, а нахожу
 Таке, що цуръ ему й казать.
 Отъ що зробылы зъ мене годы
 Та безталанне. Та ще й те,
 Що литечко мое святе
 Мынуло хмарно, що немае
 Ниже едыного случаю,
 Щобъ доладу було згадать...
 А душу треба розважать,
 Во ій такъ хочеться, такъ просить
 Хочъ слова тихого... Не чутъ!
 И мовъ у поли снигъ заносить
 Неохолонувшій ще трупъ.

МОСКАЛЕВА КРЫНЫЦЯ.

Я. Г. Іухаренкови.

(На пам'ять 7 Мая 1857 року).

Е на Вкраини, а далеко—
Ажъ за Ураломъ, за Елекомъ,
Старый недобытокъ—вариакъ
Мени розказувавъ оттакъ
Про сю Крыныцю Москалеву;
А я, сумуючи спысавъ,
Та рыму иышечкомъ додавъ,—
Та невелычку и дешеву
(Звычайне, крадене!) зобгавъ
Тоби поему на спомыны,
Мій друже щырый, мій едный!

I.

Писля великои зими,
За Катерыни за царыци,
Москаль ту выкопавъ крыныцю,
А якъ винъ выкопавъ, то мы
Оце й розкажемо въ прыгоди,
А вы запысуйте; не шкодыть
Такую ричъ и запысать,
Бо се не казка, а былиця,
Або бувальщина, сказать.
Оттакъ пышить: Була крыныця...

Ни, не крыпцыя, а село—
Пышить—давно колысь було
Межы садамы, пры долыни,
Такы у насть, па Украини,
Було те Божее село.

Въ сели тому вдова жыла,
А у вдовы дочка росла
И сынъ малолитокъ.
Добре маты дитокъ
Багатому: хвалыть Бога
Въ роскошахъ; а вбогій
Вдови пе до того:
(Бо залылы за шкуру сала—
Трохы пе пропала)—
Думала иты въ черныци,
Або утоньтысь,

Такъ жаль маленькихъ дитокъ стало
(Звычайне, маты!—що й казать!)
Та, може, ждався такы й зять,
Бо вже Катруся пидростала:
(Катруссю вдовивга звалась)
Чи викъ же ій продивувать,
Зноситы бривоньки ни за що?
Хиба за те, що сырота?
А красота-то, красота!..
Мій Боже мылый! А трудяще,
А чепурне, та роботяще,
Та тыхе... бачъ п сырота,
А всимъ була на-вдывовыжу;
Бувало, выгляне изъ хыжи,
Якъ тая квиточка зъ росы,
Якъ тее сонечко зъ-за хмары.

Весь похолону, нежывый
Стою, бувало...

А ни кара,
Ни муки, кайданы,
Ниже лита, сыну,
Тіи силы не втомили...
Оттакъ и загыну,—
Такъ и згыну,—бо дывыся:
Смерти сподиваюсь,
А рыдаю, мовъ дытына,
Якъ я нагадаю
Катерину... Слухай, сыну,
Мій друже едыный!
Слухай добрe, та запысуй,—
Та на Украини
Якъ Богъ тебе допровадыть,
То розскажы, сыну,
Що ты бачывъ діявола
Своими очима!...

II.

Такъ, бачышъ, дивонька отта
Росла соби; и роботящий
(Бо всюды сыроты—ледацо)
У наймахъ вырись сырота,
Неначе батькова дытына.
Отто жъ, той самый сыротына
У наймахъ, сякъ соби, то такъ,
Прыдбавъ сирома грошенинъ,
Одежу справывъ, жупанину,

Та не видсиль и не видтиль
 Купывъ садочокъ и хатыну,
 Подякувавъ за хлибъ, за силь
 И за науку добрымъ людямъ,
 Та до вдовивны навпростеъ
 Шелестъ за рушыкамы!...
 Не торгувалъ зъ старостамы,
 Якъ те бува зъ багатырамы,
 Не торгувавсь и панъ-отецъ
 (На дыво людямъ та на чудо!):
 За три копы звинчавъ у буддень,
 Безъ пыхы, такъ, якъ довелось...
 Оттутъ-то, голубе мій сзыый,
 Оттутъ-то й лыхо почалось.

III.

Уже, лыбонь, писля Покровы
 Вертався зъ Дону я, та знову—
 (Бо я вже двичи посылавъ
 До дивчыны за рушыкамы)—
 Послать и въ третте миркувавъ,—
 Та зъ чумакамы, та зъ воламы,
 Якъ-разъ въ недилю на весилля
 До удовивны прычвалавъ.
 Пропало, все добро пропало,
 А ни щытынки не зосталось!...
 Пропавъ и я,—та не въ шынку,
 А на кобыли... На вику
 Вси люде бачить лыхо, сыну;
 Але такого, мій едыный,

Такого лютого—нихто,
 Нихто и здалека не бачывъ,
 Якъ я, лукавый! А тымъ часомъ
 Просохлы очи у вдовы;
 Пеначе въ Бога за дверыма,
 У зятя та въ сына
 Стара соби спочывае,
 А на Катерыну,
 На дытя свое едыне,
 Тильки поглядае.
 А я въ шынку зъ пьяпцыами
 Душу пропываю,—
 Та й пропывъ! Запродавъ душу,—
 И душу, и тило:
 Гило катови, а душу...
 О, Боже мій мылый!
 Хотилося бъ жыть на свити,
 Та-ба! треба вчытись,
 Якъ на свити жыты,
 А то бытимуть, та й дуже!..
 Не знаю, мій друже,
 Чи сатана лыхо коивъ,
 Чи я занедужавъ,
 Чи то мене злая доля
 Прывела до того!..
 Такы й доси ще не знаю,
 Не знаю ничего...
 Знаю тильки, що тверезый,
 (Бо вже а ни вына,
 Ни меды, ни оковыта
 Не пылься, сину)!..
 Оттаке-то сподіялось!
 Вмеръ батько и маты,

Чужи люде поховалы,
 А я, мовъ проклятый
 Той Іуда, одрынутый
 И людьмы и Богомъ,
 Тыняюся, ховаюся—
 И дійшло до того,
 Що я, въ-ночи пидкравшися,
 Максимову хату
 (Бо ёго Максимомъ звали—
 Вдовыного зятя)
 Запалывъ! Згорила хата...
 А душа проклята
 Не згорила... моя душа,
 Мій друже, мій брате,
 Не згорила, а зосталась—
 Тліє, й доси тліє...
 И колы вона зотліє,
 Колы одиночнє,—
 Святый знає...

IV.

Зъ переляку
 Вмерла Катерина;
 А Максимъ на пожарыще
 Та на пепелыще
 Подывывся... нема рады!..
 Тильки витеръ свыще
 У дымари та въ комини...
 Що тутъ въ свити діять,
 И що теперъ ёму початы?

Подумавши, перехрестывсь
 Та й вновь пишовъ у наймыты
 Голодни злыдни годуваты;
 Вдова зосталась не сама,
 А зъ сыномъ нарубкомъ; женыты
 Его збиралась въ осены,
 Ажъ гулькъ!.. одъ матушки-царыци,
 Такы изъ самой столыци,
 Прышовъ указъ—лобы голыть.
 Се въ первый разъ такой указъ
 Прышовъ зъ Московщины до нась,
 Бо на Вкраини въ нась бувало
 У козакы охочи йшли,
 А въ пикунеры вербувалы—
 Та тежъ охочныхъ... На сели
 Зибралася громада радыть—
 Кого голыть у москали.

Чорадылы громадою—
 И вдовыченка ледащию
 Забылы въ скрепыциу,
 Та й повезлы до прыёму!
 Онъ-яке творыться
 На симъ свити! яка правда
 У людей, мій сыну!...
 Така й доси я думаю,
 Въ нась па Украини;
 Та другои и не буде
 Въ невольныкахъ-людяхъ.

V.

„Ни вже“, каже, „добри люде,
Не такъ воно буде,
Оттакъ хиба!“ Максымъ каже:
„Яки зъ мене люде
У наймытахъ! Иду служыть;
Нехай,“ каже, „вдовынъ сынъ
Та не стане пидъ аршынъ,
А я стану“.

Изъ прыёму
Вернувся до дому,
До матери вдовыченко;
А Максымъ зъ прыёму
Пишовъ соби у москали,
Помолывшись Богу.
Мени полегшало,—а зъ чого,
Зъ чого полегшало мени?
Зъ того, що ворога не стало...
Якого жъ ворога, мій Боже!
Моя пекельная душа
Кого боялася? Максима!
Ни, не Максима, а когось.
Когось боялася проклята:
Люцыперови служыла
Та ёго й страшылась!..

VI.

Черезъ годъ отто, й велыка
Зима наступыла;
До зеленои недили

Въ байракахъ билиы
 Сниги били,—тоди жъ отто
 И Очаковъ бралы
 Москали; а Запорожжя
 Перше зруйнувалы.
 Розбрелося товарыство
 (А що то за люде
 Булы тыи запорожци—
 Не було й не буде
 Такыхъ людей'..)

Пидъ Очаковъ

Ногналы й Максымъ:
 Тамъ-то ёго скаличено,
 Та й на Украину
 Новернено зъ одставкою.
 Бачышъ, праву ногу,
 Чи то ливу, пидстрелено...
 Мени не до того
 Було тоди: знову лята
 Гадына виылася
 Въ саме сердце; кругомъ ёго
 Трычи обвылася,
 Якъ той Продъ... Що тутъ робыть?
 Не дамъ соби рады;
 А Максымови крывому
 Ничого не вадыть:
 Шкандыбае на мылыци
 И гадки не мае;
 А въ недиленську святую
 Мундышъ надивае,
 И медаль, и хрестъ прыченить
 И зашлете косу,

Та ще й борошномъ посылѣ...
 (Я не знаю й доси,
 На-що воно москали ти
 Косы заплиталы,
 Мовъ дивчата, та святее
 Борошно исувалы?..
 На играшку, я думаю—
 Такъ соби, абы-то!)
 Отто жъ було, мовъ генераль,
 Максымъ сановыто
 Прыбереться у недилю
 Та й пошканда бае
 У храмъ Божый: на крыласи
 Стане та й спивае
 Зъ дякомъ такы, а то возьме
 Та ще й прочытае
 Апостола середъ церкви
 (Вычывся чытаты
 У москаляхъ,. Непевный бувъ
 Максымъ оттой, брате,—
 Та трудящій, роботящій,
 Та тыхый до-того,
 Та ласковый... Було тоди
 Ниже а никого
 Не зачечить ниже диломъ,
 Ниже якымъ словомъ.
 „И талантъ, и безталания—
 Все,“ каже, „видъ Бога,
 Вседоржителя святого,
 А бильши ни видъ кого...“
 Преблагый бувъ мужъ на свити
 Максымъ оттой, сыну;
 А я! а я!.. не вымовлю,

Моя ты дытыно!...
 Я... вбывъ его!.. Постривай лышъ,
 Трохы одпочыну,
 Та тоди вже...

VII.

Такъ ты кажешъ,
 Що бачывъ Крыныцю
 Москалеву, що ище й доси
 Беруть зъ неи воду?
 И хрестъ, кажешъ, коло шляху
 И доси Господній
 Стоить тоби на роздолли;
 А не розсказали
 Тоби люде тамъ ничего?..
 Вже повымиралы
 Тыи люде, мои свидки,
 Праведныи люде;
 А я и доси карауюся
 И каратысь буду
 Й на тимъ свити...

Ось послухай,
 Доводыть до чого
 Сатана той душу нашу:
 Якъ не схаменеться
 Та до Бога не вернеться.
 То такъ и ввиньтесь
 Пазурамы въ саме серце...
 Ось слухай же, сыну,
 Про Максима праведного!

Було не спочыне
 Николы винъ, а въ недилю,
 Або въ яке свято,
 Бере святый псалтырь въ руки
 Та й иде чытаты
 У садочокъ (у садочку
 Тамъ, у холодочку,
 Катерыну поховалы...)
 Отто жъ у садочку
 За упокой души іи
 Псалтырь прочытае.
 Потимъ соби тыхесенько,
 Тыхо заснивае
 „Со святымы,“ та й заплаче,
 А потимъ помъянє
 „О здравії“ тещу зъ сыномъ,—
 И веселый стане:
 „Все отъ Бога,“ скаже соби:
 „Треба викъ дожыты!“
 Оттакый-то мужъ праведный
 Бувъ винъ на симъ свити;
 А у буддень,—то винъ тоби
 Не посыдѣть въ хати—
 Все ныппорыть по надвирю;
 „Треба работаты,“
 Було скаже по-московськы,
 „А то, лежа въ хати,
 Ще опухнешъ“. Та взявъ якосъ
 Заступъ и лопату,
 Та й пишовъ соби у поле
 Крыныцю копаты.
 „Нехай,“ каже, „колысь люде
 Будуть воду пыты

Та за мою гривину душу
 Господа помолыты".
 Выйшовъ въ поле, геть одѣ шляху
 У балку спустывся,
 Та й выкопавъ иры долыни
 Глыбоку крыныци.
 (Не самъ одынъ: толокою
 Ёму помагаты
 И добри люде прыходылы
 Крыныци копаты).
 И выложывъ цымрыпою,
 И надѣ шляхомъ въ поли
 Высоченный хрестъ поставывъ:
 За всѣго роздолля
 Широкого було видно;
 Се, бачыши, для того,
 Щобъ знать було, що крыныци
 Есть коло дороги,
 Щобъ заходылы зъ крыныци
 Люде воду пыты,
 Та за того, що выкопавъ,
 Богу помолытись.

VIII.

А теперъ у же,—онъ бачыши,
 Доходить до чого!—
 Що я стратыть намирияюсь
 Максима святого...
 Оттаке-то!... А за вищо?
 За те, за що Каинъ
 Убывъ брата праведного

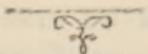
У свитлому раю.
 Чи то було у недилю,
 Чи въ якее свято,
 (Слухай, сыну, якъ навчае
 Сатана проклятий!)
 „Ходимъ,“ кажу. „Уласовычъ,
 На твою кривыцю
 Подывытысь“. — „Добре,“ каже,
 „Ходимо напытись
 Воды зъ неи чогожон“.
 Та й пислы обое,
 И видерце и вижечки
 Понеслы зъ собою.
 Отъ, приходымъ до кривыци;
 Я першъ подывывся—
 Чи глибоко. „Власовычу!“
 Кажу, „потрудыся
 Воды достать; я не вмію“.
 Винъ и нахильвся,
 Опускаючи видерце;
 А я... я за ноги
 Вхопивъ ёго, та й укынувъ
 Максима святого
 У кривыцю...

Отаке-то
 Створывъ я, сыну!..
 Такого ще не творилось
 Въ часъ на Українѣ,
 Та й николы не створыться
 На всимъ свити, брате!..
 Всюды люде, а л одынъ—
 Діяволь проклятий!..

IX.

Черезъ тыжденъ вже вытяглы
 Максима зъ крыныци
 Та у бальци й поховалы;
 Чималу каплыцю
 Поставылы громадою,
 А ёго крыныци
 Москалевою назвалы...
 Отъ тоби й былыца
 Про ту крыныци москалеву,
 Нелюдська былыца.
 А я... пишовъ у Гайдамакы
 Та на Сибири й онынысь,
 (Бо тутъ Сибирь була колысь)..
 И пропадаю, мовъ собака,
 Мовъ той Іуда... Помолысь
 За мене Богу, мій ты сыну,
 На тій преславній України,
 На тій веселій сторони...
 Чи но полегшае мени?..

1857. Новопетровское укрѣпленіе.

Н Е О Ф И Т Ы ¹⁾.

Сія глаголеть Господъ: сотворите судъ и
сохралите правду, приближе бо ся спасе-
ніе мое прійти, и милость моя открыется.

М. С. Щепкину.

(На пам'ять 24 Декабря 1857 року).

Любовь звілленнику музъ и грацій!
Любовь Ждучи тебе, я тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоїй души передаю.

Прывитай же благодушие
Мою сыротыну;
Нашъ великий чудотворче,
Мій друже едыный!
Прывитаешь: убогая,
Сирая, зъ тобою
Переплыве вона Лету,—
И огнемъ слизою
Упаде колись на землю
И прычтою стане
Роспинателямъ народнимъ,
Грядущымъ тыранамъ.

¹⁾ У листи до М. М. Лазаревського, отъ 24 Января 1858 року (Основа 3-я книжка 1862 р. листъ ХІІ) Т. Гр. Шевченко писавъ, що „Неофиты не выполнены“. Постіль того винъ не прыймався за нихъ: такъ вони й зостались невиконченими. (Прим. ред. „Основа“).

ПРОЛОГЪ.

Давно вже я сижу въ неволи
 Неначе злодій взаперти,
 На шляхъ дывлюся та на поле,
 Та на ворону па хрести
 На кладовыщи; бильпѣ ничего
 Зъ тюрмы пе видно; слава Богу
 И за те, що бачу, що живуть,
 И Богу моляться, и мрутъ,
 Хрещени люде.

Хрестъ высокій

На кладовыщи, трохи зъ боку,
 Златомалеваный стоить.
 Не вбогий, мабудъ, тутъ лежыть!..
 И памалёвано: роспятый
 За насъ Сынъ Божій на хрести.
 Спасыби сыротамъ барагамъ,
 Що хрестъ поставылы; и я—
 Такая долепька моя!—
 Сижу та все дывлюся
 На хрестъ высокій изъ тюрмы.
 Дывлюсь, дывлюся, помолюся,
 И горе, горенько мое,
 Мовъ нагодована дытына,
 Затыхне трохи... и тюрьма
 Неначе шыршае; спивае
 И плаче серце, оживае
 И въ тебе, Боже, и въ святыхъ
 Та нраведныхъ твоихъ пытае:
 Що винъ зробывъ имъ той святый,
 Той Назорей, той сынъ едный,

Богомъ избранной Маріи—
 Що винъ зробивъ имъ? И за що
 Его святого мордували,
 Во узы ковалы
 И главу его честную
 Терпомъ увінчали;
 И вывели въ злодіямы
 На Голгофу гору,
 И повисыли мижъ нымъ?
 За що?

Благословенная въ женахъ,
 Святая праведная Маты
 Святого Сына на земли!
 Не дай въ неволи пропадаты,
 Летучи лита марие тратыть,
 Скорбящыхъ радосте! Пошли—
 Пошли мени святое слово—
 Світою правды голось иовий,
 И слово розумомъ святымъ
 И ожывы, и просвity!
 И розскажу я людямъ горе,
 Якъ таї маты рики, море
 Слёзы кровавои лыла,
 Та якъ и ты,—прыйяла
 Въ живую душу свить незримый
 Твоего роспяятого сына!..
 Ты, маты Бога на земли,
 Ты слезы матери до-краю,
 До-капли вылыла!.. Рыдаю,
 Молю, рыдаочы: пошли—
 Подай души убогій сылу,

Щобъ огнено заговорыла,
 Щобъ слово пламенемъ взялось,
 Щобъ людамъ серце ростопыло
 И на Украину понеслось
 Те слово—Божее кадыло—
 Кадыло истины... Аминь.

I.

Не въ нашимъ краю, Богу мылимъ,
 Не за гетьманивъ и царивъ,
 А въ рымскій идолъскій земли
 Се беззаконіе творылось—
 Лыбопъ за Деця царя,
 Чи за Нерона сподаря—
 Сказать зачевне не зумію.
 Нехай за Нерона...

Россії

Тоди й на свити не було,
 Якъ у Италії росло
 Мале дивчя; и красотою,
 Святою, чистою красою,
 Якъ тая лылія, цвило.
 Дывилася на неи маты
 И молодила, и дивчати
 Людей шукала, и знайшла;
 Та помолышшись Гименею
 Въ своимъ веселимъ гинекеи,
 Въ чужий веселый одвела.
 Незабаромъ зробилася маты
 Изъ доброго того дивчата —

Дытыну-сына прывела.
 Молылася своимъ пенатамъ
 И въ Капитолій прынесла
 Немали жертвы; ублагала
 Капитолійский той сынклить,
 Щобъ первенца іи вигалы
 Святіи идолы. Горыть
 И день, и ничъ передъ пенатомъ
 Святый огонь. Радie маты:
 Ві Алкыда сынъ іи росте,
 Росте... лыцаются гетеры,
 И передъ образомъ Венеры
 Лампаду свитять.

II.

Тоди вже сходыла зоря
 Надъ Выхлесомъ: правды слово—
 Святои правды и любови—
 Зоря всесвітняя зійшла
 И миръ и радость прынесла
 На землю людямъ. Фарысей
 И вся мерзена Іудея
 Заворушллась, заревла,
 Непаче гадына въ болоти,
 И Сыпа Божого во плоти
 На тій Голгофи роспяяла
 Межы злодіамы;—и спалы,
 Упывшысь кровію, каты,—
 Твою кровію!.. а ты
 Возставъ одъ гробу. Слово встало—

И слово правды понеслы
Твои апостолы святыи.

III.

Тоди жъ ото, іи Алкыдъ,
Та ще гетеры молодіи
Та козлоногий пьяный дидъ
Надъ самымъ Апп'евымъ пляхомъ
У гай гарно роздяглъсь,
И ще гарнише попылъсь,
Та й поклонылъся Пріану...
Ажъ гулькъ! иде свитый Петро,
Та йдуши въ Рымъ благовистыты,
Зайшовъ у гай воды напытъсь
И одпочыты.— „Благо вамъ!“—
Сказавъ апостоль утомленный,
И оргію благословывъ.
И тыхымъ, кроткымъ, добрымъ словомъ
Благовистивъ имъ слово нове,
Любовь, и правду, и добро—
Добро пайкращее на свити—
То—братолюбіе. И сытый,
И пьяный, и голый фавнъ отой,
И сыпъ Алкыдъ твій, и гетеры—
Вси, вси упалы до земли
Передъ святымъ, и повелы
До себе въ термы на вечерю.

IV.

И въ термахъ оргія: горять
 Чертоги пурпуромъ и златомъ,
 Курить амфоры; дивчата
 Трохи не голіи стоять
 Передъ Кипридою, и въ ладъ
 Сниваютъ гимнъ. Прыуготованъ
 Веселый пыръ, и поляглы
 На ложахъ гости... регитъ, гоминъ!..
 Гетеры гости прывели
 Сывобородого,—и слово
 Изъ усть апостола святого
 Драгымъ елеемъ потекло,—
 И стыхла оргія.. А жрыця
 Киприды— оргіи царыця,
 Поникла радоснимъ челомъ
 Передъ апостоломъ—и встала
 И вси за нею повставали
 И за апостоломъ пинили
 У катакомбы. И едіній
 Твій сынъ Алкыдъ пиновъ за ныне
 И за апостоломъ святымъ—
 За тымъ учителемъ своимъ!..
 А ты весела выйшла зъ хаты
 На шляхъ изъ гаю выглядаты
 Свого Алкыда. Ни, нема!..
 Уже й не буде!.. Ты сама
 Помолышся своимъ пенатамъ,
 Сама вечерять сядешъ въ хати...
 Ни, не вечерять, а ридать,
 Ридать и долю проклынать,
 И сывить кленучы. И, горе!

Умрешъ есы на самоти,
Мовъ прокаженна!

V.

На хрести
 Стремглавъ новисмы святого
 Того апостола Петра,
 А неофытивъ *) въ Сыракузы
 Въ кайданахъ одвезлы. И сынъ,
 Твій сынъ Алкыдъ, твоя дытина,
 Едыная твоя родына,
 Любовъ едыная твой,
 Гные въ неволи у кайданахъ;
 А ты, прескорбная, не знаешъ,
 Де винъ канae, пропадае!...
 Идепъ шукать ёго въ Сибирь,
 Чи тее... въ Скыёю... И ты...
 И чи одна ты?... Божа маты,
 И заступы васъ и укрый!...
 Нема семьи, немае хаты,
 Немае брата, ни сестры,
 Щобъ не заплакани ходыли,
 Не катувалыся въ тюрми,
 Або въ далекій сторони,
 Въ британсъкыхъ, гальскихъ легіонахъ
 Не муштрувалысь!... О, Нероне,
 Нероне лютый! Еожый судъ
 Правдывый, наглый, середъ шляху

*) Новохрещенцивъ.

Тебе осудыть: прыплыуть
 И прылетять зо всёго свиту
 Святіи мученыки—диты
 Святои воли; кругъ одра
 Кругъ смертного твого постануть
 Въ кайданахъ,—и... тебе простягъ:
 Воны браты и христіяне,
 А ты собака, людойидъ,
 Деспотъ скаженый....

VI.

Ажъ кѣшить
 Невѣльныка у Сыракузахъ
 Въ лѣхахъ и тюрмахъ: а Медуза
 Въ шинку зъ старціамы пьяна спыть..
 Отъ-отъ прокынеться и потомъ
 И кровью гамою, деспоты,
 Похмилля справыть.

Скризь шукала
 Да тыну маты; не знайша—
 И въ Сыракузы поплыла,
 Та тамъ уже ёго въ кайданахъ
 Найшла, сердешная, въ тюрми.
 Не допустылы й подывыться.

И мусыла вона сидиты
 Коло острогу—ждать и ждать,
 Якъ Бога зъ неба, выглядать
 Своёго сына, ажъ покы-то
 Ёго въ кайданахъ поженуть
 Бульваръ мести.—

А въ Рымі свято,
 Велыке свято! Тыскъ народу,
 За всого царства воеводы,
 Преторіяне и сенатъ;
 Жреци и ликторы стоять
 Кругъ Капітолія—и хоромъ
 Спивають гымнъ и курятъ дымъ
 Зъ кадиль и амфоръ. И зъ соборомъ
 Иде самъ кесарь; передъ нымъ
 Изъ бронзы лытую статую
 Самого кесаря несутъ.

VII.

Непевие видумали свято
 Патрыціі аристократы
 И мудрый кесаривъ сепать!
 Воны, бачъ, кесаря хвалыли
 На вси лады, що ажъ остыло
 Его самымъ имъ выхвалиять,—
 Та заразомъ, щобъ доканатъ,
 Воны на ради й прысудмыли,
 Щобъ просто кесаря назвать
 Самымъ Юпітеромъ—та й годи!...
 И написали воеводамъ
 Но всему царству: такъ и такъ...
 Що кесарь—богъ, ще бильшъ одъ бога,
 И майстрови дали ковать
 Изъ бронды кесаря; до того,
 Такъ нота-бене додалы,
 Що бронзовыи той кесарь буде

И мылуватъ... Сердешни люде,
 Неначе въ ирій, потяглы
 У Рымъ на прощу. Прышлила
 Изъ Сыракузъ и та небога
 Благаты кесаря и бога.
 И чи вона одна? мій Боже!
 Прышло ихъ тысяча въ слёзахъ,
 Прышло здалека!...

Горе зъ вами!
 Кого благаты вы прыйшли?
 Кому вы слёзы прынеслы?
 Кому вы прынеслы зъ слозами
 Свою надію?... Горе зъ вами!
 Кого благаете, благіи,
 Рабы пезрячны, слипіи!
 Чи катъ помылуе кого?
 Молитесь Богови одному,
 Молитесь правди на земле,—
 А бильше на земли никому,
 Не поклонитесь. Все брехня!.

VIII.

Передъ Нерономъ,
 Передъ Юпітеромъ новымъ,
 Молылись вчора сенаторы
 И вси патрыціи,— и вчора
 Лылася божа благодать:

Преторіяне помолылись—
 Преторіяпамъ давъ указъ,

Щобъ все, що хотуть, те й робылы,
 А мы помылуемо васъ;
 И вы, плебеи-гречкосій,
 И вы молылыся,—та васъ
 Нихто пе мылуе? не вміють
 Васъ и помылувать гараздъ...

IX.

На третій день уже пустылы
 Молытыся за христіянъ,
 И ты приходыла, молылась,—
 И мылосердый истукањъ
 Звеливъ везты изъ Сыракузъ
 У Рымъ въ кайданахъ христіянъ.
 И рада ты, и весела!
 Кумырови знову
 Помолылась... а кумиръ той,
 Юпітеръ той новый,
 Ось побачъ, якес свято
 Буде завдаваты
 Въ Колызей.
 А тымъ часомъ
 Иды зостричаты
 Свого сына, та не дуже
 Радій лышъ, небого:
 Ще не знаєшъ ты нового
 Лукавого бога.

Х.

А покы що, зъ материамы
 Алкыдова маты
 Пишла его зостричаты,—
 Святыхъ прывитаты
 На бёрези. Пишла есы,
 Трохы не спиваешъ,
 Та кесаря—Юпитера
 Хвалишъ, выхвалишъ...

И ныщечкомъ помолылась
 Кесареви—богу,
 Та ѹ пишла по-надъ болотомъ,—
 На Тыбръ поглядае...
 А по Тыбру изъ-за гаю,
 Байдакъ выплывае,
 Чи галера. На галери
 Везутъ твого сына
 Зъ неофитамы въ кайдапахъ.
 А твоя дытына
 Ще ѹ до щоглы прыкована:—
 Не неофитъ новый,
 А апостоль великого
 Хрыстового слова.
 Отгакый-то винъ!... Чи чуенъ?
 У путахъ спивае
 Твій мученыкъ:
 „Ісаломъ новый Господеви
 И новую слѹву
 Воспоемъ чеснимъ соборомъ,
 Сердечъ нелукавымъ;
 Во псалтыри и тимпаци

Воспоесть благая,
 Ико Богъ кара неправыхъ,
 Правымъ помагае;
 Преподобныи во слави
 И на тыхыхъ ложахъ
 Радуються, славословлять,
 Хвалять имъя Боже;
 И мечи въ рукахъ ихъ добри,
 Гостри обояду,
 На отмищеніе языкамъ
 И въ пауку людямъ.
 Окуютъ царей иссѣтыхъ
 Въ зализныи пута,
 И ихъ славныхъ оковами
 Ручныи окрутять;
 И осудять неправедныхъ
 Судомъ своимъ правымъ,
 И во вики стане слава—
 Преподобныи слава!“

XI.

А ты на бѣрези стояла,
 Неначе темная скала,
 Не слухала и не рыдала,
 А „аллылую“ подала
 За матерямы христіянашъ.
 Мовъ дзвоны, загулы кайданы
 На неофитахъ; а твій синъ,
 Единый твій, апостолъ новый,

Перехрестившись, возгласы въ:
— „Молитесь, братія, молитесь
За ката лютого! Ёго
Въ своихъ молитвахъ помъяните;
Передъ гордынею же ёго,
Браты мои, не поклонитесь!
Молитва—Богови! А винъ
Нехай лютую на земля,
Нехай пророкивъ побывае,
Нехай усихъ часъ росынае...
Уже внучата зачалысь
И выростуть воны комысь:
Не местныки внучата тыи —
Христови воины святіи,
И безъ огня, и безъ ножа
Стратегы божіи воспринуть —
И тьмы, и тысячи поганыхъ
Передъ святыми побижить!
Молитесь, братія!“

Молылысь,

Молылыся передъ хрестомъ
Закути въ пута неофиты,
Молылысь радосно!... хвала,
Хвала вамъ, души молодіи,
Хвала вамъ, лыцари святіи,
Во викы-викы похвала!...

XII.

И въ Рымъ галера приплыла.
Мынае тыжденъ. Пьяній кесарь,

Пострыгши самъ себе въ Зевесы,
Завдавъ Зевесу юбилей.
Лыкуе Рымъ. Передъ кумыра
Везутъ возами ладонъ, мырро,
Женутъ гуртами христіянъ
У Колизей, мовъ у ризныци.
Кровъ потекла. Лыкуе Рымъ..
И гладіаторъ, и патрыцій—
Обыдва пьяни: кровъ и дымъ
Ихъ упоивъ; руину славы
Рымъ пропывае; трывну правыть
По Сципіонахъ. Лютый, лютый,
Мерзеный старче! доскошуй
Въ своихъ гаремахъ! Изъ-за моря
Уже встает святая зоря;
Не громомъ праведнымъ святымъ
Тебе убьють: ножемъ тупымъ
Тебе зарижутъ мовъ собаку.

XIII.

Другій день
Реве арене; на арени
Лідійський золотий писокъ
Покрився пурпуромъ червонимъ—
Въ болото крови замисивъ;
А Сиракузькихъ назареивъ
Ще не було у Колизеї.
На третій день и ихъ въ кайданахъ
Сторожа зъ голыми мечами
Гуртомъ въ ризныю привела.

Арепа звиремъ заревла;
 А сынъ твій гордо на арену,
 Псаломъ спивающы, ступывъ,—
 И пьяный кесарь, мовъ скаженый,
 Зареготавсь. И леонардъ
 Изъ леху выскочывъ на сцену...
 Ступывъ, зырнувъ—и полылась
 Святая кровъ. По Колизею
 Ревучымъ громомъ пронеслась
 И стыхла буря... Дежъ була,
 Де ты сковалась? Чомъ на ёго,
 На кесаря своего святого,
 Не кинулась?—Бо стереглы,—
 Кругомъ въ тры лавы обстунылы
 Зевеса лыкторы; за нымъ,
 Твоимъ Юпитеромъ святымъ,
 Зализну браму зачинылы;
 А ты осталася одна,
 Одна однисенька на двори...
 И що ты зможешъ?—„Горе, горе!
 О, горе лютее мое!
 Моя ты доленько! Безъ ёго
 Що я робытыму? До кого
 Я прыхылюся?...“ И небога
 Кругомъ зырнула,—и о муръ,
 О муръ старою головою
 Ударылась, и трупомъ пала
 Пидъ саму браму.

XIV.

Зъ позорыща у вечери
 У термы сковалася

Святый кесарь въ ликторамы;
 Колизей оставилъ
 Безъ кесаря и безъ рымлянъ
 И нибы заплакавъ
 Одынокий; мовъ гора та
 На поли, чорніе
 Колизей той сердъ Рыму.
 Тыхо, тыхо віе
 Изъ-за Тыбру, изъ Альбана
 Витеръ по-надъ Рымомъ,
 А надъ чорнымъ Колизеемъ
 Нибы изъ-за дыму
 Илыве мисяць круглолыцій,—
 И миръ первозданный
 Одночысь на лони ночи;
 Тильки мы, Адаме,
 Твои чада преступныи,
 Не одночываемъ
 До самой домовыны
 У проспаниимъ раи;
 Грызemosя, мовъ собакы,
 За маслакъ смердячый
 Та тебе ще зневажаемъ,
 Праотче...

XV.

Трохы одночыла
 Стара маты недобыта;
 Живущую сылу
 Сыла ночи ожила:

Встала походыла
 Коло зэмкнутой брамы
 Та щесь шепотала:
 Чи не кесаря святого
 Нылкомъ проклыпала?
 А може й такъ... Тыхесенько
 До брамы пидкрадалась,
 Послушала, усмихнулась,
 И щось промптала—
 Якесь слово... И пищечкомъ
 Коло брамы сила
 Й зажурилась. Незабаромъ
 Брама одчынилась,
 И на возахъ, на колесицахъ
 Изъ Колизея, изъ ризныци,
 Святіи вывезли тила
 И повезли на Тыбръ: тилами
 Святыхъ убытыхъ годували
 Для царського такы стола
 У Тыбri рыбу. Встала маты,
 Кругомъ оглянулась, взялась
 За быту голову руками
 И тихо, мовчки за возами
 Марою чорною пишила
 На Тыбръ. А скые сирооки,
 Погонычи, рабивъ рабы,
 Подумали: сестра Морока
 Изъ пекла выйшла провожать
 У пекло рымлянъ. Поскидали
 У воду труши, та й назадъ
 Зъ возами скые поверталы.—
 А ты осталася одна
 На березн, и ты дывилась,

Якъ розстилалысь, стелылысь
 Кругы широки надъ нымъ,
 Надъ сыномъ праведнымъ твоимъ...
 Дышалась, покы не осталось
 Жывого слизу на води,—
 И усмихнулася тоди
 И тяжко, страшно зарыдала,
 И помолилась, въ первый разъ,
 За насъ Ропьятому,— и спасъ
 Тебе роспътый сынъ Маріи,
 И ты слова его жывыи
 Въ жывую душу прыйяла,
 И на торжыца и въ чертогы
 Жывого истииного Бога
 Ты слово правды понесла.

Нижній Новгородъ, 8 декабря 1857 года.

1858.

Д О Л Я.

Мы не лукавыла зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сироми стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу, хлопця, одвела
До пьяного дяка въ пауку:
„Учыся, серденько! колысь
Зъ насъ будуть люде,” ты сказала.
А я й послухавъ, и учывсь,
И вывчывся. А ты збрехала:
Яки зъ насъ люде?... Та дарма!
Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшлы; у насъ нема
Зерна неправды за собою..

Ходимо жъ, доленько моя,
Мій друже вбогый, нелукавый!
Ходимо дальше, дальше слава,
А слава — заповидь моя.

М У З А.

ты, пречистая, святая,
 Ты, сестро Феба молодая!
 Мене ты въ пелену взяла
 И геть у поле однесла;
 И на могили середъ поля,
 Якъ тую волю на роздолли,
 Туманомъ сывимъ сповила,
 И колыхала, й сповивала,
 И чары діяла... И я...
 О, чаривныченько моя!
 Мени ты всюды помагала,
 Мене ты всюды доглядала.
 Въ степу, безлюдному степу,
 Въ далекій неволи
 Ты сіяла, пышалася,
 Якъ квіточка въ полі!
 Изъ казармы нечыстон
 Чистою, святою
 Пташечкою вылетила
 И по-надо мною
 Полынула, заспирала,
 Ты, золотокрыла,
 Мовъ жывущою водою
 Лушу окронила.
 И я жыву, и надо мною
 Зъ своею Божою красою
 Горишъ ты, зоренъко моя,
 Моя порадошко святая!
 Моя ты доле молодая!

Не покыдай мене. Въ-ночи,
 И въ день, и въ-вечери, и рано
 Витай зо мною и учы,
 Учи не ложными устами
 Сказаты правду. Поможы
 Молытву діяты до краю,
 А якъ умру, моя свитая,
 Моя ты мамо! Положы
 Свого ты сына въ домовыну,
 И хочъ едынную слёзыну
 Въ очахъ безсмертныхъ покажы.

ВИДЬМА.

 олюся, знову уповаю,
 И знову слёзы вылываю,
 И думу тяжкую мою
 Нимымъ стинамъ передаю.
 Озовитесь жъ, заплачте,
 Ниміи зо мною
 Надъ неі правою людською,
 Надъ долею злою.
 Озовитесь! А за вами
 Можетъ озоветься
 Безталання певсищуще,
 И памъ усмихнеться;
 Но сдає зъ недолею
 И зъ людьми, и скаже

Спасыби намъ; помолыться,
И тихо снать ляже.

И прымыреному прыснятся
И люды добри, и любовъ,
И все добро, и встане въ-рапци
Веселый, и забуде зновъ
Свою недолю, и въ неволи
Познае рай, познае волю
И всетворящую любовъ.

Коло осиннёго Мыколы,
Обидрани, трохы не голи,
Бендерськымъ шляхомъ у-почи
Ишли цыгане; а йдучы—
Звычайне вольныи—спивалы.
Ишли, ишли, а потимъ стали,
Шатро край шляху роспьялы,
Огонь чималый розвели
И кругомъ ёго посидали.
Хто зъ шашлыкомъ, а кто и такъ...
За те винъ вольный, якъ козакъ
Колись то бувъ. Сыдять, куняютъ,
А за шатромъ въ стену спивае,
Неначе пьяна, зъ приданокъ
До дому йдучы, молодыца:

„Ой у новій хати
Полягалы снаты:
Молодій прыснислось,
Що маты сказылась,
Свскоръ оженыўся,
Батько утоныўся...
И..... гу.....“

Цыгане слухают, сміються:
 „И де ты люде тутъ возьмуться?
 Оде мабуть изъ-за Дніпра,
 Бо тутъ все степъ... Мара! мара!“
 Цыгане крикнулы, скопылись,
 А передъ нымы опынилось
 Те, що спивало. Жаль и страхъ!
 Въ свитыни латаній дрожала
 Якась людина. На ногахъ
 И на рукахъ повыступала
 Одъ стужи кровъ, ажъ струномъ стала,
 И довги косы въ реиляхъ
 О полы бились въ ковтунахъ.
 Постояла, а потимъ сила
 Коло огню и руки грила
 На самимъ поломъи... „Ну, такъ!
 Оженився неборакъ!“
 Сама соби вона шептала
 И тяжко, страшно усмихалась.
 Що-жъ се таке? Се пе мара.
 Моя се маты и сестра,
 Моя се видьма, щобъ вы знали.

Цыгане.

А видкиля ты, молодыце?

Видьма.

Хто я? (Спиває)

„Якъ була я молодыця,
 Пилували мене въ лыце,
 А якъ стала стара баба,
 Пилували-бъ, була-бъ рада!“.

Цыгане.

Спивуча, ничего сказать!
Якъ бы соби таку достать,
Та ще й зъ медведемъ ..

Видьма.

Я спиваю,
Чи то сыжу, чи то гуляю...
Все спиваю, все спиваю,
Ужс й забула говорыть,
А иерше добре говорыла.

Цыгане.

Дежъ ты була, що заблудыла?

Видьма.

Хто, я?. Чи ты? (Шепче)
Цыть лышень... цыть!
Онь бачъ зо мною панъ лежыть!
Огонь погасъ, а мисяць сходыть,
Въ яру пасеться вовкулакъ... (Усмехнувшись)
Я въ приданкахъ була, вшлася
И, молода, не предалася...
А все то прокляти паны
Зъ дивчатамы таке діютъ...
Ще треба другу одружыть.
Иду, безъ мене не зуміють
И въ домовину положыть.

Цыгане.

Не йди, небого! Будь ты зъ намы,
У насъ, ій-Богу, добре жыть!

Видьма.

А диты есть у васъ?

Цыгане.

Немае.

Видьма.

Кого-жъ годуете есте,
Кого вы спаты кладете,
Кого колышете въ-ночи,
Лягаючи и встаючи,
За кого молытесь? Охъ диты!
И все диты, и все диты!
Не знаю, де одъ ихъ подитысь...
Де не пиду—й воны за мною!
Воны зъидять мене колысь.

Цыгане.

Не плачъ, небого, не журысь,
У насъ дитет нема й заводу

Видьма.

Хочъ зъ горы та въ воду.

И видьма тяжко зарыдала
Цыгане мовчки дывувалысь,
Покы поспулы, де хто впавъ.
Вона жъ не спала, не журылась
Сыдила, ноги устромыла
Въ горячый попилъ. Выступавъ
Щербатый мисяцъ зъ-за могылы
И на шатро мовъ позыравъ,
Ажъ покы хмары застулы.

Чомъ не спыться багатому,
Сывому, гладкому?
Чомъ не спыться убогому,
Сироти старому?
Одынъ дума, якъ бы ёго
Достроить цалаты;
Другый дума, якъ бы ёго
На подзвинъ прыдбаты
Одынъ старый одпочыне
Въ пышній домовыни!
Другый старый и такъ соби
Де небудь пидъ тыномъ.
И обыдва спочывають
И гадки не мають!
Убогого не згадають,
А того ще й лають.

Коло огню старый цыганъ
Зъ люлькою куняе
Позырае на прыблуду
Й на подзвинъ не дбае.

Цыганъ.

Чому не ляжешъ, не спочынешъ?
Зирныця сходыть, подывысь!

Видъма.

Дывлюся я, вже ты дывысь.

Цыганъ.

Мы рано рушымо, покинемъ,
Якъ не просишся.

Видьма.

Не просплюсь,
 Я вже николы не просплюсь!
 Отгакъ де-небудь и загыну
 У бурьяни.. (Сливае тахо)
 „Гаю, гаю, темный гаю,
 Тыхенъкій Дунаю!
 Ой у гаи погуляю,
 Въ Дунаи скучаюсь,
 Въ зеленому баговинии
 Трохы одпочыну...
 Та може ще, хоть калику,
 Прыведу дытыну“
 Дарма, абы соби ходыло,
 Та вмило матиръ проклынатъ!
 А онъ, чи бачышъ—на могыли
 Очыма лупа кошена?
 Иды до мене! Кыцю, кыцю ..
 Не йде, прокляте бисеня!
 А то дала бъ тоби напыться
 Зъ моей чистой крыныци.. (Прыспивуе)

„Стойти кутя на покути,
 А въ запичку диты;
 Наплодыла, наводыла,
 Та нема де диты;
 Чи то потопыты?
 Чи то подушыты?
 Чи жыдови на кровъ продать,
 А гроши пропыты?“

Що, добре наши завдають?
 Сидай лышъ блызашенько, оттуть.

Отто-то й то. А ты не знаешьъ,
 Що я въ Волощыни була?
 Я розскажу, якъ нагадаю.
 Близнать въ Бендерахъ привела,
 У билыхъ Яссахъ колыхала,
 У Дунаеви купала
 Въ Туреччыни сповывала,
 Та до дому однесла,
 Ажъ у Кмевъ. Та вже дома
 Безъ кадыла, безъ кроныла,
 За три шаги охрестила,
 А три шаги ироныла...
 Упилася! Упилася!
 И доси пьяца!..
 И вже николы не просплюся.
 Но я вже Бога не боюся
 И не соромлюся людей.
 Колыбъ мени отыхъ дитей
 Найты де-небудь! Ты не знаешъ.
 Чи ѿ въ Туреччыни война?

Цыганъ.

Була колысь, теперъ нема—
 Умеръ найстарший старшина.

Видьма.

А я думала, что ѿ доси,
 Ажъ уже немае.
 Слухай, лышень, скажу тоби,
 Кого я шукаю.
 Я шукаю Наталочку
 Та сына Ивана...

Дочку свою Наталоньку,
 Та шукаю пана,
 Того Ирода, що знаешь? ..
 Страйвай, нагадала...
 Якъ була я молодою,
 И гадки не мала,
 Но садочку похожала,
 Квитчалась, иышалась,
 А винъ мене и набачивъ,
 Иродъ! И не снылось,
 Що я була крепачкою,
 А го бъ утопылась
 Було бъ легше. Отъ набачивъ
 Та й бере въ покони,
 И стрыже, неначе хлонця.
 И въ походъ зъ собою
 Бере мене У Бендеры
 Прышлы мы; стоялы
 Зъ москалямы на кватерахъ,
 А москали за Дунаемъ
 Турка воювалы.

Тутъ давъ Богъ мени близнята,
 Якъ разъ проты Спаса.
 А винъ мене и покынувъ.
 Не вступывъ и въ хату,
 На дитей своихъ не глянувъ,
 Люцыперъ проклятый!
 Пипловъ соби зъ москалямы,
 А я зъ байстрюкамы
 Повертала въ Украину
 Степамы, тернамы,
 Острыжена, та й байдуже!
 У селахъ пытала

Шляхъ у Кшевъ И що зъ мене
 Люде насміялъсь!
 Трохы була не вточилась,
 Та жаль було кыннуть
 Блызняточокъ. То сякъ, то такъ
 На свою краину
 Прыдышала. Одпочыла,
 Вечора диждалась
 Та й у село Хотилось, бачъ,
 Щобъ люде не знали.
 Отъ я крадусь по-пидтынию
 До звоен хаты.
 Въ хати темно. Нема дома,
 Або вже лить снаты
 Мій батечко одынокый.
 Я ледве ступаю
 Вхожу въ хату, ажъ щось стогне,
 Нибы умирае
 Тё мій батько И никому
 Ни перехрестыты,
 Ни рукъ скласты. О, прокляти,
 Лукавій диты!
 Що вы діете на свити!..
 Я перелякалась..
 Хата пусткою смердила.
 Отъ я заховала
 Блызнятъ своихъ у комори...
 Вбигаю въ хату,—
 А винт уже ледве дыше...
 Я до ёго тату!
 Мій таточку! Це я ирыйпла!
 За руки хватаю...
 Це я, кажу. А винъ мени

Шепче: „я прощаю,
 Я прощаю!“ Тильки й чула...
 Здається я виала
 И заснула .. Якъ бы була
 До вику проспала!...
 О пивъ-ночи прокинулась—
 Якъ у ями въ хати,
 А за руку батько давыть...
 Тату, кричу, тату!
 А винъ уже такъ якъ крыга
 Насылу я руку
 Выиручала. Що, цыгане,
 Якъ бы таку сукъ
 Тоби дочку. Що зробывъ-бы?

Цыганъ.

Ій Богу, не знаю.

Видьма.

Та мовчы вже, бо забуду,
 Потимъ не згадаю.
 Дитей, бачця, годувала,
 Та въ засикъ ховала,
 Та очипокъ—се вже въ-ранци—
 Клоччямъ вымощала,
 Щобъ не знать було, що стрыга;
 Прибралась, ходыла,
 Покы люде домовыну
 На-двори робылы.
 Доробылы, положылы,
 Понеслы, сковалы...
 И одна я, якъ былна

На поли, осталась
На симъ свити.. Булы диты—
И тыхъ не осталось.

„Черезъ яръ ходыла!
Та воду носыла,
Коровай сама бгала—
Дочку оддавала,
Сына оженила...
И..... гу....“

Цыганъ.

Не скиглы, бо ты всихъ побудышъ.

Видьма.

Хиба я скиглю, нависны!

Цыгане.

Та добре, добре! Що дальпъ буде,
Розсказуй дальше.

Видьми.

Що дасы?
Наварынъ завтра мамалыги?..
Я кукурузы принесу.
Нагадала, нагадала,
Зъ дочкию лигъ снаты,
Завдавъ сына у лакеи..
Громадою зъ хаты
Выганялы. Нагадала...
Я собакъ дражнила
По-пидъ викнами зъ старцямы,

И байстрять посыла
 За плечима, щобъ прывчалысь...
 Ажъ и самъ прыйхавъ..
 Я до ёго кынулася,
 Забудучы лыхо.
 Прывитавъ мене, люцынеръ,
 Благословывъ дитокъ,
 Та й забравъ ихъ у покон.
 Ростуть мои квity,
 Та й вырослы. Сына Ивана
 Оддавъ якійсь пани
 У лакеи, а Наталю...
 Чи твои цыгане
 Вси поснулы?

Цыганъ.

Вси поснулы.

Видьма.

Бо щобъ не почулы
 Мого слова. Страшно буде...
 И ты, старый друже,
 Злякаешся, якъ вымовлю...
 Чи тоби байдуже?
 Наталочку... дытя свое...
 Запаластывъ! А до того
 Посылае въ Кыивъ
 Мене, бачышъ, молытыся.
 Я, дурна, й ходыла,
 И молылась... Ни, цыгане,
 Я марне молылась!
 Вертаюся изъ Кыива.—

Замкнути покои...
 Винъ узявъ іи зъ собою,
 Та й пойихавъ зъ нею,
 Зъ Наталею!.. Чи чуешъ ты?
 И острыйгъ, проклятый,
 Дытя свое. Полетила
 Я ёго шукаты
 Въ Волощыну. Та й шукаю,
 Совою литаю
 Надъ байракамы, та дитокъ,
 Диточокъ шукаю,
 Наталоньку!.. Ни, ни, ни, ни!
 Я, шукаю пана!
 Розирву!.. Возьмить до себе
 И мене, цыгане,
 Я медведя водытыму,
 А якъ найду ката,
 То й спущу ёго на ёго!
 Отоди, проклятый!..
 Ни, не спущу!.. Сама ёго
 Загрызу!.. Чи чуешь?
 Одружымось, мое серде,
 Я й доси дивую:
 Я сына вже оженыла,
 А дочка й такъ буде;
 Лазытыме по-пидтынню,
 Цокы найдуть люде
 Нежывою. Чи ты бачывъ?
 Тамъ такой хороший
 Мій сынъ Иванъ! Ухъ, холодно!..
 Позычъ мени грошней!
 Намыста доброго куплю,
 Та й тебс повишу,

А сама пиду до дому..
Дывысь, мыша, мыша...
Несе у Кышивъ мышепитъ!
Не доцесенгъ, утопыши десь,
Або панъ одниме!
Чи я найду моихъ дитокъ,
Чи такъ и загыну?

Та й замовила, мовъ заснула.
Цыгане вставалы,
Розибрали шатро свое,
Въ дорогу рушалы—
Та й рушылы. Пишлы степомъ.
А вона, небога
Безталаппа, встала мовчкы,
И нибы то Богу
Нышкомъ соби помолылась,
Та й пошкандыбала
За цыганамы. И тыхе,
Тыхенько спивала:

„Кажуть люде, що судъ буде,
А суду не буде,
Бо вже мене осудылы
На симъ свити люде“.

Изъ-за Дniestра пишли цыгане
И на Волынь, и на Украіну.
За селомъ село мыналы,
Въ города ходылы,
И марою за собою
Прыблуду водылы.

И спивала ѹ танцювала,
 Не пыла ѹ не йила,
 Непаче смерть зъ цыганамы
 По селахъ ходыла.
 Потимъ разомъ скаменулась,
 Стала йисты ѹ пыты,
 И ховатысь за шатрамы,
 И Богу молытысь.
 Щось таке ій поробыла
 Стара Маріула,
 Якымсь зиллямъ наповала—
 То воно ѹ мынулось.
 Потимъ ін стала вчты
 И ликаруваты:
 Яки травы, що одъ чого
 И де ихъ шукаты,
 Якъ сушты, якъ варыты—
 Всёму, всёму вчила
 Маріула. А та вчилась
 Та Богу молылась.

Мынуло літо, уже ѹ друге
 И трете настало,
 Уже прыйпла въ Украину...
 Жаль ій чогось стало.
 Поклонылась Маріули
 За науку въ ногы,
 Попрощалась зъ цыганамы,
 Помолылась Богу,
 Та ѹ пишила соби, небога,
 Въ свою Украину.
 Вернусь, каже, хочъ погляну
 На дочку, на сына.
 Не довелось. Панъ вернувся,

Покыпувъ Наталю
 Въ Московыци. А ты іи
 За Днистромъ шукала!
 Сына Івана молодого
 Оддали въ салдаты
 За те, що ты не павчыла
 Нанивъ шапуваты.
 До кого-жъ ты прихылыся?
 Никого немае!
 До людей хылысь, небого,
 Люде прывитають.
 Нань вернувшись занедужавъ,
 Стогне, пропадае,
 А вона набрала зилля,
 Та ѹ ишла въ палаты
 Личыть ёго, помагаты,
 А не проклынаты.
 Не помогла болящому,
 Бо не допустиллы.
 А якъ умеръ, то за ёго
 Богу помолылась.
 И жыла соби святою,
 Дивчатъ научала,
 Щобъ зъ наинамы не кохались,
 Людей не цуралысь—
 А то Богъ васъ покарае,
 А ще гирше люде.
 Люде горди, неправедни,
 Своимъ судомъ судять...
 Оттакъ вона поучала,
 Болящыхъ личыла,
 Зъ убогыми останнёю
 Крыхтою димылась.

Люде добри и розумни
Добре іи знали,
А все такы покрыткою
И видъмою звалы!—

Л Я Х А М Ъ.

(Бр. Залеському).

е якъ булы мы козакамы,
А увін не чутъ було,
Оттамъ-то весело жылось:
Браталысь зъ вольными ляхамы,
Пышалысь вольными степами;
Въ садахъ кохалыся, цвилы,
Неначе лыліи, дивчата;
Пышалася сыпамы маты,
Сынамы вольнымы. Рослы,
Рослы сыны и веселылы
Старіи скорбни лита,—
Ажъ покы именемъ Христы
Прайшли ксёнды и запалылы
Нашъ тыхый рай, и розлылы
Шыроке море слизъ и крови;
А сырить именемъ Христовымъ
Замордували, роспяялы.
Поныкли головы козачи,
Неначе стоптана трава;

Украина плаче, стогне плаче;
 За головою голова
 До долу пада. Кать лютуе,
 А ксёндзъ скаженымъ языкомъ
 Крычыть: „Te Deum! Allelujah!“
 Оттакъ-то, ляше, друже, брате!
 Несытыи ксёндзы, магнаты
 Насъ поризнылы, розвелы,
 А мы бъ и доси такъ жылы!
 Подай же руку козакови,
 И серце чистее подай,
 И знову именемъ Христовымя
 Възобновымъ напь тыхый рай!

СЛАВА.

ты, задрипанко, шынкарко,
 Перекупко пьяна!
 Де ты въ ката забарылась
 Зъ своимы лучамы?
 У Версали надъ злодіемъ
 Наборъ роспустыла,
 Чи зъ кымъ иншымъ мизкаешся
 Зъ нудыги та зъ похмилля?
 Горнысь лышень ты до мене,
 Та вытнемо зъ лыха;
 Гарнесенько обіймемось,
 Та любо, та тыхо
 Пожартвемъ, чмокнемося,

Та й поберемося,
 Моя крале малевана,
 Бо я такы й доси
 За тобою чымчыкую.
 Ты хоча й шиналасъ
 И зъ пьянымы кесарямы
 По шынкахъ хылялась...

• • • • •
 Та мени про те байдуже!
 Мени, моя доле,
 Дай на себе подывытысь,
 Дай и ирыгорнутысь
 Пидъ крыломъ твоимъ любенько,
 Въ холодку заснуты.

С О Н Ъ.

(М. А. Марковичи).

 а паницани шененцию жала;
 Втомулася; не спочывать
 Шипла въ спопы,—пошкандыбала
 Ивана сына годувать:
 Воно сиовытее кричало
 У холодочку за спопомъ;
 Росиовыла, нагодувала,
 Чонестыла,—и ныбы сиомъ,
 Надъ сыномъ сидя, задримала.
 И сныться інъ той сынъ Иванъ—

И уродливый, и багатый,
 Не одынокий, а жонатый
 На вольній, бачиться, бо ѹ самъ
 Уже не панський, а на воли.
 Та на своимъ веселимъ поли
 У-двохъ соби пшеницю жнуть.
 А диточки обидъ несутъ...
 Та ѹ усмихнулася небога...
 Прохынулась—нема ничего!
 На Івана глянула; взяла
 Его, гарненько сповыла,
 Та, щобъ дожать до ланового,
 Ще копу дожинатъ нипла...
 Остатню, може; Богъ поможе,
 Той сонъ твій справдыться..

13 Іюля 1858.

1859.

МАРКУ ВОВЧКУ.

(На память 24 Генваря 1859 року).

Недавно я по-за Ураломъ
Блукавъ и Господа благавъ,
Щобъ наша правда не прошла,
Щобъ наше слово не вмирало—
И выблагавъ! Господь пославъ
Тебе намъ, кроткого пророка
И облычителя жестокыхъ,
Людей несытыхъ. Свите мій,
Моя ты зоренько свягай!
Моя ты сыло молодая!
Свиты на мене, и ограй,
И ожывы мое побыте,
Убоге серце, неукрыте,
Голоднее!—И ожыву,
И думу вольную на волю
Изъ домовыны возвозу!
И думу вольную... О, доле!
Пророче нашъ! Моя ты доне!
Твою думу назову.

И Боже мылый! якъ то мало
 Святыхъ людей на свити стало! .
 Одыть на другого кують
 Кайданы въ серци... а словами,
 Медоточивыми устами
 Цилуються, и часу ждуть,
 Чи швыдко брата въ домовини
 Зъ гостей па цвянтеръ повезутъ?..
 А ты, о Господы едыній,
 Скуешъ лукавыи уста,
 Языкъ оттой велеричивый,
 Мовлявшій: „мы—не суета!
 И возвеличимо на дыво—
 И розумъ нашъ, и нашъ языкъ...
 Та и де той панъ, що намъ закаже
 И думать такъ, и говорить?“
 „Воскресну я“! той панъ вамъ скаже.
 „Воскресну ныни, рады ихъ
 Людей закованыхъ моихъ—
 Убогыхъ нышыхъ... Возвеличу
 Малыхъ отыхъ рабивъ нимыхъ!
 Я на сторожи коло ихъ
 Поставлю слово“
 И поныче,
 Неначе стоптана трава,
 И думка вапса и слова,—
 Неначе срибло куте, быте
 И семыкраты перелыте
 Огнемъ въ горныли,—словеса
 Твои, о Господы, такыи.

Роскинь же ихъ, твои святыи,
По всій земли!.. И чудесамъ
Твоимъ увироутъ на свити
Твои мали убоги диты!

15 Февраля, 1859 року.

адуйся, ныво неполытая!
Радуйся, земле, неповытая
Квитчастымъ злакомъ! Ропустысъ
Рожевымъ кръномъ процвity!...
И процвитешъ, позеленіешъ,
Мовъ Іордановы святыи
Лугы, зелени берегы!
И честь Кармилова, и слава
Лыванова, а не лукава
Тебе укрые дорогымъ
Золототканнымъ, хытро шытымъ,
Добромъ та волею пидбытымъ,
Святымъ омофоромъ своимъ,—
И люде темныи незрячи
Дыва Господнїи побачять!

И спочынуть невольничи
Утомлены руки,
И колина одночынуть,
Кайданамы кути!
Радуйтесь, вбогодухи,
Не лякайтесь дыва:
Се Богъ судыть, вызволяе

Довготерпельныхъ—
Васть убогихъ—и воздае
Злодіямъ за зла!

Тоди, якъ, Господы, святая
На землю правда прилетѣть
Хочъ на годыночку спочыть—
Незрячи прозрять, и крывыи,
Мовъ сарна зъ гаю, помайнуютъ.
Нимымъ отверзутъся уста,
Прорвутъся слово, якъ вода,
И дебрь-пустыня неполыта,
Сцилющою водою вмыта,
Прокынеться; и потечутъ
Весели рики, а озера
Кругомъ гаймы поростутъ,
Веселымъ птаствомъ ожывутъ.
Ожывутъ стены, озера,
И не верстовны,
А вольныи, шырокыи,
Скризъ шляхи святыи
Простелютъся; и не найдуть
Шляхивъ тыхъ владыки,
Л рабы тымы шляхами,
Безъ кгвалту и крыку,
Нозиходяться до-куни,
Ради та весели,
И пустыню оianуютъ
Веселми села.

П И С Н Я.

Ѳ. И. Черненку.

(На память 22 Сентября 1859)

Коий по гори ромень цвите,
Долыною козакъ иде
Та у журбы пытаешься:
Де та доля пытаешься?

Чи то въ шынкахъ зъ богачами,
Чи то въ степахъ зъ чумаками,
Чи то въ поли на роздолли
Зъ витромъ віеться по воли?

Не тамъ, не тамъ, друже, брате!
У дивчыны, въ чужій хати,
У рушныку та въ хустыни
Захована въ повій скрыни.

7 Іюня, 1859 р.

І маю, маю я оченята—
Никого, маты, та оглядаты!
Никого, серденько, та оглядаты!

Ої маю, маю я рученята—
Никого, матинко, та обниматы,
Никого, серденько, та обниматы!

Ой маю, маю и ноженята,—
 Та ни зъ кымъ, матинко, потанцоваты,
 Та ни зъ кымъ, серденько, потанцоваты!

10 Іюня 1859 р. Г. Пирятин.

С Е С Т Р И.

ынаючи убоги села
 Понаддніпрянськи невесели,
 Я думавъ: де жъ я прыхмлюсь
 И де подинуся па свити?
 И сныться сонъ мени: дывлюсь,
 Въ садочку, квิตамы повыта,
 На прыгори соби стойти,
 Неначе дивчына, хатына.
 Дніпро геть геть соби розкынувшись,
 Сіле, батько, та горыть!
 Дывлюсь: у темному садочку,
 Иидъ вліннею, у холодочку
 Моя единая сестра,
 Многострадальная, святая,
 Неначе въ раи спочывае,
 Та зъ-за широкого Дніпра
 Мене, небога, выглядает.
 И ій здається, вырынае
 Зъ-за хвили човенъ, донлыва
 И въ хвили човенъ порына...
 — „Мій братику! Моя ты доле!“
 И мы прокинулись: ты—
 На панщци, а я—въ неволи!..

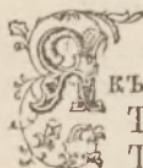
Отъ такъ намъ довелось иты
Ще зъ малечку колочу ныву!
Молыся, сестро! Будемъ живи,
То Богъ поможе перейти.

20 Июля 1859 р. Г. Черкассы.

олысь дурною головою
Я думавъ: горенько зо мною!
Якъ доведеться въ свити жыть,
Людей и Господа хвалыть?
Въ багни колодою гнылою
Валятысь, старитыся, гнить,
Умерты—й слиду пе покынуть
На (обезславлений) земли!..
О горе, горенько мени!
И де я въ свити заховаюсь?
Що—день Пылаты розынаютъ,
Морозять, пкваряТЬ на огни!..

24 Июля 1859 р. Г. Черкассы.

Акъ бы то ты, Богдане пьяный,
Теперъ на Переясловъ глянувъ,
Та на замчище подывывъ—
Упылся бъ здорово улыбъ!

19 Августа 1859 р., Перелелаевъ.

Іудеи, во дни опы,
 Во время Ирода царя,
 Кругомъ Сиона ѹ на Сиони
 Романьськи пьяни легіоны
 Паскудулысь. А у царя,
 У Ирода такы самого,
 И у порогу, ѹ за порогомъ
 Стоялы лыкторы. А царь
 Лызавъ у лыктора халяву,
 Щобъ той ёму па те, на се,
 Хочъ пивъ-динарія позычывъ.
 А той кышенею трясе,
 Выймае гроши и не личить,
 Неначе старцеви дае...
 И пьянай Иродъ зпову пье!
 Якъ ось не въ самимъ Назарети,
 А въ Выолеемъскому вертепи
 Марія сына родыла
 И въ Выолеемъ зъ малымъ пишла...
 Бижыть почтарь изъ Выолеема
 И каже: „Царю! Такъ и такъ!
 Зиновать, кукиль, и будякъ
 Росте въ пшеници. Кляте племя
 Давидове у пасъ зїшло.
 Зотны, покы не пиднялось!“
 — „Такъ що-жъ?“ промовывъ Иродъ пьянай,
 „По всёму царству постынать
 Малыхъ дитей; а то погани
 Намъ не дадутъ доцарюватъ“.
 Почтарь—невроку—бувъ пидпилый,
 Оддавъ Анатови приказъ,

Щобъ тилько въ Выелееми былы
Малыхъ дитей.

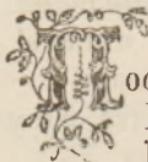
Спасы ты нась,
Младенче праведный, великий!

24 Октября 1895 г. С.-Петербургъ.

АНТОНІЮ СОВИ.

(Подражание Польскому поетови).

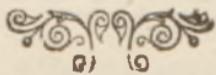
осажу коло хатыны,
На спомынь дружыни,
И яблуньку, и грушечку.
На спомынь едыній!

Богъ дастъ, выростуть. Дружына
Пидъ древамы тымы
Сяде соби въ холодочку
Зъ диткамы малымы.
А я буду груши рваты,

Диткамъ подаваты...
 Зъ дружыною едыною
 Тыхо розмовляты.

—Тоди, сердце, якъ бралыся,
 Си древа садывъ я...
 Щаслывый я!— „И я, друже,
 Зъ тобою щаслыва!“

19 Ноября 1859 г., Петербургъ

1860.

ивчя любе, чорнобрыве
Несло зъ лёху пыво,
А я глянувъ, подывився—
Та ажъ похлывся...
Кому воно пыво носить?
Чому босе ходить?
Боже сильный? Твоя сыла
Та тоби жъ и шкодить

дубраво, темный гаю!
Тебе одягае
Трычи на рикъ... Багатого
Соби батька маешъ.
Разъ укрые тебе рясно
Зеленымъ покровомъ,—
Ажъ самъ соби дывуешься
На свою дуброву...
Надывившись па доненьку
Любу, молодую,

Визьме іи та й огорне
 Въ рызу золотую
 И сповые дорогою
 Билсю габою,
 Та й спать ляже, втомившися
 Турбою такою.

15 Стычня 1860 р. С-Пестербургъ

ПОДРАЖАНИЕ СЕРБСЬКОМУ.

 Майхала старосты,
 Й молодыкъ за нымы;
 Воны соби пишли въ хату
 Зъ батькомъ розмовляты;
 А я въ ёго, молодого,
 Въ того чорнобрывця,
 Беру коня, та йничого...
 Веду до крыныци.
 Кинъ утомленый, копыта
 Роскути, розбыти,
 Сиделечко мережане
 Зопсуте, невкрыте.
 — Скажы, коню, до кого це
 Вы такъ нагло гнались?—
 „До якоись чорнобрывкы
 Всю ничъ майнувалы“.
 Чи ты коню жъ, будешъ пыты

Зъ напои крыныци?
Чи буде та чорлобрывка
Сей рикъ молодыця?

1 Мая 1860 г. С.-Петербургъ.

Л Ы К Е Р И.

(На память 5 Августа 1860 г.)

Моя ты любо! мій ты друже!
Не имуть намъ виры безъ хреста,
Не имуть намъ виры безъ попа,
Рабы, невольники недужи!
..... Збрешутъ люде—
Одурять! Не одурить Богъ:
Каратъ и мылувать не буде;
Мы не рабы ёго, мы—люде...
Моя ты любо! усмихнысь,
И вольную святую душу
И руку вольную, мій друже,
Подай мени... то перейты
И винъ поможе намъ калюжу,
Поможе й лыхо донесты
И подовать лыхе, дебеле,
Въ хатыни тыхій и веселій.

5 Августа 1860. Стрельна.

Надъ Дніпровою сагою
Стоить явиръ мижъ лозою,
Мижъ лозою зъ ялыною,
Зъ червоною калыною.

Дніпро берегъ рые, рые,
Яворови коринь мые;
Стоить старый, похыльвся,
Мовъ козакъ той зажурывся,—

Що безъ доли, безъ родыны
Та безъ вирнои дружыны,
Безъ дружыны и надії
Въ самотыни посывіе!

Явиръ каже: „похылюся,
Та въ Дніпрови скучаюся“.
Козакъ каже: „погуляю,
Та любую пошукаю“.

А калына зъ ялыною
Та гнучкою лозыною,
Мовъ дивчаточка изъ гаю
Выхожаючи, спивають.—

Повбірани, заквитчани
Та зъ таланомъ заручени,
Думки, гадоньки не мають—
Вьються, гнуться та спивають...

 ослы у-купотци; врослы;
 Сміятысь, гратысь пересталы...
 Неначе справди розійшлысь...
 Зійшлысь незабаромъ; цобралысь;
 И тыхо, весело иройшли,
 Душою, сердцемъ неповыни,
 Лжъ до самой домовыны...
 А мижъ людьми воны жылы!

Подай же й намъ, всенцедрый Боже,
 Отакъ цвисты, отакъ росты,
 Такъ одружентыся и йты,—
 Не сварячысь въ тяжкій дорози
 На той свитъ тыхый перейты.

5 Юна 1860. Петербургъ.

ПЛАТЬ ЯРОСЛАВНЫ.

 Путывли гради въ-ранци рано
 Спивае-плаче Ярославна,
 Якъ та зозуленька кус,
 Словами жалю додас.
 „Полечу, каже, выгзыцею,
 Тію чайкою-вдовыцею,
 Та по-надъ Дономъ полечу,
 Рукавъ бобровый омочу

Въ риці Каяли; и на тили,
На княжимъ билимъ иомарнилимъ
Омью кровъ суху,—отру
Глыбоки, тяжкии раны...“

И квылить-плаче Ярославна
Въ Путывли рано на валу:
„Витрыло, витре мій едыный,
Легкий, крылатый господыне!
На що на дужому крыли,
На вои любши мои,
На князя, ладо мое мыле,
Ты хановы метаешъ стрилы?
Не мало неба и земли
И моря сынёго! На мори
Гойдай насады корабли!
А ты, прелютый... горе, горе!
Мое веселіе укравъ,
Въ степу на тырси розибгавъ!“

Сумуе, квылить-плаче рано
Въ Путывли гради Ярославна,
И каже: „Дужий и старый,
Шырокый Днипре, не малый!
Пробывъ есы высоки скалы,
Текучы въ землю Половчана;
Носывъ-есы на байдакахъ,
На Половчанъ, на Кобякѣ
Дружину тую Святославию!
О, мій словутыцю преславный!
Мое ты ладо прынесы,
Щобъ я постиль весела стлала,

У море слёзъ не посыла—
Слёзамы моря не долытъ!“

И плаче, плаче Ярославна
Въ Шутысли на валу, на брами—
Святее сонечко зйшло—
И каже: „Сонце пресвяте!
На землю радисть прынесло
И людямъ, и земли,—мозгъ
Тугы-пудыги не розвелъ.
Святій, огненный господыне!
Спалывъ-есы лугы, стены,
Спалывъ и князя, и дружину,—
Спалы мене на самоти!
Або не грій и не свиты...
Загнувъ ладо—я загнуу!“

1 Іюня 1860 р. О. Петербургъ.

Дъ передъ-свита до вечора,
А зъ вечора та до свита
Летять стрили каленны,
Брязчать шабли о шеломы,
Трещать смысы гартовани
Въ стецу, въ незнаемому поли
Середы земли Половецькои.
Земля чорна копытамы
Ноорана, порытая;
Кистьмы земля засіяна,
А кровію полытая.
И журба-туга на тимъ поли
Зйшла для руськои земли.

Що гомонить оттамъ, зычть
У досвита? То повертае
Той Игорь військо на прыгоду
Тому буй-туру Всеволоду.

И былъсь день,
И другой былъся;
Та коло полудня на третій
Пониклы Игоревы стязи.

Оттакъ на берези Каялы
Браты ризнылысь, бо не стало
Крови-вина! Допырувалы
Хоробри русычи той ныръ—

Свативъ упойилы
Й сами простяглыся
За землю руськую. Хылылась
И сталась плаучы трава,
Высоки гнулысь дерева,
До-долу гнулыся, журылысь.

6 Іюля 1860 р. С.-Петербургъ.

Путывли гради въ-ранцираво
Сумуе, плаче Ярославна:
„Полечу, рече, зовулею
По-падъ Дунаемъ, полечу!
Рукавъ бебряный омочу
Въ рици Каяли, и омыю

На княжому дебелимъ тили
Глыбоки на ладо раны".—

И плаче, плаче Ярославна
Въ Путывли городи, й рече:

„Витрыло-витре, господыне!
На-ицо ты віешы, несешь
На легкому крыли своему
Хановськи стрилы?"

14 Сентября 1860 р. С.-Петербургъ.

•
•
Въ почі и ожеледь, и мряка,
И снигъ, и холодъ... И Нева
Тыхесенько кудысь несла
Тоненъку крыгу по-пидъ мостомъ.
А я, ото-жъ-талы въ ночи
Иду та капіляю йдучы.
Дывлюсь, неначе ти ягнятა,
Идуть задрипани дивчата,
А дидъ (сердешный инвалидъ)
За нымы гнеться, шкандыба,
Мовъ у кошару заганяе
Чужу худобу... Де-жъ той свить!..
И де та правда?... Горе! горе!
Ненагодованыхъ и голыхъ
Дивчаточокъ, якъ ту отару,
Женуты!
Чи буде судъ и нара

Усмы неправдамъ на земли?
 Чи буде правда мижъ людьми?..
 Повынна буть!.. бо сонце стане
 И оскверненну землю спалыть.

3 Ноября 1860 г. Петербургъ.

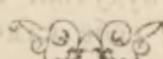

Н. Я. МАКАРОВУ.

(На память 14 Сентября).

 Барвинокъ цвивъ и зеленивъ,
 Стлався, розстилався,—
 Та недосвить передъ-свитомъ
 Въ садочокъ укрався.
 Потоптавъ весели квиты,
 Побывъ, поморозивъ...
 Шкода того барвиночки
 Й недосвита шкода!

14 Сентября 1860. Петербургъ.

Л.

оставлю хату и кимнату,
Садокъ-раѣчокъ насажу;
Посыжу я и похожу
Въ свой маленькой благодати,
Та въ одыни-самотыни
Въ садочку буду спочываты...
Прыснаться диточки мени,
Веселая прыснться маты,
Давнє-колышній та ясный
Прыснться сонъ мени... и ты!..
Ни, я не буду спочываты,
Бо ѹ ты прыснышся! У малый
Раѣчокъ мій, зъ пидтыха-тыха,
Пидкрадешся, наробышъ лыха,—
Запалышъ рай мій самотный.

24 Сентября 1860 р. Петербургъ.

не парикаю я на Бога,
Не парикаю ни на кого:
Я самъ себе, дурный, дурю,
Та ще ѹ спиваючи... Орю
Свій перелигъ—убогу пыву,
Та сію слово: добри жиша
Колись-то будуть!.. И дурю
Себе такы, себе самого,
А бильше, бачыться, никого.

Орыся жъ ты, моя ныво,
Доломъ та горою,
Та засійся, чорна ныво,
Волею ясною!
Орыся жъ ты, розвернися,
Полемъ розстелися,
Та посійся добрымъ житомъ,
Долею полыйся!
Розвернися жъ на вси боки,
Ныво-десятыно!
Та посійся не словами,
А розумомъ, ныво!
Выйдуть люде жито жаты...
Веселый жныва!..
Розвернися жъ, розстелися жъ,
Убогая ныво!

Чи не дурю себе я знову
Своимъ химернимъ добрымъ словомъ?...
Дурю! Бо лучше одурить
Себе такы, себе самого,
Нижъ зъ ворогомъ по правди житъ
И всуе нарикатъ на Бога!

5 Октября 1860. Петербургъ.

Лынулы лита молодыи...
Холоднымъ витромъ одъ надіи
Уже повіяло... Зима!..
Сыды одынъ въ холодній хати...
Нема зъ кымъ тыхо розмовляты,

А ни порадытесь... Нема:
 А ничогисинъко нема!
 Сыды жъ одынъ, покы надія
 Одурить дурня, осміе...
 Морозомъ очи окуе,
 А думы гордии розвіе,
 Якъ ту снижыну по степу...
 Сыды жъ одынъ-соби въ кутку,
 Не жды весны---святои доли!
 Бона не зійде вже николы
 Садочокъ твій позеленыть,
 Твою надію оновыть
 И думу вольную на волю
 Не прийде выпустыть... Сыды—
 И ничогисинъко не жды!...

15 Октября 1860 р. Петербургъ.

Тытаривна-Немеривна
 Гаптуе хустыну,
 Та колыше московщыня—
 Малую дытыну.
 Тытаривна-Немеривна
 Людьми гордуvala...
 А москаля-пройдышвита
 Ныщечкомъ витала!
 Тытаривна-Немеривна
 Почестного роду...
 Выглядæе пройдышвита
 Москаля зъ походу.

19 Октября 1860 р. С.-Петербургъ.

тутъ, и всюды—скрізь пагано!..
 Луна убога встала рано,
 Напряла мало, та й лягла
 Одпочывать соби, небога.
 А воля душу стерегла...
 „Прокињнесь“, каже: „плачъ, убога!
 Не зійде сонце!.. тьма и тьма!
 И правды на земли нема!
 Ледача воля одурила
 Маленьку душу: сонце йде
 И за собою день веде!..

30 Октября 1860 р. Петербургъ.

Скъ бы зъ кымъ систы, хлиба зъисты,
 Промовыть слово,—то воно бъ,
 Хочъ и якъ небудь, на симъ свити,
 А все бъ такы якосъ жылось.
 Та—ба!.. нема зъ кымъ! Святъ широкый,
 Людей чимало на земли...
 А доведеться одынокымъ
 Въ холодній хати крывобокій,
 Або пидъ тыномъ простягтысь!..
 Або... ни!.. Треба одружытысь,
 Хоча бъ на чортовій сестри!
 Бо доведеться одуриты
 Въ самотыни... Пшеныця, жыто
 На добримъ сіяллось дану,

А люде такъ соби пожнуть
И скажуть:— „десь ёго убыто,
Сердешного, на чужыни...“
О горе, горенько мени!

4 Ноября 1860 р. Петербургъ.

 день иде, и ничъ иде...
И, голову схонывши въ руки,
Дывуешся—чому не йде
Апостолъ правды и науки?!

5 Ноября 1860 р. Петербургъ.

 ішлысь, побралысь, поедналысь,
Помолодилы, пидрослы,
Гаёкъ, садочокъ розвели
Кругомъ хатыны, и пышнالысь,
Неначе князи. Диты гралысь,
Рослы соби та выросталы ..
Дивчатокъ москали укралы,
А хлопцивъ въ москали забралы,
А мы неначе розійшлись,
Неначе бралысь—не едналысь.

5 Декабря 1860 р. Петербургъ.

олысь то ще, во время оно,
Помпилій Нума, рымський царь,
Тыхенъкій, кроткий государь,
Втомышьшь, пшиучы законы,
Пишовъ любелько погулять
И одпочить, та спочывавши,
Додумать, якъ бы то сковать
Кайданы на рымлянъ. И взявши
Гпучкій одиселитокъ лозы,
Каблучку заходиць плесты,
На шюю бъ то. Колы погляне—
У холодочку пидъ платапомъ
Дивчя заквитчае спыть ..
Друидамъ ничего робыть
Передъ такою красотою,
Передъ богынею такою!
Сама Егерія въ гаю,
Кленучы доленъку свою,
Повисылась. А мудрый Нума
И на дивчя, и на цветы
Дивуясь соби и дума,
Який бы ретязь ще сплести?

ече вода зъ-пидъ явора
Яромъ на долину,
Пышаеться надъ водою
Червона калына.
Пышаеться калынонька,
Яворъ молодіє,

А кругомъ ихъ керболозы
И лозы зеленіютъ.

Тече вода изъ-за гаю
Та по-шидь горою,
Хлюпощутъся качаточки
По-мижъ осокою.
А качечка выплывае
Зъ качуромъ за нымы—
Ловлять ряски, размовляютъ
Зъ диткамы своими.

Тече вода край города,—
Вода ставомъ стала.
Прышло дивчя воду браты:
Брало, засивало.
Вышли зъ хаты батько й маты
Въ садокъ погуляты,
Порадытысь, кого бъ то имъ
Своимъ зятемъ зваты.

Усе журюся я, не смыться
Часомъ до пивночи—
Усе свитять ти блыскучи
Твои чорни очи.
Мовъ говорять тыхесенько:
„Хочъ, небоже, раю?
Винъ у мене, тутъ, у серци“.
А серця пемае,
И не було ёго николы,

Тильки шматокъ мялса...
 На що жъ хороше и пышно
 Такъ ты розцвилася?
 Не журюся, а не сныться
 Часомъ и до свита—
 Усе думка пробывае:
 Якъ бы такъ прожыты,
 Щобъ николы таки очи
 Серця не вразыли.

(Воспом. Чужбинскаго, 1861. С.-Н.Б.).

— 3 — 1861. — 3 —

и не покыпуть намъ, небого,
Моя сусидонько убога,
Вирши никчемни виршувать,
Та заходыться рештывать
Возы въ далекую дорогу?
На той свитъ, друже май, до Бога
Почымчыкуемъ спочывать.. .
Втомылые такы и пидгопталысь
И розуму такы пабралысь.—
То й буде зъ нась!—ходимо спать,
Ходимо въ хату спочывать.. .
Весела хата, щобъ ты знала! .

Ой не йдимо, не ходимо,
Рано, друже, рано;
Походымо, посыдымо--
На сей свитъ поглянемъ!
Поглянемо, моя доле ..
Бачъ, який шырокый,
И шырокый та веселый,
Ясный та глыбокий. .

Походымо жъ, моя зоре!
 Зійдемо на гору—
 Спочынемо... А тымъ часомъ
 Твои сестры—зори
 Безвичныи, по-нидъ небомъ
 Поплыуть, засяютъ...
 Пидождимо жъ, моя сестро,
 Дружыно святая!
 Та нескверными устами
 Помолымось Богу,
 Та й рупымо тыхесенько
 Въ далеку дорогу...
 Надъ Летою бездонною
 Та каламутною
 Благословы мене, друже,
 Славою святою!..

А покы те, да се, да оне,
 Ходимо просто—навпростецъ
 До Ескулапа на ралецъ—
 Чи не одурить винъ Харона
 И Парку-прылку?.. И тоди,
 Цэки бъ хымерывъ мудрый дидъ,
 Творылы бъ скризъ по надъ землею—
 На все бъ гекзаметры плелы,
 Та на горыще бъ однеслы
 Мышамъ на снidanня... А потимъ
 Сливалы бъ прозу—та по нотахъ,
 А не якъ-небудь...

Друже мій,
 О, мій сопутныче святый!
 Покы огонь не захолонувъ,
 Ходимо лучче до Харона—

Черезъ Легу бездонную,
 Та каламутную
 Переplывемъ, перенесемъ
 И славу святую,
 Безвичнюю, молодую...
 Або — дуръ ій, друже!
 И безъ неи обійдуся—
 Та якъ буду здужагъ,
 То надъ самымъ Флегетономъ,
 Або надъ Стыксомъ у раю,
 Неначе надъ Дніпромъ широкымъ,
 Въ гаю, предвичному гаю,
 Поставлю хаточку, садочокъ
 Кругомъ хатыны насажу;
 Прылынешъ ты у холодочокъ,
 Тебе, мовъ кралю, посажу:
 Дніпро, Украину згадаемъ,
 Весели селыща въ гаахъ,
 Могилы-горы на степахъ—
 И веселенько заспиваемъ ..

14—26 Февраля 1861 р. С.-Петербургъ.

Стихи оци (мабуть — до Музы), здастъся, останне, поетычне
 слово нашого вичновамътного Тараса. На подлышыку пидъ первою
 его половиною (писля стиха: Славою святою) стоять „14 Фев-
 раля;“ пидъ другою половиною дня не означено.

Приміч. ред. „Основы“.

НАЗАРЪ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДІЯ.

(Невідомого року).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хона Кычатый, сотникъ.

Галя, дочь его.

Стеха, молода клюшница у Кычата.

Назаръ Стодоля, другъ его.

Гнатъ Карый, другъ его.

Хозайка на вечерницахъ.

Сильной кобзарь, жиуды-музыканты, молодые козаки, дьевушки и сваты отъ Чигиринского полковника.

Дѣйствие происходит въ XVII-мъ столѣтіи, близъ Чигирина, въ козацкой слободѣ, въ ночь на Рождество Христово.

АКТЬ ЦЕРВЫЙ.

Вечеръ. Внутренность свѣтлицы, богато убранной коврами и бархатомъ. Въ сторонѣ столъ, покрытый дорогимъ ковромъ; кругомъ скамьи подъ бархатомъ, окаймленныя золотомъ. На столѣ стоять фляги, кубки и разныя кушанья; горять восковыя свѣчи. Стеха убираетъ столъ.

Стеха (*отходитъ отъ стола*) Усе! Здастся, что все. Страйвай лышень, чи не забула чого? Рыба, мясо, баранына, свинина, ковбаса, вышнивка, слывянка, медъ, венгерськее — усе, усе! Тутъ и йистывне и выпыты. Колы бѣ лышень гости. Та шо воны такъ довго баряться? И надоумыле жъ сидоусого у таке свято, колы добри люде тильки колядують, сподиваться гостей, та ѹ ще якыхъ гостей! старостивъ одь такого жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачымо, ѹто зъ того буде? Негрите зализо не зогнешъ! А якъ-бы не крывся та порався бѣ зо мною оттакъ тыжнивъ за два до святъ, то девна уже була бѣ ричъ; а то схаменувся на самисинъкій святъ·вечиръ, та ѹ ластыться: „и сяка, ѹ така, и добра, и розумна ты, Стехо, поможы! Я вже тоби и се, и те, и трете и десяте“. Побачымо, побачымо, якъ попадеться нашему теляти вовка пїйматы. (*Помолчавъ*). Не сказавши ни слова дочци, за кого и якъ хоче виддаты, думае ѹша сестра — коза: чоженешъ, куды скочешъ. Е. ни! стривай лышень, голубчыку! „Ублагай іи“, каже. Та и ѹто такы той поганый хорунжый? А полковникъ, хочъ старый — нехай ёму добре сныться — такъ же панъ!. Оде бѣ то вона ѹ стямылася! Иншому двусъ, а я — такъ визьмусь. Дивци дивку не довго збить зъ пантельку, а ѹще таку, якъ моя

паниочка—ии! Та вже жъ, якъ кажутъ, піймавъ, не піймавъ, а погнаться можна. Тоди, якъ тее—то, вже жъ и погуляю!.. А вона поплаче, посумуе, а дали й ничогисинъко. Та й Назаръ такы не разъ спасыби скаже. (*Изъ боковыхъ дверей выходитъ Галля*)

СТЕХА. А що? якъ прыбрано?.. Тымъ бо й ба!

ГАЛЛЯ. Що це ты, Стехо, робышъ? Хиба у насъ сёгодни гости, чи що?

СТЕХА. Та ще й яки гости, якъ бы вы зналы!

ГАЛЛЯ. Яки жъ тамъ гости и видкиля?

СТЕХА. Угадайте.

ГАЛЛЯ. Чи не зъ Чыгырына?.. Такъ?

СТЕХА. Изъ Чыгырына, та хто такый?

ГАЛЛЯ. Яки-небудь старшыны?

СТЕХА. То-то бо й йе, що не старшыны, и...

ГАЛЛЯ. Такъ хто жъ такый? Може... та ни! сёгодни не такой день. А мени батюшка учора и говорывъ щось таке.

СТЕХА. Говорывъ, та не договорывъ. А я знаю,—тильки не скажу.

ГАЛЛЯ (*обнимая Стеху*). Стехо, голубочко, ластивко моя! скажы, пе мучъ мене.

СТЕХА. А що дасте? скажу...

ГАЛЛЯ. Ще сережкы, або перстень, або що хочешъ подарую, тильки скажы.

СТЕХА. Ничого не треба; дайте тильки свій байбараакъ надиты сёгодни па вечерныци.

ГАЛЛЯ. Добре, надивай, та такъ, щобъ батюшка часомъ не побачывъ.

СТЕХА. Оце ще! хиба жъ я справди дурна? Слухайте жъ. (*Въ помолоса*). Сёгодни прыйдутъ старосты,

Галя (зъ восторгъ). Видъ Назара! видъ Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачыте, видъ кого.

Галя. Хиба жъ не видъ Назара, Стехо? Що жъ, оце мене и справди лякаешь?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тильки такъ кажу.

Галя. Ни, ты щось знаешъ, та пе хочешъ сказаты.

Стеха (лукаво). Я ничего не знаю. Де мени, клюшныци, видаты про панськи дила?

Галя. Ты сміешся зъ мене! Я заплачу, ій-Богу, заплачу, и батюющи скажу.

Стеха. Що жъ вы скажете?

Галя. Що ты мене перелякала... Тенеречки не дамъ байбараака. А що, пожывалась?

Стеха. Оце, яки бо вы боязьки! й повирылы!

Галя. Ну, що жъ? видъ Назара?

Стеха. Та видъ кого жъ бильшъ? вже пакъ не видъ старого Молочая, нашого полковника.

Галя. Цуръ ёму, який нехорошый! Якъ прыйде до нась, то я заразъ изъ хаты втикаю. Мени навдывовыжу, якъ ще ёго козакы слухають. Тилько у ёго, паскудного, и мовы, що про палывку та про вареныки.

Стеха. А хиба жъ се й не добре?

Галя. Звисно! козаку, та ще й полковнику! Ось мій Назаръ, мій чорнобривый, усе про війну та про походы, про Наливайка, Остряныцю, та про сине море, про Татаръ, та про Турецьку землю. Страшно, страшно, а хороше, тильки що слуха-

да бѣ не наслухалась ёго, та все дывылась бы въ ёго кари очи. Мало дил, мало ночи.

Стеха. Наслухаestесь, ще й налюбуетесь. Описля, може, и обрыдне.

Галля. О, крый Боже! До самой смерти, поки вмру, все дывылась бы та слухала ёго. Скажы мени, Стехо, чи ты любыла колы, чи обнимала колы козацький станъ высокий, що... дрижать руки, мліе серце? А колы цилуешъ... що тоди? Якъ се, ма-буть, любоб! лкъ се весело! (*Въ восторгъ поетъ и плачетъ*).

Гой, гол, гоя!
Що зо мною, що я?
Полюбыла козака—
Не маю покоя.

Я ёго боялась...
Що жъ опислясталось!
На вулыци повстричалась
Та й поцилуvalась.

А маты узрила...
Якє тоби дило!
Виддавайте замижъ,
Колы надойила!

Стеха. Гарно, гарно! А одъ кого це вывчы-
лися?

Галля. Та одъ тебе жъ. Хиба ты забула, якъ на вулыци, на тій недили, танцювала? Тоди ще батюшки не було дома... згадала?

СТЕХА. Колы се? Оце ще выдумалы! (*Стучатся въ дверь*).

ГАЛЯ (*торопливо*). Охъ, лышечко! хтось иде! (*убѣгаєтъ*).

СТЕХА. Хто тамъ?

ХОМА (*за дверью*). Я, я! видчыняй мерцій.

(*Стеха отворяетъ дверь. Входитъ Хома, отряхиваясь*).

ХОМА. Що? не було? Оце жъ яка хуртовына!

СТЕХА. Кого не було?

ХОМА. Кого? гостей!

СТЕХА. Якыхъ гостей? отъ пол...

ХОМА. Цель!... еге жъ.

СТЕХА. Ни, не було.

ХОМА. Гляды жъ, а ни телень!.. Отець Данило, спасыби, розрипывъ. Не забудь тильки завтра въ-ранци послать ёму вышивкы,—знаешь?—тысци, шо недавно долывалы. Нехай соби пье на здоровья. Та шо се ихъ нема такъ довго? Чи не злякалысь, бува, заверюхи? А витеръ, неначе, стыха.

СТЕХА. Злякаются воны! дежъ пакъ! И въ горобыну ничъ прыйдуть для такои панночки, якъ наша.

ХОМА. Звычайно, звычайно.

СТЕХА. Ище пакъ такой старый... а панночка...

ХОМА. Сама ты стара, сороко безхвоста!

СТЕХА. Дывысь! заразъ и розсердышь. Хиба я на васъ?

ХОМА. Такъ що жъ, шо не на мене? Такъ на мого... ну... полковника

СТЕХА. Е, бачъ що! А панночка? чи вы жъ въ нею говорылы? шо вона?

Хома. А що вона? іи дило таке: що звелять, те й робы. Воно ще молоде, дурне; а твоє дило навчыть іи, врозумыть, що любовъ и все таке проче — дурныця, никчемне. Ты вже, думаю, розуміеш?

Стеха. Та се розумію, та зъ якого кинця початы, не знаю. Вона, бачыте, полюбыла Назара такъ, що й сказать не можна. Ось и сёгдні мени говорыла. Молы, каже, Стехо, Бога, щобъ швидче я выйшла замижъ за Назара,—половыну добра свога виддамъ!

Хома. А ты й повирыла!

Стеха. А чому жъ и ни? вона така добренька.

Хома. Дурна ты, дурна! А якъ же я самъ тоби все добро виддамъ, тоди що буде? га? Що ты думаешъ? (*Ласкаетъ ее*). То-то бо йе, дурочка ты, безсережна!

Стеха. Що мени робыть, колы я дурочка?

Хома. А то, що велять. Чуешъ? усе, що въ мене йе—твое.

Стеха. Не треба мени вашого добра; я и безъ нёго була бъ щаслива, якъ бы вы не забулы бидной Стехы и тоди, колы зробытесь велыкымъ паномъ. Я васъ такъ вирно люблю, такъ вбываюсь за вами, а вы... (*притворно прустите*).

Хома. Отъ же и нагадалы кози смерть! Зновъ свое. Сказавъ, такъ и зроблю.

Стеха. Чи мало що люде обищають, колы имъ припаде нужда.

Хома. Годи не знать що базикать. Иди лышень до Гали та поговоры зъ нею хорошенъко по своёму, и колы тее... то завтра и міжъ памы онес.

Стеха. Казавъ цанъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле. И я тильки грихъ на душу визьму.

Хома. Який тутъ грихъ? Дурныця все те!

Стеха. Забожиться, що женытесь, тоди ій-Богу все зроблю! А безъ мене, кажу вамъ, ничего не буде, ій-Богу!

Хома. Огъ же ій-Богу, далеби!

Стеха. Женытесь?

Хома. Еге!

Стеха. На мени?

Хома. Якъ коржа, такъ коржа!—Якъ спечено, такъ и дамо. Уже ты мени въ печинкахъ ссыдышъ зъ своимы вытребенькамы

Стеха. Яки тутъ вытребеньки?

Хома. Ну, добрe, добрe! тильки слухай. Треба дило скомпонуваты такъ, щобъ вона не знала, видъ кого старосты; а то — чого доброго—усе пиде шкереберть.

Стеха. Та вже мени ве вчыться, якъ диломъ повернуть. Наговорю такого дыва моїй наиночци що твій кобзарь. Старый, скажу, чоловикъ, якъ нодумашпъ, усимъ, усимъ лучше видъ молодого. Молодий... та що й казать? никуды не годытесь, а до того ще докучлывый та ревнывый, а старый тыхий, тыхий и покирный.

Хома. Такъ, такъ! О, ты дивка розумна! Иды жъ до Гали, да гляди, гарненько побалакай зъ чею.

Стеха. А потимъ, чи можна мени буде пыгы на вечорныци? Я вже зовсімъ упоралась. Пустить, будьте ласкави, хочъ въ послидній разочоукъ.

Хома. У тебе тильки й на думци, що вечорыци. О, вже мени та Мотовылыха!

Стеха. Мотовылыха? Чи не казала вамъ вона, стара наилуга, чого? Що жъ, що я зъ козакамы танцюю? А якъ вы жартуете зъ молодыцямы, такъ я й ничего!

Хома. Иды жъ, иды, та поклычъ мени Галю, а затымъ сама полагодъ рушныки.

Стеха. Та вже усе на ноготови. (*Уходитъ*).

Хома. Злыгався я зъ діяволомъ... (*Оглядывается*). Що жъ? не можна безъ цёго. У такому дили якъ не верты, треба або чорта, або жинкы (*Немного помочавъ*). Чого доброго! ще, може, ѹ мене обдурыть, тоди и остався на вики вични въ дурняхъ. Та ни, лыха матери! Абы бъ тильки ты мени своимы хытрощамы помогла породниться зъ полковныкомъ, а тамъ уже що буде — побачымо. Ишь ты, мужычка! куды кырпу гне! Стравай! (*Продолжительное молчание*). Думай соби, голубко, да гадай, що... а воно зовсімъ не такъ буде. Закынь тильки удочку, сама рыбка пиде. Шуткы: — тесь полковника!.. А що дали—се наше дило. Абы бъ черезъ поригъ, то мы й ва поригъ глянемъ. У якыхъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чыгырыни, гулай соби зъ полковнычою булавою! и слава, и почотъ, и червінцы до себе гарбай: все твое. А пуще всёго червінци. Икъ люде по духу чують; хочъ не показуй, все кланятымуться... Ха-ха-ха! отъ тоби й сотныкъ! Ще въ Братськимъ сердце мое чудо, що зъ мене буде велыкий панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се называлы мене двулычнымъ. Дурни, дурни! Хиба жъ якъ говорымъ про

огонь, такъ и листы въ огонь? або якъ про чорнобриву сыроту, такъ и женыться на ій? Брехня! видъ огня подальшъ. Женясь не на чорныхъ бровахъ, не на карыхъ очахъ, а на хоторахъ и мынахъ, такъ и будешъ чоловикомъ, а не дурнемъ. (Входитъ Галля).

Галля (весело). Добры-вечиръ, батюшка! Де це вы такъ довго барылъся? Вы мене клыкали, чы що?

Хома. Та клыкавъ, клыкавъ. (*Осматриваетъ ее*). Що ты не вси стрички почилляла? Та нехай! покы буде й сихъ. Послушай. Мени треба поговорыты зъ тобою объ важнимъ дили. Ты знаешъ, мы сёгодни старостивъ сподиваемось?

Галля. Сёгодпи! на первый день праздника,— на самисинъке Риздво?

Хома. Такъ що жъ? Отець Даныло, спасыби, розришывъ. Гляди жъ, не пиднеси гарбуза.

Галля. Якъ се можна! Хиба винъ дуже старый, чи що? Ось послухайте, якои нисенитныци наговорыла мени Стеха. Сміхъ та й годи!

Хома. А що вона тоби наговорыла?

Галля. Каже, буцимъ-то стари... та ни, не скажу, далеби, не скажу, бо ка-зпа-що! Вона й сама не знае, що говорыть.

Хома. Хиба жъ не правда? Старий чоловикъ краще молодого.

Галля. Та й вона те жъ казала.

Хома. А тоби якъ здається?

Галля. Якъ такы можна? то старый, а то молодый!

Хома. Такъ по твоему молодый краще?

Галля. Ото жъ пакъ!

Хома. Помиркуй лышень гарнепъко, такъ и побачыши, що батькова правда, а не твоя. Ну, що молодый? Хиба те, що чорни усы? та й тильки жъ. Не викъ тоби нымъ любоваться: прыйде пора— треба подумати объ чимъ и другимъ. Може, колы захочеться почоту, поваження, поклонивъ. Кому жъ се звычайшіше? полковныци... се я такъ прыміромъ говорю... а не якій-небудь жинци хорунжого; бо у ёго тильки й худобы, тильки й добра що чорний усь. Повиръ мени, дочки, на тебе никто и дывыться не захоче.

Галля. Та я й не хочу, щобъ на мене други дывылись.

Хома. Не знать що верзешъ ты! Хиба, ты думаешъ, що не обрядне цилисинъкий викъ дывыться на тебе одну? Хиба ты одна на Божимъ свити? Йе й краци тебе. Того и гляди, що розлюбить.

Галля. Назаръ? мене? О ни! ни, николы на свити!

Хома. Я й не кажу, що воно справди такъ буде, а такъ, напрккладъ,— щобъ ты тямыла, що мы вси на одынъ шталтъ шыти.

Галля. О, ни! не вси! винъ не такый, винъ не розлюбить.

Хома. А що жъ? хиба винъ тоби побожывся?

Галля. А то жъ?

Хома. А ты й повирила!

Галля. Я и безъ боїбъ повирила бъ.

Хома. Дурне ты, дурне! Чи знаєшъ же ты, що хто бағацько обищає, той ничего не дає? Ой, скаменісь, та послухай батьковського совиту. До-

бре, що я вже такый—що обищаю, те й зроблю. Ну, не дай я тоби прыданого,—що тоди, га? Пожалуй, винъ и такъ тебе визьме: мало якыхъ дурнинъ нема на свити! та що жъ въ тимъ? Подумай, що тоди ты робытымешъ?

Галя. Те, що и вси роблять—заробляла бъ.

Хома. А що лучче: чи самій робыты, чи дышытыся, якъ други на тебе роблять?

Галя. Якъ кому.

Хома. То-то и горе, що ты ще дурне. Я тоби бъ и багацько де-чого сказавъ, та николы: того й гляды, що старосты на поригъ. А чи есть у тебе рушники?

Галя (*весело*). Йе, йе! Якъ я рада! въ мене серце не на мисти! Чи й вамъ такъ весело?

Хома. Весело, дуже весело. Иди жъ та не забудь сказаты, що колы прыйдуть колядуваты, такъ щобъ гналы ихъ у потылышю.

Галя. За що жъ? Се жъ дило законне! та воно жъ и разъ тильки въ году!

Хома. А старосты разъ на вику.

Галя. Справди, щобъ не помисали... Ще й законнои речи не дадуть сновыть. Такъ побижу жъ я и скажу, щобъ заперли ворота и хвиртку. (*Уходитъ*).

Хома (*ходитъ задумавши*). Здається, дило добре йде. Вона думатыме, що Назаръ свата, зъ дуру и согласыться; старосты не промовляться; ве-силля можна одкынуты ажъ геть до того тижня; а черезъ таку годину и нашого брата, мужика, угомонышъ, щобъ не брыкався, не то що дивку. Колы бъ тильки який гаспидъ не прынисъ того

городца безперого! тоди пышы пропало. Наробыть бешкету! (съ важностію). А подумаешь и те: яке ёму дило до Гали? Се жъ моя дытына, мое добро, слизовательно моя власть, моя и сыла надъ нею. Я отець, я царь іи. Та цуръ ёму, некъ! Се дило ще не таке, щобъ объ ёму довго думаты. Не дуже треба плошаты, бо береженнаго Богъ береже, або—якъ тамъ ще кажутъ—ривнійшъ згладышъ, тиснійшъ ляжешъ.

Галя (вбываєтъ въ восторгъ). Прыйхалы, прыйхалы!

Хома (вздрогнувъ). Оце жъ, якъ ты мене злякала! Пиды у свою кимнату та прыйдешъ, якъ клыкну.

Галя. Чого у кимнату? Я тутъ зостанусь, никто не побачыть.

Хома. Незвычайно: законъ не велить.

Галя. Ну, такъ я пиду. (Уходитъ).

(Хома съ важностію садится за столъ. За дверью стучать три раза. Входятъ два свата съ хмѣломъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хмѣль на столъ).

Сваты. Дай, Боже, вечиръ добрый, вельможный пане!

Хома. Добры-вечиръ и вамъ. (Даетъ знакъ свату. Тотъ кланяется. Хома шепчетъ вму на ухо и потомъ продолжавтъ). Добры-вечиръ, люде добри! Просымо сидаты; будьте гостами. А видкиля се васъ Богъ несе? Чи здалека, чи зблзыка? Може, вы охотники яки? може рыбакы, або, може, вольные козакы?

Сватъ (*тихо покашливаетъ*). И рыбакы, и
вольные козакы. Мы люде нимецкыи, идемо зъ
земли турецкои. Разъ дома у нашій земли выпала
пороша. Я й кажу товарышу: „Що намъ дывыться
на погоду? ходимъ лышень шукаты звириного сли-
ду“. Отъ и нишли. Ходылы, ходылы, ничего не
знайшли. Ажъ гульть—назустричъ намъ иде клязь,
циднима у-гору плечи и говорить намъ таки ре-
чи: „Ей вы, охотныки, ловци, молодцы! будьте ла-
скави, покажить дружбу. Транылась мени куныця—
красна дивыця; не йимъ, пе пью и не сплю видъ
того часу, а все думаю, якъ бы іи достаты. Помо-
жить мени іи пійматы; тоди чого душа ваша за-
бажа, усе просите, усе дамъ: хочъ десять городивъ,
або трыдевять кладивъ, або чого хочете“. Ну, намъ
того й треба. Пишлы мы по слицамъ по всимъ го-
родамъ, по усихъ усюдахъ и у Нимецыну, и у
Турешыну; вси царства й государства пройшли, а
все купыци не знайшли. Отъ мы и кажемо князю:
„Що за дыво та звирюка? хиба де крацои нема?
Ходимъ другони шукаты“. Такъ де тоби! Нашъ князь
и слухаты не хоче. „Де вже“, каже, „я не зъиз-
дывъ, въ якихъ государствахъ не бувавъ, а такои
куныци, сирчъ краснои дивыци, не выдавъ“. Ни-
шили мы впять по слицу, и якъ разъ у се село
зайшли, якъ ёго дражнить, не знаемо. Тутъ вњать
выпала пороша. Мы, ловци-молодцы, ну слицы
иу ходить; сёгодни въ-ранци встали и такы на
слидъ напалы. Певпо, що звиръ нашъ нишовъ у
дворъ вашъ, а зъ двору въ хату та й сивъ у ким-
нату; тутъ и мусымо пійматы, тутъ застряла наша
куныця, въ вашій хати красная дивыця. Оде жъ

нашому слову кипець, а вы дайте дилу винець.
Проби, отдайте нашему князю куныцю, вашу кра-
жну дивыцию. Кажить же диломъ, чи оддасте, чи
техай ще пидросте?

Хома (притворно съ сердцемъ). Що за на-
пастъ така! Видкиля се вы биду таку ваклыкаете!
Галю! чи чуешь? Галю! порай же, будь ласкава,
чи мени робыты зъ одими ловцямы-молодцямы.

*(Гала выходитъ на средину свѣтлицы, ости-
навливается и, стыдливо потупивъ глаза, переби-
раетъ пальцами передникъ).*

Хома. Бачите вы, ловци-молодцы, чого вы
натворылы: мене старого зъ дочкою прыстыдылы!..
Гай-гай! такъ ось же що мы зробымо: хлибъ свя-
тый прыймаємо, доброго слова не цураемся, а за
те щобъ вы насъ не лякалы, буцимъ мы передер-
жуемо куныцю, або красну дивыцию, васъ повъя-
жемо. Прыйшовъ и нашъ чередъ до ладу слово
прыкладать. Ну, годи жъ тоби, дочки, посунывшись
стоягы; чи нема въ тебе чымъ сихъ ловцикъ-молод-
цовъ повъязаты? чуешь бо, Галю? А, може, руш-
ныкивъ нема? може, ничего не прыдбала! Не вмила
прясты, не вмила пыты — въяжи жъ чымъ зна-
ешъ,—хочъ мотузкомъ, колы ще й винъ йе.

*(Гала уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно
возвращается, неся на серебряномъ блюдо два вы-
шиитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесен-
ный сватами: потомъ подходитъ къ отцу и низко
кланяется и цѣлуєть руку; потомъ беретъ блюдо
съ полотенцами и подноситъ сватамъ—сперва од-
ному, потомъ другому. Сваты, взявши полотенца,
кланяются Хомѣ).*

Сватъ. Спасыби жъ батькови, що свою дытыну рано будывъ и усякому добру учывъ. Спасыби й тоби, дивко, що рапо вставала, тонку пряжу прядла, прыдане прыдбала.

(Галя беретъ полотенца и перевязываетъ чрезъ плечо одному и другому, потомъ отходитъ и робко поглядываетъ на двери).

Хома (къ Галь). Догадався, догадався! Ты хочешъ и князя завязаты. Нехай завтра обое ёго завяжемо. Бачъ, мабудь, зликався, що не показався. Страйвай, попадеши, не втечешъ!

Сватъ. Винъ и самъ прилетыть, якъ зачуе, що такъ похваляется.

Хома. Ну, покы вже долетыть, намъ ничего ждаты. Просымо сидаты. Що тамъ йс, пойимо; що дадуть, попьемо та побалакаемъ де-що. А тимъ-часомъ, ты Галю, не гуляй, въ корци меду нальвай та гостямъ пидпесы хлиба-соли, просы зъ прывитомъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятся за столъ. Галя принимаетъ отъ отца чару и флягу и подноситъ старшему свату. Сватъ не принимаетъ).

Сватъ. Мы вамъ такои халепы натворылы, що боимся, щобъ вы насть не потруили... Призывайтесь самы. (Кланяется).

(Галя, посматривая на отца робко и стыдливо, подноситъ къ губамъ и подаетъ свату).

Сватъ (поднявъ чару). Тепера такъ! Пошли жъ, Боже, нашымъ молодымъ щастя и багательства, и доброго здоровья, щобъ и внукивъ жениты і правнукивъ диждаты...

(Свата прерывает хоръ колядниковъ подъ окномъ. Всъ слушаютъ со вниманиемъ. Хома съ досадою покручиваетъ усы; Галя весело посматриваетъ на окно. Сватъ, въ продолженіе колядки, повторяетъ). „Гарно колядуютъ наши козаки!“

КОЛЯДКА.

Бачыть же Богъ, бачыть Творецъ,
Що мыръ погыбае,
Архангола Гавриила
Въ Назаретъ посылае!
Благовистывъ въ Назарети—
Стала слава у вертепи.
О, прекрасный Выхлымемъ!
Отверзы врата Едема.

Хома (*къ Галь, съ сердцемъ*). Я жъ тоби наказувавъ, щобъ никого не пускалы! Задумалась, забула!

(Входитъ Назаръ съ молодыми козаками).

Назаръ. Дай, Боже, вечиръ добрый! помагай-би вамъ на все добре!

(Всъ козаки повторяютъ тоже. Назаръ, не снимая шапки, въ ужасѣ останавливается; посматриваетъ то на гостей, то на Галю. Всъ молчатъ).

Хома (*смѣшившись*). Спасыби, спасыби... Милосты просымо. Просымо сидаты.

(Молчаніе продолжается. Галя, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара).

Назаръ. Сидемо, сидемо, абы было де: мы гости непрокани. Можете, помишали; даъ мы и

пидемо, видкиля прыйшли. (*Смотритъ на сватовъ*). Такъ бачъ, черезъ що полковныкъ пославъ мене зъ граматамы въ Гуляй-Поле! (*Глядя на Галю*). Весело, весело! нальвай швидче горилки, и я выпью за твоє здоровъя! Не лякайся, не лякайся, нальвай.

(*Галя въ ужасъ роняетъ подносъ и флягу*).

Хома (*въ бѣшенствъ*). Хто сміє згнущаться надъ мою дочкою?

Назаръ. Я! хиба не бачышъ? Я, Назаръ Стодоля! той самий, за кого ты вчора обищавъ выдать дочку свою, той самий, якого ты знатъ ще зъ тыи поры, якъ винъ тебе вырвавъ изъ-пидъ ножа гайдамакы! Згадай и ще: я той самий, хто й самому гетьману не дастъ себе на посміхъ! Пизнавъ?

Хома. Пизнавъ. (*Равнодушно*). Пцо дальшъ?

Галя. Хиба жъ не ты прыславъ?

Хома. Мовчы! геть соби!

Назаръ (*останавливаетъ Галю*). Страйвай, стїй тутъ! И тебе обманють?

Хома. Не обманюю, а — такъ якъ батько-велю. Вона просватана за чыгырынскаго полковника.

Назаръ (*съ презрѣніемъ*). Полковника! Учора була моя, сёгдня полковника, а завтра чыя буде? Чуешъ, Галю?

Галя (*падая на руки Назара*). Чую! О, чомъ мени не позакладало!

Сватъ. Осмилююсь доложыть...

Назаръ. Мовчы, поганець, шыптынныку!

Хома. Виддай мени дочку мою. (*Робко подходитъ къ Назару*).

Назаръ. Геть, Юда!

Хома (*въ ужасѣ*). Прохоръ, Максимъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ ѿе? Возьмить ёго, харцызя-ку—винъ убье мене!

Назарь. Нехай Богъ тебе побье, дитопро-
давецъ! (*Къ Галю*). Галю! серце мое! промовъ мени
хоть одно слово: ты не знала—за кого? Скажы: не
знала?

Галля (*приходитъ въ себѧ*). Не знала, ій-Богу,
не знала!

Назарь (*къ Хомѣ*). Чи чуешъ ты?

Хома. Не чую; я оглухъ!

Назарь (*къ гостямъ*). Люде добри! колы вы
не оглухлы, такъ послухайте. Винъ мене называвъ
своимъ сыномъ, а я ёго своимъ батькомъ, и винъ
се чувъ тоди, а сёгодни оглухъ. Де жъ ёго правда?
Чи чесный же винъ чоловикъ? правдыый, га?

(*Гости молчатъ*).

Гнатъ (*подходитъ къ Назарю*). Винъ не чолови-
къ. Кынь ёго; таке ледацо не стоить путиёго
слова! (*Беретъ его за руку*).

Назарь. Стривай! ни, винъ чоловикъ, винъ
называвъ мене сыномъ. (*Къ Хомѣ*). Правда?

Хома. Не тоби вчыты, якъ мени кого назы-
ваты. Я іи батько, а не твій: такъ у моїй воли
оддать іи, за кого схочу.

Назарь. А якъ же вона не захоче, тоди що?

Хома. Я заставлю.

Назарь. Чи можна жъ кого заставить уто-
питься або повиснуться? Хиба ты Богъ, що маєшъ
силу чудеса творить? Хиба ты діяволь, колы ты
не маєшъ жалю до ридної своеї дытыни? Чи ба-
чышъ, у неї ѿе серце, и ты замисть ёго кладешъ

Каминюку. Слухай: и ты жъ колысь бувъ молодымъ, и ты жъ мавъ колы-небудь радисть и горе. Скажи, що чуло, що казало твое серце, колы тобою кепкувалы?

Хома. Го-во-ры!...

Назаръ (*въ изступлениі*). Такъ ты глузуешъ надо мною! Хиба я не стопчу тебе, якъ жабу? Брехунъ! (*Быстро подходитъ къ нему и хватаетъ его за горло*).

Галля (*схвативъ руку Назара*). Що ты робышъ? Убый мене, на, рижъ!

(*Назаръ молча опускаетъ руки*).

Хома (*подбгаетъ къ сватамъ*). Вы бачылы? хотивъ мене задушыты!

(*Сваты молчатъ*).

Гнатъ (*къ Назару*). Мы не такъ расплатимся, иными мъ часомъ. Ходимъ зъ сёго базару.

Назаръ. Не пиду! мене видсиль ноги не вынесутъ.

Гпать. Ну, такъ торгуйсь. Може, дешевше уступлять.

Галля. Боже мій, Боже мій, вони згнущаются надо мною!

Хома. Не згнущаются, а торгуються.

Гнатъ. Годи, брате; ходимъ: мы опизнись.

Назаръ. Стравай, не опизнись. (*Подходитъ къ Хому*). Просты мене, я сгарячу забувся. Ты добрый чоловикъ. Просты, або зарижъ мене, тильки не кажы, що вона не моя, не кажы! Дышись: я гетьману николы не кланявсь. (*Падаетъ на колѣни*). Для спасенія своей души, колы у тебе у

серци йе Богъ, для угоды всихъ святыхъ, колы ты вириуешъ у кого, для спасенія твоей дытыны, колы вона тоби мыла, зглянъся на мене! Нехай старосты зъ своимъ хлибомъ йдуть до - дому. Христомъ Богомъ молю, не занапасты іи, бидно! Крашои іи нема; за що ты хочешь іи убыты? На голову мою! возьмы іи, розбый обухомъ, — не треба мени іи: тильки дай дочци свой ще пожыты на свити, не зайидай іи вику, вона не выновата!

(Хома дрожа посматриваетъ на гостей).

Гнатъ (быстро подбѣгаєтъ къ Назару). Кого ты просыши? кому кланяешься? передъ кымъ падашъ? Я на тебе писля сёго й дывыться не хочу; прощай!... Кланяешься діяволу! Винъ тебе кињачою смолою напоить! (Хочетъ идти).

(Назаръ удерживаетъ ею).

Галя (обнимая ноги отца). Вы покійній матери, якъ вона умирала, била домовыны обицдалы мене выдать за Назара. Що жъ вы робыте? чимъ я васъ прогнивала? за що мене хотите убыть? Хиба жъ я не дочка ваша? (Заливается слезами).

Назаръ. Каминь! зализо! ты огню хочешь! Буде огонь, буде! для тебе все пекло вызову... ты жды мене. (Галю). Бидна, бидна! въ тебе нема батька, въ тебе катъ есть, а не батько! Бидненька, серденъко мое, штапечко мои безпрыютна! (Цѣлуетъ ее). А я ще биднійший тебе: у мене й каты нема, никому и заризаты! Прощай, мое серце, прощай! не забарымось побачыться. (Галя безмолвная падаетъ на руки Назара. Онъ цѣлуетъ; Хома сипитъся вырвать ее. Назаръ отталкиваетъ ею и снова цѣлуетъ Галю).

Назарь (къ сватамъ). Розскажить полковныку, что бачылы и що чулы. Скажить, що ёго молода пры вашыхъ очахъ цилувалась зо мною. (*Гала обнимаетъ ею и целуетъ*). Бачыте, бачыте! Прощай же, мое сердце, моя голубочко! (*цѣлуетъ ее*). Я знаю, що мени робыть. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподивайся.

(*Гала падаетъ безъ чувствъ. Назаръ, закрывъ лицо руками, удаляется. Гнатъ и козаки за нимъ. Хома и сваты подбывають къ Галѣ.*)

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хаты, опрятно убранной. На столѣ горячъ свѣчи. Хозайка прибираетъ около печки.

Хозайка. Господы, Господы! якъ подумаешь, колы ще мы дивувалы, зачуешь де-небудь вечорныци, такъ ажъ тыны трещять; а тешеръ... отъ, скоро и трети пивни заспиваются, а вечорныци ще й не зачыналысь. Нехай воно хочъ и свято, зви-сно — колядують' а все-таки часть бы. Ни, що не кажы, а свитъ переминывся. Хоть бы и Запорожци... ну, яки воны Запорожци? Тыфу на ихъ хысть та й годи! Чи таки булы по-переду? Якъ налетять було зъ своеи Сичи, такъ що твои орлы-соколы! Було якъ схоньтъ тебе котрый, такъ до земли не допустыть, такъ и носыть... Ой-ой-ой! куды то все дивалось?..

(Покачавши грустно головой, поетъ)

Зоря зъ мисяцемъ надъ долыною
 Постричалася;
 Дожыдалася до билои зори,
 Не диждалася;
 Я до-дому прыйшла, гирко плакала,
 Не молилася,—
 Нерозумная, неутишная
 Положылася,
 Ой не спала жъ я, все верзлась мени
 Ничка темная,
 И вышиневый садъ, очи карын,
 Бровы чорны.
 На зори, зори я прочнулася
 И сказала такъ:
 За Дунай-рику чорнобрывый твій
 На гнидимъ кони
 Полетивъ орломъ!.. Я все плакала,
 Все сміялася.
 И до-дому козакы зъ-за Дунай рики
 Заверталыся.
 Не вернувся мій... молоди лита
 За що трачу я?
 Зоря зъ мисяцемъ постричалася—
 И заплачу я.

Точнисинъко моя доля! Неначе сю писню про
 мене зложылы. Де мои молоди лита? и слиду нема,
 мовъ по верхъ воды поплылы. (Помолчавъ). Що жъ
 се справди никто не йде? А вже мени ся навиженна
 Стеха! пишла за дивкамы. та десь и застряла зъ

козакамъ. Извела жъ ихъ нечыста маты до-купы! Нехай бы сей Кычатый бувъ парубокъ, а то жъ уже старый чоловикъ... Не взявъ бы винъ соби въ клюпныци не молоду, а розумну, вирну, дотепну до всякого дила та стареньку! а то... лкъ та дзы-кга, такъ и снуе. Якъ-то винъ дочку свою ще прыстроить? Бачъ, у полковныци лизе! Чи довго жъ то вона буде любоватыся ёго лысыною замисть ясного мисяця? Охъ, охъ! стари, стари! сидить бы вамъ тилько на печи та жувать калачи; такъ ни, давай имъ жинку, та ще молоду. Якъ же бакъ, чи не такъ!.. Отъ Стодоля — молодецъ! я ёго знаю, винъ протопиче стежку черезъ полковнычий садокъ. Та й дурный бы бувъ, колыбъ не протоптавъ. Про себе скажу, що... тее... хтось иде!.. Заразъ, заразъ? Насылу! (Отворяетъ дверь).

(Входятъ Назаръ и Гнатъ).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Видкиля се, якою дорогою, якымъ витромъ, якимъ пляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не пытайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, признаться, и не прыстало твоїй пыци. Чого же ты такъ насупылась?

Хозяйка. Сидайте, будьте ласкави, сидайте!

Гнатъ. Ну, годи жъ, не сердься. Мало чого зъ языка не сплыве! Не все треба переймать, що поверхъ воды плыве. У тебе сёгодня вечерници?

Хозяйка. Хиба жъ наши вечерници для васъ? Вы такъ тилько прыйшли — посміяться.

Гнатъ. Такъ-такы и посміемося, колы буде весело.

Хозяйка (млада на Назара). Буде весело та
ле всимъ

Гнагъ. Ну, се вже описля побачымо. А колы—ке намъ чого-небудь такого, для чого чарки роблять, та й зубамъ пошукай работы. Проклятый скряга и повечеряты не давъ. Ну, чого жъ ты ротъ роззвыла? Мерщій!

Хозяйка. Заразъ. (*Отходя*) Бидненький Назарь! (*Достаетъ съ полки флягу съ виномъ и закуску и ставитъ на столъ*).

(*Назаръ печально смотритъ на Гната*).

Гнатъ (къ хозяйкѣ). Тенеръ же знаешьъ що? визъмы митлу та мети, выясны хорошенъко мисядь: бачъ якъ насупыло! А мы тымъ часомъ побалакаемъ, що треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вами! хиба я ѿдьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткни пальци въ уха. Чи второпала?

Хозяйка. А!.. вы хотите шышкомъ побалакаты. Добре, я пиду по Стеху. (*Надъваетъ свиту и уходитъ*).

Гнатъ (посмотрѣвъ ей въ слѣдъ). Пишла. Ну що жъ дывышся на мене, мовъ не пизнаешь?

Назаръ. Тенеръ бы й ридного батька не пизнавъ.

Гнатъ. Розумни люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у хати мужыкъ. (*Наливаетъ рюмку и подноситъ*). Не хочешъ? якъ хочешъ! А я совитувавъ бы чарочку-другу адамовыхъ слизокъ, якъ казашъ було отецъ экономъ. Не забувъ Братський монастырь?

НАЗАРЪ. Ни, скажы лучше, на-що ты мене
повивъ сюды?

ГНАТЬ. На те, щобъ побалакаты зъ тобою,
якъ зъ козакомъ, а не зъ бабою. За козацьку волю
и розумъ! (*Вытигаетъ*).

НАЗАРЪ. Щасливый ты чоловикъ!

ГНАТЬ. Ты щасливайшый мене.

НАЗАРЪ. О, якъ бы ты посыдивъ у моїй шку-
ри! Ходимъ, Гнате! мени тутъ душно.

ГНАТЬ. Стравай, ще рано. Подывымся, якъ
люде добри веселиться, та посовитуемся, куды йты.

НАЗАРЪ. Мени одно, куды не поведешь.

ГНАТЬ. Ты впять баба. Чи прысталы жъ
козаку таки речи?

НАЗАРЪ. Гирко мени, Гнате! ты смієшся, а
въ мене печинки верне. Хиба жъ мое горе сми-
нишь тебе?

ГНАТЬ. Смишты.

НАЗАРЪ. А я думавъ,—ты добрый чоловикъ.

ГНАТЬ. А я думавъ—ты козакъ, а ты, бачу,
баба. Ну, скажы мепи, чого ты дуріешъ? де твій
розумъ? Чи стоить же жинка, хочъ-бы вона була
дочка нимецького цесаря, чи стоить вона такого
дорогого добра, якъ чоловичий розумъ?

НАЗАРЪ. Стоить

ГНАТЬ. Брехня! Ты знаешъ, въ яку цину
поставивъ царь Соломонъ золотый плугъ? Винъ
каже, що при нужди шматокъ хлиба дорожче золота.
А я скажу: чарка горилки козаку мылійша усихъ
жинокъ па свити.

НАЗАРЪ. Ты мене, Гнате, морочышъ, а мени
теперь треба щырого друга,

Гнатъ. Добре. Я винъ и есть, бо кажу правду. А колы хочешъ, то ѿ брехатъ почну для тебе. Все, ѿтъ чо хочешъ.

Назаръ. Не смійся, а диломъ кажы, ѩо робить мени. Тоби можна и говорить, и думать.

Гнатъ. Ось-що. Шершъ усёго, вышы горилкы. Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. (*Наливаетъ рюмку*). Чи не забувъ ще ты, якъ розумно розсужда латынський виршынъ... якъ пакъ ёго... ву той, за якого мене въ Братстви выпарылы ризкамы, якъ отець ректоръ піймавъ у мене за халявою ёго мудри вирши. Винъ каже: „Дурныця все, опрачъ горилки, а иноди и жинка пидъ руку“. Оде такъ! (*Вытивається*).

Назаръ (*презрительно*). Бидный ты сердечный чоловикъ! Я думавъ, ѩо въ тебе хочъ крыхта ѹе добра, а въ тебе нема й того, ѩо мае й скотына. О, якъ-бы ты змигъ заглянуть сюды (*указываетъ на сердце*), куды самъ Богъ не загляда! Та ни! може, ты тильки такъ кажешъ. Другъ ты мій добрый, вирный мій, ты жъ такы плакавъ колы-небудь: плачъ зо мною теперь; хочъ прыкынися та плачъ. Не мучъ мене! Въ мене видъ горя серце рветься! Нехай вже ти сміються, ѩо живуть у некли: имъ любо; а ты жъ такы чоловикъ. (*Съ участіемъ смотритъ на него*).

Гнатъ. Такъ, я чоловикъ; а ты й справди баба, ѩе разъ тоби скажу: ка - зна за чымъ вѣялъся.

Назаръ. Нема у тебе серця, кампъ ты!

Гнатъ. Якъ хочепшъ, такъ и думай, а я не-счастнійшый одъ тебе, не-счастнійшый одъ твои со-

бакы; вона лащться до тебе, а ты іш кохаешь; а я?.. И я, дурный, колысь любывъ и къ гадынамъ жинкамъ ласкался, рыдавъ горячымъ слёзами, радъ бувъ и жызынь oddать за ныхъ.. и що изъ того? чи хочешъ знаты?

НАЗАРЬ. Не треба, не хочу, не говоры! у тебе нема Бога въ серци.

ГНАТЬ. А бувъ колысь, та мохомъ серце обросло, якъ той гнылый никчемный пень дубовый. Прыйде и твоя пора, все згадаешъ. (*Ласкаво*). Годи жъ тоби, годи! не дывысь такъ хмарно: далеби, не полегша. Дурныця все: и товарыство, и любовъ,—цуръ имъ! нема ихъ на свити. Одни дурни и диты вирять латынськымъ виршамъ. Алучче поговорымъ о дили, а тымъ часомъ налетять сорокы чорноброви, выпьемъ, пожартуемъ, и вирь мени— вся дурь изъ головы вылетыть. Я се знаю: мене лыхо навчыло.

НАЗАРЬ (*вставая изъ-за стола*). Та и я извидавъ горе, та никому не навчывся; тебе жъ не хочу слушать: ты злійшый діявола. (*Хочетъ идти*).

ГНАТЬ. Куды жъ ты?

НАЗАРЬ. Зъ тобою холодно, иду у пекло, погриться.

ГНАТЬ. Стравай, ты самъ не знайдешъ. Я шляхъ тоби покажу.

НАЗАРЬ. Найду й самъ.

ГНАТЬ (*удерживаетъ ею*). Ты й справди хочешъ иты? Скаженый, ты зъ глузду зъихавъ!

НАЗАРЬ. Я никому не дамъ себе въ обыду, и дурного совиту не послухаю. Пусты мене.

Гнатъ. Насылу прочуялся. Та куды жъ ты, лавиженный?

Назарь (*вспыльчиво*). Мовчы, а то тутъ тоби и аминь.

Гнатъ (*не выпуская руки Назара*). Такъ и я зъумію, та що потимъ? Зъ холоднымъ мертвещемъ у домовыну?

Назарь. Хочъ до чорта у пекло! Пусты мене, я пиду у Чытырынъ до полковыка.

Гнатъ. Чого?

Назарь. Убью ёго!

Гнатъ. А якъ не вбъешъ, тоди що? чи не мусыши ублагать ёго видкынуться видъ Гали? га?

Назарь. Такъ, чи не такъ, а я пиду.

Гнатъ. До дьявола въ гости! Чи нелучче-жъ, замисть пузатого полковыка, обняты тонкий та гнучкий станъ Гали? Не хмурся та послухай, та робы такъ, якъ я тоби скажу, бо ты єёдодиничного путнёго не выдумаешьъ.

Назарь. Що дальше?

Гнатъ (*осматривалъ*). Чи глухи тутъ стіны? (*Въ полуночеса*). Украдъмо Галю, отъ и все. Чи добре?

Назарь (*немного помолчавъ, жметъ руку Гната*). Просты мене...

Гнатъ. Ну, що ще?

Назарь. Ты певный другъ!

Гнатъ. Ну, объ сёму посли. Кажы, такъ, чи не такъ?

Назарь. Такъ! Я ввесъ твій: говоры, прыказуй.

Гнатъ. Слухай же. Вона, звисно, выходила до тебе колы-небудь пизно вечеромъ у садокъ, хоть, може, й не одна?

Назаръ. Зъ клюшныцею.

Гнатъ. Суща коханка! Чи не завалявсь у тебе въ кышени який червинець?

Назаръ. Два.

Гнатъ. Ще лучче. Се жъ буде клюшныци на сережкы, а плахту на словахъ обищай. Тильки домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жинки наголо вси цокотухы: не для ихъ выгадано слово „мовчаты“; до того ще й дорожче запросить.

Назаръ. Ничого не пожалую, усе виддамъ, що въ мене йе. Де тилько клюшныцю побачу?

Гнатъ. Вона буде тутъ. Адже тычувъ, якъ ласка хазяйка Стеху, за те, що довго барыться? Гляди жъ, зробишъ тутъ усе, якъ треба, а я дожидатиму васъ крій старои корчмы зъ тройкою добрыхъ вороныхъ. Знаешъ, за садкомъ, на старій дорозі!

Назаръ. Знаю.

Гнатъ. Сю корчму и днемъ люде христючысь обходять, а въ ночи никто не посміє; такъ кращого мисця ничего й шукаты; тильки порайтесь моторнійшъ.

Назаръ. А якъ вона не захоче,—що тоди?

Гнатъ. Хто? клюшныця, чи...

Назаръ. Та й та, та й друга.

Гнатъ. Захочуть обыдви, тилько ты зъумій согласыты. Клюшныця за червинца пиде колядувать хоть до самого сатаны; а Галя въ одній со-

рочци пиде за тобою хоть на край свита; а якъ се дуже далеко, такъ ты спровадъ іи на Запорожжя, а тамъ и самъ гетьманъ не бильшый одъ чабана. Адже ты не выпысувавсь изъ запорозцивъ?

Назаръ. Ни.

Гнатъ. Такъ якого жъ злыдня ще хотить? А хто пакъ у тебе куринымъ отаманомъ?

Назаръ. Сокорына.

Гнатъ. Знаю! о, голинный, завзятый чоловикъ! въ кирци воды діявола утонуть, не то-що въ Дніпра. А! здається, хтось иде.

Назаръ. О, якъ бы твое, брате, слово, та Богу въ уха!

Гнатъ. Нема на свити ничего легше: тильки повеселій, будь козакомъ. Мовчы. (*Громко*). Ну, выпьемо жъ чарочку за шынкарочку. (*Пьють*).

Хозяйка. Якъ же я утомылась, насылу пайшла іи, прокляту Стеху!

Гнатъ. А що, змахнула иыль зъ мисяця?

Хозяйка. Смійтесь, а воно и справди по-года утыхомирилась.

Гнатъ. Оде жъ тоби за труды. (*Подаетъ чарку*).

Хозяйка. Цуръ ёму, якъ я втомылась!.. Ни, спасыби! пе пидъ силу... Хиба вже для васъ. (*Пробуетъ по-немножку*. Гнатъ знаками просить. Она, въ притворствѣ усилий и привлій, выпиваетъ, а остальныя капли хлещетъ въ потолокъ). Щобъ вороги мовчали й сусиде не знали! (*Отдаетъ чарку*).

Гнатъ (*подноситъ Назару*; тотъ отказывается знакомъ). Не хочешъ—якъ хочешъ. А мени

здається, що і на свити нема такого горя, якого бъ не можна було утопить въ чарци горилки. Чарка, друга и — черта у воду. Такъ, Катерино?

Хозяйка. Якъ кому іншому, то й квартале поможе.

Гнатъ (Назару). А ти справди не будешъ пытъ?

Назаръ. Не буду.

Гнатъ. Вольному воля, а спасенному рай. За твоє жъ здоровъя! (*Выпиваєтъ*). Праведно співається въ тій писні, що каже, коли бъ мужыку не жинка, не знавъ бы винъ скуки, колыбъ не горилка, де диватъ бы муки? Такъ у горилку іи прохлиту, у горилку! Розумный чоловикъ тебе выдумавъ, такъ! (*Къ Назару*). Та на тебе брудко дивиться. Ну, ще жъ одну та й годи вже. (*Наливаєтъ*). Чи втамкы тоби, якъ мы втикали зъ Братського на Запорожжя та на дорози зустріли одну чорнобривеньку, и ты чуть-чуть бувъ не проминаявъ запорозькою воли на іи чорни бровы? Бачъ, ты забувъ! а я такъ все запрошедше знаю, та й що буде одгадаю.

Стеха (*вбываєтъ въ торопляхъ*). Охъ, моя матинко, якъ утомилась! Шуточки! обигала уси усюды! (*Осматривається*). Охъ, Боже мій! я и не бачу. Добри-вечиръ вамъ! Отъ вже й не думала, я не гадала! Спасыби, спасыби! не погнаушалась пашыхъ слобидськихъ вечорныць. Такъ уже й не вдивуйте: у насъ усе абы-якъ: не те що у васъ у Чигирини.

Гнатъ. Та у васъ ще краще.

Стеха. Годи бо вамъ сміяться.

Хозяйка. Чи прыйде жъ хто?

Стеха. Якъ же? уси прыйдуть.

(Гнатъ беретъ за руку хозяйку и отводитъ ее сторону. Назаръ встаетъ изъ-за стола и подходитъ къ Стехѣ).

Гнатъ (къ хозяйкѣ). У мене щось голова разболилась; пиду подывлюсь, який мисяць. Чуешъ? а про кобзари, мабуть и забулы. Збигай лышень. Безъ ёго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ты звала Кырыка?

Стеха. Моя матиночко, и забула. Я заразъ збигаю.

Гнатъ. Вильять де-небудь застринешь.. Збигай лучше сама.

Хозяйка. Добре. (Хозяйка и Гнатъ уходятъ).

Назаръ (беретъ за руку Стеху). У мене йе прозвыба до тебе, Стехо.

Стеха. Знаю, знаю, яка прозвыба: — сказать панночци, щобъ выйшла до васъ, якъ панъ засне; та теперь тильки не те вже, що першє було. Адже вы сами знаете, що незабаромъ зробилось.

Назаръ. Се не помишає; мени тильки одно словечко сказати. (Даетъ ей червонецъ). На тоби; ще й плахта буде, колы услужышъ.

Стеха (принимаетъ червонецъ). Не прыдумаю, якъ-бы се зробити. Лыха годына те, що старий цилисиньку ничъ очей не заплющить. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просыла! ни такы по своему поставивъ старый сатана.

Назаръ. Такъ ты зробишъ? дожыдати?

Стеха. Зроблю, зроблю, тильки..,

НАЗАРЪ. Не бойсь! бильшъ копы лыха не буде. А колы хочешь, то и ты зъ намы. Ну-лышенъ, чкурнемъ.

СТЕХА. Куды зъ вами?

НАЗАРЪ. Туды, де лучше жыты, де будешъ ты пашею, а не клюшныцею: чы второпала?

СТЕХА. Глядить, чы не дурыте вы мене? И справди думаютъ, що якъ воны багати, такъ усе и ихъ.

ГНАТЬ (за сценою). Катре, Катре! а погляды, що се на мисяци?

Голосъ хозяйки. Хиба не знаете? братъ брата на выла пиднявъ.

ГНАТЬ. Якъ же се? Далеби, я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хати розскажу, я змерзла.

(Впродолжение этого разговора Назаръ обясняется со Стежой знаками и шепотомъ. Стежа даетъ утвердительный знакъ и отходитъ. Входятъ Гнатъ и хозяйка).

СТЕХА. А хиба жъ вы сёго не знаете?

ГНАТЬ. Або забувъ, або и зовсімъ не знавъ; не згадаю.

СТЕХА. Такъ ось бачыте, якъ воно. Якъ Хрыста дочыталысь, старший братъ на Великъ-день, колы ще добри люде на утрени стоялы, пишовъ пидкинуть воламъ сина, та замисть сина проткнувъ вылами своего меньшого брата: такъ ихъ Богъ такъ и поставилъ у-купци на мисяци, на выдъ усёму хрещеному миру, щобъ бачылы, що и скотыни грихъ йисты у такой великий праздникъ, покы пасокъ не посвятять, а не то що людямъ,

Хозяйка (насмъшиливо). Ачъ, якъ мудро прочитала!

Гнатъ. Чудо не дивка! розумна и красыва.
(Обнимаетъ Стеху).

Стеха (притворно). Що се, яки справди безстыдни оци городськи козакы! усе бъ имъ згнущаться надъ памы та й тильки. (*Гнатъ цільуєтъ її*). Ну! отъ ище выдумалы що! Неначе се звычайно! Пустить! далеби, закрычу.

(Съ шумомъ вхodятъ козаки и дівушки).

Въ толпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна: и тутъ успила! А старый Кычатый?..

Стеха (вырываясь). Ну, що? пожывылись? Не бійсь, такы не довелось поцилуваты. Хто тамъ горло дере, що успила? Вони тильки такъ,ничого не зробили.

Гнатъ (къ козакамъ). Ну, хто у васъ отаманъ?
Чи есть музыки?

Голоса. И кобзарь, и музыки.

Гнатъ. А останне: выпить и закусыти?

Голоса. Якъ безъ сёго? Усе ѿ.

Гнатъ. А, та й бравыи жъ молодци! що твои чигырынци; (*Къ дівушкамъ*). Котора жъ изъ васъ пиде зо мною танцоваты?

Голоса. Пропустить, пропустить — музыки йдуть.

(Вхodятъ музыканты-жиды. Впереди сильной старикъ съ кобзомъ. Дівушки и козаки въ беспорядокъ разступаются. Впродолженіе суматохи Назаръ разговариваетъ съ Гнатомъ).

Гнатъ. Будь бо веселійшый, не показуй выду. Стеха зъуміє одкараскатися одъ ныхъ, тильки

намъ зъ тобою треба попереду утикаты. Я, пожалуй, хочъ и заразъ пиду, а ты зостапься тутъ покы, — такъ для выду. Та чуешь: не дуже довго женыхайся, а мерщій въ корчму; я тамъ буду.

Назаръ. Добре, тильки и ты проворнійше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дывись, старый знакомый! Кузьма, якимъ се побытомъ тутъ опынылъся?

Одынъ зъ козаки въ. Зъ хуторивъ до церкви, а вечорныци по духу чуемо.

Гнатъ. Молодци! А вы, жыдова, якъ сюды зайшли?

Жыдъ. А такъ, слыхомъ. У Цыгрыни нема заробитку, а мы процулы, сдо у пана Кыцатого весилля буде, такъ и прыйслы сюды.

Гнатъ (*въ сторону*). Жыдивське ухо! (*Громко*). А нуте жъ! учыстыте запорозьского козачка. (*Къ козакамъ*). А зъ васъ хто бойчійший? ударъ, я подывлюсь, чи такъ, якъ у насъ бувало на Запорожжи. (*Тихо Назару*). Годи, не дурій. Я жъ кажу, усе буде добре.

Назаръ. Чи буде, чи ни, тильки здилай мылость, не бався тутъ, иди швыдче.

Гнатъ. Поспімо ще зъ козамы на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такимъ сумнымъ: все зонсуешъ. Подывымся козачка та й годи.

(*Удаляются въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканты заиграли. Одинъ козакъ выскакиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачокъ. Гнатъ и Назаръ любуются*).

Гнатъ. Ай да молодецъ! отъ жававый! що твій запорожецъ! (*Танецъ кончается*). Ну, веселитесь жъ,

люде добри, гуляйте, хлонци, а намъ уже годи,
пора йихать: до Чыгырна не близъко, а до свиту
треба буть тамъ. Прощайте, козакы! прощайте, див-
чата! прощай, хо́зяйко! А де же та.. Кычатого?
(Стеха прячется между козаками. Гнатъ, поймавъ
ее, цѣщетъ). Прощай, сердечко мое, моя розум-
ныця, моя красавыця! прощай!

Стеха (вырыва́ясь). Ай-ай-ай! закрычу, и́й же
то Богу, закрычу.

(Назаръ и Гнатъ уходя́тъ. Хозяйка прово-
жаетъ ихъ).

Стеха (охорашива́ясь). Що за народъ такой
си козакы! усе бъ цилуваться. Неначе и́й помоглось.
(Къ хозяйкѣ). Титко, титко! а нумо мы зъ тобою.
(Плашетъ и поетъ).

Черезъ гору пиду,
Скрыюсь за горою...

На биду,
Де пиду,
Козакы за мною.

Той почне говорыть,
Той сережки султы.
Кого знаю,
Прывитаю,
Хто сережки дарыть.

Ой сережки мои,
Мои золотыи!
Сердитесь,
Дывитеся,
Ворогы лыхыи!

Хозяйка (вырываясь). Охъ, мои зозуленъки! по старисти лить мепи бъ и не подобало.

(Стеха между тьмъ шалить съ козаками, хватая за руку молодаго козака и вертясь, приплясываетъ).

Хозяйка. Оде, яка жартовлыва! Та перестанешъ ты, чи ни?

Стеха (пляшетъ и поетъ).

Тра-ла-ла, тра-ла-ла!
На базари була,
Черевычки купыла,
Тры червинци дала,
А четвертый пропыла
И музыку пайняла.

Що жъ вы, родимець бы васъ вбывъ! тильки дурно гроши берете? Кусокъ бы вамъ сала, а не грошней. (Въ толпѣ хохотъ). А де жъ нашъ Кырыкъ? сюды ёго! винъ одынъ лучше усихъ цихъ голодрапцивъ. (Выходитъ кобзарь). Ось винъ, мій голубчыкъ. Ну, лышень, яку-небудь писеньку зъ прыговоркамы, або казочку страшовыничку, щобъ цилуничъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ — казочку, хочешъ — писеньку, що любышъ.

Голоса. Казку, казку!

Другіе. Ни, писню, та таку, щобъ жыжки затрусылись. Мы ще не танцовали.

Первые голоса (и съ ними Стеха паче всъхъ). Натащуетесь ище, покы до третихъ.

Стеха. До пивнивъ ще не трохы. Казку! (Къ хозяйкѣ). Казку, титко?

Хозяйка. Звисно, казку, поки ще не такъ пизно; а описля и слухать страшно буде.

Кобзарь. Колы казку, такъ казку; мени все одно.

Въ толиѣ. Перещебетала такы, цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха. А що, га! такы перещебетала!

(*Кобзарь садится на скамейку. Кругомъ него съ шумомъ и хохотомъ толпятся въ беспорядкѣ казаки и дѣвушки.*)

Стеха (*подноситъ кобзарю рюмку вина*). Выпый, дидусю, для смилости.

Кобзарь (*вытигши*). Спасыби тоби, дивко! (*Прокашлявшись*). Слухать — що йисты, въ горшку не бѣтаты, усивъ не мараты, словъ не пропускатъ, другымъ не мишать.

(*Общий легкий шепотъ и смѣхъ*).

Стеха. Послухаю, послухаю, чи есть же така страховына, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуешъ ты? колы не будешъ мовчать, такъ геть соби.

Другой. А то выжынемъ.

Стеха. А хто бъ посмивъ! Сотныкъ васъ усихъ перевишае.

Голосъ. Дзусь ёму, мурому! Глады, щобъ на одній осычыни не повисылы тебе зъ сотникомъ.

Хозяйка. Та замовчить же Бога рады! (*къ кобзарю*). Кажы, дидусю, кажы; ихъ не переслухаешъ.

Кобзарь (*прокашлявшись*). У венгерській сторони, у цесарцівъ, за пляхецькою землею, стоять гора высока; а въ тій гори нора глыбока; въ

нори сидыть не звиръ, не птыця—турецька царыця. Сидыть вона сто тысячъ літъ, не молодіе, не старіе, а тилько де-дали зліе; йисть вона одъ схидъ до захидъ сонця — не хлібъ печений, не курей и не яку-небудь людську страву, а троощить маленькихъ дитей, за те, що, коли ще вона була у Турецьки важкою, такъ ій сказавъ арменський знажарь, що вона родить дочку и дочка та буде, якъ пидросте, въ тысячу разъ краще іи. Отъ вона, справди якъ родила дочку, такъ заразъ и зъила іи, та зъ того часу сидыть у нори и невагаючи усе йисть дитет; не розбира, хотъ хрещени воны, а хотъ не хрещени, йисть усихъ, йисть тоби всихъ та й годи,—и дивчатокъ, и хлопчыкивъ...

Стеха (быстро). И хлопчыкивъ! ахъ, вога
трыклята баба! Щастя іи, що я не знаю тмын
горы.

Голосъ. А що бъ ты зробыла?

Стеха. Що? задушыла бъ.

Голосъ. Куды тоби, погане!

Другой. Ты й за двери сама боишся выйти.

Стеха. Хто, я?

Въ толпѣ. Та не мишай же слухать. Не
хто жъ бильшъ, ты!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ заразъ пиду на
гробовыще? а коли хочете, такъ у стару корчму,
що на старому шляху.

Въ толпѣ. Прудка дуже! за поригъ не вый-
дешъ, умрешъ.

Стеха. Я вмру! що ставышъ?

Въ толпѣ. Мои музыканты на всю; а ты?

Стеха. Пивъ - видра слывьянки, тры кускы сала и паляныця.

Въ толпѣ. Добре! тильки щобъ, знаешъ, слывянка була зъ папського лёху.

Стеха. Та вже де не возьму, до сёго вамъ дила нема, а поставлю. Де мій байбаракъ? (*Надѣваетъ верхнее платье*). Гляды жъ, не цурайся слова. (*Кобзарю*). Якъ я вернусь, такъ тоди докажешъ, дидусю; а то я и не хочу. (*Уходитъ*).

Ковзарь. Добре.

Въ толпѣ. А щобъ повирылы, такъ прынесы цеглынку, або кахлю зъ грубы, або що хочепъ, тилько зъ корчмы.

Стеха (*за сценою*) Добре, добре.

Голоса. Отъ дивка голинна, такъ-такъ!

Другой. Чупрыну ій та усы, тоди хочъ у пекло.

Третій. Такъ подумають, що козакъ.

Хозяйка. Вже козырь-дивка, не вамъ ривня. Отъ же ѹ пиде; тоди платы.

Голосъ. Або слывянку пый, а саломъ и паляныцею закусуй.

Хозяйка. Побачымъ, побачымъ, чія визъме. Чого сидиты? щобъ не даромъ музыкамъ плачыть, ну лышень, потапцюемъ лучче. А ну, вдарыте, та не по жыдивській з по нашому

(*Толпа въ беспорядокъ разступается. Козакъ съ дѣвушкою выходитъ танцевать. Музыканты заиграли, и пляска началась. Занавѣсь тихо опускается*).

АКТЬ ТРЕТИЙ.

Внутренность развалинъ корчмы. Стѣны безъ поголка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропилъ. Всё занесено снѣгомъ и освѣщено луною. Нѣсколько минутъ молчанія. Вдали слышна пѣсня; потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко припѣвая: „Охъ, сережки!“ Она останавливается у развалившейся печи и съ робостю осматривается кругомъ.

СТЕХА. Якъ страшно! Де жъ воны? И коней тожъ не видно. Чи не махнулы воны соби? То-то буде добрѣ! За два червинци продать свое щастя.. (*Осматриваетъ сльзы*). Ни, опричъ моихъ,ничыхъ не видко слизивъ. Що, якъ воны обманулы, та другымъ шляхомъ?. отъ тоби й сотычка! Побіжу мершій до-дому, чи не подіялось чого тамъ. Розскажутъ, що я помогла, — тоди усе іропало. (*Поспѣшино возвращается*).

(На встрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галю).

СТЕХА. Се вы? А тутъ такъ страшно.. Чи не случилось чого?

НАЗАРЪ. (*Опуетивъ Галю*). Ничого, не байсь. А кони тутъ?

СТЕХА. Ни, я не бачыла

НАЗАРЪ. Збигай, подывысь, и якъ нема, то бижы мершій у слаботу, чи пе зустринешъ на дозори.

ГАЛЯ. Стехо! чому жъ ты не йдешъ? Бижы жъ скоришь; батюшка прокинеться! бижы бо!

СТЕХА. Заразъ, моя папіочеко; для васъ на край свита полечу. (*Поспѣшино выгламываетъ изъ печи изразецъ*).

ГАЛЯ. Що ты робышъ?

С т е х а. Заразъ. Се одъ вовкивъ. (*Быстро удаляется*).

Г а л я. Ходимъ на дорогу; мени тутъ страшио.

Н а з а ръ. Не можна, мое серденько: тамъ побачять, а сюды никто не выйде.

Г а л я (*грустно*). Ну, робы якъ знаешъ, а я... я все зробила... Боже! на зори проокынеться батюшка... Охъ, Назаре, Назаре! що я наробыла!

Н а з а ръ. Лучче ничего не можна було зробыть.

Г а л я. Батюшко мене проклене.

Н а з а ръ. Себе нехай проклынае... Ты змервла, моя кришечко? Визъмы мою кырею. (*Снимаетъ плащъ и разстилаетъ по снѣгу*). Спочинь, мое серденько; поклады свои нижепѣкы у мою шапку. (*Гала садится на плащъ. Назаръ вкладываетъ ея ноги въ свою шапку*). Отъ-такъ теплійшъ (*цѣлюетъ ее*), теплійшъ, мое серденятко.

Г а л я. О, мій голубчыку, мій сокиль ясный! якъ мени тепло, якъ мени весело!.. Тильки я боюсь: батюшко мій такий сердитый.

Н а з а ръ. Не бійсь, моя пташечко, ничего, покы я зъ тобою. Не бійсь, тильки любы мене. Я подумавъ тоди... колы...

Г а л я. Колы? Що подумавъ? може, недобре?

Н а з а ръ. Не то, что недобре, та не теперь загадувать объ чимъ - небудь недобримъ, колы на серци така радисть. А завтра... що завтра zo мною буде? Я вмру, мене задушыть мое щастя, моя доля. (*Кладетъ ей на колѣни свою голову. Гала перебираетъ его волосы. Назаръ, поднявъ голову, съ искрѣнностю смотритъ ей въ очи*). О, мои очи, мои ка-

ри! Поглядить на мене, мои зори лесни! (Песенного помоччавъ). Сердце мое, ты не казала батюющи, що иидешь заміжъ за полковынка? не казала?

Галя. Опять! Який же ты, справди!.. Я заплачу. Адже жъ винъ ничего мени не говорывъ о полковынкови, такъ якъ же бъ я ёму сказала?

Назаръ. Бидненька! винъ продававъ тебе, а ты ничего й не запала. Прости ёго. Нехай Богъ мылосердный на тимъ свити за се ёго осудыть и покарае.

Галя. Я молытымусь за ёго грихи. Може Богъ ему простыть.

Назаръ. Молысь за кого хочешъ, тильки не розлюбы мене, моя галочки... Я вмру тоди.

Галя. Який ты, чудный! Ты думаешьъ, що я тильки такъ тебе люблю. Ни, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю, що роблю... Якъ-бы тоби розсказать? Ажъ страшно! Знаєшъ що? Колы я дывлюсь на тебе, такъ мени здається, що ты — такъ се я, а що я — такъ се ты. Такъ чудно; пе знаю, одъ чого воно се такъ. Колы останусь одна на самоти, то все про тебе думаю, думаю, и мени представыться, що ты въ Чыгрыни передъ гетьманськымы хоромамы па вороному копи гарцуешъ, а уси гетьманши, полковыци пи на кого бильшъ и не дивляться, опричъ па тебе... У мене въ очахъ такъ и потемніе... Я заплачу, заплачу, такъ важко на серци стане. Одъ чого воно такъ, Назаре, ты не знаєшъ?

Назаръ. Знаю, мое серденько, знаю! Якъ любо, якъ мени ты говорышъ! Промовъ ще разъ, обіймы мене. (Обнимаютса, цѣлуются). Ще, ще

одынъ останній разъ. (*Въ изненоженіи кладетъ ей голову на колѣни*).

Галя. Якъ мени весело зъ тобою! Чи воно усе такъ буде весело? скажы мени, Назаре.

Назаръ (*не поднимая головы*). Увесь викъ!

Галя. Куды жъ мы пойдемо?

Назаръ. У рай.

Галя. Я се знаю; та де жъ винъ?

Назаръ (*поднявъ голову*). Не пытай мене теперъ; я ничего не знаю. Мы пойдемо туды, где нема и не буде ни полковника, ни батька твого, де тильки одна воля! одна воля та щастя! О, якъ мы будемо гарно жыты! Збудую тоби хату свитлу, свитлу та высоку; размалую іи усякымы краскамы—и чорнымы, и блакытнымы, и зеленымы—усякымы, усякымы! паряжу тебе у шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотимъ крисли, мовъ кралю, и довго, довго, покы вмру, все любоватымусь тобою. Та чи вмру жъ я колы-небудь? Ни, я николы не вмру! Колы ты будешъ зомною, то смерть не посміє и въ хату нашу заглянуть.

Галя (*грустно*). Охъ, ни, Назаре, не кажы такъ! Мени страшно стало, и серце такъ защемило, такъ заболило, неначе чуе не добру годыну, або яке горе.

Назаръ. Яке горе? де воно? Для пасъ нема ёго на цилимъ свити.

Галя. Не знаю, Назаре; тильки мени щось на серци такъ важко, такъ гирко... Я все думала про батюшку.

Назаръ. На-що жъ ты объ ёму думаешьъ? Не думай, и весело буде. Знаешьъ, якъ прыйдемо

мы у Кодакъ... Се запорожський городъ... Отъ, якъ прыйдемо, мерщій у церкву, повинчаемесь; тоди и самъ гетьманъ нась не розлучыть, и будемо довго, довго тамъ весело жыты. Ты будешъ писни спивати и танцовати, а я буду грати на бандури и розказувати тоби про славни дила козацьки, про Саву Чалого, про Свирговського, про всихъ, про всихъ жвавыхъ козакивъ нашыхъ. Дали, мени выгодуєшъ сына, молодця чорнобрового, пошлемо ёго въ Сичъ; тамъ поставлю ёго передъ козацькою громадою и скажу: „Любуйтесь, дивитеся—се мій сынъ. Мени ёго выгодувала, выкохала моя Галля, такого молодця!“ Що, весело?

Галля. Весело, мій Назаре, мій мыленький, а серде все-таки болить. Мени здається, що батюшка вже прокинувся и мене шукає.

Назаръ. Богъ - зна объ чимъ думаешьъ ты! Ось заразъ будуть кони, и вони нась не найдуть, хоть нехай усю землю перевернуть. Не журысь же, моя ластивко.

Галля. Знаєшъ що? ходимъ до дому, розбудимъ ёго, станемъ передъ нымъ на колина... винъ нась простыть; винъ мене любить.

Назаръ. Хиба жъ я ёго не просывъ, хиба жъ не стававъ передъ нымъ на колина! Адже ты бачила.

Галля. Бачила, ты просывъ... Назаре, винъ мій батько.

Назаръ. Лучче бъ не знать такого батька.

Галля. Ты сердышся, Назаре! Не сердясь, мій мылый, мій чорнобривый! Подивись, я весела, я не жалкую, що покинула... Ноцилуй же мене,

мій соколе ясний, орле мій сизокрылый. (*Обнимаются и целуются*).

Назаръ. О, моя радость, мій сонъ чаривный! Не журысь, серденько Скоро мы полетимо такъ, що не дожене нась и витерь А ничъ - то, ничъ! неначе празныкуе наше щастя. Тыха, свитла, якъ твои ясни очи. Ты не боишся? Побудь тутъ одна. Я пиду подывлюсь на дорогу.

Галля. Ни, не боюсь.

Назаръ. Чого жъ ты зновъ зажурилась?

Галля. Такъ, ничего. Я згадала покійницю няньку. Вона мени розказувала, що въ сій корчми давно який-то запорозький старшина ночувавъ, а на другий день найшли єго у Тисмыни; и що тутъ Богданъ зустрічавъ сына свого Тимофія, якъ козакы везли єго зъ Молдавії, покритого червонюю кытайкою, и що тутъ запорожци выризали жыдивъ. Зъ тіі годыни никто въ ій не живъ: усе ничью ходять мертві жыды... Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назаръ. Тоби твоя нянька Богъ зна чого наговорила.

Галля. Вона божилась, що правда. Не ходы,лучче останься зо мною, або ходимъ обое. Мени важко и на минуточку розрізнятися зъ тобою.

Назаръ. Я не пиду... Ты не змерзла?

Галля. Ни, твоя шапка така тепла. (*Снимаетъ шапку съ ногъ и целуетъ*). О, моя мыла шапка! Надинъ іи, и ты замерзъ.

Назаръ. Надинъ ты. Я подивлюсь на тебе, яка ты въ козацькій шацци. (*Она надіваетъ шапку. Назаръ любуется*). Чудо!.. Чорни усы, шаблю

дамаську, пистоль за поясъ—и козакъ хочъ куды.
(Цыпаетъ ее). Козаче мій чорнобривый!

ГАЛЯ (надѣваетъ ему шапку). Оттакъ краще!
Постій, я прышилю стёнжку. Знаепіть, якъ на ве-
силли бува у молодого?

НАЗАРЪ. Се ты ще й завтра зробишъ...

ГАЛЯ. Охъ стривай! я й забула. Адже я такы
взяла зъ собою и хустку, що для тебе вышивала.
(Вынимаетъ изъ-за пазухи блійшій, шитий краснымъ
шелкомъ, платокъ и подає Назару). Що, хоро-
ший? Я сама вышивала и гроши на іповікъ сама
заробляла.

НАЗАРЪ. Спасыби серце мое!

ГАЛЯ. Чи не заспивать оце писню про ху-
сточку, що я въ Чыгрыни у дядыны чула?

НАЗАРЪ. Колы весела, заспивай.

ГАЛЯ. Ни, не весела, та мепи сидить уже
остыло. Слухай же. (Выходитъ на край сцены).

• • • • • • • •

(Назаръ стоитъ задумавшись).

ГАЛЯ. Чого жъ ты зажурився? То не треба
було бъ и спиватъ.

НАЗАРЪ. Ничого, серце мое. Возьми свою
хустку. (Подає їй хустку). Завтра знову подару-
ешъ.

ГАЛЯ. На-що вона мени? Розирви, колы вона
тоби не люба; я другу вышлю. (Печально). Тильки
не знаю, колы. (Плаче, помочивши).

НАЗАРЪ. Не плачь, мое серце. Дывась, я
не журюся.

Г а л я. Не журышся? А чого жъ ты плакавъ?
Ты щось знаешъ, та не хочешь сказать. Скажи
жъ, мій голубе, мій орле сизокрылый, скажи, мое
серце!

Н А З А Р Ъ. Знаю, знаю, моя голубко, що я най-
ща слывійшій на свити.

Г а л я. Ба я щасливійша за тебе. Николы жъ
не буду спивати за хустку; цуръ ій!

Н А З А Р Ъ. Я тебе вывчу другу, веселу-веселу
та хорошу.

(Дивляться одно на другого и шлюются.
Хома и Стеха крадутъся изъ-за шкапы).

Х о м а. Сюды! ось-де воны! сюды!

Г а л я. Батько!.. Пропала я!

С т е х а (пробигае коло ихъ). Полковиця! пол-
ковиця!

(Назаръ мовчики бере ливою рукою Галю, а
правою вѣймає шаблю Хома торопко веде на єго
челядь. Стеха ховаетъся).

Х о м а (сказеніе). Цилуйтесь, цилуйтесь, голубята! (До челяди). Кыямъ ёго, собаку! Чого жъ
сталы? Берить, реить ёго!

(Челядь торопіе).

Н А З А Р Ъ. Хто хоче въ домовину, выступай
на мене. (До Хомы). Ты чого хочешь?

Х о м а. Смерти твоей, злодію!

Н А З А Р Ъ. На-що жъ ты собакамъ цъкуешъ?
возьмы самъ, колы хочешь.

Х о м а. Я руку наскудить не хочу. Берить
ёго! О, песъ поганый! я розирву тебе!

(Быть на шабляхъ).

Г а л я (пада миэсь нымы на колина). Тату, тату! убый, убый мене! вынина я; прогнивала тебе.. Убый же мене, та не беры зъ собою!

Х о м а Цыть, кошения крадене!

Н а з а р ъ. (Хоми). Цыть, сатаю лята!

Х о м а. Дочку отдай!

Г а л я Не отдавай, не отдавай! я утоплюся!

Х о м а. Топысь, гадыно, покы не ростонтавъ я тебе!

Г а л я. Топчи, душы мене: я твоя дытына!

Х о м а (дс челяди). Берить ёго! Я васъ перевишаю! я васъ золотомъ окую.

(Челядь порывается на Назара).

Г а л я. Одурить! одурить!

Х о м а. Не одурю! Не скавучы, зинське щеня.

(Напада на Галю. Назаръ заступа ѹ. Челядь напада на Назара зъ - заду и крутыть ему руки).

Х о м а. Ха-ха-ха! вовче, вовче! чому жъ ты не рвешъ насъ?

Н а з а р ъ. Цыть, жабо погана!

Г а л я (передъ Хомою на колинахъ). Тату, тату, кате мій! я розирву тебе,—я день и ничъ пла-катымусь на тебе! Танцовать, плакать буду! Чого забажаете, все робытыму — не вбывай ёго! Я за полковника иду...

Н а з а р ъ. Галю!

Г а л я. Ни, ни... (Зомила падае).

Хома (*до челяди*). Чого жъ вы дывытесь?
Нехай зыха, собака, а вы тымъ часомъ шкуру
знимить.

(*Челядышецъ замахнуясь килемъ на Назара*).

Хома. Стравай! мы не татары. За ёго
убывать? Чи есть у кого вирёвки, поясъ або на
лыгачъ,—що-небудь, скрутить ёму руки й ногы?

(*Челядь крутыть поясамы Назара*).

Стеха (*падае коло Гали замилоги*). Охъ, моя
пташечко, моя лебедочки! Чи я жъ знала, що такъ
станеться? Прокынься, моя зозулечко, моя ласти-
вочко!

Хома. Оттакъ добре! Теперъ завъяжить ёму
ротъ. Отъ доладу; у ёго, здається, іще й хустка у
руци. Чи не весильна? Добре, здалась такы на що-
небудь.

(*Завъязують хусткою ротъ*):

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хотъ
и лютый, та, може, выдержыть. А вже, якъ вовча
тичка нападе.. а вовки здалека пожыву чують...
отъ буде снідання, начисто гетьманське! Теперъ
положить ёго на билу перыну—нехай проспиться
та иодума, зъ кымъ жартує.

(*Челядь кладе Назара на снігъ*).

Хома (*на Галю*). А ця учадила... Возьмить
її до-дому... прочумается.

(*Челядь бере Галю на руки несе зъ собою*).

Стеха (*бере Хому за руку и зеде ёго за Га-
лю*). А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Хома. Спасыби, спасыби. (*До Назара*). Оста-
вайся здоровъ, прыятелю! не згадай лыхомъ. Не-
хай тобы прыснятися рушники.

(Хома зъ Стежою шепчутися и пропадаютъ.
Назаръ тихо стоне. Незабаромъ чуты за сценою
гоминз.)

Голосъ Хомы (здалека). Кыньте іи! въля-
жить ёго!

Гнатъ (за сценою). Я тебе звяжу, недовир-
ку проклятый!

(Незабаромъ выбегает Галля и кидается до
Назара).

Галля. Орле мій! серце мое! (Развязуе хустку).

Назарь. Душно мени, душно!

Гнатъ (веде за руки Хому). Останній разъ
говорю: оддасы Галлю за Назара, чи ни?

Хома. Ни!

Гнатъ. Зыхай же собака скажена! (Зами-
рьвесь шаблею).

Хома. Страйвай. Ты знаешь нашъ законъ ко-
зацкій, то...

Гнатъ. Що мене жывого поховають зъ тво-
итъ надломъ? Знаю. (До челяди). Копайте яму.
(Цільти пистолемъ).

Хома. Въяжть ёго!

(Тымъ часомъ Галля развязуе руки у Назара).

Назарь. О, доле моей! серце мое!

Гнатъ. Копайте яму! (До Хомы, прычыгив-
шиесь). Лукавый человиче, за що безъ сповиди ты
себе губишъ и мене зъ собою? Процайдися зъ би-
лымъ свитомъ, молись Богу. (До Назара). Назаре,
брате мій, друже мій! поховай мене! Прощай! а
мы...

Назарь. Страйвай!

Галля (До Гната). Страйвай!

НАЗАРЬ. Пусты ёго, не вартъ винъ того. Не напасты души своеи. (*До Хомы*). Иды, лукавый чоловиче, иды, куды знаешьъ. Не помигъ тобы Богъ занапастыть мене; а я чужои кровы не бажаю. Иды соби!

ХОМА (*пада передо Назаромъ*). Назаре! сыну! батьку ридный! зарижъ мене, замучъ мене, на коняхъ розирвы, та не прощай! (*Падае до нихъ и плаче*). О, лукавый, лукавый! о, я гришный, проклятый!.. Дочко, доле моя! сердце мое! просы ёго, нехай убье, нехай я свита не паскужу! (*Знову плаче*). Боже мій, Боже мій!

НАЗАРЬ (*подводыть ёго*). Устань, молись Богу, гришный. Колы прощають люде, то Богъ мылостивійший за нась.

ХОМА (*вставши утырае слёзы*). О, слёзы слёзы! Чомъ вы перве не лылышся? Назаре, я чернець... спокутую въ ряси мои беззаконія! Беры мое добро, беры мою Галю, беры все мое! Галю! Назаре! обнимитъся, поцелуйтесь, диточки мои. Я хочъ гришный, а все такы батько. (*Назаръ и Галя обнимаются*). Боже васъ благословы!

Объявленія.

Отъ Книжного Магазина Ф. А. Йогансона:

КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ I. Драматическія сочиненія: Шельменко, волостный пысарь.—Шельменко денъщикъ.—Сватання на Гончаривци.—Щыра любовь. К. 1894. Ц. 35 коп.

ТОМЪ II. Малороссійскія повѣсти: Солдатскій патретъ.—Маруся.—Мертвецький велык-день.—Добре робы, добре и буде.—Конотопська видьма.—Отъ тоби скарбъ.—Козырь дивка.—Сердешна Оксана.—Пархимове сиданья.—На пущаныя якъ завъязано.—Перекотыноле.—Пидбрехачъ—Божи диты.—Щыра любовь. Листы до любезныхъ земляківъ.—К. 1894. 584 стр. Ц. 75 к.

В. НАУМЕНКО.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ

Григорія Ведоровича Квитки-Основьяненко

1. Біографіческий очеркъ. 2. Квитка, какъ малорусскій писатель, предъ судомъ критики. Съ портретомъ Г. Ф. Квитки. К. 1893. 40 к.

ЖИТЕЦКІЙ П.

МЫСЛИ НАРОДНЫХЪ МАЛОРОУССКИХЪ
ДУМАХЪ.

Кievъ. 1893. Ц. 2 руб.

Содержаніе 1. Стой рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ. П. Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. III. Старинныя малорусскія вирши; 1) Вирши нраво-

учительного содержанія. 2) Вирши правоописательного содержанія
3) Вирши исторического содержанія, IV. Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. V. Творцы и пѣвцы думъ. VI. Старинная запись народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ вариантовъ къ нимъ

КУХАРЕНКО Я.

(Наказный атаманъ земли войска черноморскаго).

ЗБИРНЫКЪ ТВОРИВЪ

1) Черноморскій побытъ на Кубани міжъ 1794 и 1796 роками. Драма въ 3-хъ діяхъ. 2) Пластуни. Черноморське оповидання. 3) Вороний кинь—Оловиданъ 4) Чабаны и вивци въ Чорноморії. Оповидання. 5) Чабанський словаръ. Додатокъ споминокъ про ясырь и смерть генераль маюра Якова Герасимовича Кухаренка П. Бариленко. К. 1878. ц. 75 к.

Требованія г. г. иногороднихъ исполняются въ день ихъ получения, а также для удобства выписывающихъ высылаются съ наложеннымъ платежемъ на сумму не менѣе одного руб. Мелочь можно высылать почтовыми марками.

Книгопрадавецъ Ф. А. ЮГАНСОНЪ.

Каталогъ книжъ продающихся по уменьшенному цѣнамъ высылается бесплатно.

Отъ Книжного и Музыкального Магазина Б. Корейзо:

МУЗЫКА ДО КОВЗАРЯ

Т. ШЕВЧЕНКА

Співи про жночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гургови
(дуеты. тріо, квартеты, хоры)

СКЛАВЪ

М. ЛИСЕНКО.

СЕРІЯ ПЕРША.

1. Ой, одна я, одна якъ быльницка въ полі (про soprano) — 30
2. Туманъ, туманъ долиною (про sopr.) — 30

3. На городи коло броду (про сопрана)	— 30
4. Садокъ вышневый коло хаты (про сопрана або тенора)	— 30
5. Ой, чого ты почорнило, зеленое поле (про баритона)	— 30
6. Нашо мени чорни брови (сопр. або тен.)	— 40
7. Ой люди, люди (про сопрана)	— 30
8. Якъ бы мени, маме, намисто (сопр.)	— 40
9. Надъ Дніпровою сагою (про контратанто)	— 50
10. Сонце заходить (тріо, про 2 сопр. та тен.)	— 80
11. Побудилася я (про мец.-сопр. або альт.)	— 20
12. Закувала зозуленка	— 20
13. Утоптала стежечку	— 30

(№ 1—13 въ ідному зишту 2 руб.)

СЕРІЯ ДРУГА.

14. И обгата я, и вродлива я, (про к.-альт.)	— 30
15. Мынаютъ дни (про баритона)	— 40
16. Огни горять (про тенора)	— 20
17. тежъ (про баритона)	— 20
18. „Ой Дніпре мій, Дніпре“: Світъ Яремы зъ Гайдамаківъ (про баритона).	— 30
19. „Гетьманы, гетъманы“...Свято въ Чегріні, зъ Гайдамаківъ (про баритона).	— 30
20. Не женыся на богатій. Думка (бар.).	— 20
21. Зацвila въ долині червона калына. Дуетъ (про сопрана та тенора)	— 50
22. Не тополю высокую (про сопрана)	— 20
23. За сонцемъ хмаронька пам'є. (Квартетъ, сопрано, альтъ, теноръ и басъ)	— 60
24. Ой по гори роменъ цвіте (теноръ)	— 30
25. Якъ бы мени черевыки	— 30
26. Бьють пороги. Кантата про єдиноки голосы чоловичи, мишаний гуртъ въ проводомъ оркестра фортеціи. укладъ (Klavierauszug) автора	1 30

(14—26 въ ідному зишту 2 р.)

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ.

27. Реве та егогне Дніпра широкий (В)	— 30
28. И широкую долину, дуетъ (С. Т.)	— 30

29. Ой крикнули сири гуси	30
30. У гедилю воступ рано	— 50
31. Мы засыгали, розайшись. Дуэтъ Б. и С.	— —
32а. Се умеръ старый батько. Е. Альто	— —
32б. " Сопр.	— —
33. Тя не дай Господи никому. Бар. и Басъ	— —
34. Материнъ жаль М. С.	— —
35. У тієї Катерини хата на помости. Бар.	— —
36. По дуброви витеръ вие (Сопр. або теноръ)	— 26
37. Ой я своего чоловика въ дорогу послала.	— 30
38. Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ про 2 сопр.	— 30
39а. Бувае иноди старий. (Бар.)	— 30
39б. Бувае иноди старый. (Тен.)	— 30

СЕРИЯ ЧЕТВЕРТА.

40а. Доля. Ты не лукавыла зо мною. (про Тен.)	— 36
40б. " " " " (про барит.)	— 30
40в. " " " " (про баса)	— 30
41. Рослы у купоцци. Дуэтъ (про С. Т.)	— 30

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

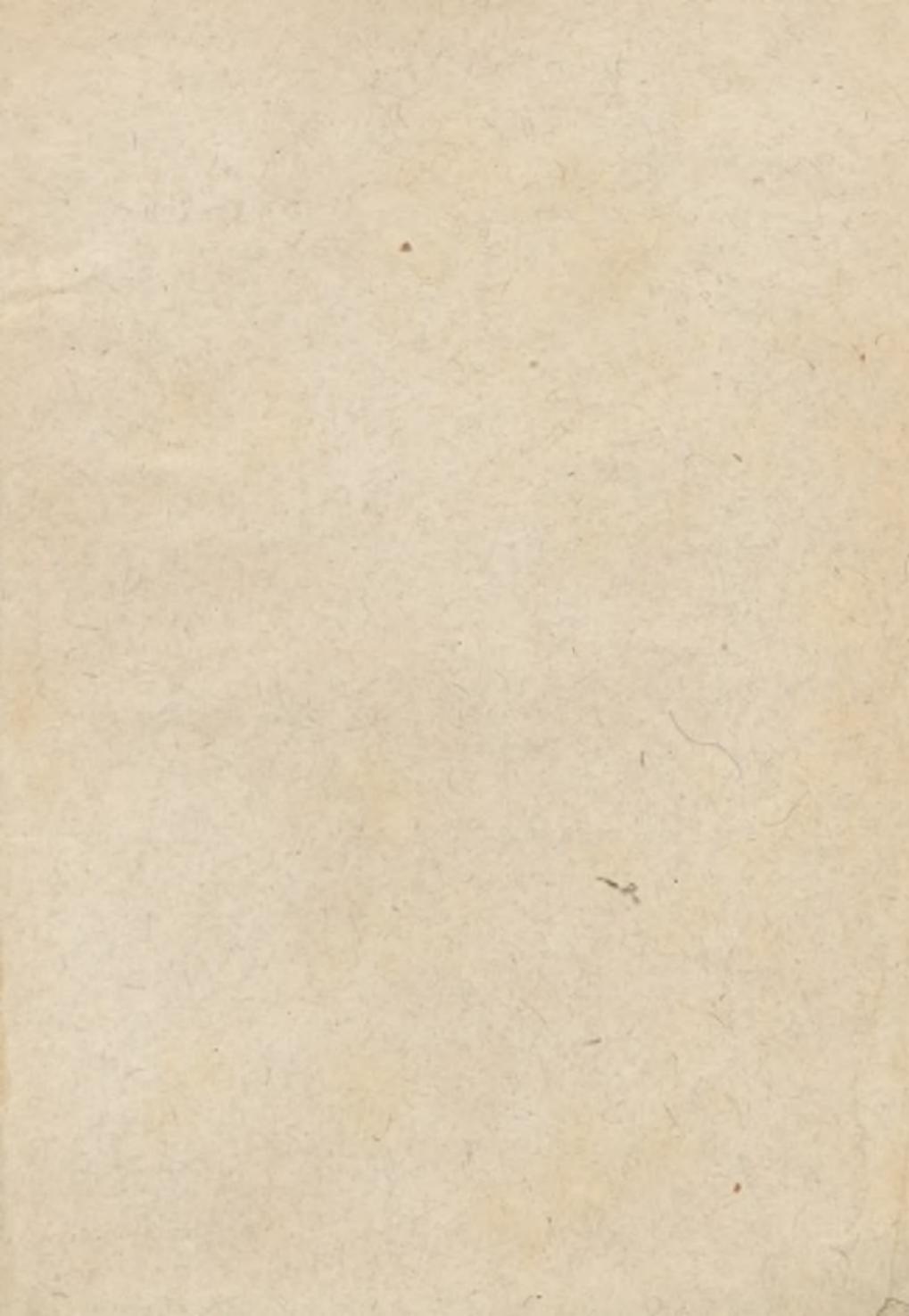
въ КНИЖНЫХЪ и МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО

въ Кіевѣ и Одессѣ

Въ этихъ же магазинахъ продаются всѣ музыкальные сочиненія М. ЛІСЕНКА для фортепіано въ 2 и 4 руки, всѣ сборники малороссійскихъ народныхъ пѣсень съ аккомпанементомъ фортепіано, всѣ сборники малороссійскихъ пѣсень для хора, Опера „Риздвяна Ничъ“, Оперетты: Коза дерега, Наталка Полтавка, Чорноморци и др. Подробный Каталогъ по требованію высылается бесплатно.

936

65 -

WYZSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

90901

Biblioteka WSP Kielce

0167456